

П7914

Федеральное агентство по образованию

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования

ТРУДЫ
ИНСТИТУТА ЯЗЫКА, ИСТОРИИ
И ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ
КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО НАРОДА

ВЫПУСК III

Пермь 2006

П7914

895182

Труды ин-та языка,
истории и традиц

культуры коми-
пермяцкого народа

Вып 3, т 1

метика

'895182

Периодика

П7914

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Пермский государственный педагогический университет»

**ТРУДЫ ИНСТИТУТА
ЯЗЫКА, ИСТОРИИ И ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ
КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО НАРОДА**

Выпуск 3

А. С. Кривошекова - Гантман

**СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В 2 ТОМАХ**

Том 1

**ГРАММАТИКА
ДИАЛЕКТОЛОГИЯ
ЛЕКСИКА И ФРАЗЕОЛОГИЯ
ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКА**

Пермь 2006

ОБРАЗОВАННЁ СЪОРТИ АГЕНТСТВО
Высшй профессиональной образованнёлөн
государственной образовательной учрежденнё

«Перемись государственной педагогической университет»

**КОМИ-ПЕРМЯЦКОЙ ОТИРЛӨН
КЫВ, ИСТОРИЯ ДА ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРА
СЪОРТИ ИНСТИТУТЛӨН УДЖЖЕЗ**

Куимөт лэдзөм

А. С. Кривошекова - Гантман

**ӨКТӨМ ГИЖӨТТЭЗ
КЫК ТОРӨН**

Одза тор
ГРАММАТИКА
ДИАЛЕКТОЛОГИЯ
ЛЕКСИКА ДА ФРАЗЕОЛОГИЯ
КЫВЛӨН ЗОРАЛӨМ

Перем 2006

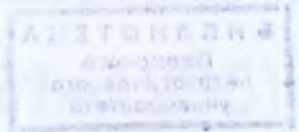
1977

УДК 62-50
62-50.01
62-50.01.01

Всё, что написано в этом документе, является собственностью
Исследовательского центра «А» и не должно быть распространено
за пределами организации без разрешения руководства.

**85-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
АНТОНИНЫ СЕМЁНОВНЫ
КРИВОЩЁКОВОЙ-ГАНТМАН
ПОСВЯЩАЕТСЯ**

Антонина Семёновна

П7914

УДК 809. 453. 1
ББК Ш 166. 42
Т 782

Т782 Труды института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа / Ред. кол. серии: А. С. Лобанова (отв. ред.), А. М. Белавин и др. Выпуск 3. Кривошекова-Гантман, А. С. Собрание сочинений в 2 томах. Т. 1. Грамматика, диалектология, лексика и фразеология, проблемы развития языка / А. С. Кривошекова-Гантман; Перм. гос. пед. ун-т. – Пермь, 2006. — 246 с.

ISBN 5-85218-289-3

Третий выпуск трудов Института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа представляет собой первый том юбилейного собрания сочинений классика коми-пермяцкого языкознания А. С. Кривошековой-Гантман (1921-1995). В том включены работы автора в области грамматики, диалектологии, лексики и фразеологии, а также по вопросам развития языка.

Издание адресовано студентам филологических специальностей, преподавателям родного языка и литературы в учебных заведениях КПО, пермякам, а также всем тем, кто интересуется коми-пермяцким языком.

**УДК 809. 453. 1
ББК Ш 166. 42**

Редакционная коллегия серии:

д-р филол. наук, профессор М. П. Абашева, д-р ист. наук, проф. А. М. Белавин (отв. за выпуск), канд. филол. наук, доцент А. С. Лобанова (отв. редактор), канд. филол. наук, ст. препод. Л. Г. Пономарева, канд. филол. наук, доцент О. А. Попова

Автор идеи проекта и ответственный редактор:

кандидат филологических наук, директор Института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа, доцент кафедры методики преподавания русского языка и литературы Пермского государственного педагогического университета *А. С. Лобанова*

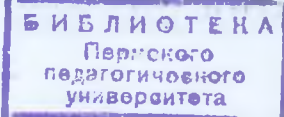
Составитель: *Оньё Лав*

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Пермского государственного педагогического университета

К 85-летию со дня рождения Антонины Семёновны Кривошековой-Гантман

Издание осуществлено при финансовой поддержке департамента политики администрации Пермской области в рамках Областной целевой программы развития и гармонизации национальных отношений народов Пермской области на 2004-2008 гг.

ISBN 5-85218-289-3

© Кривошекова-Гантман А. С., 2006
© ГОУ ВПО «Пермский государственный педагогический университет», 2006

СОДЕРЖАНИЕ

**Антонина Семёновна
Кривощёкова-Гантман
(1921–1995)**

СОДЕРЖАНИЕ

Вспоминая Гантман (А. С. Лобанова)	8
Предисловие к первому тому	10

ГРАММАТИКА

К вопросу о сопоставительных послелогох и прилагательных на -а в коми языках	12
К вопросу о категории имён прилагательных в коми-пермяцком языке	17
К вопросу о категории имён числительных в коми-пермяцком языке	31
Изобразительные слова	39
К вопросу о парных словах в коми-пермяцком языке	57
Порядок слов в коми-пермяцком языке	64
Порядок слов коми-пермяцкого языка в сравнении с удмуртским	82
О некоторых закономерностях развития грамматического строя	89
Развитие синтаксиса сложного предложения коми-пермяцкого языка	102
Краткий грамматический очерк коми-пермяцкого языка	111

ДИАЛЕКТОЛОГИЯ

Словарный состав и словоизменение иньвенского диалекта коми-пермяцкого языка	145
О некоторых особенностях иньвенского диалекта коми-пермяцкого языка	155
О переходе л в в и чередовании в с нулем звука в иньвенском диалекте коми-пермяцкого языка	167
Коми-пермяцкий язык и его диалекты	178

ЛЕКСИКА И ФРАЗЕОЛОГИЯ

Фразеология	188
Художественной прозаын фразеология ипользуйтӧм йылысь	206
Взаимодействие коми-пермяцких и русских говоров Верхнего Прикамья в сфере фразеологии	211
Коми-пермяцкие заимствования в русских говорах Верхнего Прикамья	215

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКА

Возрождённый Октябрьем язык	225
Коми-пермяцкое языкознание за 50 лет	231
Некоторые вопросы развития коми-пермяцкого языка	240

ВСПОМИНАЯ ГАНТМАН

В моей памяти оживают события осени 1983 года. Антонина Семёновна Кривощёкова-Гантман в строгом деловом костюме, с большим портфелем входит в нашу аудиторию. Мы, студенты-первокурсники, внимательно наблюдаем за педагогом, стараемся угадать, какая она, наша именитая землячка. Довольно сухо поздоровалась, не улыбулась – значит строгая, за столом сидит прямо, никаких лишних предметов – значит аккуратная и требовательная. Как ни странно, но эти качества Антонины Семёновны нам нравились, и во время своих первых опытов общения с учащимися мы старались себя вести так, как она...

Путь в науку и творческая судьба у разных учёных складываются по-разному. Один фактор, однако, в академической среде всегда остаётся неизменным: человек не может случайно стать учёным — для этого как минимум нужны природный талант и тяга к познанию, стремление к открытию нового. В дальнейшем, конечно же, требуются и условия для реализации этих качеств. И прежде всего — время, необходимое для достижения должного результата. А ещё очень важно — воспитать достойных учеников, чтобы было, кому продолжить начатое тобою дело.

Антонине Семеновне Кривощёковой-Гантман судьба дала и то, и другое, и третье.

Она родилась 17 августа 1921 г. в деревне Вижелово (ныне Виджöv) Юсьвинского района Коми-Пермяцкого округа в крестьянской семье. В 1935 г. Антонина поступает в Кудымкарское педагогическое училище, после окончания которого год работает в детском саду воспитателем. Однако молодой педагог не желает останавливаться на достигнутом и решает продолжить учебу...

Как деревенская девушка узнала о существовании финно-угорского отделения в Ленинградском университете, кто посоветовал поступать именно в этот, очень далёкий вуз? Ведь в то время даже до ближайшей железнодорожной станции нужно было добираться не менее полутора суток. Почему Антонина Семёновна не остановила свой выбор на высших учебных заведениях Перми и Сыктывкара? Вряд ли кто сегодня сможет ответить на эти вопросы. Так или иначе, в 1939 г. будущая основательница коми-пермячко-русского отделения ПГПИ зачислена студенткой финно-угорского отделения восточного факультета Ленинградского университета. Её научным руководителем и вдохновителем становится известнейший в то время финно-угровед, специалист по пермским языкам, Дмитрий Владимирович Бубрих.

Еще будучи студенткой, ранней зимой 1947 г., молодая исследовательница принимает участие в первой всесоюзной конференции по финно-угорской филологии, где читает свой первый научный доклад на тему «Послелого в коми-пермяцком языке». На основе доклада ею была подготовлена и первая научная публикация — «К вопросу о сопоставительных послелогох и прилагательных на -а в коми языке», которая увидела свет в 1948 г.

После получения вузовского диплома Антонина Семеновна (уже Гантман-Кривощёкова) занимается в аспирантуре при кафедре финно-угорских языков ЛГУ, собирает полевой материал и изучает словарный состав иньвенского диалекта коми-пермяцкого языка. В 1950 г., по окончании аспирантуры, она со своей семьей

возвращается в Кудымкар, где начинает работать методистом в Окружном институте усовершенствования учителей, а с 1951 г. преподаёт в Кудымкарском учительском институте, заведует кафедрой русского и родного языков.

31 марта 1952 г. А. С. Кривощёкова-Гантман успешно защищает диссертацию на тему «Словарный состав и словоизменение ильвенского диалекта коми-пермяцкого языка». Так Антонина Семеновна первой из коми-пермяков становится кандидатом филологических наук.

Впоследствии ей не раз приходилось быть первой...

1955 г. вошел в историю коми-пермяцкого образования как год основания национального отделения на базе Молотовского государственного педагогического института (ныне Пермский государственный педагогический университет). Именно А. С. Кривощёковой-Гантман пришлось решать вопросы образования этого отделения, призванного готовить учителей коми-пермяцкого языка и литературы с полным высшим образованием. Ей первой довелось разрабатывать вузовские учебные программы, курсы лекций и т. д.

С коми-пермяцким отделением судьба и свяжет Антонину Семеновну — более тридцати лет отдаст она своим студентам, любимой ономастике, изучению коми-пермяцких диалектов...

Да разве можно перечислить все те вопросы, которыми ей пришлось заниматься за эти годы? Ежегодные диалектологические и фольклорные экспедиции, участия в разного уровня конференциях, работа над школьными учебниками, членство в окружной термино-орфографической комиссии и географическом обществе при Пермском государственном университете... Уже всё это, надо полагать, требовало огромной отдачи сил и энергии. Но ведь была еще и исследовательская работа!

Принято считать, что ученые-преподаватели научными разработками занимаются значительно меньше, чем их коллеги – работники НИИ. Это вполне понятно и объяснимо, поскольку у вузовского работника подготовка к лекциям и семинарам, проведение коллоквиумов и практических занятий занимают большую часть времени.

Антонина Семеновна, однако, не желала подчиняться этому положению вещей и свою преподавательскую деятельность неизменно совмещала с большой наукой, чем искренне удивляла и восхищала коллег. Во втором томе нашего сборника приведен список научных статей и разработок А. С. Кривощёковой-Гантман, показывающий ее неограниченный, огромный вклад в развитие коми-пермяцкого языкознания.

Можно по праву сказать, что науке о языке А. С. Кривощёкова-Гантман посвятила всю свою сознательную жизнь. Скончалась Антонина Семёновна в Перми 31 мая 1995 года.

Память о ней мы храним в наших сердцах, о чем свидетельствует эта книга.

Доцент ПГПУ, канд. филол. наук
Алевтина Лобанова

ПРЕДИСЛОВИЕ **К ПЕРВОМУ ТОМУ**

А. С. Кривощёкова-Гантман оставила довольно крупное научное наследие. Несмотря на то, что личный архив Антонины Семёновны пропал бесследно вскоре после её кончины, нам известно около сотни печатных трудов автора, посвящённых самым различным отраслям языкознания.

Наиболее значительных успехов исследовательница достигла в сфере ономастики (главный объект её интересов в последние тридцать лет научной карьеры). В то же время, прочие труды А. С. Гантман — по грамматике и диалектологии, лексике и фразеологии, проблемам развития языка и литературоведению — в общем и целом занимают ничуть не меньшее место. Именно это и побудило нас разделить Собрание сочинений учёного на две части: ономастике будет посвящён второй том, первый — включает всё остальное.

К сожалению, значительно урезанные финансовые средства не позволили сделать печатное издание Собрания сочинений А. С. Кривощёковой-Гантман полным, как то вначале предполагалось. В известной мере этот недостаток призвана компенсировать электронная версия Собрания, «почти» в полном объёме включающая научные публикации автора и выпускаемая одновременно с настоящим двухтомником.

Несколько слов о принципах данного издания.

Первый том включает четыре раздела, каждый из которых посвящён соответствующей сфере языкознания, что отражает широкий диапазон авторских интересов. Следует сразу же заметить, что сюда не вошли публикации, содержание которых практически полностью изложено в других помещаемых здесь трудах (исключены, главным образом, тезисы к конференциям). Кроме того, за пределами тома остались учебники, а также (увы!) литературоведческие статьи, написанные на коми-пермяцком языке. Ряд работ публикуется по настоянию заказчика — коми-русского отделения ПГПУ.

Второй том содержит труды автора в области ономастики, а также полный список печатных работ А. С. Кривощёковой-Гантман, составленный кандидатом филологических наук Ольгой Петровной Аксёновой (г. Кудымкар).

Тексты А. С. Кривощёковой-Гантман даются без сокращений (за исключением случайных повторов), орфографические ошибки (явные описки, опечатки) исправлены, притом, что во всех спорных случаях оставлено написание автора.

Поскольку исследовательница в своих работах неоднократно жалеет об отсутствии в типографиях шрифтов для адекватной передачи примеров из других языков, при переиздании подобные моменты корректируются в пользу оригинального написания (либо в орфографии соответствующего языка, либо в научной транскрипции, применявшейся во времена А. С. Гантман; критерием в спорных случаях служил КЭСК).

В связи с тем, что оформление примеров в многочисленных публикациях А. С. Кривощёковой-Гантман основано на разных принципах (либо отсутствует вовсе),

в данном издании решено повсюду стандартизировать выделение примеров курсивным начертанием, а переводы их давать единообразно в одинарных кавычках.

Сноски (которые в первых публикациях были также весьма различны как по типу, так и по оформлению) повсюду приведены к подстрочной форме со сквозной нумерацией в каждой работе.

Оформление ссылок приближено (в разумных пределах) к современным требованиям. Точность цитирования и самих ссылок специально не проверялась, однако, в случае обнаружения неточностей в цитатах делались соответствующие примечания, а замеченные ошибки в ссылках исправлялись.

Все публикуемые работы снабжены указанием на источник, с тем, чтобы в случае сомнения в правильности отдельных мест (возможных новых опечаток), читатель мог свериться непосредственно по тексту оригинала.

* * *

Выход в свет Собрания сочинений А. С. Кривошековой-Гантман был бы попросту невозможен без помощи тех, кто отозвался на нашу просьбу и так или иначе способствовал созданию этой книги.

Среди лиц, оказавших нам содействие:

ст. преподаватель **БОЙКО Валентина Николаевна** (ПГПУ, Пермь),
студ. V к. **ДРОВНЯШИНА Альбина Николаевна** (ПГПУ, Пермь),
студ. V к. **ЕФРЕМОВА Надежда Владимировна** (ПГПУ, Пермь),
д-р филол. наук, проф. **ИВАНОВ Иван Григорьевич** (МарГУ, Йошкар-Ола),
преподаватель **ИПАКОВА Марина Тимерьяновна** (МарГУ, Йошкар-Ола),
канд. филол. наук **Светлана Юрьевна КОРОЛЁВА** (ПГУ, Пермь),
magister artium **KUZNETSOV Ladi Mikol** (Tartu ülikool, Eesti),
ст. лаборант **Иркэ Сергеевна МОЗЖУХИНА** (ПГПУ, Пермь),
канд. филол. наук **МУСАНОВ Алексей Геннадьевич** (КНЦ, Сыктывкар),
студ. V к. **МУТОВКИНА Людмила Егоровна** (ПГПУ, Пермь),
д-р филол. наук, проф. **Елена Николаевна ПОЛЯКОВА** (ПГУ, Пермь),
канд. филол. наук **ПОНОМАРЁВА Лариса Геннадьевна** (ПГПУ, Пермь),
студ. V к. **УТРОБИНА Нина Павловна** (ПГПУ, Пермь),
канд. филол. наук **ФЕДЮНЁВА Галина Валерьяновна** (КНЦ, Сыктывкар)

и многие другие.

Быдöиштлö, донá ёрттэз, съдöлмсянь висьталам **ыджыт и ыджыт аттьö!**
Выражаем всем Вам, уважаемые коллеги, нашу **искреннюю признательность!**

Работа по составлению данного сборника проходила в весьма сжатые сроки (чуть более двух месяцев) и велась практически при отсутствии коллективного обсуждения, а также без возможности трехкратного корректирования текста. В связи с этим заранее приносим извинения за возможные недостатки издания. Надеемся, что эти недоработки не будут чересчур раздражать читателя и не явятся серьезной помехой при ознакомлении с наследием выдающейся представительницы коми-пермяцкого языкознания, каковой по праву считается Антонина Семёновна Кривошекова-Гантман.

Ö. Л.

ГРАММАТИКА

К ВОПРОСУ О СОПОСТАВИТЕЛЬНЫХ ПОСЛЕЛОГАХ И ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ НА -А В КОМИ ЯЗЫКАХ *¹

В статье «Послелого в коми языке», напечатанной в Бюллетене ЛГУ, 1946, № 7, Д. В. Бубрих указал, что в некоторых финно-угорских языках грамматические функции послелогов гораздо шире, чем грамматические функции, например, русских предлогов, и что по широте функций послелогов особенно выделяется коми язык. Подробнее об этом Д. В. Бубрих сообщает в более обширной одноименной статье, выходящей в юбилейном востоковедном сборнике ЛГУ.

Особенно характерно для коми языка, что, кроме послелогов, «закругляющих» существительное в позиции обстоятельства и дополнения, в коми языке есть и послелогов, «закругляющие» существительное в позиции определения, равно как послелогов, «закругляющие» существительное в независимой позиции. Приходится считаться не только со случаями типа *пызан вылын вöвны* 'на столе быть', но и со случаями типа *пызан вывса лампа* 'настольная лампа', ближе — 'на столыная лампа', равно как со случаями типа *пызан выв* 'настолье' (т. е. 'поверхность стола'), ближе — 'на столые'. Если в случаях типа *пызан вылын вöвны* 'на столе быть' функция послелога синтаксическая (послелог используется для показа синтаксической службы существительного и в этом смысле эквивалентен падежному окончанию, является, так сказать, автономным падежным окончанием), то в случаях типа *пызан вывса лампа* 'на столыная лампа', равно как в случаях типа *пызан выв* 'на столые', функция послелога уже лексическая (послелог используется для разработки лексического содержания существительного и в этом смысле оказывается эквивалентным словообразующему суффиксу, является, так сказать, автономным словообразующим суффиксом). Поэтому, если послелогов первого типа можно называть послелогов синтаксической службы, послелогов остальных типов следует называть послелогов лексической службы.

Преимущественный интерес привлекают послелогов лексической службы. В случаях типа *пызан вывса лампа* 'на столыная лампа' они создают эффект прилагательности (эквивалентны суффиксам, образующим от существительного прилагательное), тогда как в случаях типа *пызан выв* 'на столые' они не разрушают эффекта существительности (эквивалентны суффиксам, образующим от существительного новое существительное).

Мы здесь сосредоточимся на тех из послелогов лексической службы, которые создают эффект прилагательности. Как показал Д. В. Бубрих, эти послелогов в коми-зырянском языке составляют два различных подтипа.

1. Одно дело случаи вроде *пызан вывса лампа* 'на столыная лампа' или *во чöжся удж* 'в течение годовая работа'. Послелогов этого рода, выступающих при обозначении пространственных и временных отношений, очень много.

2. Другое дело случаи вроде *гöра ыджта керка* 'с горный дом' в смысле 'с гору (большой) дом'. Послелогов этого рода, выступающих при сопоставлении, в коми-зырянском языке немного: *ыджта* 'с... (большой)', *гырся* 'с... (большой, точнее — крупный)', *джуджта* 'с... (высокий)', *судта* 'с... (высокий, чаще всего о строениях)', *кузя*

* Советское финно-угроведение / отв. ред. Д. В. Бубрих. Л., 1948. (Ученые записки ЛГУ. № 105. Серия востоковедческих наук. Вып. 2). С. 250–256.

¹ Из доклада «Послелогов в коми-пермяцком языке».

К ВОПРОСУ О СОПОСТАВИТЕЛЬНЫХ ПОСЛЕЛОГАХ И ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ НА -А В КОМИ ЯЗЫКАХ

'с... (длинный)', *насьта* 'с... (широкий)', *кызта* 'с... (толстый)', *сьокта* 'с... (тяжелый)', *мында* 'с... (численный)' и некоторые другие, менее употребительные. К этим послелогам следует присоединить *кодъ* или *коддьом*, который укладывает сопоставление не в количественную плоскость, как перечисленные послелогии, а в качественную (*из кодъ морт* 'камню подобный человек').

По поводу последних из указанных послелогов, сопоставительных, нужны следующие указания.

Эти послелогии (кроме *кодъ* или *коддьом*, которые пока исторически не прослеживаются) по происхождению являются существительными – абстрактными названиями свойств. Об этом свидетельствует их формальное совпадение с такими существительными, как *ыджта* 'величина', *гырся* 'величина', точнее 'крупнота', *джуджта* 'высота', *судта* 'высота, этаж', *кузя* 'длина', *насьта* 'ширина', *кызта* 'толщина', *сьокта* 'тяжесть', *мында* 'количество'.

Такие существительные, находясь в позиции определений, имеющих свое определение, подверглись переосмыслению и стали прилагательными. Так, *гöра ыджта керка* когда-то значило 'горо-величино-дом', но с некоторых пор стало пониматься как 'горо-великий дом'. Что переосмысление произошло, обнаруживается следующим образом. Неоформленное существительное-определение, пока остается таковым, неспособно выйти из положения перед своим определяемым ни путем перенесения в позицию сказуемого, ни путем обособления, ни каким-либо третьим путем. Но если оно становится прилагательным, оно, как и всякое прилагательное, уже способно выйти из данного положения. Как раз это и случилось в рассматриваемых случаях. Стало возможно говорить не только *гöра ыджта керка* 'горо-величино-дом', 'горо-великий дом', но и *керкаыс* — *гöра ыджта* 'дом — горо-великий', *керкаыс*, *гöра ыджта*. *тыдалö ылыын* 'дом, горо-великий, виднеется вдали'.

Это был первый этап движения указанных существительных в указанной позиции. Второй этап заключается в том, что прилагательное потеряло свой лексический вес, стало служебным словом, обслуживающим предшествующее ему существительное, превратилось в автономный суффикс, оказалось послелогом лексической службы. *Гöра ыджта керка* стало пониматься уже не как 'горо-великий дом', а как 'с гору (большой) дом'. Что ослабление лексического веса произошло, обнаруживается из того, что слова вроде *ыджта* в рассматриваемом применении используются не только по отношению к чему-либо большому и т. п., но и по отношению к чему-либо малому, т. е. совершенно иначе, чем это (в коми языке до литературной обработки) было свойственно существительным вроде *ыджта*, — с забвением первоначального содержания, с сохранением от него лишь идеи сопоставления в определенном плане. Можно сказать не только *гöра ыджта керка* 'с гору (большой) дом' и т. п., но и *нöра ыджта керка* 'с нору (? большой) дом' и т. п.

В коми-пермяцком языке есть явления, резко отличающиеся от того, что мы находим в коми-зырянском языке.

Прежде всего обращает на себя внимание то, что в коми-пермяцком языке слова вроде *ыжда* (= коми-зыр. *ыджта*) и т. п. относятся только к чему-либо большому и т. п., но не к чему-либо малому и т. п.; рядом есть *поснита* и т. п., которые относятся к чему-либо малому и т. п. Нельзя сказать, например, *анькытши ыжда картовка* 'с горох большая картошка', а надо сказать *анькытши поснита картовка* 'с горох мелкая картошка'. Это определенно значит, что в коми-пермяцком языке в словах вроде *ыжда* не забыто их настоящее лексическое содержание. В коми-пермяцком языке в таких словах еще нельзя видеть послелогов. Это еще прилагательные.

Приведем еще аналогичные примеры:

Ведрa кыза труба 'с ведро толстая труба' и *сунис вöснита проволока* 'с нитку тонкая проволока'.

АНТОНИНА СЕМЁНОВНА КРИВОЩЁКОВА-ГАНТМАН

Море пасьта ыб 'с море широкое поле' и *подёна туёк векнита межа* 'с пешеходную тропинку узкая межа'.

Метр кузя зёр 'с метр длинный овес' и *вершок дженыта сю* 'с вершок короткий хлеб'.

Из съёкыта кашник 'с камень тяжелый горшок' и *ведра кокнита мешок* 'с ведро легкий мешок'.

Пу вылына столб 'с дерево высокий столб' и *сюпод важмыта турун* 'с жниво низкая трава'.

К указанному прибавим, что в коми-пермяцком языке рамки употребления сопоставительных прилагательных (в этом языке — не послелогов!) оказываются очень широкими. Сопоставление широко ведётся не только по количественным признакам, но и по конкретным качественным. При этом сопоставительные прилагательные оформляются на *-а*, чем отличаются от прилагательных, не служащих для сопоставления. Так, перед нами *из чорыта му* 'как камень жесткая земля'. Приведем ряд примеров (целыми предложениями).

Из чорыта муас нем оз позь садитны 'В твердую, как камень, землю ничего нельзя садить'.

Мыля тэ, съёлём, сы бурна горзан 'Почему ты, сердце, так сильно плачешь?' (из народной песни).

И висьтавны нельки съёкыт, мый бурна тиыгыяли 'И сказать даже трудно, насколько проголодался' (Б. Горбатов «Непокоренные». С. 116).

Одзам туйыс масись веськыта 'Передо мной дорога прямая, как свеча'.

Миян калигыс сахар чёскыта 'Наша брюква сладкая, как сахар'.

Сёртныис шедіс кушман курыта 'Репа попалась горькая, как редька'.

Сылён комнатаыс вёлі чулан дзескыта 'Его комната была тесная, как чулан'.

Ва саяс ыбыс огорейч небыта 'За рекой поле мягкое, как огород'.

Горшковик съёда тряпкасё пуктём юрвас 'Черную, как горшковик, тряпку положила на голову'.

Лым чочкома ождождёс миськала быд неделя 'Белый, как снег, пол мою каждую неделю'.

Ош вына кизнас босьтіс мешоксё 'Руками сильными, как у медведя, взял мешок'.

Сія вёв перыта оськёввезён муніс гортас 'Он быстрыми, как у лошади, шагами шел домой'.

Кёч шупыта котёртём тэно оз спасит 'Быстрый, как у зайца, бег тебя не спасет'.

Бритва лэчыта косаыс бура ытикё турнусё 'Острая, как бритва, коса хорошо косит траву'.

Вурун вапыта шёртсё оз позь каттыны тшакыляс 'Мягкую, как шерсть, нить нельзя мотать в клубок'.

Серебро югыта ваыс свиттялё ылісянь 'Светлая, как серебро, вода блестит издали'.

Колколеч гораа голосыс паськаліс ыб пасьта 'Звонкий, как колоколеч, голос разнесся по полю'.

Ва кизьёра сурнас сія потиуйтіс гёссезсё 'Жидким, как вода, пивом она угощала гостей'.

Кисель сука брагаас пуктёмась сахарной песок 'В густую, как кисель, брагу положили сахарный песок'.

Пон тиыга аппетитнас Тарас уськётчис нянь дыно 'С голодным, как у собаки, аппетитом Тарас бросился к хлебу'.

Дёра топыта шарфыс сулаліс голя вылас 'Плотный, как полотно, шарф стоял на шее'.

Синва сётёма ваас усис чунькыти 'В чистую, как слеза, воду упало кольцо'.

Гожум шоныта аррес овлёны етшаёсь 'Теплые, как лето, осени бывают немногие'.

К ВОПРОСУ О СОПОСТАВИТЕЛЬНЫХ ПОСЛЕЛОГАХ И ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ НА -А В КОМИ ЯЗЫКАХ

Йы кӧдзыта киззсӧ шонтіс би одзас ‘Холодные, как лед, руки грела перед огнем’.

Необходимо отметить, что в коми-пермяцком языке не от всякого обычного прилагательного можно с помощью суффикса *-а* образовать сопоставительное прилагательное. От относительного прилагательного сопоставительное прилагательное образовать нельзя, — если, конечно, относительный характер прилагательного не успел затемниться (ср. выше пример с *гораа* от *гора* ‘громкий’, которое по происхождению значит ‘обладающий звуком’ — от *гор* ‘звук’, но ныне функционирует именно со значением ‘громкий’). Равным образом нельзя образовать сопоставительное прилагательное от суффиксированного прилагательного, — если, конечно, суффикс является живым (ср. много прилагательных на *-ыт*, *-ит*, которые уже не трактуются как суффиксированные, равно как такие отдельные прилагательные, как *кизьӧр* ‘жидкий’, *гырись* ‘крупный, большой’, *чукыль* ‘кривой’, которые тоже как суффиксированные не трактуются).

Необходимости в том, чтобы от каждого прилагательного образовалось сопоставительное прилагательное, в коми-пермяцком языке нет. Есть другое средство для показа сопоставления — послелог *кодъ*.

Послелог *кодъ* может быть использован двояким образом. С одной стороны, можно сказать, например, *лым кодъ нянь* ‘снегу подобный хлеб’. А с другой стороны, можно сказать, как пример, *лым кодъ чочком нянь* ‘Снегу подобный белый хлеб’. А *лым кодъ чочком нянь* по значению совершенно эквивалентно *лым чочкома нянь*.

Трудно сказать, как соотносятся коми-пермяцкие случаи типа *лым чочкома нянь* ‘белый, как снег, хлеб’ (с *-а*) и коми-зырянские случаи типа *лым еджыд нянь* ‘белый, как снег, хлеб’ (без *-а*). Не исключается, что коми-зырянские случаи типа *лым еджыд нянь* (без *-а*) заменили более ранние случаи типа *лым еджыда нянь* (с *-а*). Если это так, то замена произошла в порядке вытеснения сопоставительного *еджыда* через обычное *еджыд*. Это могло произойти тем легче, что понятность всего построения не разрушилась. Считаем, однако, гораздо более вероятным, что коми-зырянские случаи типа *лым еджыд нянь* представляют собою построения с независимой историей. Эти построения отличаются примитивностью — перед нами просто цепь подчинительно связанных аморфных образований. А такие примитивные построения обычно ведут нас в глубины глоттогонии.

В заключение считаем нелишним остановиться на вопросах морфологической истории рассматриваемых нами образований на *-а* — сначала существительных – абстрактных названий свойств, потом сопоставительных прилагательных, наконец (у коми-зырян) сопоставительных послелогов лексической службы.

Существительные – абстрактные названия свойств могут иметь в качестве суффикса не только *-а*, но и *-ала*: *кузя* и *кузяла* и т. п. Следовательно, перед нами случаи с чередованием нуля и *л*.

В то же время существительные – абстрактные названия свойств имеют в качестве суффиксов *-а* или *-ала* не только в коми языках, но и в удмуртском. Следовательно, перед нами случаи, где приходится считаться с древним пермским *а*.

Как разъясняет Д. В. Бубрих (в лекциях), древнее пермское чередование нуля с *л* после относящегося к первому слогу *а* всегда отражает существование допермского чередования *т* с соответствующим звонким шелевым. Таким образом, рассматриваемый суффикс восходит к допермскому *т*-овому суффиксу.

В этой обстановке нельзя не вспомнить, что в финно-угорских языках, как это выяснено еще традиционной наукой, суффиксы существительных – абстрактных названий свойств обычно восходят к отдельным словам со значением ‘день’ или ‘год’ и т. п. Очевидно, сложение существительных – абстрактных названий свойств началось со случаев вроде ‘темный день’ > ‘темнота’ или ‘старые годы’ > ‘старость’ и т. п. Ср. прибалтийско-финские существительные – абстрактные названия свойств на *-уутэ-*

или *-утэ-*, связанные с *воотэ-* 'год' или мордовские существительные того же порядка на *-чи*, связанные с *чи* 'день' или коми-зырянские существительные того же порядка на *-лун*, связанные с *лун* 'день'.

В коми речи есть существительное, которое напрашивается для объяснения суффикса *-а*. Это коми *во* 'год', восходящее к допермскому слову с *т* после гласного, ср. прибалтийско-финское *воотэ-* 'год' и т. д. Формальных препятствий для связывания нет. Поскольку данное слово стало суффиксом, оно стало трактоваться как конечная часть более широкого слова. Его начальное *в*, оказавшись в середине более широкого слова, должно было фонетически исчезнуть. Его гласный, оказавшись в непервом слове более широкого слова, должен был подчиниться соответствующим закономерностям.

Привлечение *во* для объяснения суффикса *-а* тем более оправдывается, что соответствующее существительное (*во-отэ-*) дало начало соответствующему суффиксу (*-уутэ-*, *-утэ-*) в прибалтийско-финских языках; сходно дело обстоит и в саамских языках.

Д. В. Бубрих, соглашаясь с такой возможностью объяснения суффикса *-а*, обращает внимание на то, что в прибалтийско-финских языках существительные – абстрактные названия свойств на *-уутэ-*, *-утэ-* могут давать начало сопоставительным прилагательным совершенно так же, как коми существительные на *-а* могут давать начало сопоставительным прилагательным (и далее сопоставительным послелогам лексической службы). Дело касается, например, карельских случаев типа *йхэн-суурус коди* 'одинаково большой дом' при *суурус* (*сууруо-* из *суурутэ-*) 'величина'.

К ВОПРОСУ О КАТЕГОРИИ ИМЁН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В КОМИ-ПЕРМЯЦКОМ ЯЗЫКЕ *

I. К ИСТОРИИ ВОПРОСА

Постановка данного вопроса вызвана необходимостью рассеять путаницу в трактовке категории имён прилагательных в коми-пермяцком языке.

Вопрос об имени прилагательном является одним из самых сложных и малоисследованных в грамматике коми-пермяцкого языка.

Н. Рогов в своей работе «Опыт грамматики пермяцкого языка», вышедшей в свет в 1860 году, выделяет качественные и относительные прилагательные. Грамматическим признаком качественных прилагательных Рогов считает их возможность изменяться по степеням сравнения. В данной работе Рогов указывает и на отсутствие согласования между прилагательным и существительным: *бур морт* 'хороший человек', *бур мортлӧ* 'хорошему человеку', *бур морттэз* 'хорошие люди'. Только в том случае, если прилагательное употребляется в роли сказуемого, оно при подлежащем во множественном числе принимает формант *-ӧсь*, с помощью которого согласуется с подлежащим в числе: *морттэз бурӧсь* 'люди хорошие'.

Однако дальше этих положений Н. Рогов не пошёл.

Об именах прилагательных, как особой части речи, говорится в книге И. И. Майшева «Грамматика коми-пермяцкого языка». К сожалению, в этой книге грамматические признаки прилагательного не нашли должного отражения. Вопрос о разграничении имён прилагательных и созвучных имён существительных, являющихся определением, поставлен, но не разрешён.

Большое значение для освещения вопроса о категории прилагательных имеет труд Д. В. Бубриха «Грамматика литературного коми языка», вышедшая в 1949 году в г. Ленинграде, изд. ЛГУ. Автор этой книги расширил границы употребления имён прилагательных, обнаружил ряд новых грамматических признаков. Особо рассматриваются вопросы адъективизации имён существительных и субстантивации имён прилагательных. Выделены в особую категорию неполно выраженные имена прилагательные, субстантивные имена прилагательные. Однако Д. В. Бубрих был исследователем коми (зырянского) языка. Но известно, что за время обособленного существования коми (зырянский) и коми-пермяцкий языки выработали немало существенных различий как в словарном составе, так и в грамматическом строе языка.

В связи с этим возникает необходимость освещения вопросов, касающихся имени прилагательного в коми-пермяцком языке. Это и является задачей нашего исследования.

II. ВЗАИМООТНОШЕНИЕ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ С ИМЕНАМИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМИ

Вопрос о взаимоотношении прилагательных с существительными следует начать с установления грамматических признаков прилагательных в коми-пермяцком языке.

Семантическим признаком прилагательных является понятие качества. Часть имён прилагательных это значение выражает непосредственно своей производной основой: *кузь* 'длинный', *том* 'молодой' и др. Другая часть прилагательных передаёт качественные

* В помощь учителю. Кудымкар, 1956. С. 28–47.

значения не непосредственно, а через отношение к другому предмету, иногда через отношение к обстоятельству или действию: *киа* 'имеющий руки', *шонди́а* 'солнечный' и т. д.

Обозначая качество предмета, имена прилагательные обычно в речи употребляются с существительными, относятся к нему. Имена прилагательные обозначают качество конкретного предмета. Этим они отличаются от существительных, образованных от прилагательных. Существительные обозначают абстрактное качество, качество в отвлечении от конкретного носителя этого качества: *Миянӧс дивуйтис Волгалӧн пыдынаыс, пасьтаыс и ыждаыс* 'Нас удивила глубина, ширина и величина Волги'.

Употребляясь с существительными, прилагательные в коми-пермяцком языке с ними не согласуются, как это мы имеем в русском языке. Грамматической связью прилагательных с существительными в коми-пермяцком языке является примыкание. Коми прилагательные могут примыкать к любой падежной и числовой форме существительного:

Единственное число:

Имен. *ыджыт керку* 'большой дом'

Род. *ыджыт керкулӧн* 'у большого дома (есть)'

Прит. *ыджыт керкулис* 'у большого дома (взять)'

Дат. *ыджыт керкулӧ* 'большому дому' и т. д.

Множественное число:

Имен. *ыджыт керкуэз* 'большие дома'.

Род. *ыджыт керкуэзлӧн* 'у больших домов (есть)'

Прит. *ыджыт керкуэзлис* 'у больших домов (взять)'

Дат. *ыджыт керкуэзлӧ* 'большим домам' и т. д.

Тот или иной признак предмета может быть подчеркнут, высказан с большой силой. Грамматически это достигается перестановкой прилагательного, перенесением прилагательного из позиции перед именем существительным в позицию после существительного или постановкой между существительным и прилагательным других слов, не прилагательных. Оторванное из позиции непосредственного предшествования существительному прилагательное может входить в сферу сказуемого. Но часто такое прилагательное оказывается обособленным или необособленным определением. Примеры: *Ой, ти, ыббез колхознойӧсь миян, кызд тиян дын ветлӧттӧн он сьыв* 'Ой, вы, поля колхозные наши, как, прохаживаясь около вас, не петь' (М. Вавилин). *Песняэз дружнойӧсь, голосэз горайӧсь кылисӧ колхозной ыббез вылын* 'Песни дружные, голоса громкие слышались на колхозных полях'. *Нылӧн вӧснит бордоккезныс, кызд стекляннӧсь, югьялисӧ шонди вылас* 'Их тонкие крылышки, как стеклянные, блестели на солнце'. *Отвесной кырас дорын сулалисӧ ыджытӧсь кык пожум* 'У отвесного обрыва стояли большие (точнее большущие) две сосны'. *Пӧрлалам стогодсяӧсь нуэз* 'Валим столетние деревья'. *Бурӧсь таво шогмисӧ сюэз* 'Хорошие в этом году уродились хлеба'. (Примеры взяты из школьной грамматики).

Из этих примеров видно, что прилагательные в коми-пермяцком языке начинают обнаруживать согласование с существительными при условии их выделения, подчеркивания, что достигается чаще всего перестановкой прилагательного после имени существительного, а иногда и отрывом прилагательного от существительного.

Есть случаи, когда прилагательные согласуются в числе с существительными и в позиции предшествования ему, если только признак, выраженный прилагательным, подчеркивается: *Строитсьӧны ыджытӧсь керкуэз* 'Строятся большие дома'. *Шонытӧсь сулалӧны луннэз* 'Тёплые стоят дни'. *Дженытӧсь гожумся шоньит ойез* 'Коротки летние тёплые ночи'.

Таким образом, прилагательные в коми-пермяцком языке с помощью *-ӧсь* оформляются для согласования с подлежащим в именительном падеже в следующих случаях:

К ВОПРОСУ О КАТЕГОРИИ ИМЁН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В КОМИ-ПЕРМЯЦКОМ ЯЗЫКЕ

- 1) если прилагательное входит в сферу сказуемого;
- 2) если прилагательное обособлено;
- 3) если признак, выражаемый прилагательным, так или иначе выделяется, подчеркивается.

Некоторые комиведы формант **-ӧсь** считают показателем сказуемого, утверждая, что любая часть речи в позиции сказуемого способна принимать **-ӧсь**. Ср. *Вӧввес татынӧсь* 'Лошади здесь' (*татынӧсь* — наречие). *Мӧссэс вӧрасжыкӧсь* 'Коровы дальше в лесу'. (Слово *вӧрасжыкӧсь* — существительное в местном падеже) и т. д. Примеры можно было бы умножить. Из анализа ясно одно, что **-ӧсь** является обязательным грамматическим показателем прилагательного — сказуемого или обособленного определения при подлежащем во множественном числе. Прилагательное — сказуемое или обособленное определение без **-ӧсь** при подлежащем во множественном числе употребляться не может. Со всеми остальными частями речи **-ӧсь** употребляется в вышеуказанной позиции «факультативно», его присутствие вовсе не обязательно. Ср. *Вӧввес татын* — *Вӧввес татынӧсь*. *Мӧссэс вӧрасжык* — *Мӧссэс вӧрасжыкӧсь*.

Исходя из этого **-ӧсь** следует считать грамматическим признаком прилагательных в коми-пермяцком языке.

Имена прилагательные, как это будет подробнее рассмотрено ниже, могут употребляться в роли существительного (субстантивироваться). При этом они усваивают то же словоизменение, которое свойственно существительным.

Употребляясь с существительными, прилагательные могут выполнять следующие синтаксические функции:

1. Быть определением к определяемому слову. В этом случае обычной позицией имени прилагательного является предшествование определяемому слову. Грамматической связью прилагательного с существительным является примыкание: *ыджыт керку* 'большой дом'.

2. Быть обособленным определением по отношению к определяемому существительному: *Колхознӧй детскӧй садӧ вайисӧ уна игрушкаез, унарӧмаӧсь, басӧкӧсь* 'В колхозный детский сад привезли много игрушек, разноцветных, красивых'. *Вӧр пытикасжык пантасис эшӧ ӧтик тыок, сэтшӧм жӧ учӧт да сӧстӧм* 'В глубине леса встретилось ещё одно озеро, такое же маленькое и прозрачное' (по Б. Горбатову).

3. Нередко имена прилагательные оказываются в позиции сказуемого: *Шондӧйс мыччисис кымӧррез сайсянь, луныс лоис мича* 'Солнце показалось из-за облаков, день стал ясный'.

Субстантивированные прилагательные подобно существительному могут выступать в роли всех членов предложения. Пример: *Улица кузя мунисӧ уна отир. Ны коласын вӧлисӧ мужиккез и женскӧйез, ыджыттэз и учӧттэз, пӧриссез и томмез* 'По улице шло много людей. Среди них были мужчины и женщины, взрослые и дети, старые и молодые'.

Будучи сказуемым и выделенным определением, имена прилагательные при подлежащем во множественном числе согласуются с ним в числе посредством оформления формантом **-ӧсь**.

В связи с вышеизложенным мы можем дать полное определение прилагательному. Имя прилагательное в коми-пермяцком языке, по нашему мнению, следовало бы определить таким образом: часть речи, объединяющая слова, которые обозначают признаки предметов непосредственно или через отношение этих предметов к другим предметам, в позиции определения предшествуют в неизменной форме существительному и в позиции сказуемого и обособленного определения при множественном числе подлежащего согласуются в числе посредством **-ӧсь**. Определение прилагательного, данное в школьном учебнике, неполно. Оно затрагивает только семантическую сторону прилагательных и оставляет без внимания основные грамматические признаки как части речи.

Итак, имя прилагательное в коми-пермяцком языке — исторически сложившаяся лексико-грамматическая категория. Выполняя потребности общения и представляя собой результат длительной, абстрагирующей работы человеческого мышления и познавательной работы человека, имена прилагательные приобретали определённую функцию в речи и грамматические признаки. (О происхождении коми прилагательных см.: Д. В. Бубрих. Грамматика литературного коми языка. С. 57).

В коми-пермяцком языке имеется ряд слов, связанных с категориями имён прилагательных и имён существительных. В одних синтаксических позициях они ведут себя как прилагательные, в других — как существительные. Примеры: *югыт лун* 'светлый день' (слово *югыт* — прилагательное), *югытсö ог адззы* 'света не вижу' (слово *югытсö* — существительное).

Есть случаи, когда являющиеся созвучными слова могут относиться к трём разным частям речи: существительному, прилагательному и наречию. Примеры: *шоньит керку* 'тёплый дом' (*шоньит* — прилагательное), *керкуас шоньитыс абу* 'в доме тепла нет' (*шоньитыс* — существительное), *меным шоньит* 'мне тепло' (*шоньит* — наречие).

Появление созвучных слов (имён существительных и имён прилагательных) в коми-пермяцком языке основано на двух обстоятельствах:

1) некоторые имена прилагательные (качественные) стали употребляться вместо имён существительных, т. е. субстантивировались: *шоньит* 'тёплый', *шоньит* 'тепло', *кöдзыт* 'холодный', *кöдзыт* 'холод';

2) часть существительных стала употребляться вместо имён прилагательных, т. е. адъективировалась.

О явлениях субстантивации и адъективизации мы будем говорить ниже.

Сейчас попытаемся найти критерии разграничения созвучных прилагательных и существительных.

Прежде всего следует заметить, что затруднения в разграничении прилагательных и существительных в коми языке являются кажущимися. Они создаются тем, что явления субстантивации или адъективизации происходят без присоединения словообразовательных суффиксов, так сказать, с помощью невыраженной деривации: *кöдзыт* 'холодный' и *кöдзыт* 'холод', *лöнь* 'тихий' и *лöнь* 'тишь' и т. д.

Переход таких прилагательных, как *шоньит* 'тёплый', *кöдзыт* 'холодный' и других, в разряд существительных подчеркивается другими морфологическими приметами и синтаксической ролью этих слов. Так, например: субстантивированные прилагательные могут принимать определённо-притяжательную суффиксацию, чаще всего суффикс *-ыс* (*-сö*): *керкуас шоньитыс абу* 'в доме тепла нет', *уна бурсö кылö народ радио ныр* 'Много хорошего слышит народ через радио'. Употребляясь вместо существительного, прилагательные усваивают и их синтаксическую роль, чаще всего выступают в роли подлежащего или дополнения.

Кроме субстантивации с помощью невыраженной деривации в коми-пермяцком языке есть явления образования существительных от качественных прилагательных и с помощью словообразовательных суффиксов. Более продуктивным является суффикс *-а*, с помощью которого в потенции возможно образовать существительное — название качества почти от любого качественного прилагательного на *-ыт*, *-ит*. Однако в речи чаще всего употребляются лишь некоторые существительные — абстрактные названия качеств: *кузя* 'длина' (от *кузь* 'длинный'), *пасьта* 'ширина' (от *паськыт* 'широкий'), *пыдына* 'глубина' (от *пыдын* 'глубокий'), *ыжда* 'величина' (от *ыджыт* 'большой'), *ылына* 'расстояние' (от *ылын* 'далёкий'). Остальные же имена прилагательные качественные встречаются в оборотах ограниченного круга. Примеры: *Пуртыс лэчытанас абу лэчыт* 'Нож остротой не острый (букв.)'. *Картошкаыс таво поснитанас абу поснит, да курыт* 'Картошка в этом году мелкою не мелкая, но горькая (букв.)'.

В коми-пермяцком языке есть следы образования существительных — абстрактных названий качеств с помощью суффикса *-ин*. (ср. *ин* 'место'). Примеры: *Пемытінас нем оз*

К ВОПРОСУ О КАТЕГОРИИ ИМЁН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В КОМИ-ПЕРМЯЦКОМ ЯЗЫКЕ

тыдав 'В темноте ничего не видно'. *Мийё нукалам шонытiнын* 'Мы сидим в тепле'. Возможно, что в древности этот процесс словообразования был весьма продуктивен. В словаре Н. Рогова, составленном в 40-х годах прошлого века, встречаются два слова с этим суффиксом, которые образованы от прилагательных не на *-ыт*, *-ит*: *вериттöмин* 'безверие', *нёштöмин* 'безобразие'.

В связи с этим любопытно отметить, что в финно-угорских языках чаще всего существительные, названия качеств, образуются с помощью суффиксов, происходящих из самостоятельных слов «год», «день», «место». Так, в финском языке существительные – названия качеств образуются с помощью форманта *-уус*, что произошло от *вуоси* 'год': *суурус* 'величина' (от *суури* 'великий'), *ванхуус* 'старость' (от *ванха* 'старый'), *вапаус* 'свобода' (от *вапаа* 'свободный')¹. В мордовском языке отымённые названия качеств образуются с помощью форманта *-чи*, что произошло от *чи* 'день': *чоподачи* 'темнота' (от *чопода* 'тёмный'). В коми (зырянском) отымённые названия качеств образуются с помощью *-лун* (ср. *лун* 'день'): *мичлун* 'красота' (от *мича* 'красивый').

В настоящее время в коми-пермяцком языке словообразование с помощью *-ин* уже не продуктивно. Образования на *-ин* употребительны лишь в пространственных падежах: *пемытiнас* 'в темноте', *югытiнас* 'при свете', *кöдзытiнас* 'в холоде' и т. д. Эти падежные образования с точки зрения современного языка являются застывшими наречными образованиями.

Ввиду того, что с помощью *-ин* и *-а* не могут быть образованы существительные с абстрактным качественным значением от таких прилагательных, как *умöль* 'плохой', *бур* 'хороший', *лöнь* 'тихий' и т. д., для выражения понятий *добро*, *тишина*, и т. д. стала употребляться та же морфологическая форма, что и для обозначения качества. Примеры: *Öнi сылö некiн умöльсö оз ни вермы керны* 'Теперь ей никто плохое не сможет уже сделать'. *Блокада коста уна отир кулис тшыгсянь* 'Во время блокады много людей умерло от голода'. *Сылöн лöгыс петö ме выло* 'Он сердится на меня', букв. 'У него злость выходит на меня'.

Таким образом, употребление имён прилагательных на *-ыт*, *-ит* в качестве существительных мы считаем основанным на явлении полной субстантивации их, когда признак не мыслится относимым к тому или иному предмету, а мыслится сам по себе опредмеченным.

Кроме явлений полной субстантивации имеет место явление неполной субстантивации. Оно состоит в употреблении прилагательного в роли опущенного определяемого существительного. В связной речи обычно нет необходимости повторять названия одного и того же предмета несколько раз. Поэтому определяемое существительное опускается, а имя прилагательное, стоявшее перед опущенным существительным, не только осваивает его синтаксическую роль, но и принимает на себя словоизменительные формы опущенного существительного. При этом опущенное существительное легко подразумевается по контексту.

Есть одна особенность прилагательных, употребляющихся вместо опущенного существительного: изменяясь по падежам подобно имени существительному, прилагательные в винительном падеже имеют формант *-ö*. Как известно, существительные в винительном падеже имеют другой формант. Они, в зависимости от принадлежности к одушевлённым и неодушевлённым существительным в винительном падеже, то оформляются на *-öс*, то сходствуют с формой именительного падежа.

Гырисьжык куканнесö вашöтiм вöрö, а посниттэсö колiм гортö 'Телят побольше угнали в лес, а более маленьких оставили дома'.

Некоторые созвучные с существительными прилагательные возникли в результате адъективизации, т. е. перехода существительных в прилагательные. Адъективизация заключается в том, что имя существительное – определение переосмысливается как прилагательное, принимая все особенности прилагательного: выступает в тех же синтаксических позициях, что и имя прилагательное, принимает те же формы

словоизменения, что и имя прилагательное. Примеры: *ва* 'вода' и *ва* 'сырой, влажный', *лӧг* 'злость' и *лӧг* 'злой', *тшыг* 'голод' и *тшыг* 'голодный', *жар* 'жара, температура' и *жар* 'жаркий', *мастер* 'мастер' и *мастер* 'искусный, мастеровой', *рад* 'радость' и *рад* 'радостный'. *Ме талун рад* 'Я сегодня радостный'. *Экскурсия коста мымда челядьыслӧн радыс вӧлі* 'Во время экскурсии сколько радости у детей было'. *Сія йӧктыны мастер* 'Она искусна плясать'.

Случаев адъективизации существительных в коми-пермяцком языке меньше, чем случаев субстантивации имён прилагательных.

В коми-пермяцком языкознании была попытка отождествить рамки употребления имён прилагательных с рамками употребления определений. Смешивалась часть речи с членом предложения. При разграничении частей речи морфология игнорировалась, формальные признаки прилагательного не учитывались. Голословно на основе порядка слов (предшествование определения определяемому слову) утверждалось, что любое слово-определение, стоящее перед определяемым словом, является прилагательным. Так, например, в словосочетании *пызан кок* 'ножка стола', слово *пызан* считалось прилагательным, в *кок чунь* слово *кок* также признавалось бесспорным прилагательным. Таким образом, границы имени прилагательного чрезмерно расширились. Они смыкались с границами употребления определения. Эта вредная теория проникла и в школьное преподавание. В настоящее время следует решительно отбросить эту путаницу в разграничении частей речи, принимая в расчёт при этом реально существующие грамматические законы; необходимо глубже вскрывать специфику языковых явлений.

Слова *пызан*, *кок* и им подобные не только по своим грамматическим признакам не подходят под разряд имён прилагательных, но и по своему лексическому значению они являются бесспорными существительными. В них всегда присутствует их предметное значение. Что же касается их грамматической характеристики, то они не могут ни выйти из позиции предшествования существительному, ни входить в сферу сказуемого и оформляться с помощью *-ӧсь*, ни субстантивироваться, поскольку они существительные сами по себе. Следовательно, нет никаких оснований причислять их к прилагательным и, наоборот, есть все основания считать их именами существительными, так как они могут изменяться по падежам, числам, оформляться определённо-притяжательными суффиксами.

III. РАЗРЯДЫ ИМЁН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Имена прилагательные в коми-пермяцком языке по своему значению и грамматическим признакам делятся на два разряда: качественные и относительные.

Притяжательных прилагательных в коми-пермяцком языке нет. Для обозначения принадлежности предмета лицу или другому предмету употребляется имя существительное или местоимение в родительном или притяжательном падежах с соответствующим оформлением, а также в именительном падеже. В последнем случае существительное может стоять только перед определяемым словом. Примеры: *ош след* 'медвежий след', *айӧ керкуын* 'в отцовском доме', *сойӧлӧн пальтоыс виль* 'сестрино пальто новое'.

§ 1. КАЧЕСТВЕННЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

Качественные прилагательные обозначают свойства и качества предметов, органически связанные с предметом, непосредственно воспринимаемые органами чувств. Они выражают качество или свойство предмета своим лексическим значением основы.

Качественные прилагательные, в своей основной массе, обнаруживают следующие грамматические признаки:

К ВОПРОСУ О КАТЕГОРИИ ИМЁН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В КОМИ-ПЕРМЯЦКОМ ЯЗЫКЕ

1) качественные имена прилагательные, как правило, изменяются по степеням сравнения: *ыджыт* — *ыджытжык* — *медыджыт*, *чöскыт* — *чöскытжык* — *медчöскыт*, *чочком* — *чочкомжык* — *медчочком*.

2) от качественных прилагательных возможно образование качественных наречий на *-а*. Так, например, от прилагательных *бур*, *умöль*, *ыджыт*, *учöт*, *паськыт*, *векнит*, образуются наречия: *бура* 'хорошо', *умöля* 'плохо', *ыджыта* 'крупно', *учöта* 'мелко', *паськыта* 'широко', *векнита* 'узко' и т. д.

3) от качественных прилагательных возможно образование уменьшительных, ласкательных и увеличительных форм, выражающих степень качества: *ыджыт* — *ыджыткодь* — *ыджытöв*, *чочком* — *чочкомкодь* — *чочкомöв* — *чочкомвевья*, *том* — *томыник* — *томкодь* — *томöв*.

4) от некоторых качественных прилагательных с непронизводной основой и основой на непродуктивные суффиксы *-ыт*, *-ит*, *-ын* образуются имена существительные с суффиксами *-а*, *-ин* с общим значением отвлечённого качества. Примеры: *ыжда* — *ыжда* 'величина', *паськыт* — *пасьта* 'ширина', *кузь* — *кузя* 'длина', *пыдын* — *пыдына* 'глубина', *ылын* — *ылына* 'расстояние', *волькыт* — *волькытин* 'гладь'.

5) с точки зрения словообразования почти все качественные прилагательные являются непронизводными или образованными с помощью ныне уже непродуктивных суффиксов: *ён* 'сильный', *том* 'молодой', *рам* 'смирный', *ныж* 'тупой'.

Многие качественные прилагательные образуют антонимические пары, т. е. пары слов, прямо противоположных по значению: *ыджыт* — *учöт*, *кузь* — *дженыт*, *умöль* — *бур*, *виль* — *важ*, *паськыт* — *векнит*, *гырись* — *поснит*.

Все вышеперечисленные признаки, вместе взятые, составляют специфику качественных прилагательных, отличающую их от относительных. Однако следует оговорить то, что не всем качественным прилагательным свойственны вышеперечисленные особенности. Поэтому, определяя принадлежность имени прилагательного к той или иной группе, нужно исходить прежде всего от его общего значения (качества, отношения к другому предмету).

1. СТЕПЕНИ СРАВНЕНИЯ КАЧЕСТВЕННЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Качественные имена прилагательные образуют степени сравнения: сравнительную и превосходную.

Прилагательные в положительной степени называют качество или признак предмета без сравнения с другими предметами по степени этого качества: *виль книга* 'новая книга', *бур вöв* 'хорошая лошадь'.

Прилагательные в сравнительной степени называют признак, который свойственен данному предмету в большей мере, чем другому предмету: *Луннэс лоöны сё шоньтжыкöсь и шоньтжыкöсь* 'Дни становятся всё теплее и теплее'. Сравнительная степень качественных прилагательных образуется от прилагательных положительной степени при помощи суффикса *-жык*, который обычно присоединяется к основе слова: *гор-а-жык* 'звонче', *ыдж-ыт-жык* 'больше'. В просторечии, однако, есть немало случаев присоединения *-жык* к готовой форме слова: *ыльсьöсьжык* 'более дальние'.

В коми-пермяцком языке при сравнении двух предметов предмет, с которым сравнивается другой предмет, имеющий большую или меньшую степень качества, оформляется в сравнительном падеже: *Электрической свет югытжык и доитöмжык керосиновой светя* 'Электрический свет светлее и дешевле керосинового света'.

Помимо сравнительной степени «более» в коми-пермяцком языке есть сравнительная степень «менее», которая образуется тоже с помощью *-жык*. Однако *-жык* для образования сравнительной степени «менее» присоединяется не к прилагательным, а к отрицательным словам, например: *Тати абужык муыс кымöма* 'Здесь меньше земля замёрзла', *Сэти рудзöгыс нежык бур* 'Там рожь менее хорошая'. В этих конструкциях

значение сочетания отрицательной частицы, снабжённой **-жык**, и отрицательного прилагательного несколько переосмысливается. Без форманта **-жык** отрицательная частица полностью отрицает признак, качество и т. д., а с формантом **-жык** означает сравнительную степень «менее».

Прилагательные в превосходной степени означают самую высокую степень качества в предмете по сравнению с тем же качеством ряда других предметов и образуются с помощью слова *мед*, которое в этом значении является приставкой: *медсьöд* 'самый чёрный', *медбур* 'наилучший', *медчочком* 'наибелыйший'. Однако между *мед* и прилагательным могут вставляться частицы, не изменяя значения превосходной степени прилагательного: *Эстён Иньваыс мед ни пыдын* 'Здесь Иньва самая глубокая'.

Изменения по степеням сравнения свойственны не только именам прилагательным, но в данной работе мы не будем затрагивать конкретные случаи их употребления.

2. СТЕПЕНИ КАЧЕСТВА КАЧЕСТВЕННЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ И ЕГО ВЫРАЖЕНИЕ (ФОРМЫ СУБЪЕКТИВНОЙ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА)

От качественных прилагательных возможны особые образования, выражающие различные степени качества, как результат личного впечатления, переживания, как результат субъективной оценки говорящего. Степень качества выражается без сравнения признака предмета с тем же признаком в другом предмете или в других предметах.

Формы субъективной оценки прилагательных представлены в коми-пермяцком языке богато. Они могут быть выражены суффиксами, повторением основ и некоторыми усилительными наречиями.

С помощью суффиксов **-ыник**, **-ик**, присоединяемых к основам качественных прилагательных, образуются прилагательные с уменьшительно-ласкательным значением: *кöс*, *кöсыник* 'сухой, сухонький', *шоч*, *шочыник* 'редкий, реденький', *том*, *томыник* 'молодой, молоденький', *векнит*, *векнитик* 'узкий, узенький', *умöль*, *умöлик* 'плохой, плохонький'.

При помощи суффикса **-кодь** от качественных прилагательных образуются прилагательные, обозначающие недостаток качества, наличие качества лишь в той мере, чтобы лишь чуть-чуть походить на то качество, которое выражено производящим прилагательным: *гöрд*, *гöрдкодь* 'красный, красноватый', *виль*, *вилькодь* 'новый, нововатый'.

При помощи суффикса **-öв** образуются прилагательные, обозначающие избыток качества, наличие качества в большей, чем нужно, степени: *гöрд*, *гöрдöв* 'красный, чересчур красный', *ыджыт*, *ыджытöв* 'большой, чересчур большой', *том*, *томöв* 'молодой, чересчур молодой', *дуб*, *дубöв* 'пресный, чересчур пресный'.

При помощи суффикса **-вевья** от качественных прилагательных образуются прилагательные, обозначающие преобладание признака, выраженного в производящем прилагательном: *гöрдвевья* 'преимущественно красный', *сьöдвевья* 'преимущественно чёрный'.

Таким образом, в коми-пермяцком языке мы имеем четыре степени качества, каждая из которых имеет свои формы выражения.

1) степень неполного выражения качества, выражающаяся с помощью **-кодь**: *гöрдкодь* 'красноватый'.

2) наличие качества в меру даётся исходной формой прилагательного: *гöрд* 'красный'.

3) степень преобладания данного качества выражается с помощью **-вевья**: *гöрдвевья* 'преимущественно красный'.

4) степень избытка качества обозначается с помощью **-öв**: *гöрдöв* 'чересчур красный'.

К ВОПРОСУ О КАТЕГОРИИ ИМЁН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В КОМИ-ПЕРМЯЦКОМ ЯЗЫКЕ

В целях усиления качества употребляется повторение основы прилагательного: *басöк-басöк* 'красивый-красивый'.

Для передачи понятия исключительно большей меры качества используется своеобразное повторение прилагательных, при котором первое прилагательное оформлено в сравнительном падеже, а повторное прилагательное выступает в своей исходной форме: *ыджытсы-ыджыт* 'большого-большой', *югытсы-югыт* 'светлого-светлый'.

Степени качества могут выражаться с помощью некоторых усилительных наречий, выражающих высшую или большую степень проявления признака: *зэв ыджыт* 'очень большой', *дзирс пемыт* 'совершенно тёмный', *смельсь сьöд* 'совершенно чёрный', *стрась басöк* 'очень красивый'.

3. СЛОВООБРАЗОВАНИЕ КАЧЕСТВЕННЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Качественные прилагательные бывают непроизводными и производными.

Из числа непроизводных прилагательных выделяются такие, которые не имеют никакого адъективизирующего суффикса. Они большей частью односложны:

лöз 'синий', *шоч* 'редкий', *чож* 'быстрый (о человеке)', *бöб* 'шаловливый', *гов* 'бедный', *дзонь* 'целый (о вещи)', *дзуг* 'путаный', *лют* 'проворный', *сёр* 'поздний', *тишöк* 'густой', *сись* 'гнилой', *гар* 'сильно скрученный', *дыш* 'ленивый', *уль* 'сырой', *кöс* 'сухой', *лöнь* 'тихий', *дзор* 'неспелый; седой', *ныж* 'тупой', *сук* 'густой', *тшыг* 'голодный', *пöт* 'сытый', *дуб* 'пресный', *сьöд* 'чёрный', *жаг* 'медлительный; тихий', *гöрд* 'красный', *бур* 'хороший', *веж* 'жёлтый', *пым* 'горячий', *том* 'молодой', *кыз* 'толстый', *рам* 'смирный', *мыдз* 'усталый', *важ* 'старый', *ва* 'сырой; влажный', *виль* 'новый', *кын* 'мёрзлый', *лöг* 'злой', *юж* 'торный', *лаб* 'слабо скрученный', *кузь* 'длинный', *куш* 'голый'.

Словообразование качественных прилагательных характеризуется наличием непродуктивных суффиксов и образованием качественных прилагательных способом сложения основ.

Качественные прилагательные имеют следующие непродуктивные суффиксы:

1) **-ыт (-öт)**: *ыджыт* 'большой', *лажмыт* 'низкий', *кöдзыт* 'холодный', *чöскыт* 'сладкий', *шоньыт* 'тёплый', *курыт* 'горький', *дзескыт* 'тесный', *дженыт* 'короткий', *паськыт* 'широкий', *небыт* 'мягкий', *югыт* 'светлый', *пемыт* 'тёмный', *чорыт* 'чёрствый', *лэчыт* 'острый', *рышкыт* 'рыхлый', *лайкыт* 'зыбкий', *сьöкыт* 'тяжёлый', *креныт* 'крепкий', *учöт* 'маленький';

2) **-ит**: *векнит* 'узкий', *вöснит* 'тонкий', *кокнит* 'лёгкий', *поснит* 'мелкий';

3) **-ын**: *пыдын* 'глубокий', *вылын* 'высокий', *улын* 'низкий (диал.)';

4) **-тöм**: *нёштöм* 'некрасивый'.

В вышеперечисленных прилагательных корень уже не является свободным и в самостоятельном употреблении не встречается. Он прослеживается лишь в родственных словах. Так, например, корень *ыжд-* имеется в словах: *ыждöтны* 'увеличить', *ыждыны* 'увеличиваться' и в других.

Словообразование качественных прилагательных способом сложения основ даёт сложные прилагательные, обозначающие преимущественно цветовые оттенки: *пемытгöрд* 'тёмно-красный', *югытвеж* 'светло-жёлтый', *вежчочком* 'изжелта-белый', *лöмрöма* 'малиновый', *югытлöз* 'светло-синий'.

Кроме того, разряд качественных прилагательных коми-пермяцкого языка постоянно пополняется заимствованными из русского языка прилагательными: *богатöй*, *смелöй*, *удобнöй*, *способнöй*, *ударнöй*, *великöй*, *роднöй*, *дельнöй*, *даровöй*, *рядовöй*, *трагическöй*.

§ 2. ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

Относительные прилагательные обозначают признак, выводимый из отношения к предмету, обстоятельству или действию. Они образуются из имён существительных, наречий, глаголов посредством различных суффиксов. Относительные прилагательные могут выражать: 1) отношение к лицу: *партизанскóй туй* 'партизанская дорога'; 2) отношение к действию: *подготовительнóй класс* 'подготовительный класс'; 3) отношение к месту: *татíсь олиссез* 'здешние жители'; 4) отношение ко времени: *луñся удж* 'дневная работа', *тóвся рыт* 'зимний вечер'; 5) отношение к количеству: *кыкпóвса лист* 'двойной лист', 6) отношение к материалу, из которого сделан предмет: *пуовóй ведра* 'деревянное ведро'; 7) назначение предмета: *торговóй флот* 'торговый флот'.

Относительные прилагательные отличаются от качественных следующими признаками:

1) относительные прилагательные могут определяться прилагательными же, качественными или относительными: *чочком пизьóсь* 'запачканный белой мукой', *свежóй чериóсь* 'запачканный свежей рыбой', *гóна шапкаа морт* 'человек в меховой шапке', *шудьга китóм* 'не имеющий левой руки'.

2) в отличие от качественных прилагательных относительные не имеют уменьшительно-ласкательных и ограничительных суффиксов.

3) относительные прилагательные, как правило, не имеют степеней сравнения и степеней качества. О случаях изменения относительных прилагательных по степеням сравнения и качества см. ниже.

4) от относительных прилагательных нельзя образовать существительные с абстрактным значением качества и качественные наречия на *-а*.

5) с точки зрения словообразования относительные прилагательные характеризуются продуктивными суффиксами: *-а (-я)*, *-óсь*, *-тóм*, *-сья* и т. д.

1. СТЕПЕНИ СРАВНЕНИЯ И СТЕПЕНИ КАЧЕСТВА ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Оформление по степеням сравнения и наличие степени качества наблюдается у таких прилагательных, именная (существительная) основа которых обозначает:

а) вещественную массу: *госа*, *госажык* 'жирный, жирнее', *сира*, *сиражык* 'серный, сернее', *нятьóсь*, *нятьóсьжык* 'грязный, грязнее';

б) предмет, как нечленимое множество: *вóра*, *вóражык* 'лесистый, лесистее', *вуруна*, *вурунажык* 'шерстистый, шерстистее', *туруна*, *турунажык* 'травянистый, травянистее';

в) природные явления: *зэра*, *зэражык* 'дождливый, дождливее'.

Степени качества имеют в основном эти же группы относительных прилагательных: *нятьóськодь*, *нятьóсьóв* 'грязноватый, чересчур грязный', *турунакодь*, *турунаóв* 'травянистоватый, чересчур травянистый'.

Остальные относительные прилагательные степеней сравнения и качества не имеют. Это такие прилагательные, именная (существительная) основа которых обозначает одиночный предмет, который сам по себе не может быть в большей или меньшей мере. Такие прилагательные служат для выражения внешнего признака по наличию или отсутствию какого-либо предмета: *ружьёа* 'имеющий ружьё (с ружьём)', *пальтоа* 'имеющий пальто (в пальто)', *шаля* 'имеющая шаль (в шали)', *шапкатóм* 'не имеющий шапки (без шапки)'.

Следовательно, при отграничении относительных прилагательных от качественных в коми-пермяцком языке приходится считаться кроме общеизвестных признаков (отсутствие степеней сравнения и качества, уменьшительно-ласкательной и ограничительной суффиксации в относительных прилагательных) с дополнительными

К ВОПРОСУ О КАТЕГОРИИ ИМЁН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В КОМИ-ПЕРМЯЦКОМ ЯЗЫКЕ

приметами и больше всего с тем, что относительные прилагательные могут определяться другими качественными или относительными же прилагательными.

2. ПЕРЕХОД ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В КАЧЕСТВЕННЫЕ

В современном коми-пермяцком языке граница между качественными и относительными прилагательными является чисто условной и непостоянной. Значительная часть относительных прилагательных легко развивает в себе качественное значение: предметное значение стирается и прилагательное приобретает новое значение указания на качество. Такие качественные прилагательные, как *гора* 'звонкий', *гажа* 'весёлый', *сола* 'солёный' и т. д. когда-то были относительными. Однако часто окачествленные относительные прилагательные не изменяют свою морфологическую структуру.

3. СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Относительные прилагательные, в отличие от качественных, имеют продуктивные суффиксы, с помощью которых они образуются от существительных, наречий и других частей речи.

От имён существительных относительные прилагательные образуются с помощью следующих продуктивных суффиксов:

-а (-я). Относительные прилагательные на **-а (-я)** обозначают:

а) обладающий чем-либо, каким-либо внешним признаком: *сюра мӧс* 'рогатая корова', *ружьёа морт* 'человек с ружьём'.

б) изобилующий чем-либо, каким-либо внешним признаком: *вӧра места* 'лесистая местность', *изъя берег* 'каменистый берег', *ёгья му* 'земля, изобилующая сорняками'.

в) богатый чем-нибудь: *назёма му* 'удобренная земля', *йӧла мӧс* 'молочная корова'.

г) признак, касающийся размера и величины определяемого предмета: *нӧль морта бригада* 'бригада в четыре человека'.

д) чрезмерный признак: *кынӧма порсь* 'брюхастая свинья'.

Примечание: Некоторые имена прилагательные с суффиксом **-а** перешли в разряд качественных прилагательных: *гора* 'звонкий, громкий', *гажа* 'весёлый', *дона* 'дорогой' и т. д.

С помощью **-а (-я)** могут образоваться прилагательные из определительного словосочетания: *сьӧд син* — *сьӧдсина* 'черноглазый', *кузь чикись* — *кузь чикися* 'с длинными косами', *гӧна шапка* — *гӧна шапкаа* 'в меховой шапке', *чочком косинка* — *чочком косинкаа* 'в белой косынке'.

-тӧм. Относительные прилагательные на **-тӧм** имеют значение, противоположное прилагательным на **-а**, т. е. обозначают: лишённый чего-либо, не имеющий чего-либо: *нӧштӧм* 'лишённый красоты (некрасивый)', *кӧмтӧм* 'босой', *насьтӧм* 'голый', *китӧм* 'безрукий'.

-ӧсь. Относительные прилагательные на **-ӧсь** обозначают: покрытый, запачканный чем-либо (жидкой или рассыпчатой массой): *саӧсь* 'запачканный сажей', *пизьӧсь* 'запачканный мукой', *пятьӧсь* 'запачканный грязью', *бусӧсь* 'покрытый пылью'.

-ся. Суффикс **-ся** образует прилагательные, имеющие значение, относящееся к такому-то времени: *гожумся* 'летний', *тӧвся* 'зимний', *арся* 'осенний', *лунся* 'дневной'.

-овӧй. Суффикс **-овӧй** из русского **-ов(ый)**. Он попал в коми-пермяцкий язык вместе со словами: *дубовый*, *садовый*, впоследствии был извлечён как суффикс, обозначающий материал или вещество, из которого сделан предмет. В этом значении он стал употребляться и в тех случаях, в которых в русском языке суффикс **-ов(ый)** вовсе не присутствует: *идовӧй* 'ячменный', *шогдӧвӧй* 'пшеничный', *кӧртвӧй* 'железный', *йывӧй* 'ледяной', *пуовӧй* 'деревянный'.

Суффикс *-овдй* может присоединяться и к причастиям: *няныис босьтёмовдй* 'хлеб купленный', *сурыс аскерёмовдй* 'пиво сводельное'.

-вевья, как словообразовательный суффикс, мало продуктивен. Он обозначает чрезмерный признак предмета: *кынёмвевья* 'брюхастый', *моросвевья* 'грудастый'.

От наречий имена прилагательные образуются с помощью следующих суффиксов:

-а (-я). Прилагательные, образованные от наречий с помощью этого суффикса, обозначают относимость к какому-либо месту или времени: *омёна туй* 'широкая дорога', *кыминя* 'опрокинутый', *тённяя* 'вчерашний', *талуння* 'сегодняшний'.

-ся образует прилагательные со значением «относящиеся к такому-то времени»: *мдймуся* 'прошгодний', *тёнся* 'вчерашний', *лушиёрся* 'относящийся к полдню, полдневный'.

-ись образует прилагательные со значением: «относящийся к такому-то месту»: *бёрись* — задний, *одзись* — передний, *шёрись* — средний, *ылсь* — дальний, *дорись* — крайний, *вылсь* — верхний, *улсь* — нижний, *пытикись* — внутренний.

От глаголов имена прилагательные образуются редко. Бесспорными прилагательными, образованными от глаголов, являются, пожалуй, только прилагательные на *-са*: *свтса* 'стоячий' (от глагола *свтны* 'стоять'), *водса* 'лежачий' (от *водны* 'лечь'), *тёдса* 'знакомый' (от *тёдны* 'знать'), *ляпкёса* 'придавленный' (от *ляпкётны* 'придавить').

Таких прилагательных в коми-пермяцком языке немного.

Некоторые отглагольные прилагательные перешли в разряд прилагательных от разряда причастий: *тёдтём* 'незнакомый', *адззывтём* 'невиданный', *сётём* 'голодный' и т. д.

Переход причастия в прилагательное сопровождается утратой всех глагольных категорий, а также изменениями в значении причастия: переосмыслением или расширением его значения. Так, например, причастие *адззывтём* означает 'невиданный'; переходя в класс прилагательных, это слово приобретает значение 'ничего не видящий', 'дикий': *адззывтём тэ* 'ничего не видевший ты'.

-пöвса: *кумпöвса* 'трёхслойный', *өтпöвса* 'неодетый, без верхнего платья'.

-сора: *сьддсора* 'с примесью чёрного', *вжссора* 'с примесью жёлтого'.

С помощью сложения основ образуются следующие группы относительных прилагательных:

1) сложные прилагательные, образованные из имён существительных с помощью *-рёма*: *мурёма* 'бурый', *льёмрёма* 'малиновый'.

2) сложные прилагательные, образованные из существительных, прилагательных или наречий вместе с причастиями *-видзана*, *-тыдалана* и др.: *гёрдвидзана*, *лөзвидзана*, *шучтыдалана*, *шучадззись*, *синбытишкан*, *виркисьтан* и др.

3) сложные прилагательные, образованные из местоимения *ас* с помощью *-коддя*, *-ныра*, *-сяма*: *аскоддя* 'своеобразный', *асныра* 'своенравный', *ассяма* 'своенравный'.

4) сложные прилагательные, образованные из имён числительных с помощью *-годся*: *витгодся* 'пятiletний', *кватьгодся* 'шестилетний'.

5) сложные прилагательные, образованные от знаменательных частей речи с помощью послелогов *-увтсья*, *-дорсья*, *-вывсья*, *-весьтсья*, *-сайсья* и др.: *туйдорсья* 'придорожный', *ваувтсья* 'подводный', *васайсья* 'заречный'.

6) сложные прилагательные, образованные от знаменательных частей речи с помощью послелогов *-дорись*, *-увтись*, *-сайись*, *-вылсь* и др.: *туйдорись* 'придорожный', *вөрпытшикись* 'внутрилесный'. Примеры: *Иньвасайись видзез ытикёмось* 'Зайньвенские луга выкошены'. *Туйдорись сюыс тальём* 'Придорожный хлеб вытопан'.

7) сложные прилагательные с первым компонентом *өт-*: *өткузя* 'равной длины', *өткыза* 'равной толщины', *өтпасьта* 'равноширокий', *өтвына* 'равносильный'.

8) сложные прилагательные на *-судва*: *өтсудва* 'одноэтажный', *кыксудва* 'двухэтажный', *кумисудва* 'трёхэтажный'.

§ 3. УДАРЕНИЕ В ИМЕНАХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Ударение в именах прилагательных в основе разноместное. Словообразовательные суффиксы прилагательных не перетягивают ударение, за исключением *-ись*. Однако некоторые формообразовательные суффиксы или перетягивают на себя ударение или фиксируют его в определённом месте основы прилагательного.

Перетягивают на себя ударение следующие формообразовательные суффиксы:

мед-, образующий превосходную степень прилагательных: *мёдбу*р ‘наилучший’, *мётто*м ‘самый молодой’.

-ыник, образующий уменьшительно-ласкательные прилагательные, перетягивает ударение на первый слог суффикса *-ыник* — *томы́ник* ‘молоденький’, *рамы́ник* ‘смирнёнький’, *кёсы́ник* ‘сухонький’.

-ёв, образующий прилагательные со значением избытка качества: *гёрдóв* ‘чересчур красный’, *ылыно́в* ‘чересчур дальний’, *лэ́зёв* ‘чересчур синий’.

Фиксируют ударение на определённое место основы прилагательного суффиксы:

-ик, образующий прилагательные с уменьшительно-ласкательным значением, перетягивает ударение на словообразовательный суффикс: *учóт* — *учóти*к ‘маленький’, *пóснит* — *посни́ти*к ‘мелконый’, *пы́дын* — *пыды́ни*к ‘глубоконый’, *ла́жмыт* — *лажмы́ти*к ‘низенький’.

-жык, образующий сравнительную степень прилагательных, перетягивает ударение на словообразовательный суффикс: *ы́джыт* — *ыджы́тжы*к ‘больше’, *пóснит* — *посни́тжы*к ‘более мелкий’, *вё́книт* — *векни́тжы*к ‘более узкий’, *учóт* — *учóтжы*к ‘более маленький’.

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ

1. Имена прилагательные в коми-пермяцком языке представляют собой вполне оформившуюся часть речи со свойственными им лексико-семантическими и грамматическими признаками.

2. С лексико-семантической стороны прилагательные выражают признаки предметов, непосредственно воспринимаемые органами чувств или через отношение к другим предметам, иногда через отношение к действию или обстоятельству.

3. С грамматической стороны имена прилагательные характеризуются следующими основными признаками:

- 1) в позиции препозитивного определения прилагательные никак не изменяются;
- 2) в позиции именного составного сказуемого и обособленного определения при именительном падеже подлежащего прилагательные имеют категорию числа;
- 3) в позиции обособленного определения при винительном падеже существительного и в случае субстантивации прилагательные оформляются на *-ё*.

4. По своему значению и грамматическим признакам прилагательные в коми-пермяцком языке подразделяются на два разряда: качественные и относительные.

5. Со словообразовательной стороны коми-пермяцкие качественные прилагательные могут быть непроеводными (корневыми) и производными. В последнем случае они имеют непроедуктивные суффиксы.

Относительные прилагательные имеют продуктивные суффиксы, с помощью которых они образуются от существительных, наречий и других частей речи.

6. Все качественные прилагательные могут изменяться по степеням сравнения и по степеням качества, принимать уменьшительно-ласкательные формы с помощью соответствующих суффиксов.

АНТОНИНА СЕМЁНОВНА КРИВОЩЁКОВА-ГАНТМАН

Из относительных прилагательных степени сравнения имеют те, которые образованы от существительных, обозначающих предмет, могущий сам по себе быть в большей или меньшей мере.

Относительные прилагательные могут иметь при себе определения, выраженные качественными или относительными прилагательными.

7. Имена прилагательные имеют свойство субстантивироваться.

К ВОПРОСУ О КАТЕГОРИИ ИМЁН ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ В КОМИ-ПЕРМЯЦКОМ ЯЗЫКЕ *

1. К ИСТОРИИ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

Числительные зародились в глубокой древности. Они возникли, чтобы удовлетворять потребность людей в числовом представлении. Круг числовых представлений тогда был очень узок, ограничен, а счёт примитивен.

Ф. Энгельс писал, что «понятие о числе и фигуре взято из действительного мира», что «первыми объектами счёта были 10 вытянутых пальцев руки»¹.

Тот факт, что числительные до 10 в финно-угорских языках поразительно сходны, говорит о том, что эти числительные возникли ещё в древне-финно-угорское время, когда финно-угры жили ещё в известном единстве.

Как полагают учёные, первичный счёт у многих народов вёлся на частях тела, на пальцах руки и т. д. Весьма возможно, что для обозначения представления о «двух» коми, как очевидно, и остальные финно-угры, использовали слово *кок* 'нога'.

Сравним состав числительных до десяти в пермских языках финно-угорской семьи языков.

В коми-пермяцком языке	В коми языке	В удмуртском языке
<i>ötik</i>	<i>öти, öтик</i>	<i>одйг</i>
<i>кык</i>	<i>кык</i>	<i>кык</i>
<i>куим</i>	<i>куим</i>	<i>куинь</i>
<i>нёль</i>	<i>нёль</i>	<i>ньыль</i>
<i>вит</i>	<i>вит</i>	<i>вить</i>
<i>кватъ</i>	<i>квйт</i>	<i>куать</i>
<i>сизим</i>	<i>сизим</i>	<i>сызьым</i>
<i>кыкъямыс</i>	<i>кöкъямыс</i>	<i>тямыс</i>
<i>öкмыс</i>	<i>öкмыс</i>	<i>укмыс</i>
<i>дас</i>	<i>дас</i>	<i>дас</i>

Числительное 'семь' *сизим* взято из южных языков, как считал Д. В. Бубрих, из шумеро-аккадского источника. Числительные для обозначения понятия о 'восьми' и 'девяти' выработаны финно-уграми по принципу «два до десяти» — 'восемь' коми-пермяцкое *кыкъямыс*, и «один до десяти» 'девятнадцать' коми-пермяцкое *öкмыс*. Слова *кыкъямыс* и *öкмыс* являются сложными. Их состав *кык*, *кöк* + *мыс* (два до десяти), *öк* + *мыс* (один до десяти). Слово *мыс* в значении десяти осталось в венгерском языке: *mes*, которое входит в состав слов *nyolc* 'восемь', *kilenc* 'девятнадцать', *harminc* 'тридцать'. Эти слова в венгерском языке исторически являются сложными, что теперь, однако, уже не ощущается; слово *nyolc* означало, вероятно, два из десяти, *kilenc* — один из десяти (ср. коми *кыкъямыс*, *öкмыс*, являющиеся сложными, где вторым компонентом является слово *mes*).

* В помощь учителю. Кудымкар, 1956. С. 48–63.

¹ Энгельс Ф. Анти-Дюринг. М., 1950. С. 37.

Слово *мес*, употреблявшееся для обозначения понятия о десяти, имело разновидность *мен*, которое прослеживается также в венгерском языке, где *men > ben (ven)*. Эта форма проявляется в числительных, обозначающих десятки, начиная от *negyven* 'сорок' и выше *ötven* 'пятьдесят', *hatvan* 'шестьдесят', *hetven* 'семьдесят', *nyolcvan* 'восемьдесят', *kilencven* 'девяносто'². Слово *мен* в значении *десять* имеется в зырянских словах *комын, нелямын, ветымын, квайтымын* и т. д. (ср. в коми-пермяцком ныне уже устаревшие *кумдас, нельдас, витдас, кватъдас*).

Как это видно из коми-пермяцких примеров, названия разряда десятков, начиная с двадцати, все составлены по типу определительных словосочетаний: *нельдас, витдас, кватъдас* и т. д. Точно также дело обстояло и в зырянских словах *комын, нелямын* и т. д., где второй компонент сочетания *мын* в самостоятельном употреблении уже не встречается.

Впоследствии пермские языки слово для обозначения десяти заимствовали из индоевропейского источника — *дас* (ср. русск. *десять*, лат. *decī...* и т. д.). Это *дас* и вошло в качестве второго компонента в сложные слова для обозначения десятков в коми-пермяцком языке: *кыкдас, кумдас, нельдас, витдас* и т. д.

Коми-пермяки, впоследствии консолидировавшиеся в Прикамье, по всей вероятности, уже в древности имели развитый счёт десятками.

В «Опыте грамматики пермяцкого языка», составленном Н. Роговым (1860 г.) даны следующие числительные:

<i>ötik</i> — один, одна, одно,	<i>дасötik</i> — одиннадцать,
<i>кык</i> — два, две,	<i>даскык</i> — двенадцать,
<i>куим</i> — три,	<i>даскуим</i> — тринадцать,
<i>нель</i> — четыре,	<i>даснель</i> — четырнадцать,
<i>вит</i> — пять,	<i>дасвит</i> — пятнадцать,
<i>кватъ</i> — шесть,	<i>даскватъ</i> — шестнадцать,
<i>сизим</i> — семь,	<i>дассизим</i> — семнадцать,
<i>кыкъямыс</i> — восемь,	<i>даскыкъямыс</i> — восемнадцать,
<i>öкмыс</i> — девять,	<i>дасöкмыс</i> — девятнадцать,
<i>дас</i> — десять,	<i>кыкдас</i> — двадцать и т. д.

Большой интерес представляют составные числительные *куимдассэсдас нель* — 'триста четыре' и *куимдассэсдас нельдас нель* 'триста сорок четыре'. Из этих примеров видно, что коми-пермяки своеобразно обозначали сотни: *дассэсдас* 'сто', *кыкдассэсдас* 'двести' и т. д.

Изложение вопроса о числительных Н. Рогов начинает с разрядов имён числительных. Он выделяет 4 разряда:

- 1) количественные,
- 2) порядковые,
- 3) соединительные,
- 4) дробные.

У количественных и порядковых числительных Н. Роговым перечисляется лишь состав.

Причём надо отметить, что Н. Рогов, вероятно, не прав, когда говорит, что порядковые числительные образуются с помощью *-öt, -et* или *-öd*. С *-et* Рогов даёт такие порядковые числительные, как *нелет* 'четвёртый', *кватет* 'шестой', т. е. *-et* употребляет после мягкой согласной основы. Но это, очевидно, его субъективное восприятие, как русского человека, недостаточно усвоившего коми-пермяцкий язык. Что касается окончания *-öd*, то в примерах Рогова это окончание не встречается. *Öd*, по всей

² См. об этом: Балааша Й. Венгерский язык. М.: Изд. иностр. литературы, 1951.

К ВОПРОСУ О КАТЕГОРИИ ИМЁН ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ В КОМИ-ПЕРМЯЦКОМ ЯЗЫКЕ

вероятности, отражает влияние коми-зырянской грамматики П. Савваитова, которая Рогову служила главным пособием для составления коми-пермяцкой грамматики.

Числительные на *-нан* Рогов называет соединительными или совокупными, выражающими соединение определённого числа предметов. Примеры: *кыкнан*, *куимнан*.

Дробные числительные, по мнению Рогова, в коми-пермяцком языке употребляются редко. Дробное числительное только одно — *джын*, все остальные состояются из порядковых. Примеры: *кыкӧтыс джын* — 1½, *куимӧтыс джын* — 2½, *нӧльӧтыс джын* — 3½³.

Система числительных, данная в школьном учебнике (автор — С. Ф. Грибанов), бесспорно, взята была из народного языка. Однако в момент составления учебника коми-пермяки при счёте в основном пользовались уже русскими числительными.

В настоящее время система числительных, данная в школьной грамматике, является устаревшей, так как никто уже из коми-пермяков не знает счёта по-коми-пермяцки свыше десяти.

Программа по коми-пермяцкому языку для V–VII классов (издания 1953 г.) указывает, что до 10 счёт должен вестись коми словами, дальше при счёте следует пользоваться русскими числительными. Программа также рекомендует числовые представления на письме обозначать цифрами.

Замена коми-пермяцких числительных русскими дала кое-кому повод думать о свёртывании категории числительных в коми-пермяцком языке и даже о возможности исключения этой категории из школьной программы.

Н. Рогов в предисловии к своей работе «Опыт грамматики коми-пермяцкого языка», составленной в 1860 году, утверждал, что через пятьдесят лет коми-пермяцкого языка не будет.

Утрата числительных свыше десяти, казалось бы, в какой-то степени подтверждает «предсказание» Н. Рогова.

Вопрос этот, однако, требует более обстоятельного рассмотрения.

Коми-пермяки стали считать начиная от десяти по-русски. Это бесспорный факт. Встаёт вопрос: угрожает ли это внутренним законам развития коми-пермяцкого языка? Нам кажется, что не угрожает. Коми-пермяки пользуются русскими числительными при счёте уже на протяжении приблизительно полвека. Однако подлинного расцвета коми-пермяцкий язык получил лишь в наше время, в эпоху советской власти. Следовательно, коми-пермяцкий язык имеет ещё большие жизненные силы, он развивается по своим внутренним законам. Некоторые из этих внутренних законов, касающиеся имён числительных, мы пытаемся рассмотреть в настоящей работе.

Займствованные русские числительные одиннадцать, двенадцать, двадцать пять, сто, двести и т. п. следует считать чисто словарными займствованиями, так как в речи они подчиняются законам грамматики коми-пермяцкого языка. Попав в распоряжение грамматики коми-пермяцкого языка, они в именительном падеже сочетаются с существительными в именительном же падеже, а не в родительном, как это имеет место в русском языке. Например: *одиннадцать вӧв* 'одиннадцать лошадей'; *двадцать морт* 'двадцать человек'. Числительные, усвоенные из русского языка, в позиции сказуемого могут согласоваться с подлежащим в числе посредством *-ӧсь*, а значение итогового счёта передаётся с помощью *-а*: *Быдӧсьыс курӧггес пятнадцатяӧсь* 'Всего куриц пятнадцать'. *Миян бригаадын куканнес двадцать дваа* 'В нашей бригаде телят двадцать два'.

Форма на *-а* употребляется и тогда, когда числительное заменяет опущенное имя (субстантивируется), например: *Пятнадцать морт уджалісӧ, а двенадцатя шоччисісӧ* 'Пятнадцать человек работали, а двенадцать отдыхали'.

Марксистское языкознание признаёт колоссальную устойчивость грамматической системы языка. Это подтверждается коми-пермяцким материалом. Все морфологические

³ См. об этом: Рогов Н. Опыт грамматики пермяцкого языка. С.-Петербург. 1860.

приметы коми-пермяцких числительных переходят на числительные, заимствованные из русского языка.

Словосочетания типа *восемь домов, двенадцать лошадей, двадцать лет*, которые часто встречаются в коми-пермяцком просторечии, нельзя считать литературной нормой. Особый интерес представляет то, что даже эти русские сочетания числительного с существительным в целом подвергаются коми-пермяцкому словоизменению. Примеры из просторечного стиля: *Талун двенадцать лошадейӧн мунісӧ вӧрӧ* 'Сегодня на двенадцати лошадях уехали в лес'. *Лектор локтіс десять минутӧн сӧрӧнжык* 'Лектор пришёл десятью минутами позже'.

Вышеизложенное не даёт основания говорить об исчезновении категории числительных коми-пермяцкого языка. Коми-пермяцкий язык, как и любой другой язык, не может обходиться без количественных слов.

2. ЗНАЧЕНИЕ ЧИСЛИТЕЛЬНОГО

Группа слов, обозначающая количественный признак предметов, а также порядок их по счёту, называется именем числительным.

В одних случаях имена числительные могут употребляться как слова абстрактного счёта, в отвлечении от конкретного предмета, иначе говоря, вне своего сочетания с существительным (*ӧтік, кык, куим, нӧль*), в других случаях они могут употребляться как слова конкретного счёта (*ӧтік вӧв, кык вӧв* и т. д.).

Числительные вне сочетания с именами существительными имеют те же словоизменительные особенности, что и имена существительные, но это не означает субстантивацию имён числительных. Они своим содержанием количественного признака сохраняют своё собственное значение слова.

Как правильно заметил Д. В. Бубрих, «числительные в коми языке по своим грамматическим признакам могут обнаруживать некое сплетение особенностей имён существительных и имён прилагательных»⁴.

Существительность числительных сказывается в том, что они могут иметь при себе определения. Так, например, названия разряда десятков, начиная с двадцати, все составлены по типу определительных словосочетаний (речь идёт о ныне устаревших числительных, напр. *кыкдас, куимдас, нӧльдас, витдас* и т. д., в которых первый компонент являлся определением: *куимдас < куим дас* 'три десятка').

Подобно существительным, числительные могут выступать в сочетании с послелогоми, напр. *Колхозӧн вӧввес двести гӧгӧр*.

Прилагательность числительных сказывается в том, что, предшествуя имени существительному, они обнаруживают те же особенности, что и имя прилагательное: с существительным не согласуются, а примыкают, в случае вхождения в сферу сказуемого числительные согласуются с подлежащим в числе (при подлежащем во множественном числе они могут принимать показатель множественного числа прилагательного *-ӧсь*), например: *Татӧн морттӧс кыка(ӧсь)* 'Здесь людей двое'.

Подобно прилагательным числительные могут субстантивироваться, т. е. употребляться вместо существительного. Субстантивируясь, числительные принимают все словоизменительные особенности опущенного имени существительного. Причём субстантивированное имя числительное в винительном падеже, как и имя прилагательное, имеет окончание *-ӧ* (ср. у одушевлённых существительных *-ӧс*), например: *Нӧль кукань ийрсӧны, а кыка куылӧны* 'Четыре телёнка пасутся, а два лежат'. *Ме адзза кыкӧ* 'Я вижу два'.

Свои грамматические особенности числительные выделяют при их синтаксическом употреблении. Являясь определением предмета в его количестве, числительные не

⁴ См.: Бубрих Д. В. Грамматика литературного коми языка. Л., 1949. С. 95.

К ВОПРОСУ О КАТЕГОРИИ ИМЁН ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ В КОМИ-ПЕРМЯЦКОМ ЯЗЫКЕ

обнаруживают зависимость от определяемого имени, а наоборот, сама форма имени попадает в зависимое от числительного положение: имя при количественном числительном не изменяется по числам. Оно всегда стоит в форме единственного числа, например: *Куим морт мунисö уджавны* 'Три человека пошли на работу'.

Следовательно, синтаксическая связь имени с числительным получает иное оформление, чем такая же связь определяемого с его определением.

Числительное, кроме того, отличается от имени тем, что не имеет категории числа. Только у субстантивированных числительных выступают числовые различия.

Понятие о числе выражается в лексическом значении самих числительных, поскольку они обозначают количество многих предметов, например *öтик морт* 'один человек' и *вит морт* 'пять человек'.

Имена числительные могут меняться местом с тем именем существительным, к которому относятся. Перестановка числительного придаёт значение приблизительного счёта.

Ашын вöв кыкөн мунасö станцияö 'Завтра приблизительно на двух лошадях поедут на станцию'. Переместившееся имя числительное может взять на себя некоторую грамматическую нагрузку существительного: падеж, определительные суффиксы. Однако, форм числа числительное всё же не имеет и при этом условии.

3. РАЗРЯДЫ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

Весь состав имён числительных подразделяется на разряды, которые отличаются друг от друга как по смыслу и строению, так и по синтаксическому употреблению.

Количественные числительные

К количественным числительным относятся те, которые обозначают количество предметов. Состав количественных числительных небольшой.

Употребляясь в значении имён существительных, количественные числительные изменяются по падежам. Причём в винительном падеже они, как и имена прилагательные, принимают окончание *-ö*.

Обозначая количество предметов, числительные сами по себе не могут носить категорию числа. Но при условии субстантивации они, как и имена существительные, принимают суффикс множественного числа *-ез (-эз)*. Количественные числительные не только сами не изменяются по числам, но они своеобразно относятся и к имени существительному. Они всегда требуют, чтобы существительное стояло в единственном числе, например: *öтик книга* 'одна книга', *квать книга* 'шесть книг'.

Определяя количественный признак предмета, числительное с существительным не согласуется ни в числе, ни в падеже. Формой грамматической связи числительного с существительным является примыкание. Числительное в коми-пермяцком языке может примыкать к любой падежной форме. Примеры: *кык морт* 'два человека', *кык мортлön* 'у двух человек', *кык мортлись* 'от двух человек', *кык мортöс* 'двух человек' и т. д. В отличие от имён существительных количественные числительные не могут определяться прилагательными.

В предложении количественные числительные могут быть подлежащими, например: *Дас оз янсöтсьы куим вылö остатоктöг* 'Десять не делится на три без остатка'; *Нель морт мунисö вөрö* 'Четыре человека пошли в лес'; сказуемым, например: *Ния вöлсö витайсь* 'Их было пятеро'; дополнением, например: *Сизимön öтикöс оз видзчисьö* 'Семеро одного не ждут'.

По смыслу количественные числительные могут быть подразделены на две группы:

1. Числительные точного счёта. Они показывают точное количество предметов. Основные имена числительные точного счёта в коми-пермяцком языке следующие: *öтик*

'один', *кык* 'два', *куим* 'три', *нэль* 'четыре', *вит* 'пять', *кватъ* 'шесть', *сизим* 'семь', *кыкъямыс* 'восемь', *о́кмыс* 'девять', *дас* 'десять', *одинадцать*, *двенадцать*, *тринадцать* и т. д. (счёт дальше идёт с помощью русских числительных).

2. Числительные неточного счёта. Они обозначают неопределённое количество (неточный счёт) предметов. Это слова: *мымда* 'сколько', *уна* 'много', *сымда* 'столько', *невна* 'мало', *кыным* 'сколько', *етиша* 'мало', *кынымкө* 'сколько-то', *мымдакө* 'сколько-то'.

Являясь сказуемыми, числительные неточного счёта при подлежащем во множественном числе могут оформляться с помощью *-дсь* подобно именам прилагательным.

Что касается до *уна* 'много', *невна* 'мало', *етиша* 'мало', то они способны изменяться, как и прилагательные, и по степеням сравнения. Примеры: *Татён вөввес унажык* 'Здесь лошадей больше'.

Все эти слова ещё характеризуются тем, что совмещают значение числительных с функциями наречий. Примеры: *Уна сёйны* 'Много кушать'. *Унаён етшажык сёйны* 'Много меньше кушать'.

Обобщительные числительные

Выделение числительных *кыкнан* 'оба', *куимнан* 'все три' и вообще всех слов с суффиксом *-нан* — *нэ́лнан*, *ви́тнан*, *ква́тнан* и т. д. — в особый разряд числительных производится как на основе их морфологических свойств (особое словообразование), так и на основе их своеобразного значения. Эти числительные ни в коем случае не соответствуют русским собирательным числительным с суффиксом *-еро*: *четверо*, *пятеро*, *семеро* и т. д., как это делает школьный учебник, называя их одинаковым термином «собирательные числительные».

Категория числительных типа *кыкнан*, *куимнан* содержит значение сообщительности предметов. *Нія кыкнанныс велөтчöны школаын* 'Оба они учатся в школе'. *Кватънан классыс вөлісө ыджытöсь да югытöсь* 'Все шесть классов были большими и светлыми'. Поэтому их следовало бы назвать обобщительными числительными. Обобщительные числительные всегда употребляются с именами существительными или личными местоимениями.

Примеры: *кыкнан киас* 'в обеих руках', *куимнанныс ня* 'все они трое'.

В самостоятельном употреблении к обобщительным числительным наращивается притяжательная суффиксация: *кыкнанным* 'оба мы', *кыкнанныт* 'оба вы', *кыкнанныс* 'оба они'.

Притяжательные суффиксы *-ным*, *-ныт*, *-ныс* с обобщительными числительными обозначают не принадлежность 'нам', 'вам', 'им', а подчеркивают значение лица. Примеры: *кыкнанным* 'оба мы', *куимнанным* 'трое мы'.

В связи с этим числительные типа *кыкнанным*, *куимнанным* следовало бы назвать лично-обобщительными.

Обобщительные числительные в предложении выступают определениями к именам существительным, например: *Сылөн кыкнан кыис вөлісө тыраөсь* 'Обе руки его были заняты'.

Лично-обобщительные числительные преимущественно выступают в роли подлежащего и дополнения. Примеры: *Куимнанным вөлімө өтпөвсөн* 'Все трое мы были без пальто'; *Кыкнаннымөс пригласитисө йөктыны* 'Обеих нас пригласили танцевать'.

По образованию особо стоят числительные: *өтнам* 'один (одна) я', *өтнат* 'один (одна) ты', *өтнас* 'один (одна) он (она)', *өтнаным* 'одни мы', *өтнаныт* 'одни вы', *өтнаныс* 'одни они'. Они тоже относятся к лично-обобщительным числительным.

Обобщительные числительные, как правило, образуются от числительных — названий единиц. От заимствованных числительных они не образуются.

Порядковые числительные

Порядковые числительные образуются от количественных с помощью форманта *-ӧт*: *куимӧт* 'третий', *нӗльӧт* 'четвёртый', *витӧт* 'пятый'.

Основным значением порядковых числительных является выражение порядка следования предметов при счёте. Образованные от корней количественных числительных (за исключением слов *медодзза* 'первый' и *мӧдӧк* 'второй'), они сохраняют и основное значение их — значение счёта. Основа порядковых числительных выражает количественное понятие.

По своему лексическому составу порядковые числительные представляют небольшую группу слов, образованных от количественных числительных.

В предложении порядковые числительные выступают в той же роли, что и прилагательные.

Свыше десяти коми-пермяцкий язык употребляет порядковые числительные, заимствованные из русского языка, с той, однако, разницей, что окончания *-ий, -ый, -ой* в коми-пермяцком языке переходят в *-ӧй*. Примеры: *одиннадцатӧй* 'одиннадцатый', *двадцатӧй* 'двадцатый' и т. д.

4. СЛОВООБРАЗУЮЩАЯ РОЛЬ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

От корней имён числительных с помощью различных суффиксов могут образовываться слова, относящиеся к разным частям речи.

С помощью суффикса *-ӧн* от количественных числительных образуются собирательные наречия, например: *куимӧн* 'втроём', *кыкӧн* 'вдвоём'.

Входя в сферу сказуемого или являясь сказуемым при подлежащем во множественном числе, собирательные числительные могут принимать суффикс *-ӧсь*, например: *Нӗя вӧлӧсӧ кыкӧнӧсь* 'Они были вдвоём'.

В неопределённо-личных предложениях образования на *-ӧн* могут приобретать роль подлежащих, например: *Сизимӧн ӧтӧкӧс оз видзчисӧ* 'Семеро одного не ждут'.

Собирательные наречия с помощью *-ӧн* могут образовываться и от русских количественных числительных. Примеры: *одиннадцатьӧн* 'в одиннадцать человек', *двадцатьӧн* 'в двадцать человек', *двадцать пятьӧн* 'в двадцать пять'.

Следует сказать, что часто наречные образования на *-ӧн* совмещают функции собирательных числительных. Примеры: *Тӧн кӧдзисӧ дас морт, а талун ыб вылӧ петӧсӧ двадцать пятьӧн* 'Вчера сеяли десять человек, а сегодня на поле вышли двадцать пять'.

С помощью суффикса *-ись* от количественных числительных образуются кратные наречия, отвечающие на вопрос «Сколько раз?» Пример: *куимись* 'три раза', *нӗлӧись* 'четыре раза'.

С этим же значением выступают наречия на *-нӧв* (в самостоятельном употреблении означает 'половину'), отвечающие на вопрос «Сколько раз?» Примеры: *куимнӧв* 'три раза, в три слоя'.

От наречий на *-нӧв* образуются прилагательные с суффиксом *-са*: *кыкнӧвса* 'двухслойный', *куимнӧвса* 'трёхслойный', *нӗльнӧвса* 'четырёхслойный'.

В свою очередь от этих прилагательных образуются:

- 1) глаголы, например, *кыкнӧвсӧтны* 'сдвоить';
- 2) наречия: *кыкнӧвсӧн* 'в два слоя, вдвойне (сложить)', *куимнӧвсӧн* 'в три слоя, втройне', *нӗльнӧвсӧн* 'в четыре слоя'.

С помощью суффикса *-пыр (-пырись)* от порядковых числительных образуются наречия на вопрос «Который раз?», например: *куимӧтпырись* 'третий раз', *нӗльӧтпыр* 'четвёртый раз'.

От количественных наречий на *-ись* образуются наречия же с помощью *-ён*, употребляющиеся на вопрос «По сколько раз?», например: *кумисьён* ‘по три раза’, *нелисьён* ‘по четыре раза’.

С помощью суффикса *-ись (-ись)* от порядковых числительных образуются наречия на вопрос «Который раз?», например: *нэльотись* ‘четвёртый раз’, *кумётись* ‘третий раз’.

5. ПРИБЛИЖЕНИЕ ИМЁН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ К ИМЕНАМ ЧИСЛИТЕЛЬНЫМ

В категорию числительных притягиваются слова, используемые для указания количества. Существительные, употребляющиеся для указания количества, ведут себя точно так же, как и числительные. Они стоят перед существительным, к которому относятся, с последним не согласуются. Словоизменительные суффиксы наращиваются на то существительное, количественный признак которого уточняется. Примеры: *пара вёв* ‘пара лошадей’; *мешок зёр* ‘овёс количеством с мешок’ (ср. *зёр мешок* ‘мешок овса’); *ведра ва* ‘вода с ведро’; *додь турун* ‘сено с воз’; *кёнёс ва* ‘вода с кадку’; *гоз корось* ‘дружок веников’.

Для указания количества иногда употребляются целые словосочетания.

Однако это приближение к числительным не ведёт к утрате некоторых особенностей существительного. Отличает их от числительного то, что они не могут выйти из позиции перед существительным.

Для обозначения приблизительного количества употребляется сочетание с послелогом, например: *стакан мымда ва* ‘вода со стакан’.

Существительные, употребляющиеся в значении числительного, не могут принимать суффикс множественного числа *-ёсь*.

Если дело касается меры, то употребляются сложные слова, вторым компонентом которых является *-тыр* и *-джын* с его своеобразным употреблением. Например: *ведратыр ма* ‘полное ведро мёду’; *ведраджын ва* ‘полведра воды’; *содзтыр пизь* ‘полная горсть муки’; *ёмтыр ва* ‘полный рот воды’.

Приближение вышеуказанных слов к числительным сказывается также и в том, что у слов *ведра*, *содз*, *ём* в вышеуказанном употреблении предметное значение ослабляется за счёт увеличения количественного значения.

Таковы в кратких чертах наши соображения о категории числительных в коми-пермяцком языке.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ СЛОВА *

Изобразительными принято называть слова, которые служат для условного изображения различного рода звучаний, сопровождающих действия или состояния предметов окружающей природы, или для передачи звуками двигательных и зрительных образов, движений, состояний, качеств и т. д.

Изобразительные слова в коми языке уже были предметом исследования. Так, например, богатый материал по этому вопросу собран М. А. Сахаровой, составившей рукописный словарь изобразительных слов коми-зырянского языка. В 1949 году вышла из печати статья М. А. Сахаровой «Изобразительные слова в коми языке»¹, в которой делается попытка охарактеризовать изобразительные слова с точки зрения фонетической и грамматической.

Из фонетических особенностей отмечается способность изобразительных слов выступать парами с варьированием гласного.

По морфологическим признакам изобразительные слова М. А. Сахарова сближает с наречиями. Кроме того, в работе приводится большой материал о словообразующей роли изобразительных слов, составе суффиксов, с помощью которых от изобразительных слов образуются изобразительные глаголы, изобразительные прилагательные, изобразительные существительные.

Обращался к изобразительным словам и виднейший советский финно-угровед проф. Д. В. Бубрих. В работе «К проблеме изобразительной речи»², опираясь на рукописный словарь изобразительных слов М. А. Сахаровой, Д. В. Бубрих делает тонкие наблюдения фонетической стороны изобразительных слов. Он отмечает, что в повторяющихся изобразительных словах гласный повтора всегда ниже по подъёму гласного основания, который бывает верхнего подъёма. Это явление проф. Д. В. Бубрих объясняет следующим образом: «...повтор производится в обстановке ослабления напряжённости артикуляции, и подъём языка, падая, приближается к подъёму, характерному для простого крика»³.

Анализируя изобразительные слова с точки зрения лексико-грамматической, Д. В. Бубрих указывает, что «изобразительные слова сопоставимы с деепричастиями»⁴.

Весьма интересными являются наблюдения Д. В. Бубриха о семантической стороне изобразительных слов. В отличие от неизобразительных знаменательных слов, обобщающий характер изобразительных слов несколько иной. Это обобщение покоится на различении всевозможных деталей в звучании предметов природы, их зрительных образов.

На основе данных о формальной и семантической стороне изобразительных слов Д. В. Бубрих делает выводы о связи изобразительных слов с наглядно-образным мышлением.

* В помощь учителю. Кудымкар, 1962. С. 44–70.

¹ Советское финно-угроведение. Т. 4. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1949. В работе имеется в виду коми-зырянский язык.

² Ученые записки Кар.-Финского университета. Т. 3. Вып. 1. Исторические и филологические науки. 1949.

³ Там же. С. 87.

⁴ Там же. С. 83.

Выводы, к которым пришли, рассматривая изобразительные слова коми-зырянского языка, Д. В. Бубрих и М. А. Сахарова, в основном применимы и к коми-пермяцкому языку.

Изобразительные слова в коми-пермяцком языке также представлены очень богато. Достаточно сказать, что только условных изображений звучания текущей жидкости насчитывается более десяти. При этом значительная часть изобразительных слов коми-пермяцкого языка, по-видимому, возникла самостоятельным путём, т. к. одни и те же звучания передаются часто в обоих языках различными звуковыми комплексами.

Изобразительные слова коми-пермяцкого языка до последнего времени не исследовались. В существующих грамматиках они не имеют определённого места в системе частей речи. Так, например, школьная грамматика часть изобразительных слов относит к наречиям образа действия, другую часть — к междометиям.

Настоящая работа является результатом специального исследования изобразительных слов коми-пермяцкого языка. Материалом для неё послужила живая коми-пермяцкая речь, а также художественные произведения коми-пермяцких писателей.

Автор ставит перед собой задачу зафиксировать наиболее употребительные в современном коми-пермяцком языке изобразительные слова, последовательно рассмотреть основные семантические, фонетические и грамматические особенности изобразительных слов и на этой основе определить их место в системе частей речи коми-пермяцкого языка.

Современный коми-пермяцкий язык немыслим без изобразительных слов. Они играют важную роль в разговорной речи, в фольклоре, а также в художественной литературе. Писатели очень часто используют их в качестве средств, позволяющих ярко, образно, живописно передать действия, состояния, поступки персонажей, картины природы.

Возьмём к примеру следующий отрывок из произведения М. П. Лихачёва «Менам зон» («Мой сын»):

Вдруг та-та-та-та... пондiс косявны-луйны броневик вывсаынь пулемёт, сы бõрсаынь лобтiсис сярзыыны мõдiк... Дзин-н... дзин-н... дзин-н... только мунõны Мирош бокõт пулязз... пач... пач... пач... потõны нiя, кõдна ишмасõ пуõ. Перевод: 'Вдруг тра-та-та-та... стал стрелять с броневика пулемёт, за ним затрещал другой... (дзин-н — подражание свисту пули) свистят около Мироша пули... (пач — подражание разрыву пули) с шумом разрываются те, которые попадают в деревья'.

В этом отрывке изобразительные слова *та-та-та*, *дзин-н*, *пач*, относящиеся к глаголам, определяют их условным изображением звучаний, которые были слышны, когда стрелял пулемёт (*та-та-та*), свистели (*дзин-н...*) и разрывались (*пач...*) пули.

Все изобразительные слова коми-пермяцкого языка по значению можно подразделить на две большие группы:

- 1) звукоизобразительные (звукоподражательные);
- 2) образноизобразительные (образоподражательные).

ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬНЫЕ СЛОВА

Звукоподражательные слова представляют собой условное воспроизведение аффективных выкриков, звуковых особенностей речи человека, криков животных и различных звучаний живой и неживой природы.

Поэтому их звуковой состав очень часто непосредственно связан с природой воспроизводимого звучания. Так, например, для передачи тихих звучаний (шороха, шелеста, шуршания) подбираются звуковые комплексы преимущественно с глухими согласными, куда непременно входит *ш*, прямо воспроизводящий шорох: *шу-шу-шу* — подражание шушуканью; *кыш-паш* — подражание шуршанию листьев, тихой игре детей и т. д. Например: *Õгань кыш-паш пасьтасис чожа. Чышьяно каттис узõлок.*

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ СЛОВА

(М. Лих.) ‘Огань беззвучно (тихо) оделась быстро. В платок завернула узелок’; *Писарь кыш-наш ёктышитис бумагаэсё — да пызанё*. (М. Лих.) ‘Писарь тихо собрал бумаги — и в стол’; *Учёттик Иван кыш-наш кылё орё угёлокас* ‘Маленький Иван тихо играет в уголке’. От изобразительного корня *кыш* происходит слово *кышётны* ‘шелест, шуршать, что-нибудь делать очень тихо’.

Напротив, для передачи сильных звучаний употребляются звуковые комплексы, состоящие из звонких согласных, с включением сонорных звуков: *гым-гым* — подражание грому, сильному стуку, грохоту и т. д. От корня *гым* происходят: глагол *гымавны* ‘греть’, существительное *гымалём* ‘гром’.

Конечные согласные в звукоподражательных словах могут передавать и оттенки продолжительности звучания. При этом для изображения длительных звучаний обычно в конце слов используются сонорные согласные *в, ль, р*, которые можно долго тянуть. Примеры: *чиль-чоль* — подражание непрерывному течению очень слабой и тонкой струи жидкости; *дзиль-дзоль* — подражание непрерывному течению более сильной и толстой струи жидкости; *чав-чав* — подражание непрерывному течению широкой струи воды, например, из желобов и т. д. Наличие в конце слова смычных согласных звуков, которые нельзя тянуть, указывает обычно на прерываемость действия, а также на резкость или мгновенность воспроизводимого звучания: *чильк-чольк* — подражание временами прерываемому течению слабой тонкой струи жидкости; *дзильк-дзольк* — подражание отрывистому течению более сильной и толстой струи жидкости, чем предыдущая; *звирк керис* ‘мелькнул’, *швырк летис* ‘моментально исчез (вышел)’.

Звуки в природе обычно сопутствуют действию предмета или испытываемому им состоянию. Поэтому звукоподражательные слова почти исключительно употребляются с глаголами. При этом одна часть звукоподражательных слов употребляется с лексически полнозначными глаголами, другая часть сочетается с глаголами, выступающими в ослабленном лексическом значении.

В первом случае звукоподражательные слова уточняют, предельно конкретизируют или своеобразно усиливают лексическое значение полнозначного глагола, например: в сочетании *ковс-ковс юны* ‘пить большими глотками (взахлёб)’ звукоподражательное слово *ковс-ковс* образно уточняет лексическое значение глагола *юны* ‘пить’, передаёт характер движений органов глотания; в сочетании *чиж-важ пилитны* ‘пилить (так, чтобы пила визжала)’ *чиж-важ*, помимо основного значения (воспроизведения визга пилы), вносит в значение глагола *пилитны* оттенок интенсивности проявления действия; в сочетании *гыма-йирка пырны* ‘с шумом войти’ изобразительное слово *гыма-йирка* передаёт конкретный характер шума (он был сильный, на что указывают сонорные согласные *м, р*, и неоднородный, о чём говорят различные изобразительные корни).

Употребляясь с лексически ослабленными глаголами, звукоподражания с их помощью сами становятся словами, выражающими понятия. Их лексический вес в этом случае возрастает. В качестве лексически ослабленных глаголов употребляются *керны* в самостоятельном значении ‘делать’, *муины* ‘идти’. Потенциально все звукоподражательные корни могут сочетаться с *керны*, который в этом случае по функции приближается к грамматическому форманту, например: *кыш-наш керны* по значению равно *кышётны* ‘шелестеть, шуршать, издавать шорох’, *гым-гым керны* равно *гымнитны* ‘грохнуть’, *сют-сят керны* равно *сятнитны* ‘затрещать’, *гыж-важ керны* равно *гыжнитны* ‘издать звук царапанья’. При всей близости значений сравниваемых конструкций всё же обороты с изобразительными словами более ярки, образны, красочны. При этом они чаще используются в устной речи и художественной литературе в качестве средств эмоциональной выразительности.

Употребляясь с глаголами, звукоподражательные слова обычно предшествуют им. Но нередки случаи и отрыва от слов, с которыми они связаны, например: *кинкё буль-боль юас керас* (пословно) ‘кто-то буль-боль в реке сделает’; *усис крыша вылись лым гыж-важ* (пословно) ‘упал с крыши снег с шумом’ (*гыж-важ* — воспроизведение шума падения

снега). Между изобразительным словом и глаголом очень часто стоит частица *только*: *Дзыкыр-дзыкыр только керис пиннезнас* ‘проскрежетал зубами’; *Пурк только лэбзис кайыс* ‘Пырк только улетела птица’. В некоторых случаях звукоподражательное слово находится в постпозиции слова, с которым употребляется: *Виль порядок керим жыи* ‘Новый порядок установили прочно’; *Челядь орсёны кыш-наш* ‘Дети играют тихо’.

Звукоподражательные слова по источнику воспроизводимого звучания можно условно подразделить на следующие подгруппы:

- 1) звукоподражания аффективным выкрикам и особенностям речи человека;
- 2) звукоподражания крикам животных и птиц, звукам, издаваемым насекомыми;
- 3) подражания звукам, сопровождающим действия человека, животных, а также звучаниям неживой природы.

1. Звукоподражания аффективным выкрикам и особенностям речи человека:

вак-вак — подражание хохоту: *вак-вак серёмтчыны* ‘громко засмеяться (широко раскрыв рот, как при произношении звука а)’.

рыз-рыз — подражание хохоту: *рыз-рыз серёмтчыны* ‘засмеяться менее громко (часто в ироническом смысле), заржать’.

пильс — подражание смеху: *пильс серёмтчыны* ‘засмеяться, чуть-чуть раскрыв рот, хихикнуть, ехидно улыбнуться’.

нюм — подражание смеху: *нюм мунны* ‘слегка ухмыльнуться’.

шынь — *шынь серавны* ‘засмеяться, смеяться’.

ка-ка-ка || **ки-ки-ки** — подражание хохоту, часто без оттенков в форме смеха.

гот-гот — подражание смеху: *гот-гот серавны* ‘смеяться раскатисто (о детском смехе)’.

ваш-ваш-ваш || **шу-шу-шу** — подражание шушуканию, шёпоту: *Инькас шу-шу-шу отамодныскот вашкөтчоны-баитоны* ‘Женщины шу-шу-шу друг с другом шепчутся’.

кив-кив-кив — подражание визгу: *Нывказ горон кивзёны-сералёны* ‘Девушки громко визжат, хохочут’.

боб-боб-боб — подражание бормотанию, ворчанию: *Пёрись старуха ныр увтас пыр бобгё боб-боб-боб* ‘Дряхлая старуха под нос вечно ворчит боб-боб-боб’.

дзыкыр-дзыкыр || **гичыр-гичыр** — подражание скрежесту зубами: *Оськөвтис, сувтыштис да дзыкыр-дзыкыр только керис пиннезнас* (М. Лих.) ‘Шагнул, приостановился и заскрежетал зубами’.

чуп-чуп — подражание чмоканью, поцелую: *Чуп-чуп кагаыс нималё сюрсё* ‘С чмоканьем ребёнок сосёт соску (букв. рог: у пермяков соска надевается на рог)’.

свиж || **свис** — подражание свисту: *Кинкё ылын свиж шутнёвтис* ‘Кто-то вдали свистнул’.

корс-корс || **кор-р-кор-р** — подражание храпу спящего: *Керкутыр корр-р-кор-рр кылё* ‘Во всём доме слышно кор-рр-корр (храп)’.

рьявк да рьявк || **ряк-ряк** — изображение крика человека: *Сыбёрын ряк-ряк пондис горётлыны* ‘Потом стал кричать неистово’.

2. Звукоподражания крикам животных и птиц, звукам, издаваемым насекомыми

1) Подражания крику животных:

ба-а || **бля-а** — подражание бляению овец: *Ба-а керис баляыс* ‘Заблеяла овца’.

вик-вик || **жек-жек** — подражание визгу свиньи: *Вик-вик керис гидьяс порсьыс* ‘Завизжала свинья в хлеву’.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ СЛОВА

рёк-рёк || **ыр-р-ыр-р** — подражание хрюканью свиньи: *Рёк-рёк кыліс неылын* 'Хрю-хрю слышалось близко'.

и-ив — подражание ржанию лошади: *И-ив гөрөвтис Воронко* 'Иго-го заржал Воронко'.

ляв-ляв || **ав-ав** || **кав-кав** || **тяв-тяв** || **вув-вув** — подражания различным формам лая собаки: *Кынымиськө ляв-ляв керис Лапко* 'Несколько раз гавкнул Лапко'.

эр-р-р — подражание ворчанию собаки.

му-у || **ны-ы** || **м-м-м** — подражание мычанию коровы: *Мы-ы... мы-ы-ы кыліс бөра кусттээ сайын* (В. Исаев) 'Му-у... му-у-у слышалось опять за кустами'.

ме-е — подражание блеянию козы.

няв-няв || **мяу-мяу** — подражание мяуканию кошки: *Ня-ав, ня-ав кыліс джоджулас* 'Мяу, мяу слышалось в подвале'.

мур-мур — подражание мурлыканью кошки.

пик-пик — подражание писку мыши: *Пик-пик кыліс гор саяс* 'Пи-пи слышалось за печкой'.

у-у-у — подражание вою волков: *У-у-у унньөвтис көин* 'У-у-у завыл волк'.

2) Подражание крику и пению птиц:

го-го-го || **ге-ге-ге** — подражание гоготанию гуся: *Дзодзог ге-ге-ге горөтис...* (В. Боталов) 'Гусь га-га-га крикнул'.

кар-р, кар-р — подражание карканью вороны: *Кар-р! Кар-р!* — *майөг йылас ракаыс керис* 'Кар! Кар! — крикнула ворона на коле'.

китиш-китиш || **кытиш-кытиш** — изображение крика сороки: *Катишээ... мыйкө баитисө отамөдныскөт: кытиш-тиш! кытиш-кытиш!* (Д. Лаптев) 'Сороки... что-то говорили между собою: кытш-кытш!'

кот-кот-тэк || **ко-ко-ко** — подражание кудахтанью курицы.

крив-крув — подражание крику журавля: *Крив-крув, — лэбтисисө вылө туриээ* 'Крив-крув, — поднялись ввысь журавли'.

кулик-кулик — подражание крику бекаса.

кук-ку, кук-ку — подражание крику кукушки: *И вдруг одзам кыла: кук-ку! кук-ку!* 'И вдруг впереди слышу: кук-ку! кук-ку!' (В. Боталов).

ку-ку-ре-ку — подражание крику петуха: *Петуххез ни сьылісө: ку-ку-ре-ку!* 'Петухи уже пели: ку-ка-ре-ку!'

ур-р, ур-р — подражание воркованию голубя: *Дудіээ өшын вевдөрас ургөны: ур-р, ур-р* 'Голуби над окном воркуют: ур-р, ур-р'.

чив-чив — подражание пению воробья: *Воробей пуксис өшын вевдөрө, чив-чив керышитис и бөр лэбзис вөрланьө* 'Воробей сел на окно, почирикал и снова улетел к лесу'.

шив-шив — подражание гоготанию маленьких гусят, утят: *Шыв-шив керлісө дзодзог типпез* 'Пи-пи запипикали гусята'.

тук-тук || **тыр-тыр-тыр** — подражание стуку дятла: *Тыр-тыр-тыр висьталө кыр* 'Полно-полно-полно говорит дятел' (*тыр* — звукоподражание созвучно с наречием *тыр* 'полно').

кря-кря — подражание кряканью уток.

герс-герс — подражание пению коростеля: *Герс-герс кылөны видззез вылын герсканнээ* 'Герс-герс слышны на лугах коростели'.

кли-клу || **кли-кли-клу** — подражание крику лебедей: *Сыбөрын дыр эшө кылісө нылөн (юссезлөн) негора шыэзныс: Кли-клу! Кли-кли-клу!* (В. Боталов) 'После этого долго ещё слышались их (лебедей) негромкие крики: Кли-клу! Кли-кли-клу!'

чав-чав — подражание крику галок: *Керку юр вылас чав-чав керлісө чавканнээ* 'На крыше дома кричали галки'.

3) Подражания звукам, создаваемым насекомыми:

дбрунь — подражание жужжанию жука; *дбруньгаг* ‘навозный жук’.

дзин-н — подражание жужжанию мухи, комара, пчелы: *Ном тшыгыувьяс лөгасис и мымда вын пондiс горöтлыны: дзин-н!* (Л. Нилогов) ‘Комар сголоду рассердился и изо всех сил стал кричать: дзин-н!’

з-з-з — подражание жужжанию осы.

у-у-у — подражание звукам, издаваемым оводом.

чик-чик-чик || **чик-чирик** — подражание стрекотанию кузнечика.

чирс-чирс — подражание стрекотанию сверчка.

3. Подражания звукам, сопровождающим действия человека и животных, а также звучаниям неживой природы:

кир(а)-вар(а) || **чиж-важ** — подражание звуку разрывания материи, хрипам в горле: *Ефрем сувтiс амбар вöск дорас, чиж-важ воротсяняс косялiс йöрнöссö и горöтiс* (М. Лихачёв) ‘Ефрем встал у края чердака амбара, (чиж-важ) от ворота разорвал рубашку и крикнул’; *Кир-вар косяяс чышьяныс* ‘С шумом порвался платок’; *Кир-вар, кир-вар кылö горшас* ‘В горле хрипит’.

бут-бут || **бут-бат** — подражание шуму при сильном стуке, падении: *Да сэтчö пезьдiс, усис бут, лэбталiс коккез, кыдз майöггез* (М. Лихачёв) ‘Да тут сорвался, упал со стуком, задрал ноги, как колья’.

гира-гара || **гыма-йирка** — подражание топоту людей: *Гира-гара керкуö пырисö челядь* ‘С шумом в дом вошли дети’.

гыж-гыж — звуки царапания, чесания: *Гыж-гыж керис тошö Гаврил да öзтiс трубкасö* (М. Лихачёв) ‘Почесал бороду Гаврил и зажёл трубку’.

гым-гым — звук удара, например, кулаком или чем-нибудь тяжёлым: *Микишко гым да гым пызан кузя кулакнас вартö* (М. Лихачёв) ‘Микишко (гым-гым) по столу кулаком бьёт’. Это же изобразительное слово употребляется для подражания звукам грома.

дзурк || **дзурк-вирк** — подражание скрипу двери, пола, телеги, обуви: *Дзурк оссис Ефремлөн керку ыбöсыс* (М. Лихачёв) ‘Со скрипом открылась дверь дома Ефрема’; *Виль сапоггез дзурк-вирк керöны* ‘Новые сапоги скрипят’.

жиль-жоль || **жильк-жольк** — подражание звуку удара по железу, звону стекла, поднятию курка ружья: *Быдöнныс жиль-жольк лэбтiсö пишаль курооккесö* (М. Лихачёв) ‘Все со звоном подняли курки пищалей’; *Жиль-жольк пöднассис ыбöсыс* ‘Со звоном закрылась дверь’.

ковс-ковс — звуки кашля: *Ковс-ковс кашельнитiс* ‘Ковс-ковс кашлянул’.

кыш-паш || **кыша-паша** — звуки шелеста, шороха, шёпота: *Кыша-паша шушкышитiсö ас коласаныс листтэз...* (М. Лихачёв) ‘(Кыша-паша) пошущукали между собою листья...’

куж-каж || **каж-каж** || **кужа-кажа** — подражание хрусту, треску: *Эта выныс и Яран Гаврилiэсö да Чебрень пияниэсö куж-каж таяяс...* (М. Лихачёв) ‘Эта сила и Яран Гаврилов и Чебрёных с треском задавит...’

ризь-ризь || **ризя-разя** || **ризя-вопка** — треск при падении, звук слома, например, деревьев: *Ризя-вопка пöрисö пуэз* ‘С треском валились деревья’.

турки-тарки — топот, стук по лестнице: *Ёрдчöмөн турки-тарки петкötис öтөрödззис* (М. Лихачёв) ‘С проклятиями (турки-тарки) вывел до улицы’.

тiрки-торки — звуки падения на лестнице (когда ‘считают’ лестницу): *Тiрки-торки лэдзчис улöдз лиснич кузя* ‘Сосчитал донизу лестницу (упал)’.

тiрс-торс || **торс-торс** || **турс-тарс** — звуки глухого удара, например, по дереву: *Торс-торс керис каблукнас* ‘Ударил каблуком’.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ СЛОВА

трин-бран || **трина-брана** — звуки звона железа, стекла, бокалов: *Трина-брана стукотисö рюмкааз* ‘Звенели рюмки’.

тор-тор-тор — подражание звукам, когда волокут что-то твёрдое: *Тор-тор кыссьö потш* ‘(Тор-тор) волочится жердь’.

шувк-шовк || **шовк-шовк** || **шувка-шовка** — подражание хлопанию, удару чем-нибудь широким: *Шувка-шовка вартöны нöшшез* ‘Хлоп-хлоп колотят колотушки’; *Оча кизз вачкам шовк-шовк* ‘В ладоши ударим хлоп-хлоп’.

сют-сят — подражание глухому треску: *Вот и фотоаппарат керис перыта сют-сят* (С. Караваев) ‘Вот и фотоаппарат затрещал быстро чик-чик’ (букв. ‘сделал быстро сют-сят’).

нюж-няж || **нюжа-няжа** — подражание хрусту под зубами: *Нюж-няж* || *няж-няж только курчöвтис размöд ягöддэсö, кöдна сюрисö äмас* (М. Лихачёв) ‘С хрустом раскусил несколько раз ягоды, которые попали в рот’.

буль-боль || **буля-боля** || **бульс-больс** — подражание бульканью, плеску воды: *Буля-боля ныв и зон васис петöны ни вон* (С. Караваев) ‘Буль-боль девочки и мальчики из воды уже выходят вон’; *Сапырнитис ягöдсö... да бульс-больс только лэдзис кружкаас* (М. Лихачёв) ‘Схватил ягоды... и бултых только опустил в кружку’.

стук-стук || **тук-тук** || **тук-ток** || **стуки-бряки** — подражание стуку, например, сердца, молотка: *Тук-тук-тук! Ток-ток-ток! вачкö-дорö молоток* (В. Климов) ‘Тук-тук-тук! Тук-тук-тук! ударяет молоток’; *Ток-ток сьäлём пессö* ‘Сердце стучит’.

пырк || **пурк** — подражание порханию птиц: *Пурк лэбзыны* ‘Вылететь, вспорхнуть (о птичке)’.

гып-гып — звукоподражание падению тяжёлого предмета: *Гып-гып усис кагыс лабич вывсис* ‘Грохнулся ребёнок с лавки’.

шват-шват — звуки постукивания кочедыком при плетении лаптей: *Виль шинкöммез аслым кыя, коточикöн шват да шват* (Н. Попов) ‘Новые лапти себе плету, кочедыком постукиваю’.

чав-чав — подражание течению широкой, но не мощной струи воды: *Чав-чав виялö крышааз вылiсь вотьва* ‘Течёт (издавая звуки чав-чав) с крыш вода’.

дзиль-дзоль || **дзильк-дзольк** || **дзиля-дзоля**: *Дзиль-дзоль лэдзчö подойницаö йöв* ‘Течёт (издавая звуки дзиль-дзоль) в подойницу молоко’.

юж-юж — изображение скрипа снега под ногами, полозьев (когда идут или едут по торной дороге): *Кинкö шупыта юж-юж котöртис керкулань да кайис посöдзö* ‘Кто-то быстро побежал (издавая звуки юж-юж) к дому и поднялся на крыльцо’.

швыр да швыр — звуки жужжания веретена или быстрого, уверенного бросания чего-нибудь, например, палки: *Ефрем вылiсянь швыр да швыр ны вылö, мый ки увтас шедис* (М. Лихачёв) ‘Ефрем сверху на них швыряет, что попадёт’.

курк — звук тушения свечи: *Курк пöльышитис* ‘Дунул (издавая звук курк)’.

кож-кож — изображение течения широкой мощной струи воды: *Кожöтан гögöрас ылö кылö кож-кож* ‘Около водопада далеко слышно кож-кож’.

бор-бор — изображение глухого звука течения слабой струи воды, ручья: *Шорокыс бор-бор котöртö* ‘Ручеёк течёт (издавая звуки бор-бор)’.

чиль-чоль || **чильк-чольк** — изображение звука при непрерывном или прерываемом (чильк-чольк) течении очень слабой, тонкой струи жидкости: *Медбöрья ырöшыс чиль-чоль лэдзчö* ‘Последний (в смысле порций) квас течёт (издавая звуки чиль-чоль, т. е. слабо)’.

кап-кап || **тён-тён** — изображение капания воды: *Öшынсаянс кап-кап виялö* ‘От окна кап-кап течёт’.

гур-гур — подражание шуму трактора, мотора: *Гур-гур-р гөрö трактор* ‘Гур-гур-р пашет трактор’.

варк-варк — подражание кипению чего-нибудь густого: *Варк-варк пусьö кашаыс* ‘Варится (издавая звуки варк-варк) каша’.

ып-п — подражание выстрелу: *Кытöнкö ып-п только лыйисö* 'Где-то выстрелили (издавая звук ып-п)'.
трон-трон — звукоподражание колоколу.

ёрк-ёрк || *гыма-йирка* — подражание стуку, шуму, беготне: *Гыма-йирка котрасьö керкуын челядь* 'С шумом бегают в доме дети'.

чишки-чошки: *Чишки-чошки ветлötны* 'Ходить, волоча ноги, обутое в валенки, домашние тапки' и т. д.

бульчик-бульчик || **пульчик-пульчик** — звуки кипения, бурления воды.

бряк — 'бац, бах'; *Геня бряк только усис кымышь* 'Геня бац упал навзничь'.

гуж-важ — изображение звучания, получаемого при волочении, например, мешка муки по полу: *Гуж-важ, гуж-важ кыскалисö амбарötтяс мешöккез* 'С шумом ташили по амбару мешки'.

тинь-тинь — изображение звона в ушах: *Талун лунтыр веськыт пелям тинь-тинь керлö* 'Сегодня целый день в правом ухе звенит'.

мурс-марс: *Мурс-марс сёйны турун* 'Есть траву, издавая звуки мурс-марс (так говорят, например, о лошадях)'.

шур-шар — звук шороха, получаемый при одевании шуршащей одежды.

силь-силь — изображение звука маленького колокольчика: *Силь-силь гöняйтö тройка* 'Со звоном мчится тройка'.

шоль-шоль — звук течения сточной воды по жёлобу.

тучи-тачи — звук стука ботинками об пол при пляске: *Тучи-тачи чарки джодж кузяас вартö* (М. Лихачёв) 'Топ-топ ботинки по полу стучат'.

чуш-чуш || **чуш-паш** || **чуш-ваш** || **чушки-вашки** — изображение шуршания, волочения обуви: *Чуш-паш муис джоджötтяс* 'Шурша (волоча ноги) прошёлся по полу'.

пики-вики — изображение звука гармони: *Босьта киа м гармоння да пики-вики размöд керышта* (из народной песни) 'Возьму в руки я гармошку и пики-вики несколько раз сделаю (т. е. пропикну)'.

сюр-сяр || **сяр-сяр** — звукоподражание стуку (например, рогов, когда бодаются два барана) или треску трешотки: *Сяр-сяр керис сяркан* 'Затрещала трешотка'.

кышым-кашым: *Кышым-кашым пасьтасьны* 'Втихомолку одеться'.

тюр-тюр: *Тюр-тюр котötрны* 'Быстро побежать' (употребляется по отношению к детям, которые учатся ходить).

шлöp: *Шлöp усьны*. 'Упасть в лужу, в мокрое место, издавая плеск'.

зити: *Зити пуксьыны* 'Крепко сесть, например, на стул'.

чурс: *Чурс сьöвзыны* 'Звучно плюнуть (со звуком чурс)'.

ОБРАЗОПОДРАЖАТЕЛЬНЫЕ СЛОВА

Образоподражательные слова представляют собой условные изображения с помощью звуков речи двигательных образов, движений, состояний, качеств, предметов. Иногда в образоподражательном значении используются звукоподражательные слова, получающие при этом тот или иной новый семантический оттенок. В большинстве же случаев это новое изобразительное слово или корень неизобразительного глагола, имени.

С помощью образоподражательных слов можно передавать образы (картины) не только действий и состояний, но и признаков предметов. Поэтому образоподражательные слова могут сочетаться не только с глаголами, но и с именами прилагательными.

В отличие от звукоподражаний, значительная часть образоподражательных слов употребляется только с лексически полнозначными глаголами. С ослабленным лексическим значением с образоподражательными словами встречаются глаголы: **керны** (в самостоятельном значении 'делать'), **керсьыны** (в самостоятельном значении 'сделаться'), **видзны** (в самостоятельном значении 'держат'). Примеры: *Поныс куйлö, трек оз кер* 'Собака лежит, не двигается'; *От синнас кваркыш керис* 'Одним глазом

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ СЛОВА

моргнул'; *Зільк видзё гёппезын ваыс* 'Неподвижны воды в лужах (*зільк* — изображение стоячей воды)'; *Дыв керам лодырресё колхозись* 'Выгоним прочь лодырей из колхоза'; *Жёв керсис челядь* 'Насторожились дети'; *Дун керсьём быдёс* 'Застыло всё на месте (о спокойствии)'; *Дзар керис Егор Окуль вылё* (М. Лихачёв) 'Бросил взгляд Егор на Акулину'.

Образоподражательные слова, сочетающиеся с именами прилагательными, нередко, помимо основной функции изображения качеств, указывают на степень этого качества, например: *Часёт только пызан сайсянь, пёт, батя, ме дрин-дрин, быдса дун кежё сёйи* (М. Лих.) 'Сейчас только из-за стола, сыт, говорю, я (*дрин-дрин* усиливает значение прилагательного *пёт* 'сытый' и одновременно передаёт образ плотного от наполнения пищей живота), на целый день наелся'; *Нылё мыччё быд олан шынь серёма чужёмбан* (С. Караваев) 'Жизнь им улыбалась всюду' (букв. 'им показывает всякая жизнь улыбающееся лицо'); *Сідз сійё и вайётис родной айыс, сідз сія и петіс гортсис швачшвач куш бордён* (М. Лих.) 'Так её и выгнал родной отец, так она и ушла из дому совершенно голой' (букв. 'совершенно голым крылом'); *Отёрас дзирс пемыт* 'На улице совершенно темно'; *Отёрас дзар югыт* 'На улице совершенно светло'; *сизьнет сьёд* (или *смоль сьёд*) 'совсем чёрный'; *ляп-ляп код* (или *люш-ляш код*) 'совершенно пьяный'; *люзь ва* 'совершенно мокрый' и т. д.

Образоподражательные слова, представляющие собой корни глаголов или имён, помимо основной функции изображения движений, состояний и т. д., вносят в значение изобразительного фразеологизма в целом оттенки кратковременности, мгновенности, неожиданности действия, например: *кваркыш керны* 'моргнуть'; *дзар керны* 'бросить быстрый взгляд'; *ырк вайётис* 'повеяло прохладой'; *дрёг (дрёж) муніс* 'дрожь пробежала'; *шон вайётис* 'теплом повеяло'.

Перечислим наиболее употребительные образоподражательные слова⁵:

бав — *бав видзёны* — передаёт состояние бодрствования: *Суналёны пожуммез, вёрыс, суналё и керкуыс, токо бав видзёны сьлён осьта синнэз — ошыннэз* (М. Лих.) 'Дремлют сосны, лес, дремлет и дом, только бодрствуют его открытые глаза — окна'.

ван — 'настежь': *И кокнита лолалё муыс, и сьёлём оссьё, оссьё ван* (М. Лих.) 'И легко дышит земля, и сердце открывается, открывается настежь'.

вуп-вон — 'на мелкие куски, например, разрубить': *Клёпёт пельбоккесё, клёпёт, вуп-вон керав!* (М. Лих.) 'Нахлещи морду, нахлещи, изруби на мелкие куски!'

быз-быз || **быз-баз** — передаёт образ неожиданно появившегося предмета (нередко имеет отрицательный смысл): *Чочком сюрён, быз-быз, кызд видзчисьтём гёсь, мыччисис тёлісь* (М. Лих.) 'Белым рогом, неожиданно, как непрошенный гость, появился месяц'.

дзар — *дзар керис* 'бросил мгновенный взгляд'; *Дзар керис улицаланяс — машина локтё* 'Взглянул (мгновенно) на сторону улицы — машина идёт'.

дзирс — усиливает значение прилагательного *пемыт* 'тёмный': *Нем оз тыдав, дзирс пемыт* (В. Исаев) 'Ничего не видно, совершенно темно'.

дзуз — *дзуз видзёны*: *Кызд векнитик щеллез пытиксянь, чуть-чуть дзуз видзёны лэчытёсь-лэчытёсь, пыжъян кодь, синнэс* (М. Лихачёв) 'Как через узкие щели, чуть-чуть выглядывают острые-острые, словно шило, глаза'.

дун — *дун керсьём* 'застыло'; *Оз бытьтё немыс вёрзьётчы, дун керсьём быдёс, шоччисьё, суналё, узьё* (М. Лихачёв) 'Будто ничто не движется, застыло всё, отдыхает, дремлет, спит'.

дыв — 'прочь': *дыв вайётам* 'выгоним'; *дыв керам* 'выгоним'.

⁵ Образоподражательные слова трудно поддаются дословному переводу на другие языки. Они получают смысл, только употребляясь с определёнными знаменательными словами, поэтому мы вынуждены ограничиться приблизительным переводом.

жын — ‘прочно’: *Кызд народ сыбёрын мян важ олансё сотис биён, виль порядок керис жын...* (С. Караваев) ‘Как народ потом наш старую жизнь сжёг огнём, новый порядок установил прочно...’

жёв — *жёв керсьыны* ‘насторожиться, притихнуть’; *Челядь сразу керсис жёв, только чуть шушкётчө төв* (С. Караваев) ‘Ребята сразу притихли, только еле шуршит ветер’.

жам-жам — передаёт слабые судорожные движения челюстями, губами: *жам-жам керны* ‘слегка пошевелить губами’; *Жам-жам керис Макар ёмнас, синнэсё барөтис, бытьтө мырсис видзөтны юрсисё аслас юр выльсь* (М. Лихачёв) ‘Слегка пошевелил ртом Макар, будто старался рассмотреть волосы собственной головы’.

зыр-бут — неожиданно, свалиться как снег на голову: *Кызд гожумся кадө казятөг, шупыта, зыр-бут лэбтисьышитис зэран кымёрок* (М. Лихачёв) ‘Как в летнее время незаметно, быстро (как снег на голову), поднимется дождевая туча’.

зильк — *зильк видзө* ‘вид стоячей воды в луже’; *Зильк видзө гөппезын гудыра ваыс* (М. Лихачёв) ‘Застыла мутная вода в лужах’.

курни-верни — образ небрежного действия, например, заматывания: *Курни-верни каттис узёлок* ‘Небрежно, кое-как заматала узелок’; *Курни-верни өктышитис паськөмторсис, мый сюрис* (М. Лихачёв) ‘Кое-как собрала из одежды, что попало’.

кваркыш — *кваркыш керны* ‘моргнуть’; *Одзлань быдыс иньдө син, и кваркыш оз кер некин* (С. Караваев) ‘Вперёд каждый устремляет глаз, и никто не моргнёт’.

кыш-паш — изображение тихого действия: *Гөбеч увтын, кызд өтiк морт, кыш-паш лэбтисө киззнысө* ‘Под голбцем, как один человек, тихонько подняли руки’. В этом случае *кыш-паш* не является звукоподражанием.

лег-лег — *лег-лег керис* ‘потряс’; *Мамыс лег-лег керис кулакнас* ‘Мать погрозила (потрясла) кулаком’.

леш-вош || **лешки-вошки** — на мелкие куски, например, разорвать: *Лешки-вошки косявлis поснитик торрез вылө* ‘На мелкие кусочки разорвал’; *Немись мукөдпырсяс леш-вош видас жөникыс* ‘Не за что иногда выругает муж’.

люш-ляш || **люша-ляша** — *люш-ляш усьны* ‘упасть (о человеке, стоящем едва на ногах)’.

ляп-ляп || **люп-ляп** — *ляп-ляп коддзыны* ‘совсем опьянеть’.

люзь — *люзь ва* ‘насквозь промокший’; *Кушин вылын люзь пымалан, но а вöрын ыркыт, бур* (И. Минин) ‘На поляне насквозь вспотеешь, но а в лесу прохладно, хорошо’.

пот — *пот мунө мам сьёлөмыс* ‘разрывается сердце матери’.

паз || **рез-паз** — *рез-паз лөгасьны* ‘сильно рассердиться, разругаться’; *Паз лөгасисө сэк кулаккес* (М. Лихачёв) ‘Сильно рассердились тогда кулаки’.

питькыр-питькыр || **питкыль-питкыль** — *питькыр-питькыр пырис керкуө* ‘(переваливаясь) вихляясь зашёл в дом’.

силь || **силь-силь** — *силь өшавны* — образ свисания стручков: *Силь өшалисө анькыти пуртөссез* ‘Тихо свисали спелые стручки гороха’.

сунбан-сунбан — изображение покачивания, запинания, шатания, например, человека: *Сунбан-сунбан ветлөтис старушка* ‘Шатаясь во все стороны ходила старушка’.

сяр || **сяр-сяр**: *Гаврил полоса вылын сяр сулалисө кык лёдзөн суслоннэз* (М. Лихачёв) ‘На полосе Гаврила густо (в этом предложении сяр соответствует ‘густо’) стояли в два ряда суслоны’.

тон-тон || **йот-йот** || **торс-торс** — изображение состояния сильного замерзания, например, белья, земли: *Муыс чорзьёма тон-тон. Кайтөлөс дзевсисьём* (В. Климов) ‘Земля затвердела сильно. Птицы спрятались’; *Кытшөм тэныт нять, йот-йот кынтөм да* (М. Лихачёв) ‘Какая тебе грязь, когда сильно замёрзло’.

тран — изображение внезапного появления чего-нибудь: *Асыв төв пөльтыштө лэчыта, — төвся дун мыччисис тран* (М. Лихачёв) ‘Утренний ветер дует остро, — зимний день неожиданно наступил’.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ СЛОВА

тульк-мельк || **кульк-мельк** — изображение падения кувыркком: *Мёдыт тульк-мельк берездасис улёдз* (М. Лихачёв) 'Другой кувыркком покатился донизу'.

тйюй — изображение выставяющихся, бросающихся в глаза предметов, растений: *...Бокас лымдорчачазз тйюй петёмась ни, дзардённы, гажётчённы* (М. Лихачёв) '... Сбоку подснежники уже выглядывали, смотрят, веселятся'; *Тйюй судалисё посаддэз и деревняэз, бытьтё кыдз сёр арся курёг типтез, кёдна озё ни надейтчё зорамны* (М. Лихачёв) 'Стояли сёла и деревни, будто запоздалые осенние цыплята, которые уже не надеются вырасти'.

тйюк — изображение чьей-либо неожиданной встречи вплотную: *Тйюк токо пантасис... Маришкёт* (М. Лихачёв) 'Неожиданно вплотную встретился... с Маришей'.

тяк — *тяк сувтис* 'круто остановился'; *Туй шёрас вёлыс тяк токо сувтис* 'Посреди дороги лошадь круто остановилась'.

тюр || **тюр-тюр** — *тюр котёртны* (детск.) 'побежать быстро (о ребёнке, который учится ходить)'.

трек — *трек керны* 'шевелинуть'; *Адззё: сибдёма зонок, трек оз вермы керны кок* (С. Караваев) 'Видит: завяз парнишка, не может шевельнуть ногу'.

шарк — *шарк вундыштис* 'быстро, уверенно разрезал'.

швырк — изображение молниеносного исчезновения (реже появления) кого-либо, чего-либо: *Осьта ыбёсёттис швырк только петис ётёрё* 'Через открытую дверь быстро вышел на улицу'; *Старшина швырк кыскис кармансис медальсё* (М. Лих.) 'Старшина молниеносно вытащил из кармана медаль'.

шув-нав — изображение быстрого появления (человека): *Зонка шув-нав пырис керкуё* 'Парень быстро зашёл в дом'.

чер-чер — изображение состояния торчания, например, ног: *Коккес чер-чер керисё лымас* (Л. Нилогов) 'Ноги торчали в снегу'.

чер-бар || **чер-бар** — *чер-бар таравны* 'катиться переворачиваясь, задрал ноги вверх'.

чуй || **чунь** — 'одинокое торчать'; *Ёт пельыс лэдзчисьёма, а мёдыс чуй керсьём, вывлань видзётё* (М. Лих.) 'Одно ухо опустилось, а другое торчит, вверх смотрит'; *Чуй ётнам* || *чунь ётнам* 'совсем один я'.

чывк — изображение крутого поворота на месте (о человеке): *Чывк бергётчыштасё да бёра одзлань* 'Повернутся круто (резко) да опять вперед' (М. Лих.).

ы-ымм — изображение одновременного проявления (например, поднимания рук): *Ы-ымм только лэбтисё киззнысё отирыс* (М. Лих.) 'Дружно подняли руки люди'.

пеж — *пеж видзёны рамазз* 'блестят рамы'.

туна-тана || **туна-на** — подражание игре на гармонии: *Эх ма, туна-на, сьёлём миян пизьё на...* (М. Лихачёв) 'Эх ты, туна-на, сердце наше ещё кипит (в смысле жажды деятельности)'.

шурум-бурум — *шурум-бурум пасьтасьны* 'одеться в лохмотья'.

тяп-ляп — *тяп-ляп керны* 'плохо, небрежно что-нибудь сделать'.

летки-петки — *летки-петки ветлётны* 'ходить оборвышем'.

сунньён-санньён — *сунньён-санньён вашётны* 'дать в шею, вытолкнуть, выгнать (например, из дому)'.

скок-скок — изображение прыгания: *Туп-тап кёмтём кок, чеччөвтышта скок да скок* (М. Лихачёв) 'Топ-топ боса нога, вспрыгну скок да скок'.

шай-най — передаёт картину растерянности: *шай-най лоны* 'растеряться'. **кромльык-кромльык** — изображение хромоты: *кромльык-кромльык мунны* 'хромать'.

ФОНЕТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ СЛОВ

С фонетической стороны изобразительные слова чаще всего представляют собой односложные корни. Только некоторые образоподрожательные слова состоят из двух

слов. В изобразительных словах обнаруживаются звукосочетания, чуждые обычным неизобразительным исконно коми-пермяцким словам. Так, например, нередко изобразительное слово начинается с сочетания нескольких согласных звуков, тогда как в начале неизобразительного слова не может быть сочетания согласных (исключая заимствования).

Фонетическую структуру изобразительных слов можно представить следующим образом:

1) изобразительные слова, состоящие из согласного + гласный + согласный: *кыш-паиш* — изображение звука, шороха, шелеста; *тук-тук* — изображение звука при ударе, например, молотком; *тик-тик* — изображение звука часов; *чиж-важ* — изображение звука, например, пилы; *гыж-важ* — изображение звука царапания пальцев.

2) изобразительные слова, состоящие из согласного + гласный + согласный + согласный: *тирс-торс* — изображение звука, например, стука каблуков при ходьбе; *дзурк-вирк* — изображение скрипа обуви; *марс-марс* — изображение звука хруста под зубами при еде; *чильк-чольк* — звукоподражание течению слабой тонкой струи жидкости; *тульк-мельк* — представление образа падения кувырком, например, на лестнице; *корс-корс* — изображение храпа спящего.

3) изобразительные слова, состоящие из согласного + согласный + гласный + согласный + согласный: *звирк* — изображение быстрого появления и исчезновения предмета, чаще всего животного; *швырк* — изображение мгновенного исчезновения предмета, например, через отверстие: *Шырыс швырк только петіс осьтайттыс* 'Мышь быстро вышла через отверстие'.

4) изобразительные слова, состоящие из согласного + согласный + гласный + согласный: *трон-н-трон-н* — изображение звука колокола; *трин-бран* — подражание звону, например, посуды: *Трин-бран керисö рюмкаэз* 'Зазвенели рюмки' ⁶.

5) изобразительные слова, состоящие из согласного + гласный + согласный + гласный: *гира-гара* — подражание топоту людей: *гира-гара пырны* 'с шумом зайти'; *ризя-вазя* — звукоподражание треску: *ризя-вазя чегласьны* 'ломаться с треском'.

6) двусложные изобразительные слова, которые могут состоять как из открытых, так и из закрытых слогов: *питькыр-питькыр* — изображение ковьялния, вихляния при ходьбе; *питькыр-питькыр ветлётны* 'ходить в развалку'; *лэздыр-баздыр* — изображение медленной ходьбы: *лэздыр-баздыр оськавны* 'шагать медленно'; *гигинь-гогинь* — изображение зигзагообразных движений: *Гигинь-гогинь котортö Иньва* 'Зигзагообразно течёт Иньва'; *ышки-пойки* — изображение тяжёлого прерывистого дыхания: *ышки-пойки лолавны* 'тяжело дышать'; *сунбан-сунбан* — изображение движения с пошатыванием: *сунбан-сунбан чеччыны* 'встать пошатываясь'; *курни-верни* — изображение небрежного одевания, заматывания: *курни-верни пасьтасьны* 'кое-как одеться'.

МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ СЛОВ

Со стороны морфологической изобразительные слова являются неизменяемыми. По своей структуре они не разложимы, представляют собой чистые корни, которые употребляются одиночно или повторяются. В последнем случае возможны чередования гласных или согласных звуков.

1. Одиночные изобразительные корни:

дзурк — *Дзурк оссис Ефремлön керку ыбöсыс* (М. Лихачёв) 'Со скрипом (*дзурк* — звукоподражание скрипу) открылась дверь дома Ефрема'. Одиночно чаще всего выступают образнообразительные слова;

⁶ Как видно из примеров, в сочетании согласных, встречающихся в начале изобразительного слова, всегда входит сонорный или звонкий звук, который и поддерживает необычное для коми-пермяцких слов звукосочетание.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ СЛОВА

тьюй — *Важын ни бы зэрокыс колдö, ёна ни косьмёмась осяэс, тьюй сулалöны роззэс* ‘Давно уже нужен дождь, сильно высохли яровые, (тьюй — изображение торчащих сухих колосьев яровых) иссохшие торчат колосья’;

дун — *Посад чёлö, керсьём дун* ‘Село молчит, застыло на месте’ (дун — изображение тишины);

жöv — *Пукалöны (воробейез), жöv керсьёмась, пуштышсьёмась, оз лысьтö местаись вөрзьöтчыны* (М. Лих.) ‘Сидят (жöv — изображение притихших воробьев), притихли, нахохлились, не смеют с места сдвинуться’.

2. Изобразительные корни, повторяющиеся без изменения звукового состава:

жын-жын — *Нянь ньлөн амбартыр, кык квать угöла керку сулалöны, оградаын пол вöвдöма, гögör жын-жын вевттьöма, некыт и кайло пырны* (М. Лих.) ‘Хлеба у них полный амбар, два шестиугольных дома стоят, в ограде пол настлан, вокруг всё плотно (жын-жын — изображение плотно закрытого двора) закрыто, негде и птице пролезть’;

сунбан-сунбан — *Сунбан-сунбан Данько чеччис, петис джодж шöрас да аслас сьылём сьöртi пондис зьмөтны-йöктыны* (М. Лих.) (Сунбан-сунбан — изображение пошатывания пьяного человека.) ‘Данько встал пошатываясь, вышел на середину пола и под своё пение стал плясать’;

кыш-кыш — *Кинкö гор саяс кыш-кыш керис* ‘Кто-то за печкой зашуршал (кыш-кыш — изображение шороха)’;

гыж-гыж — *Гыж-гыж керис тошсö Гаврил да öзтис трубкасö* (М. Лих.) ‘Почесал (гыж-гыж — изображение звука при почёсывании) бороду Гаврил и зажёл трубку’.

Между повторяющимися изобразительными словами может стоять союз *да*:

Микишка ляп код, гым да гым пызан кузя кулакнас вартö (М. Лих.) ‘Микишко совсем пьян, тук да тук по столу кулаком бьёт’; *Швыр да швыр-р пондис папкыны-куритны* ‘Пых-пых начал попыхивать-курить’.

3. Изобразительные слова, повторяющиеся с изменением гласного или согласного звука:

а) при повторении изменяется гласный:

люш-ляш — *Люш-ляш чапкисис, уньнöвтис ныр сорнас да ланьтис* (М. Лих.) ‘(Люш-ляш — изображение падения обмякшего пьяного человека) бросился, засопел носом и заснул’;

бута-бата — *Урма быдöс айзёмөн уськөтчис тупыль вылö, пондисö бута-бата тэчны сьлö горбас* (М. Лих.) ‘Толпа (детей) вся с криком бросилась на (снежный) ком, стали (бута-бата — изображение звука ударов кулаками) бить его’;

б) при повторении изменяется начальный согласный и гласный:

леш-вош — *леш-вош видны* ‘сильно выругать’;

кыш-паш — *Öгань кыш-паш пасьтасис чожа, чышьянö каттис узöлок* (М. Лих.) ‘Öгань (кыш-паш — изображение бесшумного одевания) оделась быстро, в платок завернула узелок’;

ризя-вазя — *Луныс вöли мича да öддöн жар, коккез увтын ризья-вазя чегласисö көс уввез* (В. Боталов) ‘День был ясный и очень жаркий, под ногами (ризя-вазя — изображение треска при ходьбе по сухим сучьям) ломались сухие сучья’;

трина-брана — *трина-брана жугдыны* ‘со звоном разбить (например, стекло)’.

4. В отдельных случаях встречаются парные изобразительные слова, состоящие из двух различных корней:

ризя-вопка — *Ризья-вопка пöрисö нуз* ‘(Ризья-вопка — изображение звука при валке деревьев) с треском валялись деревья’;

зыр-бут — *зыр-бут мыччисьны* ‘неожиданно появиться’;

гыма-йирка — *Гыма-йирка петисö керкусис Мирош да Иван* (М. Лих.) ‘(Гыма-йирка — подражание топоту ногами) с шумом вышли из дому Мирош да Иван’.

Среди образноизобразительных слов выделяются такие, которые представляют собой корни знаменательных слов (глагола или имени). Такие корни, употребляясь с

глаголами, очень часто, помимо изобразительного значения, обозначают мгновенность действия.

Приведём примеры:

лич (ср. *личыт* 'слабый; просторный, например, костюм'): *лич лэдзис* 'полегчало (о состоянии здоровья)';

шон (ср. *шоныт* 'тёплый'): *Печкасянь мяня дынө шон вайөтышитис* 'От печки на нас повеяло теплом';

ным (ср. *ным* 'горячий'): *Киам ным сидзис* 'Руке моей стало тепло';

сьод (ср. *сьод* 'чёрный'): *Ылын сьод видзис турун зород* 'Вдали чернел стог сена';

лöz (ср. *лöz* 'синий'): *Асывнас, көр лöz югдис ни, вөли быдöс готов* 'Утром, когда уже рассветало, было всё готово';

бряк (ср. *брякнитны* 'брякнуть'): *Геня тожө мөддис петны чожажык, но... и бряк только усис кыминь* (В. Исаев) 'Геня тоже хотел выйти быстрее, но... и упал (со стуком) навзничь';

трек (ср. *трекнитны* 'встряхнуть'): *Эз и трек кер, бытьтө ланьтис* (М. Лих.) 'И не пошевелился, будто заснул';

пот (ср. *потны* 'лопнуть, разрываться'): *Пот муно мам сьөлөмыс* 'Сердце матери разрывается';

лег-лег (ср. *легны* 'трястись'): *Председатель кутис Ганялис кисө да размөд лег-лег керис* 'Председатель взял руку Гани и несколько раз потряс';

ниль (ср. *нильыг* 'скользящий'): *Порсьыс картошкасө быдöс ниль керөм* 'Свинья всю картошку съела';

дун (ср. *дундыны* 'раздуться, например, о животе'): *Кынөмыс Дарьялөн дун керсьөма* 'Живот у Дарьи вздулся, распух';

бөр-бөр (ср. *бөр* 'задняя сторона, назад'): *Бөр-бөр таралис порог дорланяс да вижлокөн горөтлис Сюлепеткин* (М. Лих.) 'Назад к порогу покатылся Сюлепеткин и дико кричал';

дрөж, дрөг (ср. *дрөжитны* 'дрожать'): *Дрөг мунис сьөлөмыс* 'Затрепетало сердце';

ырк (ср. *ыркыт* 'прохладный'): *Ырк вайөтис чужөмам* 'Прохладой повеяло в лицо';

чөс (ср. *чөскыт* 'сладкий'): *Картошкаыс невна чөс видзө* 'Картошка немного сладит'.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ СЛОВА И НАРЕЧИЯ

В комиведческой литературе в последнее время имели место попытки отнести изобразительные слова к разряду наречий⁷. Между изобразительными словами и наречиями действительно имеется сходство. Подобно наречиям изобразительные слова тяготеют к глаголу и своеобразно определяют его значение. Однако изобразительные слова имеют и свои, специфические для них, особенности, отличающие их от наречий и позволяющие выделить их в самостоятельный разряд слов.

1. Изобразительные слова уточняют признаки действий, состояний исключительно условным изображением природных звучаний или образов. Они не являются названиями и не связаны с понятиями. Наречия же выражают понятия и несут функцию называния. Так, например, в предложении: *Коккез увтын горөн, горөн дзуртө лымыс дзурки-вирк* (М. Лих.) 'Под ногами громко, громко хрустит снег дзурки-вирк (подражание хрусту)' — слово *горөн* 'громко' характеризует действие, выраженное глаголом *дзуртө* 'хрустит', с качественной стороны, отвечает на вопрос *кыдз?* 'как?' и является наречием. Звукоподражание же *дзурки-вирк* является лишь звуковым изображением хруста снега. В предложении: *Туй шөрас вөлыс перыта тьяк только сувтис* 'Посреди дороги лошадь быстро (*тыяк* 'круто') остановилась' — наречие *перыта* обозначает признак действия,

⁷ См.: Современный коми язык. Сыктывкар, 1955. С. 261–262.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ СЛОВА

выраженного глаголом *сувтис* 'остановилась', и отвечает на вопрос *кыдз?* 'как?'. Образоподражательное слово *тяк*, являющееся усечённым корнем глагола *тякны* 'тякать (топором)', изображает, как круто прервалось действие. *Тяк* в представлении вызывает образ единичного удара топором.

2. Поскольку то или иное действие или состояние предмета может сопровождаться специфическими, только данному предмету свойственными звуками, то звучание и действие или состояние чаще всего воспринимаются как единое целое. В связи с этим изобразительное слово и глагол или имя, с которыми употребляется изобразительное слово, составляют единую, неразложимую смысловую единицу — **изобразительный фразеологизм**.

Наречия же в коми-пермяцком языке — это в лексическом отношении вполне дифференцированная часть речи.

3. Изобразительные слова могут сочетаться далеко не со всеми глаголами. Указанная выше семантическая особенность этих слов ограничивает сферу их употребления рамками глаголов, обозначающих лишь такие действия, которые сопровождаются тем или иным звучанием или образом. Это чаще всего глаголы, обозначающие передвижение, активную деятельность предмета, лица, работу органов чувств. Кроме того, изобразительные слова (главным образом звукоподражательные) очень часто выступают в единстве с вспомогательными глаголами.

Наречия же могут употребляться с любыми глаголами (кроме вспомогательных). Так, например, в предложении: *Жагõника питкыль-питкыль сибõтчис тõдтõм морт ферма дынõ* 'Медленно, ковыляя (*питкыль-питкыль* — изображение ковыляния), приближался незнакомый человек к ферме' — наречие *жагõника* 'медленно' может сочетаться с огромным количеством слов: *жагõника сывны* 'медленно петь', *жагõника сёйны* 'медленно кушать', *жагõника уйны* 'медленно плыть' и т. д. Образоподражательное же слово *питкыль-питкыль* может сочетаться только с глаголами передвижения.

4. Специфическое значение изобразительных слов отражается и в их своеобразном синтаксическом употреблении. В предложении они выступают не в роли самостоятельного члена, а лишь в единстве с тем знаменательным словом, к которому относятся. Так, в предложениях: *Важын ни деревня пасьта кусисõ бизз, только Торшенёвлõн дзуз видзõ, кольлалõ медбõрья морттэсõ* (М. Лих.) 'Давно уже в деревне погасли огни, только у Торшенёва чуть-чуть светит (*дзуз* — изображение небольшого огня), провожает последних (уходящих) людей'; *Швыч да швыч только керисõ ва кузя лескаэз* (В. Исаев) 'Хлестнули (*швыч да швыч* — изображение звучания при этом) по воде лески'; *Вот нукалõ сйа* (дед) *и вдруг кылõ, кинкõ буль-боль юас керис* (В. Исаев) 'Вот сидит он (дед) и вдруг слышит, кто-то булькнул в реке'; *Дзар керис улицаланяс — котõртõ волостной сторож да õвтчõ кизнас* (М. Лих.) 'Глянул (*дзар* — изображает быстрый взгляд) на улицу — бежит волостной сторож и машет руками'; *Быдонныс шынь мунисõ* 'Все ухмыльнулись' — глаголы *видзõ, керисõ, кылõ, керис, мунисõ* характеризуются ослабленным лексическим значением. Поэтому самостоятельно, без изобразительного слова, они не могут выступать в роли члена предложения. Сочетания глаголов с изобразительными словами в приведённых примерах являются синтаксически неразложимыми. Доказательством этому может служить тот факт, что сочетание изобразительного слова с лексически ослабленным (вспомогательным) глаголом всегда можно заменить производным от изобразительного слова глаголом, например: вместо *швыч да швыч керис* можно сказать *швычнитис* 'хлестнул'; вместо *буль-боль керас* — *больнитас* 'булькнет'; *дзар керис* — *дзарнитис* 'глянул'; *шынь мунисõ* — *шыннёвтисõ* 'ухмыльнулись'; *лег-лег керас* — *легнитас* 'потрясёт'; *ляв-ляв керис* — *лявõстис* 'протягвал' и т. д.

Таким образом, лексически ослабленный глагол выступает в приведённых примерах в значении обычного грамматического форманта, с помощью которого изобразительное слово становится членом предложения — сказуемым.

Правда, в части случаев изобразительные слова по весу в предложении сходны с обстоятельственными словами. Возьмём предложение: *Ловзис эта төлө вөрүс: ризя-вопка нөрисө нуз, камбтисө бтмөдөрүн черрез, чижгисө, сөйисө ну сьолөмсө тилаз...* (М. Лих.) 'Проснулся в этом году лес: с треском (*ризя-вопка* — изображение треска) валились деревья, звенели повсюду топоры, визжали, грызли сердцевину дерева пилы...' В этом предложении *ризя-вопка* допускает вопрос обстоятельства *кыдз?* 'как?', который ставится от глагола *нөрисө* 'валились'. Однако обстоятельствами такие слова считать нет оснований и в подобных случаях, так как они не выполняют их роли: не выражают ни места, ни времени, ни причины, ни цели, ни образа действия. Как и при лексически ослабленных глаголах, изобразительные слова в данном случае тяготеют к сфере лексически полнозначного глагола, выступая с ним в функции одного члена предложения. Доказательством этому служит тот факт, что из сочетания изобразительного слова с лексически полнозначным глаголом можно образовать без особого изменения смысла парный глагол, например: вместо *ризя-вопка нөрисө* можно сказать *ризьөтисө-нөрисө* 'валились с треском', вместо *жилък-жольк пөднассис* — *жолькнитис-пөднассис* 'со звоном закрылся', *тирки-торки лэдзчис* — *торнитис-лэдзчис* 'со стуком спустился', *марс-марс сөйө* — *марскө-сөйө* 'ест с хрустом' и т. д.

Только в отдельных случаях изобразительные слова могут самостоятельно, без помощи глагола, выступать в роли члена предложения. Это бывает тогда, когда изобразительное слово употребляется в значении глагола, например: *Председатель миян вылө рьяк да рьяк* 'Председатель на нас стал кричать' (букв. 'рявк да рьяк'); *Зонкаок вылисянь голизэон швыр да швыр* 'Мальчик сверху шишками забросал'.

Таким образом, изобразительное слово не может самостоятельно выполнять функцию члена предложения. Наречия же всегда выступают в функции его членов (преимущественно в роли обстоятельства).

5. Изобразительные слова при полной неизменяемости, в отличие от наречий, не имеют никаких словообразовательных суффиксов и не соотносительны ни с какими частями речи. Некоторые изобразительные корни, правда, могут в части случаев осложняться присоединением *-а* (ср. *шувк-шовк* и *шувка-шовка*, *гым-йирк* и *гыма-йирка*, *кыш-паш* и *кыша-паша* и т. д.). Однако это *-а* не выполняет никакой грамматической функции и поэтому аффиксом не является.

Из всего сказанного вытекает, что изобразительные слова не могут отождествляться с наречиями, хотя у них с наречиями имеются и общие черты.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ СЛОВА И МЕЖДОМЕТИЯ

Изобразительные слова близки также и к междометиям. Сходство между теми и другими выражается в том, что изобразительные слова, как и междометия, не имеют номинативной функции (не являются названиями обозначаемого). Однако, в отличие от междометий, изобразительные слова не выражают эмоций и волевых побуждений, а являются воспроизведением звучаний или образов. Так, в предложении: *Эк-эк-эк, кытшиөм зубыт!* 'Ой-ой-ой, как больно!' — *эк-эк-эк* — междометие, оно передаёт чувство боли. В предложении *Чинь-бринь, чинь-бринь, чинь-бринь* — *кылө лопатитчөм шы* (М. Лих.) 'Чинь-бринь, чинь-бринь, чинь-бринь слышен звук правки кос' — *чинь-бринь* — воспроизведение этого звука. В предложении: *Шатөвтчис, джөмдис, чер-бар усис и чеччис дыр өдва-өдва* (Н. Попов) 'Пошатнулся, споткнулся, упал, задрал ноги вверх, и долго едва-едва (с трудом) вставал' — *чер-бар* передаёт картину (образ) падения, значение его приблизительно соответствует 'ноги задрал вверх'.

Помимо указанного специфического значения, изобразительные слова имеют и ряд других особенностей, отличающих их от междометий. Укажем здесь следующие:

1. Фонетическая структура изобразительных слов сложнее, чем междометий (первичных), которые в преобладающем большинстве состоят из одного или двух звуков.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ СЛОВА

2. Обладая морфологической целостностью, изобразительные слова, в отличие от междометий, в большинстве случаев выступают в виде повторов. При этом в повторяющихся частях возможно чередование гласных или согласных.

3. Класс изобразительных слов во много раз богаче разряда междометий.

4. Со стороны синтаксической, как мы уже видели, изобразительные слова очень тесно связаны со знаменательными словами (чаще всего с глаголами), с которыми выступают в функции одного члена предложения.

В отличие от изобразительных слов, междометия не могут быть членом предложения и не связаны со знаменательными словами.

5. Изобразительные слова не соотносительны и не могут быть соотносительными ни с одной частью речи (исключая некоторые образоподражательные слова типа *ырк*, *дун*, *пеж* и т. д., которые созвучны с корнями глаголов или имён). Междометия же (вторичные) прозрачно сохраняют свою связь с другими частями речи (*кыч-кыч* 'зов собаки' от *кычан* 'щенок'; *тырмас!* 'довольно!' — личная форма глагола *тырмыны* 'хватать, быть достаточным' и т. д.).

Таким образом, изобразительные слова не сливаются с междометиями в один разряд слов, так как между ними имеются значительные различия.

СЛОВООБРАЗУЮЩАЯ РОЛЬ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ СЛОВ

Изобразительные корневые слова служат базой для образования большого количества производимых слов, которые относятся к различным частям речи.

Примечательно, что от изобразительных корней производные слова образуются с помощью таких суффиксов, которые не встречаются с неизобразительными словами. Так, например, глаголы от изобразительных корней образуются с помощью суффиксов:

-*кы* -: *пишкыны* 'сопеть' (от *пиш*).

-*гы* -: *гымгыны* 'ударить' (от *гым*).

-*сы* -: *пиксыны* 'пикать' (от *пик*).

-*зы* -: *карзыны* 'каркать' (от *кар*).

При этом чаще всего глаголы образуются от одиночных изобразительных корней. В том случае, когда изобразительное слово состоит из повторяющихся корней, глагол обычно образуется от одного из таких корней, например: *кыш-пыш* — *кышотны* 'издавать шорох, шуршание', *ризя-вазя* — *ризьотны* 'издавать треск (сучьев)', *чиж-важ* — *чижотны* 'трещать (о блинах), визжать (о пиле)'.

В некоторых случаях производящим элементом могут стать оба компонента изобразительного слова, например: *трин-бран* — *тринотны*, *бранотны*, оба глагола обозначают 'звенеть с оттенками значений, зависящих от высоты гласного (*тринотны* обозначает более высокий звон, а *бранотны* — более низкий звон)'.

В редких случаях глаголы образуются от обоих повторяющихся изобразительных слов сразу, например: *ышки-пойкиасьны* 'тяжело дышать (от *ышки-пойки* — изображение одышки, тяжёлого дыхания)', *гигинь-гогинявны* 'проводить зигзагообразную линию (от *гигинь-гогинь* — изображение зигзагообразного движения)'.

Многие изобразительные глаголы, входящие в парные образования, образуются от связанных корней (т. е. таких, которые живут только в изобразительном глаголе, в выделенном же виде не употребляются), например: *конгыны-баксыны* 'кричать (о корове)', *боткыны-видчыны* 'ворчать-ругаться', *боторитны-баитны* 'трещать-говорить', *путриктыны-кайны* 'быстро расти (о траве)'.

От каждого изобразительного глагола возможно образование имён существительных, например: от *пиксыны* образуются существительные: *пиксём* 'пикание', *пиксан* 'пищалка', *пиксись* 'пискун' и т. д., от *чивзыны* 'чирикать' — *чивзём* 'чирикание', *чивзись* 'чирикающий', от *герскыны* 'кричать (о коростеле)' — *герскан* 'коростель', от *силькотны* 'звенеть (о колокольчике)' — *силькан* 'колокольчик' и т. д.

АНТОНИНА СЕМЁНОВНА КРИВОЩЁКОВА-ГАНТМАН

Прилагательные от изобразительных корней образуются реже. Приведём некоторые случаи: от *гигинь-гогинь* — изображение зигзагообразного движения, образуется прилагательное *гигинь-гогиня* ‘зигзагообразный’; *Миян туй — сё ва да ва, гигинь-гогиня Иньва* (С. Караваяев) ‘Наша дорога — всё вода да вода, зигзагообразная Иньва’; *ышки-пойкиа старуха* ‘тяжело дышащая старуха’.

К ВОПРОСУ О ПАРНЫХ СЛОВАХ В КОМИ-ПЕРМЯЦКОМ ЯЗЫКЕ *

Как известно, словарный состав языка находится в непрерывном развитии. Это развитие идет прежде всего по линии обновления лексического запаса новыми словами и оборотами, возникающими в связи с происходящими изменениями в жизни народа. Кроме того, слова, обозначающие устаревшие или устаревающие понятия, явления, постепенно уходят из активного запаса и в конце концов вовсе забываются. Как правило, новых слов появляется больше, чем уходит из языка устаревших или устаревающих. В этом обнаруживается прогрессивное развитие языка в целом.

Любой язык располагает своими средствами производства новых слов. В коми-пермяцком языке способами обогащения словарного состава являются суффиксация и словосложение.

Одной из разновидностей словосложения выступает парное словосложение, в результате которого образуются парные слова.

Парными словами называются сложные лексические единицы, состоящие из двух грамматически одинаково оформленных компонентов.

Парные слова играют важную роль в языке. Они обогащают словарный состав, развивают новые смысловые оттенки и тем самым как бы восполняют собой относительную бедность коми-пермяцкого языка самостоятельными корнями. Так, например, слово *зэрны* 'дождить', вступая в парные образования с другими, может выражать следующие значения: *буситö-зэрö* 'идёт мелкий дождь', *пожналö-зэрö* 'решетит дождь, сеет, как из решета', *дзолльö-зэрö* 'идет мелкий, но частый дождь', *патьякö-зэрö* 'идет крупный, но редкий дождь', *вотьясьö-зэрö* 'падают редкие капли дождя', *кисьтö-зэрö* 'идет сильный, проливной, но спокойный дождь', *кожгö-зэрö* 'идет крупный дождь, часто с шумом, ветром'. Таким образом, каждый из приведенных примеров парных слов очень точно отмечает специфический характер дождя.

Слово *серавны* 'смеяться', употребляясь в паре с различным словами (преимущественно с изобразительными глаголами), может передавать такие тонко дифференцированные оттенки в характере смеха, как: *готсьыны-серавны* 'смеяться гогоча', *шыннявны-серавны* 'весело смеяться', *пильскыны-серавны* 'ухмыляться', *киксьыны-серавны* 'хихикать', *дзульзьыны-серавны* 'весело щебеча смеяться', *ваксьыны-серавны* 'громко смеяться', *гöрдлыны-серавны* 'смеяться подобно ржанью'.

Коми-пермяцкие поэты и писатели часто используют парные слова в качестве средств эмоциональной выразительности при описаниях, речевой характеристике персонажей. Для иллюстрации приведем отрывок из произведения М. П. Лихачева «Виль туйöт» («По новому пути»): *Узьö эд бытьтö быддöс, а видзöтан кö лэчытжыка, чожа казялан, кыз мукöдтор вöрöтчö, олö сидз жö, кыз и луннас. То видзöт сэтöн бокат ключыс булюкөн кайö — öксьыштöма öрокö, абу тöром да визыла булькötöмön котöртö. Кысянькö дбруньгаг лэзьö. Казявтöг татшкисис тэнат юрö, таралис-усис му вылö, мошкоритчö-кайö му комок вылö, лöсьöтö борддэсö, бöра мöдö лэзьыны. Чу... шурнитис-лэзис, кыз вирдыштис кушборд — ойся вöралис. Сыбöрсянь нырийшисис-лэзис тупка, только казялин вуджöрсö. Кытöнкö ойся каёк питиривайтö-сьылö...* Перевод: 'Кажется, что всё спит, а если всмотришься, то легко заметишь, что иное шевелится, живёт, как днем. Вот видишь там, рядом с тобой, ключевая вода клокочет, набралась в корытце (желобок), вся не вошла и быстро течет-выплескивается журча. Откуда-то навозный жук летит. Неожиданно ударился о твою голову, катясь, упал

* Ученые записки ПГПИ. Вып. 28. Пермь, 1961. С. 194–204.

на землю, карабкаясь, поднимается на комок, расправляет крылья, опять собирается лететь. Чу... стремительно прошуршала-пролетела, будто молния сверкнула, летучая мышь, ночная хищница. Затем пролетела-рассекла пространство сова, только тень промелькнула. Где-то ночная птица переливаясь поёт'. В данном отрывке использование парных слов: *таралис-усис* 'катясь-упал', *мошкоритчö-кайö* 'карабкаясь-поднимается', *шурнитис-лэбзис* 'прошуршала-пролетела', *нырийшисис-лэбзис* 'рассекла пространство-пролетела', *питиривайтö-сьылö* 'переливаясь-поёт' — помогает автору создать яркую картину летней ночи в деревне.

Парные слова до последнего времени не были специальным объектом исследования. В настоящей статье мы делаем первую попытку рассмотреть категорию парных слов с точки зрения их семантики и морфологической структуры.

Категория парных слов в коми-пермяцком языке представлена весьма богато.

Парные слова образуются от лексически самостоятельных слов. Однако не все слова могут объединяться в пары. Семантический анализ парных слов дает возможность заключить, что компоненты парного слова должны удовлетворять одному из следующих требований:

1. Компоненты парного слова должны находиться в синонимических отношениях: *нимкодясны-видчыны* (букв. 'обзывать-ругаться') 'сильно ругаться'; *öгравны-сотчыны* (букв. 'пылать-гореть') 'сильно гореть'; *пакмыны-косьмыны* (букв. 'испаряться-сохнуть') 'худеть (о человеке), сохнуть'; *суськыны-дзэбны* (букв. 'таить-спрятать') 'что-либо скрывать'; *таравны-усьны* (букв. 'покатиться кубарем-упасть') 'кубарем покатиться'; *тшынйыны-куритны* (букв. 'дымить-журить'); *тякötны-керавны* (букв. 'тякать-рубить') 'рубить'; *рявзыны-горötлыны* (букв. 'рявкать-кричать') 'сильно кричать'; *ужгьыны-пöльтны* (букв. 'выть-дуть') 'сильно дуть' (о ветре); *шаритны-кошшыны* (букв. 'шарить-искать') 'жадно искать' и т. д.

Парных слов с синонимическими компонентами в коми-пермяцком языке преобладающее большинство. Как видно из вышеприведенных примеров, в них компоненты в семантическом отношении неравноправны. Один из компонентов-синонимов (обычно первый) выступает с более бледным лексическим значением и развивает или усиливает значение второго глагола, имеющего более яркое лексическое значение. Чаще всего в роли глаголов, развивающих лексическое значение второго компонента парного слова, употребляются изобразительные глаголы.

Потенциально от каждого изобразительного слова может образоваться глагол, способный войти в пару с соответствующим неизобразительным словом. Реже развивающим компонентом является неизобразительный глагол, принимающий образно-подражательное значение. При этом важно заметить, что нередко семантическое сближение неизобразительных глаголов до степени синонимов обнаруживается лишь в парном образовании, внутри которого происходит смысловая переработка первого компонента в сторону развития образно-подражательного значения. В изолированном же употреблении такие глаголы обычно не являются синонимами. Например, в парном слове *лыйны-котöртны* (букв. 'выстрелить-побежать') 'промчатся пулей' в образно-подражательном значении употребляется глагол *лыйны* 'выстрелить', который вне этой конструкции, конечно, не является синонимом к слову *котöртны* 'бежать'. Однако в парном слове *лыйны* становится характеристикатором действия *котöртны* и сам по значению сближается с *котöртны*. Примеры парных слов, в которых развивающим лексическое значение компонентом является изобразительный глагол: *вашкыны-баитны* 'говорить шепеляво' (букв. 'шепелявить-говорить'), *клёпötны-вартлыны* 'избить' (букв. 'похлопать-избить'), *воззьыны-вартлыны* 'избить (сильными ударами)', *силлыны-вартлыны* 'избить' (букв. 'трясти-избить'), *пыкайтны-сотчыны* 'гореть вспыхивая' ('вспыхивать, гореть'), *тёпötны-виявны* 'течь медленно' ('капать-течь'), *ванзыны-баитны* 'говорить громко' ('кричать-говорить'), *чискыны-сотчыны* 'гореть тлея' (букв. 'тлеть-гореть'), *швопкисьыны-пуксьыны* 'сесть шлёпая' ('шлёпнуться-сесть'),

К ВОПРОСУ О ПАРНЫХ СЛОВАХ В КОМИ-ПЕРМЯЦКОМ ЯЗЫКЕ

ыпкыны-луйны 'стрельнуть' (букв. 'бухнуть-стрельнуть'), *эргыны-видчыны* 'ругаться подобно ворчанию собаки' (букв. 'ворчать-ругаться'), *шваткыны-кыйны* 'плести лапти' (букв. 'стучать-плести'), *чупкыны-нимавны* 'сосать чмокая' (букв. 'чмокать-сосать'), *дзоллыны-виявны* 'капать со звоном' (напр. в ведро; букв. 'звенеть-капать'), *марскыны-сэйны* 'есть с хрустом' (букв. 'хрустеть-есть'), *няжгыны-курччөвтны* 'раскусить с хрустом' (букв. 'хрустнуть-раскусить').

Примеры парных слов, в которых один компонент является неизобразительным глаголом, употребляющимся в образно-подражательном значении: *луйны-котёртны* 'бежать пулей' (букв. 'выстрелить-бежать'), *быгыльтны-мунны* 'идти катаясь' (букв. 'катиться-идти'), *вотышитны-пышыны* 'кануть' (букв. 'кануть-убежать'), *ниртны-уджавны* 'гнуть спину' (букв. 'тереть-работать'), *таравны-усьны* 'упасть кубарем' (букв. 'покатиться-упасть'), *бергётны-уджавны* 'усердно работать' (букв. 'ворочать-работать'), *чышкыны-гёрны* 'пахать легко' (букв. 'мести-пахать'), *нимавны-висьны* 'болеть' (о пояснице; букв. 'тянуть-болеть'), *тиыйны-куритны* 'курить' (букв. 'дымить-курить'), *вуграсьны-мунны* 'идти покачиваясь' (букв. 'удить-идти').

Как видно из примеров, в образно-подражательном, уточняющем значении употребляется первый компонент, который образно передает тот или иной оттенок действия, выражаемого глаголом, выступающим в прямом значении. Таким образом, общая закономерность коми языка, когда слова-пояснители располагаются перед словами-поясняемыми в структуре словосочетания или предложения, находит отражение и в построении парных слов. Во всех без исключения случаях в парных словах, один из компонентов которых так или иначе развивает, уточняет лексическое значение другого компонента, компонент-уточнитель стоит перед словом, значение которого уточняется.

2. В редких случаях компоненты парного слова находятся в антонимических отношениях. При этом составные части антонимических парных слов обычно в семантическом отношении совершенно равноправны, в их значении не происходит никаких сдвигов.

Общее значение таких парных слов обычно равно сумме значений компонентов с дополнительным оттенком обобщения, собирательности, например: *мунны-локны* 'уходить-приходить', 'ходить сюда и обратно', 'разъезжать взад-вперёд'; *кайны-лэдзчыны* 'подниматься-спускаться', 'ходить вверх-вниз'; *пырны-петны* 'входить-выходить', 'ходить взад-вперед' (через дверь); *юасьны-висьтасьны* 'опрашивать-отвечать' (затевать разговор о человеке, который пришел в дом к кому-либо за чем-либо); *серавны-горзыны* 'смеяться-плакать', 'то плакать, то смеяться' (о человеке с неустойчивым настроением); *вузасьны-небсьыны* 'продавать-покупать', 'вести оживленный обмен товарами'.

3. Выделяется относительно небогатая, по сравнению с синонимическими словами, группа парных слов, компоненты которых также лексически равноправны, но по отношению друг к другу не являются антонимами, а представляют собой перечисление равноправных однородных частей единого сложного целого. Общее значение таких парных слов всегда равно сумме значений компонентов с дополнительным оттенком обобщения, собирательности, например: *инька-нывка* (букв. 'женщина-девушка') 'женщины'; *сийёс-сермёт* (букв. 'хомут-узда') 'сбруя'; *тишак-ягёд* (букв. 'грибы-ягоды'); *мус-лётко* (букв. 'печень-лёгкое') 'внутренности'; *сьывны-йёктыны* (букв. 'петь-плясать') 'веселиться'; *гёрны-кёдзыны* (букв. 'пахать-сеять') 'заниматься сельскохозяйственными работами'.

Особо стоят в семантическом отношении парные слова с обобщённо-собирательным значением, компоненты которых своеобразно оформляются внутри парного образования с помощью суффикса *-а-*, например: *соя-вона* 'брат с сестрой', *ая-ныла* 'отец с дочерью', *мама-ныла* 'мать с дочерью', *мама-зона* 'мать с сыном', *ая-зона* 'отец с сыном'.

В коми-пермяцком языке этот тип парного словообразования уже непродуктивен. Состав парных слов здесь ограничивается лишь вышеуказанными случаями, в отличие от

коми-зырянского, где с помощью *-а-* в пары могут вступать и местоимения, собственные имена и т. д.

Несколько иные смысловые отношения между компонентами парных прилагательных, парных числительных и парных наречий. Они будут рассмотрены особо (см. ниже).

Парные слова очень часто смешивают со сложными словами. В связи с этим необходимо специально остановиться на характеристике парных слов в сравнении со сложными словами.

Между парными и сложными словами имеются сходства и различия.

Перечислим, прежде всего, черты, которые сближают парные и сложные слова.

1. Компоненты как парного, так и сложного слова друг к другу просто приставляются, не соединяясь с помощью соединительных гласных, как это имеет место, например, в русском языке: *йёрнös-дубас* 'женская одежда старого образца' (букв. 'рубашка-домотканый дубас'), *силлыс* 'ресница' (букв. 'глаз-хвоя'); (сравним в русском языке слово *пароход*, в котором компоненты связаны соединительной гласной *о*).

2. Компоненты как сложного, так и в части случаев парного слова объединяются одним словесным ударением. Это больше всего относится к тем парным словам, компоненты которых не слишком многосложны (парные слова с компонентами, представляющими собой перечисление двух слов, обозначающих частные понятия, которые включаются в более общее понятие: *ныв-зон* 'молодежь', *ном-лödз* 'мошकार').

Сказанным сходства между парными и сложными словами ограничиваются. Далее начинаются между ними различия, которые и дают возможность выделять парные слова в особую категорию.

Остановимся на этих отличительных особенностях подробнее.

1. Парные слова могут объединять только два компонента, пару слов, в связи с чем их и принято называть парными, например: *дзарнитны-видзöтны* 'бросить беглый взгляд' (букв. 'бросить взгляд-посмотреть'), *буавны-горзыны* 'плакать навзрыд' (букв. 'выть-плакать'). В составе же сложных слов нередко можно встретить три (и более) компонента, например: *сьöдсинкыма* 'чернобровый' состоит из трёх слов: *сьöд* 'чёрный', *син* 'глаз' и *кыма* (из *кым* с затемнённым значением); *гуткулантшаак* 'мухомор', состоит из трёх компонентов: *гут* 'муха', *кулан* 'предназначенный для смерти', *тшаак* 'гриб'.

2. Общее значение парного слова, как уже говорилось выше, всегда тесно связано со значением его компонентов, из которых один выступает с более ярким лексическим значением, а другой обычно вносит в это общее значение те или иные дополнительные оттенки: образность, собирательность, уточнение лексического значения. Так, например, в парном слове *нимкодясны-видчыны* 'обзываясь-ругаться' (букв. 'обзываться-ругаться') первое слово уточняет значение второго компонента; в парном слове *сьывны-йöктыны* 'веселиться' (букв. 'петь-плясать') общее значение шире значений составляющих его компонентов и имеет собирательный характер; в парном слове *ризъыны-чеглавны* 'с треском ломать' (букв. 'трещать-ломать') первый компонент образно определяет лексическое значение второго компонента; в парном слове *гöрись-кöдзись* 'земледелец' (букв. 'пахарь-сеятель') налицо оттенок собирательности.

В отличие от парных слов, общее значение сложного слова очень часто не выводится прямо из значений его компонентов ср. *порськок* 'лопух' (букв. 'свинья-нога').

3. В парные образования могут входить, как правило, слова, соотносительные в каком-либо отношении: синонимы, антонимы, слова, обозначающие частные понятия одного общего, например: *пырны-петны* 'ходить взад-вперёд' (букв. 'входить-выходить'), *мунись-локтьсь* 'прохожий' (букв. 'уходящий-приходящий'), *рвязыны-горöтлыны* 'неистово кричать' (букв. 'рвать-кричать'), *öгравны-сотчыны* 'сильно гореть' (букв.

‘пылать-гореть’), *сюллыны-баитны* ‘говорить’ (о детях; букв. ‘лепетать-говорить’), *тушкины-сейны* ‘с аппетитом кушать’ (букв. ‘наворачивать-кушать’) и т. д.¹

Смысловые же отношения между компонентами сложного слова носят совсем иной характер.

4. В парные слова объединяются лишь грамматически совершенно одинаковые компоненты, например: существительное + существительное (*сийёс-сермёт* ‘сбруя’, букв. ‘хомут-узда’), глагол + глагол (*накмыны-косьмыны* ‘худеть, сохнуть’, букв. ‘испаряться-сохнуть’).

В составе же сложного слова очень часто обнаруживаются в грамматическом отношении самые различные компоненты: существительное + причастие (*мёслысьтись* ‘доярка’), наречие + причастие (*одзымунись* ‘передовик’) и т. д.

5. При словоизменении и словообразовании глагольных парных слов аффиксы присоединяются к обоим компонентам: *пишкё-узё* ‘спит с храпом’, *пишкин-узин* ‘спал ты с храпом’, *пишкитё-узитё* ‘спали вы с храпом’ и т. д.

В сложном же слове суффиксы словоизменения и словообразования присоединяются лишь к последнему компоненту, например: *лысвалё* ‘росе’, *лысвасянь* ‘от росы’, *лысваё* ‘в росу’ и т. д.

В ряде случаев в художественной литературе наблюдаются смешения парных слов с однородными членами, в особенности это касается глагольных парных слов. Такое смешение не случайно. Оно оправдывается историческим происхождением парных слов из соединения однородных членов предложения. Однако, возникнув из синтаксического сочетания, качественно новая языковая единица выработала в процессе развития специфические признаки семантического и формального характера.

Семантическим отличием между парным образованием и однородными членами является наличие единого целостного значения парного слова и отсутствие семантической целостности в сочинительном сочетании, в котором все слова свободны.

Формальным отличием парных слов от синтаксических сочетаний является объединение или тенденция к объединению компонентов парного образования одним словесным ударением, в результате чего исчезает пауза между составными частями парного слова. Как известно, однородные члены предложения произносятся перечислительной интонацией, отделяются друг от друга четкой паузой и имеют самостоятельное ударение. Так, например, компоненты парного слова *гёрны-кёдзны* ‘заниматься сельхозработами во время сева’, помимо целостного значения, объединяются наличием одного главного словесного ударения, падающего на первый слог второго компонента, и полным отсутствием паузы между составными частями, в то время как в однородном ряде слов: *гёрны, кёдзны, пинявны* ‘пахать, сеять, боронить’ — каждое слово имеет свое ударение, отделяется паузой и произносится перечислительной интонацией.

Парные слова в коми-пермяцком языке обнимают почти все части речи. Ниже приведем группы парных слов по принадлежности их к той или иной части речи, учитывая при этом их структуру, значение и характер отношения к сложным словам:

1. Парные существительные. Среди них выделяются две подгруппы:

1) парные существительные, компоненты которых оформляются с помощью *-а*: *мама-ныла* ‘мать с дочерью’, *мама-зона* ‘мать с сыном’, *ая-ныла* ‘отец с дочерью’, *соя-вона* ‘брат с сестрой’. Парные существительные этой группы имеют собирательное значение. Они ближе к сложным словам, чем, например, глагольные парные слова. Морфологические показатели присоединяются в этих образованиях, как и в сложных словах, лишь к последнему компоненту. В части говоров (южных) оба компонента перечисленных парных слов объединяются одним ударением, которое обычно падает на второй слог первого компонента.

¹ Следует иметь в виду, что приводимые нами переводы парных слов лишь приблизительно отражают их смысл, так как в большинстве случаев невозможно подобрать к ним соответствующий эквивалент на русском языке.

2) парные существительные, компоненты которых не имеют специфического оформления (выступают в исходной форме), например: *йёрнös-вешьян* 'мужское белье' (букв. 'сорочка-штаны, кальсоны'), *йёрнös-дубас* 'женская одежда' (букв. 'рубашка-домотканый дубас, сарафан'), *кетись-шапка* 'мужская одежда для головы и рук' (букв. 'рукавицы-шапка'), *сийös-сермöt* 'сбруя' (букв. 'хомут-узда'), *гöрись-кöдзись* 'земледелец' (букв. 'пахарь-сеятель'), *нив-зон* 'молодежь' (букв. 'дочь-сын'), *лук-кушман* 'грубая домашняя пища' (букв. 'лук-редька'), *катша-рака* 'воронье' (букв. сорока-ворона'), *ном-лöдз* 'мошकारа' (букв. 'комар-овод'), *инька-нывка* 'лица женского пола' (букв. 'женщина-девушка'), *брага-сур* 'слабоалкогольные напитки' (букв. 'брага-пиво'), *пурга-падера* 'зимнее ненастье' (букв. 'пурга-метель, вьюга'). Как видно из приведенных примеров, парные существительные этого типа представляют собой перечисление двух слов, каждое из которых обозначает частное понятие, включаемое в более общее понятие. Они имеют собирательное значение, которое нередко представляется более широким, чем сумма значений компонентов. Рассматриваемые образования, как и парные существительные первой подгруппы, приближаются к сложным словам. При их словоизменении и словообразовании морфологические показатели присоединяются лишь ко второму компоненту. Некоторые из парных слов разбираемого типа уже полностью перешли в разряд сложных слов и пишутся слитно. Такими являются *тымус* 'внутренности' (букв. 'лёгкие-печень'), *аймам* 'родители' (букв. 'отец-мать'), *кикок* 'конечности' (букв. 'рука-нога'), *юркок* 'кости' (букв. 'голова-нога') и т. д. По-видимому, причиной перехода их в разряд сложных слов явилась односложность составных частей, благодаря чему они быстро объединились одним словесным ударением.

2. Парные глаголы

В коми-пермяцком языке, как уже отмечалось выше, парные глаголы отличаются большим разнообразием: *чильдны-кынмыны* 'покрываясь инеем, замерзнуть' (букв. 'индеветь-замерзнуть'), *пиявны-кынмыны* 'сильно мерзнуть', *чирышитны-кынмыны* 'сильно мерзнуть', *потласьны-горöтлыны* 'сильно кричать, кричать так, что рот разрывается', *удны-вердны* 'угостить' (букв. 'угостить-накормить'), *пиньгыны-видчыны* 'зубачить' и т. д.

Глагольные парные слова по сравнению с другими морфологическими группами парных слов стоят дальше от сложных слов и ближе к сочинительным словосочетаниям. Они, как правило, многосложны, сохраняют два ударения (одно главное и другое второстепенное).

Оба компонента глагольного парного слова изменяются по лицам, числам и временам. Приведем изменение парного слова *сярзьины-баитны* 'трещать-говорить' в прошедшем очевидном времени:

ме сярзи-баиті 'я трещал-разговаривал',
тэ сярзин-баитін 'ты трещал-разговаривал',
сія сярзис-баитіс 'он трещал-разговаривал',
мийö сярзим-баитім 'мы трещали-разговаривали',
тійö сярзит-баитит 'вы трещали-разговаривали',
ня сярзисö-баитисö 'они трещали-говорили'.

В части парных глаголов один из компонентов полностью утратил свое лексическое значение и превратился в обычный аффикс, это касается прежде всего многочисленной группы парных образований, вторым компонентом которых является -керны (в самостоятельном значении 'делать'), например: *баитны-керны* 'поговорить', *пукавны-керны* 'посидеть'.

3. Парные прилагательные

Категория парных прилагательных менее богата и разнообразна, чем категория парных глаголов. Из наиболее употребительных парных прилагательных выделяются в семантическом отношении две подгруппы: а) прилагательные, выражающие признак предмета через отношение к другому предмету: *чукыля-викыля* 'непрямой, изогнутый' (букв. 'изогнутый-изгибающийся'), *шушитöм-гажтöм* 'скудный' (значение компонента

шуитӧм затемнено), *идъя-зӧръя* 'смешанный' (букв. 'имеющий ячмень, имеющий овес'), *сюра-пеля* 'с рогами' (о мифическом существе; букв. 'имеющий рог-имеющий ухо'), *киа-кока* 'способный передвигаться и работать' (букв. 'имеющий руку, имеющий ногу'), б) прилагательные, обозначающие цветовые оттенки: *пемыт-гӧрд* 'темно-красный', *югыт-лӧз* 'светло-синий', *веж-чочком* 'изжелта-белый', *пемыт-руд* 'темно-серый', *югыт-гӧрд* 'светло-красный'².

4. Парные наречия

Парные наречия также немногочисленны. Они объединяют слова, являющиеся лексическими или грамматическими архаизмами: *сьӧрсӧн-бӧрсӧн* (*ветлӧтны*) 'друг за другом (ходить)', *тырӧн-гозийӧн* (*кӧмавы*) 'надеть непарную обувь', *сорти-кости* (*петавы*) 'редко (всходить, о всходах)', *увсьӧн-вевсьӧн* (*пуктыны*) 'друг на друга (положить)'

5. Парные числительные

Наиболее употребительны парные числительные, обозначающие числовые представления в пределах первого десятка. Парные числительные обозначают приблизительный счет *ӧтик-кык* 'один-два', *кык-куим* 'два-три', *нӧль-вит* 'четыре-пять'.

В заключение следует остановиться на правописании парных слов. Орфографический словарь коми-пермяцкого языка, выпущенный Комипермиздатом в 1955 г., утверждает полуслитное написание всех без исключения групп парных и парно-повторных слов³. Однако в практике издательской работы в одних случаях парные слова пишутся через дефис, в других — отдельно. Это особенно относится к орфографии парных глаголов и имен существительных. Причиной такого разнобоя часто является непонимание специфики парных слов во всех их проявлениях. Нашей задачей является утверждение полного единообразия орфографии парных слов. При этом полуслитное написание парных слов следует считать наиболее целесообразным. Оно в настоящее время узаконено во многих языках, в которых имеются парные слова.

² Мы здесь не останавливаемся на парно повторных прилагательных типа *ыджыт-ыджыт* 'большой-большой', *ыджытъя-ыджыт* 'из большого большой', в которых повторения используются в целях усиления степени качества.

³ Исключение составляют сложные прилагательные типа *югыт-гӧрд* 'светло-красный', полуслитное написание которых было узаконено позднее в школьной грамматике по коми-пермяцкому языку, изд. 1959 г.

ПОРЯДОК СЛОВ В КОМИ-ПЕРМЯЦКОМ ЯЗЫКЕ *

Слова как в словосочетании, так и в предложении обычно находятся не в хаотическом состоянии, а занимают вполне определенное, обусловленное структурой данного языка место. Установившиеся в процессе исторического развития языка закономерности расположения членов предложения в отношении друг к другу составляют порядок слов, характерный для данного языка.

Порядок слов, как и другие синтаксические средства (формы слов, служебные слова, интонация), служит для соединения слов в словосочетания, средством организации их в предложения. Таким образом, он участвует в оформлении грамматического строя языка.

Поскольку каждый язык глубоко самобытен, удельный вес порядка слов в грамматической структуре разных языков не одинаков. Вполне понятно, что в языках, богатых формальными средствами связи (флексиями), порядок слов как синтаксический способ в структуре словосочетания и предложения используется в более ограниченных масштабах. Напротив, в языках корневого типа, например в китайском, который не располагает в достаточной мере формами словоизменения и словообразования, порядок слов превращается в один из решающих приемов выражения синтаксических отношений между словами.

Коми-пермяцкий язык (по своему морфологическому типу агглютинирующий) в ходе исторического развития выработал довольно богатую систему словоизменения и словообразования. Достаточно сказать, что в нем имеется 17 падежей, обильный класс послелогов. Однако коми-пермяцкий язык, как и большинство финно-угорских языков, не развил средств согласования определения с определяемым словом. Поэтому определения, выраженные различными частями речи (именами существительными, прилагательными, числительными, местоимениями, причастиями), не получают оформлений с помощью флексий. В определительных словосочетаниях синтаксические отношения выражаются нулевой флексией зависимого слова, порядком слов и интонацией.

Следовательно, в грамматическом строе коми-пермяцкого языка порядок слов играет большую роль, чем, например, в русском языке. В значительной части случаев порядок слов является единственным средством выражения синтаксических связей между словами в словосочетаниях и предложениях. Однако неверно было бы утверждать, что порядок слов в этом языке в такой же степени твердый, как, скажем, в английском или в китайском.

Основными синтаксическими единицами языка являются словосочетание и предложение. Словосочетания представляют собой грамматические и смысловые единства, живущие внутри предложений, в то время как предложения служат единственной полноценной единицей, выполняющей коммуникативную функцию языка. Однако уже в словосочетаниях слова связаны по смыслу и грамматически оформлены. Поэтому из анализа структуры словосочетаний видно, какой удельный вес занимает тот или иной конкретный синтаксический способ связи слов.

Место порядка слов в грамматической системе языка удобнее всего проследить при рассмотрении словосочетаний по характеру выраженного в них отношения. Как известно, все словосочетания (исключая предикативные) с этой точки зрения могут быть подразделены на определительные (атрибутивные), объектные и обстоятельственные (релятивные). Видами же синтаксической связи между словами в словосочетании являются согласование, управление, примыкание.

* Ученые записки ПГПИ. Т. 43. Выпуск 3. Пермь, 1967. С. 158-182.

При согласовании подчиненное слово повторяет в себе грамматические значения и формы ведущего слова. Согласование выражается окончаниями изменяемых слов.

При управлении формы подчиненных слов не зависят от форм грамматически ведущих слов, но они обусловлены их лексико-грамматическими значениями. Чаще всего управление встречается при связи глаголов с существительными в косвенных падежах. Средствами связи при этом служат окончания косвенных падежей и послелогии.

При примыкании же компоненты словосочетания связаны друг с другом с помощью порядка слов.

Поскольку целью данной работы является выявление места порядка слов в грамматической структуре коми-пермяцкого языка, мы и переходим к рассмотрению словосочетаний, компоненты которых связаны между собой с помощью порядка слов.

Порядок слов в этом языке имеет более или менее фиксированный характер не только в определительных, но и во многих объектных и обстоятельственных словосочетаниях. При этом в одних случаях он абсолютно твердый и является единственным средством связи слов; в других же случаях те или иные слова имеют тенденцию стоять на определенном месте, но этот порядок может нарушаться, не изменяя смысла словосочетания.

I

Порядок слов в определительных словосочетаниях

В зависимости от того, какой частью речи выражено определение, все простые определительные словосочетания можно подразделить на следующие подгруппы:

1. **Словосочетания, в которых определения выражены именами существительными в именительном падеже**, например: *вөр туй* (букв. 'лес-дорога') 'лесная дорога', *кок чунь* (нога-палец) 'палец ноги', *ведра вуг* (ведро-дужка) 'дужка ведра', *шонді югөр* (солнце-луч) 'луч солнца', *ыбёс вуг* (дверь-ручка) 'ручка двери'.

Такие словосочетания характеризуются твердым порядком слов. Перестановка имени существительного, являющегося определением, в этих случаях невозможна: она создаст бессмыслицу. Например, изменение порядка слов в построении *кок чунь* (нога-палец) 'палец ноги' создает искусственное сочетание слов *чунь кок* (палец нога), которое ничего не выражает.

Определение, выраженное количественным существительным, а также существительным, обозначающим меру, перестановку допускает. Однако такое перемещение приводит к изменению синтаксической функции переставленного слова и отражается на значении словосочетания: существительное, находившееся в препозиции, становится определяемым словом, утрачивает свою количественную семантику и приобретает предметное значение. Ср. *ведра ва* 'вода с ведро' и *ва ведра* 'ведро с водой'; *мешок зёр* 'овес с мешок' и *зёр мешок* 'мешок с овсом'; *додь турун* 'сено с воз' и *турун додь* 'воз с сеном'; *кашник йёв* 'молоко с горшок' и *йёв кашник* 'горшок с молоком, горшок для молока'.

Председатель пёрётём ёшынёттяс гажётчиссез вылё быдса ведра ва (И. Минин) 'Председатель вылил через окно на веселящихся целое ведро воды'.

Костёны коснысё съёрсьён-бёрсьён мама-зона Гаврилыс паськыт видззез вылын, шедтёны кусок нянь (М. Лихачев) 'Гнут спины (букв. поясницу) друг за другом мать с сыном на широких лугах Гаврилы, добывают хлеба с кусок'¹.

Коса йылас эд нянь кусёкыс (М. Лихачев) 'На конце косы ведь кусок хлеба (соотв. Оплата будет по результатам работы)'.

¹ Здесь и в других случаях переводы примеров сделаны дословно, чтобы сохранить особенности словорасположения в предложении коми-пермяцкого языка.

Ме гѳститны тэ дьнѳ локта кумѳт лунѳ свадьба бѳрас, только керкуат ог пыр, а тэ посѳдзат сувтѳт кѳньѳс брага, кѳньѳс сур да кѳньѳс вина (из фольклора) 'Я в гости к тебе приду на третий день после свадьбы, только в дом не зайду, а ты на крыльце поставь брагу с кадку, пиво с кадку да вино с кадку'.

Удав рысьѳн саясис пельѳс сайѳ, мѳдик улицаѳ, тройка вѳв... (М. Лихачев) 'Удалой рысью скрылась за угол, на другую улицу, тройка лошадей...'².

Существительные-определения, примыкающие к определяемым словам, в коми-пермяцком языке чаще всего выражают следующие смысловые отношения:

1) отношение к принадлежности предмета: *баран сюр* (баран-рог) 'рог барана'; *руч след* (лиса-след) 'след лисы'; *Иньва нос* (Иньва-мост) 'Мост Иньвы'; *кок чунь* (нога-палец) 'палец ноги'; *керку юр* (дом-голова) 'крыша дома'; *кыдз лист* (береза-лист) 'лист березы'; *пызан кок* (стол-нога) 'ножка стола'.

2) отношение к месту: *вѳр туй* (лес-дорога) 'лесная дорога'; *горт пода* (дом-скот) 'домашний скот'; *вѳр дзодзог* (лес-гусь) 'дикий гусь'; *ва шыр* (вода-мышь) 'водяная мышь'.

3) отношение к материалу: *шогдѳ-пизь* (пшеница-мука) 'пшеничная мука'; *зѳр пизь* (овес-мука) 'овсяная мука'; *яй шыд* (мясо-суп) 'мясной суп'; *пу пань* (дерево-ложка) 'деревянная ложка'.

4) назначение предмета: *брага тус* (брага-туес) 'туес для браги'; *ырѳш кринка* (квас-кринка) 'кринка для кваса'; *ма доз* (мѳд-посуда) 'посуда для меда'.

5) отношение ко времени: *тѳв пора* (зима-пора) 'зимняя пора'; *ар пора* (осень-пора) 'осенняя пора'; *тулыс кад* (весна-время) 'весеннее время', *гожум кад* (лето-время) 'летнее время'.

Виктор Гыров и оджык пыравлѳс начальник кабинетѳ полѳмѳн, а талуи некыдз эз решитчы кутчисьны ыбѳс вуг бердѳ (И. Минин) 'Виктор Гыров и раньше заходил в кабинет начальника с чувством боязни, а сегодня никак не решился взяться за ручку двери'.

Медучѳт вон иньдѳтчис бѳр пѳрисьжык воннэз дьнѳ, а старик сетѳс сылѳ лекарство туруннэз и даже ылѳдз эд кольлалѳс (из фольклора) 'Младший брат отправился назад к старшим братьям, а старик дал ему траву для лекарств и даже проводил далеко'.

Рита саймис ракаэз да чавканнэз гайзѳмсянь (В. Климов) 'Рита проснулась от крика ворон и галок'.

Ефрем му постать дорын копырасьѳны кум морт, ѳктѳны шочыник сюѳѳ (М. Лихачев) 'Около постати земли Ефрема гнут спину три человека, собирают редкую жниву'.

Рудзѳг йѳр коласас да зѳр йѳр коласас паськыт полосаѳн нюжалѳмась паррез (М. Лихачев) 'Между ржаным полем и овсяным полем широкой полосой прошли пары'.

Сы бокын пукалѳ Егор Филя, шлянкѳ ѳмнас, киас нямыртѳм да пидзралѳ солалѳм капустѳ лист (М. Лихачев) 'Рядом с ним сидит Филипп Егорович, шлепает ртом, в руки зажал и выжимает лист соленой капусты'.

От подчинительных словосочетаний, состоящих из существительного-определения и существительного-определяемого слова, оформленных в именительном падеже, ведет свое происхождение значительная часть сложных слов. Слиянию компонентов таких словосочетаний в одно смысловое целое способствовали различные обстоятельства (затемнение значения одного из компонентов, употребление одного из слов в переносном значении, расширение значения целого по сравнению со значением суммы компонентов и т. д.): *кѳртзыр* (железо-лопата) 'железная лопата'; *юрбѳр* (голова-зад) 'затылок'; *синлыс* (глаз-хвоя) 'ресница'; *черинянь* (рыба-хлеб) 'рыбный пирог'; *нинкѳм* (лыко-обувь) 'лапоть'; *ныртыс* (нос-дыра) 'ноздря'; *паськѳм* (шуба-обувь) 'одежда'; *ньѳвьѳсь* (стрела-острие) 'стрела'; *горвыв* (печь-поверхность) 'напечье'; *сюрипу* (цевка-

² В примерах из художественной литературы буква ѳ передается по техническим причинам знаком ѳ, а буква і знаком І. [Примечание 1967 года к данному изданию не относится. — Ѳ. Л.]

дерево) 'бузина' (из веток бузины коми-пермяки делали цевки); *юркыти* (голова-круг) 'венок'; *чунькыти* (палец-круг) 'кольцо для пальца'; *потипон* (жердь-конец) 'жердочка'; *урбӧж* (белка-хвост) 'полынь' (название дано по сходству формы); *черива* (рыба-вода) 'уха'; *вӧрмӧс* (лес-корова) 'лось'; *сьӧдрака* (черная ворона) 'галка'; *ситож* (волос-решето) 'решето'; *бимороз* (огонь-мороз) 'сильный мороз'; *тшын.мороз* (дым-мороз) 'трескучий мороз'.

Порядок слов является одним из древнейших средств выражения связи двух слов. По мере развития мышления людей к языку предъявлялись новые требования. Конструкции, построенные на примыкании с твердым порядком слов, становились очень неуклюжими, негибкими при выражении дифференцированных понятий. Поэтому параллельно с *ош след* (медведь-след) 'след медведя', *мӧс сюр* (корова-рог) 'рог коровы' начинают употребляться и построения *ошлӧн след*, *мӧслӧн сюр*, в которых внимание акцентируется на предмете, выраженном существительным в родительном падеже. В таких конструкциях пояснительное слово было уже более самостоятельным. Твердый порядок слов уступил место морфологическим средствам. Определение, выраженное существительным в родительном падеже, можно легко без особого изменения смысла словосочетаний переставить в позицию после определяемого слова, например: *след ошлӧн*, *сюр баранлӧн*, *шы каньлӧн*. Этим самым говорящий добивается подчёркивания значений принадлежности существительных, стоящих в родительном падеже.

Таким образом, развитие структуры словосочетаний, в которых определения-существительные выражают принадлежностные отношения, пошло в двух направлениях. С одной стороны, сохранялись конструкции с твердым порядком слов, в которых существительное-определение стоит в именительном падеже, например:

Вӧлі зшӧ пемыт, а фермаэз дынӧ, подавӧдитиссез керкуоккезӧ чукӧртчисӧ отирыс быдӧс полеводческой бригадаись (И. Шадрин) 'Было еще темно, а к фермам, в дома животноводов собрались люди со всех полеводческих бригад'.

Бригадиррез сетисӧ колхоз правленӧас председателӧ отчӧттӧэз, получитисӧ ашын кежӧ наряд и мунисӧ горттӧзаныс (И. Шадрин) 'Бригадиры дали в правление колхоза председателю отчеты, получили на завтра наряды и разошлись по домам'.

Зонка порой кругом озарнитлис, любуйтчис ӧзим петассэзнас да ося сюэзӧн, кӧдна пезьялисӧ золотӧй рӧмӧн (Ю. Громадченко) 'Парень иногда озирался кругом, любовался всходами озимых, яровыми хлебами, которые желтели цветом золота'.

С другой стороны, развились определительные словосочетания, в которых принадлежностное определение оформляется в родительном падеже. Такое определение менее обусловлено определенным местом, допускает перестановку, отрыв от определяемого слова.

Ошпозьяинской колхозлӧн правленӧ виль (И. Минин) 'У Ошпозьяинского колхоза правление новое'.

Сылӧ ыркыт: нуэслӧн вуджӧррес сайӧвтӧны шондӧсянь (М. Вавилин) 'Ему прохладно: тени деревьев прикрывают от солнца'.

И олӧ чериалисьлӧн семья лун, олӧ кык, недель да и год (из фольклора) 'И живет семья рыбака день, живет два, неделю и год'.

Что же касается словосочетаний, в которых существительное-определение передает иные отношения (отношение к месту, к материалу и ко времени), то в их развитии наметились другие тенденции. Такие существительные-определения выработали специальные адъективирующие суффиксы и перешли в разряд имен прилагательных.

В современном коми-пермяцком языке довольно продуктивными являются прилагательные на *-ся*, обозначающие отношение к месту и времени: *гожумся* 'летний', *тӧвся* 'зимний', *луся* 'дневной'; *гортся пода* 'домашний скот', *сӧтчися олӧм* 'тамошняя жизнь'.

Весьма обширный класс представляют имена прилагательные с суффиксом *-овӧй*. Данный суффикс был извлечен из заимствованных слов русского языка (типа *садовый*).

дубовый), но в коми-пермяцком языке значительно расширил свое значение, стал обозначать признак по отношению к материалу вообще: *идовый нянь* 'ячменный хлеб', *шогдировый пизь*, 'пшеничная мука', *кортровой крыша* 'железная крыша', *пуовой пань* 'деревянная ложка', *йировый шюд* 'мясной суп', *йыовой шалаш* 'ледяной шалаш'. В современном коми-пермяцком языке уже прочно утвердилась традиция выражать признак по отношению к материалу прилагательными на *-овый*, образованными от имен существительных. Конструкции типа *пу пань* (дерево-ложка) 'деревянная ложка'; *зор пизь* (овес-мука) 'овсяная мука' еще изредка встречаются в речи старшего поколения коми-пермяков, но они уже отживают свой век, уступают место новым образованиям, в которых отношение к материалу передается с помощью суффикса *-овый*.

Этого, однако, нельзя сказать еще по отношению к определительным словосочетаниям, в которых определение выражает назначение предмета.

Имя существительное-определение, обозначающее назначение предмета, примыкает к определяемому слову в форме именительного падежа и занимает твердое место перед словом, которое поясняет: *брага туис* 'туес для браги', *порсь гид* 'помещение для свиней', *вөв ферма* 'конеvodческая ферма', *мөс ферма* 'молочно-товарная ферма', *пода сёян* 'корм для скота'.

Примеры:

Степан Матвеевич порсь фермаён заведуйтө (Л. Нилогов) 'Степан Матвеевич заведует свиноводческой фермой'.

Егор Прохорович эта жө годö аслас бригадаён строитис и быдсөн механизироватис мөс ферма, строитис клуб (Л. Нилогов) 'Егор Прохорович в этом же году с помощью своей бригады соорудил и полностью механизировал молочно-товарную ферму, построил клуб'.

Ашынас, одз асывнас, ме жагвыв локта Базарской порсь фермаё (П. Караваев) 'Назавтра, рано утром, я медленно иду на Базарскую свиноводческую ферму'.

Сыстеров локтис вөв карта оградаё да пырис избушкаё, кытөн стариккез кыйисё завёрткаэз (И. Шадрин) 'Сыстеров пришел во двор конюшни и зашел в избушку, где старики плели завёртки'. К рассматриваемому типу словосочетаний близки конструкции, состоящие из приложения с собственными именами. Так как собственные имена в таких словосочетаниях являются определениями, они располагаются впереди определяемого слова: *Яков дядьит* 'твой дядя Яков', *Педось сойит* 'твоя сестра Федосья', *Зоя теткаыс* 'ее тетя Зоя', *Коля вонит* 'твой брат Коля', *Иньва ю* 'река Иньва', *Кубень деревня* 'деревня Кубень', *Йөг посад* 'село Егва', «*Менам зон*» *произведенёын* 'в производстве «Менам зон»'.

В настоящее время эта закономерность устойчиво сохраняется не только в разговорной речи, но и в художественной литературе.

Вөвез корскайтөмөн, швачён, быд вынись, нюжөтчөмөн нуисё хозяйинэзнысё вөр дор куяс Надов деревнялань (М. Лихачев) 'Лошади с храпом, рысью, изо всех сил вытянувшись, уносили своих хозяев по опушке леса к деревне Надов'.

Кудымкар посадө Отев туй кузя локтис Дёма нима зонка (И. Шадрин) 'В село Кудымкар по Отевской дороге шел мальчик по имени Дёма'.

Однако под влиянием русского языка в художественную литературу в последнее время проникла и все более утверждается другая тенденция — ставить собственное имя в конструкциях с приложением после нарицательного имени.

Деревня Дзоль сулалө керөс йылын, / Кытшөвтөм сийө ыджыт, пемыт вөр (М. Лихачев) 'Деревня Дзоль стоит на горе, окружил её большой, темный лес'.

Деревня Конановчи сулалө Гырка лог дорын (М. Лихачев) 'Деревня Конановчи стоит у лога Гырка'.

ПОРЯДОК СЛОВ В КОМИ-ПЕРМЯЦКОМ ЯЗЫКЕ

Көр Музин аслас инькõt локтис райцентрö, год бõрти сiя жö посадö локтис инженер Баяндин (И. Шадрин) 'После того как Музин со своей женой приехал в райцентр, через год в это же село прибыл инженер Баяндин'.

Предшествование подчиненного слова подчиняющему обнаруживается и в сложных собственных названиях лиц, строящихся по принципу:

а) прозвище + имя: *Пелю Миша, Чужанёв Марий, Ляпчик Ваня.*

Паныт нылö пукалõны эшö кык морт: Тувдõм Петра да Майõг Опонь (М. Лихачев) 'Напротив них сидят ещё два человека: Тувдом Петра да Майог Опонь'.

Эз юась Кõкан Трõтим аслас инь йылись нем, а колис бы (И. Минин) 'Не спрашивал Кокан Трофим про свою жену ничего, а следовало бы'.

Сэк Чебрень Егор пырис сы сьёлõмõ (М. Лихачев) 'Тогда Чебрень Егор (букв. вошел в её сердце) покорил её сердце'.

б) фамилия + имя: *Калин Петра, Власов Степан, Кривощёков Иван.*

Однако в художественной литературе в настоящее время широко встречается постановка имени перед фамилией.

Лесотехникум кончитõм бõрын Лена Базукова мымдакö уджалис леспромхозись главнõй механик отделеын (И. Минин) 'После окончания лесотехникума Лена Базукова немного работала в отделе главного механика леспромхоза'.

Гриша Грачев школа кончитõм бõрын шатласис городдзын и локтис бõр посадö (Л. Нилогов) 'Гриша Грачев после окончания школы скитался по городам, но возвратился в село'.

Посадас оз туй, быд поныс õтамõдсö тõдö, шедан, — баитис Николай Пестов (И. Шадрин) 'В селе нельзя, каждая собака друг друга знает, попадешься, — говорил Николай Пестов'.

в) отчество + имя: *Пиля Олеш, Игнат Миков, Митит Ганя.*

Эз ешты сайкавны сьлõн местаыс, кызд миян костёр дынõ локтис виль гõсь — Анань Данько (И. Минин) 'Не успело остыть его место, как к нашему костру пришел новый гость — Давид Ананьевич'.

Узьö сэтõн Кона Петра. Бытшõм мужик вõли... (И. Минин) 'Спит тут Пётр Кондратьевич. Хороший мужик был'.

Нередко личному имени может предшествовать несколько собственных имен. В этом случае на первое место ставится имя самого старшего из предков: *Петра Миша Яков*, 'Яков, сын Михаила Петровича', *Игнат Миков Санко* 'Александр, сын Михаила Игнатьевича', *Абрам Паша Марий* 'Мария, дочь Павла Абрамовича'. Данные построения в настоящее время распространены в народной речи, в разговорном языке. В художественной литературе утверждается тенденция именовать должностных лиц, представителей интеллигенции по аналогии с русскими именами: *Иван Петрович, Софья Павловна* и т. д.

Лесопунктын нийö панталис Макар Кузьмич (И. Минин) 'В лесопункте их встретил Макар Кузьмич'.

И Кузьма Кузьмич бõра серõмтчис аскежас, серõмтчис довольнõя (И. Минин) 'И Кузьма Кузьмич снова усмехнулся про себя, усмехнулся довольно'.

Мый уж керан, Жанна Николаевна, сэтшõм миян судьба. (Н. Бормотов) 'Что уж поделаешь, Жанна Николаевна, такая наша судьба'.

Эта — председатель Илья Сергеевич (И. Минин) 'Это — председатель Илья Сергеевич'.

В наше время официальным именем коми-пермяка является фамилия, имя, отчество: *Кривощёков Семен Михайлович, Утева Мария Федоровна, Порсев Александр Петрович.*

II

2. Словосочетания, в которых определение выражено именем прилагательным.

Прилагательное-определение в коми-пермяцком языке примыкает к определяемому слову в том случае, если стоит непосредственно перед ним: *гöрд флаг* 'красный флаг'; *гöрд флаглö* 'красному флагу'; *гöрд флагöн* 'красным флагом'; *гöрд флагсянь* 'от красного флага'. В таких словосочетаниях изменение порядка слов иногда возможно, однако при этом изменяется синтаксическая роль переставленного слова. Так, словосочетание *ыджыт керку* означает 'большой дом', *керку ыджыт* 'дом большой'. В первом случае *ыджыт* 'большой' является определением, во втором случае это же слово выступает сказуемым.

Таким образом, в рассмотренных примерах порядок слов служит средством разграничения членов предложения (определения от именной части составного сказуемого).

В современном коми-пермяцком языке встречается и согласование прилагательного-определения с определяемым словом в числе. Чаще всего согласуется с определяемым словом обособленное определение, а также определение, оторванное от ведущего слова, отделенное от него другими словами:

Ой, тi ыббез колхознойсь мяни, кыдз тiян дын ветлöттöн он сыв! (М. Вавилин) 'Ой, вы, поля колхозные наши, как, прохаживаясь около вас, не петь!'

Песняз дружнойсь, голосез горайсь кылисö колхозной ыббез вылын 'Песни дружные, голоса звонкие слышались на колхозных полях'.

Мам и зон, öддöн счастливойсь, уна йылис баутисö эта лунö и ритнас (Ю. Громадченко) 'Мать и дочь, очень счастливые, о многом говорили в этот день и вечер'.

Кöдзытсь судалисö луннэз, тшынморозайсь (М. Лихачев) 'Холодные стояли дни, очень холодные'.

Шонытсь да кузьось, кыдз поттöм туй, нетисö луннэз Сер Посад весьтын (М. Лихачев) 'Теплые и длинные, как бесконечная дорога, установились дни в селе Сер'.

Отрыв от определяемого слова в данных случаях способствует выделению определения, подчеркиванию его значения. В позиции прямого предшествования определяемому слову прилагательное-определение согласуется в числе реже. Согласование такого определения так же, как и в указанном выше случае, служит целям смыслового выделения его.

Судалöны шонытсь луннэз 'Стоят тёплые дни'. *Строитсьöны ыджытсь керкузз* 'Строятся большие дома'. *Пöрлалам стогодсясь пузз* 'Валим столетние деревья'.

Обособленное или постпозитивное определение может согласоваться с определяемым словом не только в числе, но и в падеже: *Кыям покроммесö гаруснойезö, киськиаззö*. 'Ткем пояса гарусные, с кистями'. *Перво пöрлалам пузсö кыззэсö*. 'Сначала свалим деревья толстые'.

Новйö Макар важ милицейскöй форма, кöдö сетлисö эшö война одзын, шоркйисьöмö, бырöмö (И. Минин) 'Носит Макар старую милицейскую форму, которую выдавали ещё до войны,— потертую, рваную'.

Реже согласование в падеже встречается у препозитивного определения, например:

Тэ кончитин дасөтö классö, а годдэт лишь семнадцать (С. Караваев) 'Ты кончила десятый класс, а лет всего семнадцать'.

3. Словосочетания, в которых определение выражено именем числительным.

Имя числительное обычно строго предшествует тому слову, количественный признак которого уточняет, например: *куим морт* 'три человека', *вит керку* 'пять домов', *кватъ кольтъ* 'шесть яиц', *дас мѳс* 'десять коров'.

Ланьтис деревня. Отик керкуын только тыдалѳ учѳтик биок (М. Лихачев) 'Уснула деревня. В одном доме только виден маленький огонѳк'.

Кыдзкѳ Микуѳ чукѳртчисѳ сразу нѳль морт (В. Климов) 'Однажды в Мику съехались сразу четыре человека'.

Зверь да съѳла вѳли уна, и вѳралиссез бура вѳралисѳ куим *месяця унажык* (из фольклора) 'Зверей и рябчиков было много, и охотники успешно охотились более трех месяцев'.

Двенадцать поденщик сулалѳ постать дорас, да аслас семьяыс нѳль морт, витѳт Мирошыс (М. Лихачев) 'Двенадцать поденщиков стоят у постати, да из своей семьи четыре человека, пятый Мирош'.

Перестановка слов влечет изменение смысла словосочетания, придаст значение приблизительного количества, например: *керку вит* 'приблизительно пять домов'; *кольтъ кватъ* 'около пяти яиц'; *лун нѳль* 'дней пять'; *морт куим* 'человека три'.

70 копейка туйѳ таво колхозниккелѳ дѳнзяс куим рубѳн быд трудодень вылѳ. Няня — килограмм кыкѳн-куимѳн (В. Климов) 'Вместо 70 копеек в этом году колхозникам достанется по три рубля на каждый трудодень. Хлеба — по два-три килограмма'.

Вот эта мымданас бы, да год вит съѳрна быдѳс паррез увтѳ... (из газет) 'Вот в таком количестве бы, да приблизительно в течение пяти лет под все пары...'

Гарьямѳ метр кык пыдына ыджыт яма, — висьталис инженер аслас решение ылысь, — лѳдзам сѳтчѳ сруб (И. Шадрин) 'Выкопаем глубиной приблизительно два метра большую яму, — сказал инженер о своём решении, — спустим туда сруб'.

Лун-мѳд бѳрті локтас съѳд кырныш дзор пѳрись мортѳн тзнат ай ордѳ, медбы, тзнѳ пышиѳтны да аслас кырныш позѳ тзнѳ нѳбѳтны (из фольклора) 'Через несколько дней придет черный ворон седым старым человеком к твоему отцу, чтобы тебя украсть и в своё воронье гнездо тебя увезти'.

Комсомольскѳй собраннѳ бѳрсянь кадыс чулалис неделя-мѳд (И. Минин) 'После комсомольского собрания времени прошло несколько недель'.

Перестановка невозможна в том случае, если числительное выступает в краткой форме (*ѳт, ѳти*). Краткие числительные всегда стоят перед именами существительными.

От крайсянь мѳд крайѳдз, границазз сайѳдз Тѳ лѳбзы жѳ, песня, кыдз кай (И. Минин) 'От одного до другого края, за пределы границ Ты лети же, песня, как птица'.

Урядник, кыдз муѳ мѳртѳм стожар, сулалис земскѳй начальникыс бѳрын, ѳт кинас видзсис шашка бердас (М. Лихачев) 'Урядник, точно в землю воткнутой стожар, стоял за земским начальником, одной рукой держался за шашку'.

ѳти лунѳ пѳ тай бертѳм (М. Лихачев) 'Недавно, говорят, вернулся уже'.

Совместные (обобщительные) числительные строго предшествуют определяемому слову и не допускают перестановки: *куимнан мортыс* 'все три человека'; *кыкнан киап* 'в обеих моих руках'; *витнан керкуыс* 'из всех пяти домов'.

Адзза, дело умѳль, кватитис бедьсѳ, ѳвтышитис сийѳн — куимнан юрсѳ орѳтис змейылысь (из фольклора) 'Видит, дело плохо, схватил палку, махнул ею — все три головы отрезал у змея'.

Сия сибѳтчис койка дынѳ, кытѳн куылис нылокыс кыкнан кинас куитис сылысь юрокѳ, малашитис юрсисѳ да бѳра пондис горзыны (Ю. Громадченко) 'Она подошла к койке, где лежала дочурка, обеими руками обняла её голову, погладила волосы и снова стала плакать'.

Лично-обобщительные числительные не твердо прикреплены к определенному месту, но чаще всего располагаются после определяемого слова, например: *ня кыкнанныс 'они оба', мийö витнанным 'все мы пятеро'*.

Ня кыкнанныс чöлисö минута дырна, кывзисö нуэзись дугдывтöм песня (В. Боталов) 'Оба они помолчали минуту, слушали непрерывную песню деревьев'.

Кыкнанныс ня комсомолын, кыкнанныс кошиисö виль туй (М. Лихачев) 'Оба они в комсомоле, оба искали новую дорогу'. *Колö шонтны картаэсö, механизируйтны водоснабжениё, быдлаö нюжötны электричество да сувтötны электрискöй ток вылын жö уджалан вердассэз готовитан машинаэз, — чорыта решитис инженер, көр ня куимнанныс мунисö колхоз правленнёй* (И. Шадрин) 'Надо отоплить помещения для скота, механизировать водоснабжение, повсюду провести электричество и поставить работать на электрическом же токе корма заготавливающие машины, — твёрдо решил инженер, когда все трое они пошли в правление колхоза'.

IV

4. **Определения, выраженные местоимениями**, не являются однородными в отношении занимаемого ими места в структуре словосочетания и предложения. С твердым порядком слов связаны чаще всего местоимения, выступающие в виде краткой основы (*ас, ме, тэ, ны, сы*): *ме кыын 'в моих руках', тэ семьяын 'в твоей семье'*.

Рыжик висьталöм сьöртi, сы юралöм сьöртi горөн колхоз мунö аслас виль туй кузя, цветитан туй кузя (М. Лихачев) 'По слову Рыжика, под его руководством колхоз успешно идет по новому пути, по пути расцвета'.

Сы пызан вылын чукöрөн-чукöрөн куйлисö бумагаэз (М. Лихачев) 'На его столе куча-куча лежали бумаги'.

Видзöтышитi м мийö москвичез вылö, ны олан вылö да удж вылö, и зубыт лоис и гажа! (из газет) 'Посмотрели мы на москвичей, на их жизнь и работу, и больно стало и радостно!'

Вөр пötкасö тэ кипод увтö сета (из фольклора) 'Лесную дичь в твои руки передаю'.

Ас нылөн сiя пыр гордитчö (С. Караваев) 'Своей дочерью он всегда гордится'.

В подчеркнутых словосочетаниях приводимых примеров порядок слов совершенно не может быть нарушен.

Относительно свободный порядок слов имеют словосочетания, в которых определение выражено притяжательными и лично-определятельными местоимениями. Такое определение чаще всего стоит непосредственно перед определяемым словом.

Каждöй лун, виль мотивөн горалö Миян му вылын мортлөн олан (С. Караваев) 'Каждый день новой мелодией звучит / На нашей земле жизнь человека'.

Кин нö сэтөн ойшөр кадö кынтö ассис коккез, ки? (М. Лихачев) 'Кто же там в полночь морозит свои ноги, руки?'

Ме кыз кольччи осьта öмөн, сидз и пукалi аслам местаын, тули синнэзöс и нем эг вежöрт, мый шогмö (И. Минин) 'Я как остался с раскрытым ртом, так и сидел на своем месте, потирал глаза и ничего не понимал, что происходит'.

Определение, выраженное притяжательным или лично-определятельным местоимением, может быть оторвано от определяемого слова или поставлено в постпозицию. Это наблюдается обычно в поэзии.

Тэ лэбзы керöссэз и вөррез вевдöрöt И гордöя мирыслö, песня, висьтав, Кытшöм урожай миян быдтöны ыббез, Кыз сьылö мартенын металл (И. Минин) 'Ты лети над горами, лесами И гордо миру, песня, рассказы, Какой урожай наши выращивают поля, Как тает в мартене металл'

Саймис менам вына, басök Край свободнöй да роднöй (С. Караваев) 'Проснулся мой сильный, прекрасный Край свободный и родной'

ПОРЯДОК СЛОВ В КОМИ-ПЕРМЯЦКОМ ЯЗЫКЕ

Сэки олём да менам ештас, Ох, Ониссялён съёлёмыс потас (из народной песни) 'Тогда жизнь моя прервётся. Ох, у Анисьи, сердце разорвется'.

Лично-определительные и обобщительно-определительные местоимения нередко следуют за личными местоимениями или именами существительными.

Натьтё, поди, шуат, ми асьным огё тёддё, ог кужё торйётны югытсё пемьтсис (М. Лихачев) 'Наверно, скажешь, мы сами не знаем, не умеем отличить свет от темноты'.

Медбёрья луннэзё быдённыс ния узьлісё татён жё (М. Лихачев) 'В последние дни все они спали здесь же'.

Нем оз лысьтё керны, ме ныкёт ачым кутча баитны (М. Лихачев) 'Ничего не посмеют сделать, я с ними сам начну говорить'.

Октисё миянёс быдённымёс да нёбётисё кытчөкө, — шуё сылө бёра голосыс (М. Лихачев) 'Собрали нас всех и уводят куда-то, — говорит ей опять голос'.

Ния асьныс сулалёны ошыннэз одзын, видзётёны өтөрө (В. Климов) 'Они сами стоят у окон, смотрят на улицу'.

V

5. Словосочетания, состоящие из причастия-определения и определяемого существительного. Причастие-определение в таких словосочетаниях стоит на первом месте, непосредственно впереди определяемого слова, например: *гөрём му* 'вспаханная земля'; *сёян турун* 'съедобная трава'; *узись морт* 'спящий человек'; *краситём дждж* 'некрашенный пол'.

Чулаліс тәлісь, кызд Окуль да Мирош колисё чужан керкунысё (М. Лихачев) 'Прошел месяц, как Окуль и Мирош оставили родной дом'.

Өтпыр, кресення рытё, көр чулаліс ни көдзан кадыс, том зоннэз да ныввез лэдзчисё котрасьны лёз зипунён пасьтасян видззез вылө (М. Лихачев) 'Однажды, в воскресный вечер, когда прошло уже посевное время, молодые парни и девушки пошли гулять на покрывающиеся зеленью луга'.

Кынымкө минута дырна агроном пукаліс мышкыртчём юрөн, куньём синнэзён, и сы одзын быттьтё кызд сулаліс врачлөн ныв, медицинскөй институтись студентка Лида (И. Шадрин) 'Несколько минут агроном сидел с опущенной головой, закрытыми глазами, а перед ним как будто стояла дочь врача, студентка медицинского института Лида'.

Эн сет шөммыны пондөтём деловысё, дейтвуйт решительнөя! (из газет) 'Не давай скисать начатому делу, действуй решительно!'

Перестановка причастия после имени существительного разрушает определительное словосочетание. В этом случае причастие усваивает функцию сказуемого, ср. *гөрём му* 'вспаханная земля' и *му гөрём* 'земля вспахана'.

VI

6. Распространение определений, выраженных причастиями, с помощью различных второстепенных членов (дополнений, обстоятельств) образует причастный оборот, представляющий собой сложную синтаксическую единицу — развернутое словосочетание. Внутри причастного оборота слова могут быть связаны как по типу управления, так и по типу примыкания. Порядок слов в причастных оборотах подчиняется строго определенным правилам. Причастие обычно замыкает отглагольный оборот. Перед ним размещаются зависимые слова в следующей последовательности: непосредственно перед причастием ставятся дополнения или обстоятельства, относящиеся к отглагольному слову, затем располагаются определения (одиночные или развернутые), поясняющие эти дополнения или обстоятельства. При этом внутри развернутых определений господствует порядок слов, описанный в п. 7.

Улын, керёсок увтас, кырас кузя. чуклясис йыён да лымён вевттьём юок (В. Василевская) 'Внизу, под холмиком, по лугу извивалась льдом и снегом покрытая речка'.

Виктор доктис сы дынё и висьталис колхоз правленнёён примитём решение йылись (И. Шадрин) 'Виктор подошел к ней и рассказал о принятом правлением колхоза решении'.

Ю саяс, вөр ладорын отамёдкөт ордчён сулалисё кузь эшб неважын лөбтём да вевттьём пода картаэз (И. Шадрин) 'За рекой в лесу рядом друг с другом стояли длинные, ещё недавно выстроенные и крытые помещения для скота'.

Содтис бытьтё вынсё рытьявся ыркытыс, косьмис ньылём солася-сола кеньён вевттисьём чужёммез вылын, шондй дугдис сотны юрпыдссэз (М. Лихачев) 'Будто прибавила силу вечерняя прохлада, высох пот на соленой коркой покрытых лицах, солнце перестало палить головы'.

VII

7. Одно и то же имя существительное может быть определено не одним, а несколькими определениями, однородными или неоднородными.

Если имя существительное определяется рядом **однородных** определений, то их последовательность не имеет фиксированного характера, например:

Лөз, гөрд да чочком йөрнөссэз зоночкаэз сулалёны берег дорас. 'Мальчики в синих, красных и белых рубашках стоят на берегу'.

Ви́ра, гөгрөса, том чужёмбантё вевттьё дзык нетөдчана пушок (А. Некрасов) 'Румяное, круглое, молодое лицо твое покрывает еле заметный пушок'.

Имена существительные могут определяться однородными группами определений, состоящими из относительного и поясняющего его качественного прилагательного. Внутри такой группы качественное прилагательное строго предшествует относительному:

Чеччис невылын мыгёра, вөснитик, сяркан голоса морт (М. Лихачев) 'Встал небольшого роста, худощавый, с трескучим голосом человек'.

Данько, нейджыт мыгёра, свиттялан кизя, съёд пальтоа морткок (М. Лихачев) 'Данько небольшого роста, с блестящими пуговицами, в черном пальто человек'.

Кузница ыбөс дынын, көрт куча дынын, мыйкё гуддисис паськыт виззеза йөрнөса да кузь юрсиа зонка (И. Минин) 'У двери кузницы, около кучи железа, копался с широкими полосками на рубашке и с длинными волосами мальчик'.

Ордчён Октябринакөт сулалис ыджытжык мыгёра, паськыт пельпоннэза пывка (И. Шадрин) 'Рядом с Октябриной стояла ростом побольше, с широкими плечами девушка'.

Группу определений могут составлять качественные прилагательные вместе с относящимися к ним сравнительными оборотами. При этом сравнительный оборот как поясняющий член располагается перед именем прилагательным: *лым кодь чочком нянь* (букв. 'снег как белый хлеб') 'белоснежный хлеб'; *из кодь чорыт нянь* (камень как черствый хлеб) 'очень черствый хлеб'; *пистик кодь учөтик морткок* (хвощ как маленький человек) 'очень маленький человек'; *вир кодь гөрд знамя* (кровь как красное знамя) 'очень красное знамя'.

...Оз сайкалө калитём көрт кодь пым тырпез окасьёмсянь (М. Лихачев) 'Не остынут горячие, подобно раскаленному железу, губы от поцелуев'.

Том отир чукөртчис посад сайё, видзез дорё, сэтчө, кысянь пондөттчө зу кодь сук тэлля, а сайлаяс стенаён сулалё пыдөстём, вековдй вөр (М. Лихачев) 'Молодежь собралась за селом, у луга, туда, откуда начинается густой, как щетка, кустарник, а далее стоит бесконечный вековой лес'.

Старшинаыс — Пасторов Еля — сьод, сук, зыр кодь паськыт гогрös кодь тоша, гөрö чужöма мужик (М. Лихачев) 'Старшина — Пасторов Еля — с черной, густой, широкой, как лопата, круглой бородой, с красным лицом мужик'.

Ся зэгнитис шом кодь сьод кудризнас да кыз басök голосön пондötис... (В. Боталов) 'Она потрясла черными, как уголь, кудрями и низким красивым голосом начала...'

Если же определяемое слово имеет при себе ряд неоднородных определений, выраженных качественными, относительными прилагательными или словами, не относящимися к разряду прилагательных (числительными, местоимениями, причастиями), то эти неоднородные определения подчиняются строго определенному, установленному языковой традицией порядку.

В современном коми-пермяцком языке в расположении **неоднородных** определений, относящихся к одному и тому же определяемому слову, действуют следующие закономерности:

1) Ближе всего к определяемому слову стоят определения, выраженные именами существительными в именительном падеже.

Волостнойö пырикö, син выльö усö нейджыт вывеска öтик көрт лист вылын (М. Лихачев) 'При входе в волостное правление бросается в глаза небольшая вывеска на одном железном листе'.

Шондi көчыс бисерön орсiс Öкуль синва тёпын (М. Лихачев) 'Солнечный зайчик бисером играл в капле слезы Акулины'.

Öтöрсянь кылис сьылöм, гармония шы каттисис, кыйсис посад саяс да öтласис тудыся оланкöt (М. Лихачев) 'С улицы доносилось пение, звуки гармонии слышались за селом и сливались с весенней жизнью'.

2) Определения, выраженные одиночными относительными прилагательными, предшествуют определениям, выраженным качественными прилагательными. Такое словорасположение в сложном определительном словосочетании устраняет возможность связывания качественного прилагательного с относительным и сближает качественное прилагательное с определяемым словом.

Бжмитчис бöра одззамоз зон сьölöм бердö, юасьö, кыз мый чулалiс, эз я мывкыдö том зон веж ассис пöрись тун одзын, эз я чорыт кыввезön öзты ёнжыка мустöм лёк тунöс (Из фольклора) 'Прижалась опять по-прежнему к груди молодца, спрашивает, как, что, не изменил ли свой характер перед старым колдуном, не разъярил ли ещё сильнее грубыми словами жестокого злого колдуна'.

Голяэнысö нюжötöмön да юррезнысö му бердö лэдзöмön ня не тэрмасьöмön сёйисö сока чöскыт турун и бöжжезнаныс вашötлисö лэдзезöс да гуттэзöс (Ю. Громадченко) 'Шеи вытянув и головы к земле опустив, они не спеша ели сочную вкусную траву и хвостами разгоняли оводов и мух'.

Постановка качественного прилагательного впереди относительного разрывает его связь с определяемым словом. В этом случае качественное прилагательное становится определением к относительному, например:

Пырся поэтической признакзён являйтчöны: цветитан калина, чöскыт дука льöмпу, вöйм малина, сьод сэтөр, листтэзнас кышötан тополь, зөрön да рудзögön ыббез, чочком кыззез (Из фольклора) 'Постоянными поэтическими признаками являются: цветущая калина, вкусно пахнущая черемуха, спелая малина, черная смородина, шелестящий листьями тополь, с овсом и рожью поля, белые берёзы'.

3) Определения, выраженные местоимениями или именами числительными, обычно располагаются впереди других определений.

Вартыштыс ме сэтчин аслам стрöймöм бордön биа из бердö (Из фольклора). 'Стукнусь я там своим больным крылом об огненный камень'.

Висьтав, тшöкты меным тэ понда ассим лов сетны, юрös пуктыны, ме кваркыш ог кер аслам том синön, и читьыр оз кер дзырыт сьölöмö (Из фольклора) 'Скажи, вели мне

за тебя свою жизнь отдать, голову сложить, я не моргну своими молодыми глазами, и сердце не сожмётся трусливо’.

Бура сійд небзьотіс да кдзис кык квадратной метр вылө (Из фольклора) ‘Хорошо её разрыхлил и посеял на два квадратных метра’.

4) Определения, выраженные причастиями, чаще всего предшествуют другим определениям.

Том зон ыджыт пожум увтын куйліс шы не төв, шонді морос вылын, кайпөткалісь озультьёмсө кывзытөн, видзчисис локтан лёк кадсө (Из фольклора) ‘Молодец под большой сосной лежал тихо на солнце, птиц пение слушая, ждал предстоящее злое время’.

Жагөнник, сайласьёмөн, бытьтө кызд полісь, стыдитчись том ныв, мыччисис вөр сайсянь төлісь (М. Лихачев) ‘Медленно, прячась, как будто робкая, стыдливая молодая девушка, показалась из-за леса луна’.

Вичку посөдзын өтмөдөрас сулалісө өддөён нөрись, слепөй да уродливөй, леш-вош бырөм дөраовөй паськөма отир (И. Шадрин) ‘На лестнице церкви по обе стороны стояли очень старые, слепые, уродливые, в оборванной одежде люди’.

Кырыс бергөт-керис сьод шапка юрнас, повтөг дзарнитіс морттэз вылө да ёна тангис кузь нырнас чайдөм көс ув конеңас (В. Боталов) ‘Дятел повернул в черной шапке головой, смело взглянул на людей и сильно клюнул длинным клювом в конец отщепленного сухого сука’.

5) В группе неоднородных определений, выраженных именами прилагательными, определения, обозначающие величину, размер предмета, обычно предшествуют определениям с другими значениями (цвета, внутреннего признака предмета и т. д.).

Ыджыт руд кымөррез мыччисьлісө сө шочжыка и шочжыка (Ю. Громадченко) ‘Большие серые облака показывались все реже и реже’.

Ойбыт усис гырись паשמөм лым (В. Боталов) ‘Всю ночь шёл крупный лохматый снег’.

Одзлань сэсса кыссьөны видззес, а эшө ны сайын ыджыт сук вөр, кда өтлаасьө ылын-ылын сөстөм, блед-лөз рөма небокөт (М. Лихачев) ‘Еще дальше тянутся луга, а за ними большой густой лес, который сливается далеко-далеко с чистым, бледно-синего цвета небом’.

Дзавскөны лэчыт чарлазз кыз нюдз шепсө (М. Лихачев) ‘Звеня, режут острые серпы тугое жниво’.

Сер посад шөрын сулаліс кыксуда керку, виль, чочком палисадника, лунланьсянь лөз стенаөн тыртөмась керку бокса гырись кудриа важ льөмпузз, тополез да кыздзез (М. Лихачев) ‘Посреди села Сер стоял двухэтажный дом, новый, с белым палисадником, с южной стороны синей стеной подступили к дому крупные кудрявые старые черемухи, тополя и берёзы’.

6) В очень распространенном ряду неоднородных определений, выраженных как одиночными именами прилагательными, так и группой определений, закономерен такой порядок слов: на первом месте обычно стоит качественное прилагательное, затем идут относительные прилагательные и, наконец, располагаются группы определений, состоящих из относительного и поясняющего его качественного прилагательного.

Контора посөдзянь шупыта лөдзчис и котөртіс штабеллез дынө бытшөм, статья, кокнитик походкаа нывка (И. Минин) ‘С крыльца конторы быстро спустилась и побежала с легкой походкой девушка’.

Нөштөм арся зэра кымөрөн паськалышитіс юрас дума сүддэз йылісь (М. Лихачев) ‘Некрасивым осенним дождливым облаком охватили голову мысли о суде’.

VIII

8. **Порядок слов в обстоятельственном словосочетании** не имеет строго фиксированного характера. Обычно слово, определяющее действие, предшествует слову, обозначающему действие. При этом между ними могут стоять и другие члены предложения.

Котёртö кад, Орласьтöг лэбзьö сiя, Казявтöг сьöрас нуö ой и лун (М. Лихачев) 'Бежит время, Безостановочно летит оно, Незаметно с собой уносит ночь и день'.

Паськыта мунö постатьыс, лёдзöн-лёдзöн куйлöны кольтаэз (М. Лихачев) 'Широко идет постать, рядами-рядами лежат снопы'.

Мöс лэбтiс юрсö, повзьöмувьяс тэчкис Сeня чуманö, швычкис чужöм кузя бöжнас и, нёштöма баксiкö, котёртiс пельöс сайö (И. Минин) 'Корова подняла голову, с испугу лягнула в чуман Сени, хлестнула по лицу хвостом и, неприятно мыча, побежала за угол'.

IX

9. Обстоятельства часто выражаются деепричастиями. Распространение деепричастия различными зависимыми от него словами образует **деепричастный оборот**. Порядок слов внутри деепричастного оборота подчиняется тем же правилам, что и внутри причастного оборота: деепричастие как глагольное образование обычно замыкает отглагольный оборот, непосредственно перед ним ставится дополнение или обстоятельство, затем идут определения к последним.

Бытшöм басни сысянь шоча кылан, вексö пильскö-сералö, шыннiялö хитрöя, синнэсö чикыртöмöи (И. Минин) 'Хороший разговор от него редко услышишь, всегда смеётся, хитро улыбается, глаза прищурив'.

Женскöйыс лэдзчис улö керöс покатöт, нильыг туёк вылöт берегитчöмöн тальччалiкö (В. Василевская) 'Женщина спустилась вниз по склону горы, осторожно ступая по скользкой дороге'.

Пондылас бы корбоякö тисис кыскыны, а оз лысьт — вöруг мыйкö умöль лоас, эд мыйиськö орёл сой эз жö тшöкты пешлыны гортö локтытöдз (Из фольклора) 'Хочет шкатулку из-под пазухи вытащить, но не смеет — вдруг что-нибудь плохое случится, ведь почему-то сестра орла не велела смотреть до прибытия домой'. *Иньлись сiдзжö вунöтны нем, да и, поди, сiя эта коста, öтнас овтöн, и сёйтöг ни кулис* (Из фольклора) 'У жены тоже забыть нечего, к тому же она, наверно, в это время, живя одна, и с голоду уже умерла'.

Быдöс я керис сiдз, кыдз вöли шуйма паськыт ва дорын юськöt адззисьтöн (Из фольклора) 'Все ли сделано так, как было сказано на свидании с лебедью у широкой реки'.

X

10. Кроме причастных и деепричастных оборотов, в коми-пермяцком языке весьма богато представлены **обороты с отглагольными существительными**, употребленными как с послелогоми, так и без них. Словорасположение в таких оборотах существенно не отличается от порядка слов внутри причастных и деепричастных оборотов. Отглагольное существительное, как правило, занимает последнее место. Перед ним располагаются зависимые слова в той же последовательности, что и в любом отглагольном обороте.

1925 годö, Коми-Пермяцкöй национальнöй округ организуйтöм бöрын, пондö öддöйжык зорамны местной печать (Из газет) 'В 1925 году, после создания Коми-Пермяцкого национального округа, начинает интенсивно развиваться местная печать'.

Семилеткалісь заданнёэз сroxя одэжык тыртём понда патриотическёй движённё паськалө и мян округись уджаліссез коласын (Из газет) 'Патриотическое движение за досрочное выполнение заданий семилетки распространяется и среди рабочих нашего округа'.

Уль му весьтын павьялө лөзкодь кокнит тишынок, бытьтө лым увтын төвбыт узьом бөрын ыббес саймөмась и өні морос пасьта жаднөя лолалөны тулысья сөстөм рудн (В. Боталов) 'Над сырой землей стелется синеватый легкий дымок, будто после сна в течение всей зимы под снегом поля проснулись и теперь полной грудью жадно дышат весенним чистым воздухом'.

От кыис видзө косасө, а мөдыс ветлө лопатканас, кызд мөс нюлө тырппесө чөскыт тизя помой юм бөрын (М. Лихачев) 'Одна рука держит косу, а другая ходит вместе с лопаткой, как корова лижет губы после питья вкусного, мучного поила'.

XI

11. Место дополнения в объектном словосочетании.

Дополнения в объектных словосочетаниях чаще всего стоят после сказуемого, выраженного личным глаголом.

Председатель кыкис юрсө өшынсис, саясис керкуас (И. Минин) 'Председатель отошел от окна, скрылся в доме'. Мамыс петкөтис джоджулись кадушка, би весьтас бөрйис рыжиккез да гөстиаккез, вайис пызан вылас (В. Климов) 'Мама вынесла из подвала кадушку, на свету выбрала рыжики и грузди, принесла на стол'.

Быдса луинзөн ветлөтөм Васькакөт вөррезөт, любуйтчим чудеснөй природаөн, кошшим тшак, сөйим ягөд, а рыттэзөн пукавлөм Вильва дорын и кыйлөм чери (И. Минин) 'Целыми днями ходили с Васькой по лесам, любовались чудесной природой, искали грибы, ели ягоды, а вечерами сидели у Вильвы и ловили рыбу'.

Приименные дополнения обычно стоят перед тем словом, к которому относятся, например:

Көдзыт январскөй асыла «Комипермлес» комбинатлөн центральнөй ремонтнөй мастерскөйез проходнөй дынө локтис небыдэжит мыгөра, но топытик зонка (В. Боталов) 'В холодное январское утро к проходному центрально-ремонтных мастерских комбината «Комипермлес» подошел небольшого роста, но крепкий парень'.

Чулаліс кум год эксаянь, кызд Янчерын Иван Мартюшевлөн, бригада өтнас пондөтчис пессьыны коммунистическөй удж понда (Из газет) 'Прошло три года с тех пор, как в Янчере бригада Ивана Мартюшева одна начала бороться за коммунистический труд'.

Ыдэжит лекционнөй удж нүөтө политическөй да научнөй знаннёэз распространяйтан всесоюзнөй обществолөн Пермскөй отделенне филиал (Из газет) 'Большую лекционную работу проводит филиал Пермского отделения Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний'.

Твердый порядок слов наблюдается в объектных словосочетаниях, в которых дополнение выражено именем существительным в творительном падеже (*праздникөн поздравляйтөм* 'поздравление с праздником'; *сурөн юкталөм* 'угощение пивом').

XII

12. В коми-пермяцком языке имеется довольно обширная категория созвучных слов, которые в зависимости от конкретного употребления выступают то словами знаменательными, то служебными (последлогами). К ним относятся имена прилагательные, образованные от существительных в исходном падеже, наречия и пространственные и временные последлоги. В разграничении созвучных слов указанных категорий решающее значение имеет порядок слов.

ПОРЯДОК СЛОВ В КОМИ-ПЕРМЯЦКОМ ЯЗЫКЕ

Для имен прилагательных характерным является непосредственное предшествование самостоятельному слову:

Медоддза столб землемер висьталіс сувтотны сайись вөр дорись межаас (М. Лихачев) 'Первый столб землемер велел поставить на межу, находящуюся у дальнего леса'.

Пызан сайын пукаліс русой юрсиа, вылын кымөса Алексей Шутёмов, техник-строитель (Л. Нилюгов) 'За столом сидел с русыми волосами, с высоким лбом Алексей Шутёмов, техник-строитель'.

Созвучные прилагательным послелогои строго следуют за именами существительными, к которым относятся.

Оссьом ыбөс сайись петіс тёттөм морт (А. С. Спорова) 'Из-за открытой двери вышел незнакомый человек'.

Правленнө дынын көин синнэз моз югьялісө биоккез — этө колхозниккез пукалісө поспуз вылын и куритісө махорка (И. Минин) 'У правления волчьими глазами мелькали огоньки — это колхозники сидели на лестнице и курили махорку'.

Пространственные наречия, в отличие от созвучных послелогов, чаще всего стоят впереди глагола-сказуемого, выполняя в предложении функцию обстоятельств.

Кылө увтас, бокас, бөрас киннэзкө вөрөтчөны, гусьон баитөны (М. Лихачев) 'Слышно внизу, сбоку, сзади кто-то шевелится, тихо разговаривает' (В этом предложении подчеркнутые слова являются наречиями).

Дёма вежөртіс этө сы сьөрті, что Наталь нельки чеччис печкан вывсис, а көр пондіс пешавны виль сартас, би одзас бура тыдалісө сылөн вазьом синнэзыс (И. Шадрин) 'Дёма понял это потому, что Наталья даже встала с прялки, а когда стала ставить в светильню новую лучину, перед огнем хорошо виднелись её мокрые глаза' (В этом предложении *одзас* — послелог).

Ся эд адззис ягөдаинсө, ачыс и мунө одзас, өктө медгырисьсө да медгөрдсө (М. Лихачев) 'Он ведь нашел ягодное место, сам и идет впереди, собирает самые крупные, самые красные' (В этом предложении *одзас* — наречие).

Колхоззээ саддээ увтас муыс унажык сотня гектарся (Из газет) 'Под садами колхозов земли больше сотни гектаров' (Здесь *увтас* — послелог).

XIII

13. Коми-пермяцкий язык изобилует словами, представляющими собой условное изображение различных звучаний или передающими зрительный образ действия, состояния. Такие слова принято называть изобразительными. **Изобразительные слова** обычно размещаются сразу перед глаголами или именами прилагательными, с которыми связываются по смыслу.

Поныс посөдз увтас повзис и суналөм коста только ляв-ляв керис (М. Лихачев) 'Собака под лестницей испугалась и сквозь дремоту гавкнула'.

Кытишөм тэныт нять, йот-йот кынтөм да (М. Лихачев) 'Какая тебе грязь, когда сильно замерзло'.

Гаврил полоса вылын сяр сулалісө кык лёдзөн суслоннэз (М. Лихачев) 'На полосе Гаврила густо стояли в два ряда суслоны'.

Эта выныс и Яран Гавриллэсө и Чебрень пияннэсө куж-куж таляс (М. Лихачев) 'Эта сила и Яран Гаврилов и Чебреньевых с треском задавит'.

Иногда между изобразительным словом и глаголом, к которому оно относится, может стоять частица *только*, подчеркивающая быстроту протекания действия.

Нюжөтчис эшө буражык, потипоныс нильдіс да бут-бат только усис му вылө (М. Лихачев) 'Вытянулся ещё сильнее, жердочка соскользнула и с шумом упала на землю'.

Жильк-жольк только пөднассис ыбөсыс Мирош ныр одзыл (М. Лихачев) 'Со звоном закрылась дверь перед носом Мироша'.

Сапырнитіс ягдсё, мымда тёрис кырымас, да больс-больс только лэдзис кружкаас (М. Лихачев) 'Схватил ягоды, сколько влезет в горсть, и боль-боль только опустил в кружку'.

Изобразительное слово может отделяться от знаменательного слова, к которому относится, и другими словами (обстоятельствами, сравнительными оборотами).

Вот и фотоаппарат перыта керис сют-сят (С. Караваев) 'Вот и фотоаппарат сделал быстро чик-чик'.

Чочком сюрён быз-быз, кыз видзчисьтём гось, мыччисис тёлісь (М. Лихачев) 'Белым рогом неожиданно (быз-быз), как нежданная гостья, вышла луна'.
Юра чеччис, муніс бокё, Ва гумышитіс котелокё, Пондіс бертны ни, но вдруг Сувтіс кусттэз дышё тюк (С. Караваев) 'Юра встал, отошел в сторону, Воду черпнул в котелок, Стал уже возвращаться, но вдруг Остановился у кустов внезапно (тюк)'.

XIV

14. Как известно, коми язык очень богат **парными словами**. Парными называются особые сложные смысловые единицы, состоящие из двух грамматически одинаково оформленных компонентов, в значении которых возникают те или иные смысловые сдвиги (собирательность, сообщительность, расширение значения компонентов)³.

Со стороны морфологической структуры парные слова не являются однородными. Выделяются парные существительные, парные прилагательные, парные глаголы, парные наречия. По своему происхождению парные слова связаны с сочинительными словосочетаниями. Однако компоненты их не свободны и располагаются согласно строго определенной закономерности.

В глагольных парных словах обычно компонент с изобразительным значением занимает первое место, например: *клёпётны-вартлыны* (хлопать-избить) 'бить хлопая'; *воззыны-вартлыны* (хлестать-избить) 'бить хлеща'; *сіллыны-вартлыны* (трясти-избить) 'бить тряся'; *пыкайтны-сотчыны* (пыхать-гореть) 'гореть пыхая'; *ванзыны-баитны* 'громко говорить'; *вашкыны-баитны* (шушукать-говорить) 'говорить шушукая'; *боторитны-баитны* (бормотать-говорить) 'говорить бормоча'; *тёпётны-виявны* (капать-течь) 'течь капая'; *дзоллыны-виявны* (журчать-капать) 'течь журча'; *чупкыны-нимавны* (чмокать-сосать) 'сосать чмокая'.

В перечисленных парных словах первым компонентом является изобразительный глагол.

В изобразительном значении может употребляться и обычный глагол. В этом случае он также располагается на первом месте, например: *лыйны-котортны* (стрелять-бежать) 'бежать стрелой'; *быгыльтны-мунны* (валить-идти) 'идти мелкими шагами'; *вуграсьны-мунны* (удить-идти) 'идти длинными шагами'; *тарёвтчыны-мунны* (катиться-идти) 'идти катясь'; *ниртны-уджавны* (тереть-работать) 'работать старательно'; *бергётны-уджавны* (ворочать-работать) 'работать не жалея сил'; *нимавны-висьны* (сосать-болеть) 'испытывать тянущие боли'; *жёдзны-котрасьны* (суетиться-бегать) 'бегать суетсяь'; *чышкыны-гёрны* (мести-пахать) 'аккуратно пахать'.

Сэсса сылён жагёник-жагёник усис юрыс ёшын подушка вылас да, норён эд керку пасьтас пондіс сыркъявны-горзыны (М. Лихачев) 'Затем у неё тихонько-тихонько упала голова на подушку окна, и жалобно на весь дом она стала навзрыд плакать'.

Коть и дёвётіс-доймис от чужёмбанис, кытісь гыжжес сорнас кульышитіс сылісь кучикё Сенькаис, но эта доймёмыс кыз бытьтё эз вёв (М. Лихачев) 'Хотя и раздирающе болела одна щека, с которой ногтями сорвал её кожу Сенька, но эта боль как будто не чувствовалась'.

³ См.: Кривощёкова-Гантман А. С. К вопросу о парных словах в коми-пермяцком языке // Ученые записки Пермского педагогического института. Вып. 28. Пермь, 1961. С. 194–205.

ПОРЯДОК СЛОВ В КОМИ-ПЕРМЯЦКОМ ЯЗЫКЕ

Унажык сэтчин и быдкодь кайыс питуривайтё-сьылё, саймётё вёрлиць съёлёмсё (М. Лихачев) 'Больше там и всякой птицы поёт-заливается, будит сердце леса'.

Ачыс бергётчас да дыяс-котортас нывкаэз дынё, токо навьялёны бёрас чикисяс ленточкаэз (М. Лихачев) 'Сама обернётся и стрелой побежит к девушкам, только развеваются сзади в косе ленточки'.

Нюжвыла да горён ольсало-мунё иныыс вёр пасьтас и видзез кузя (М. Лихачев) 'Протяжно и громко стелется-идёт звук по лесу и по лугам'.

Что касается парных имен существительных, то порядок слов в них более свободный. Предположение исследователя синтаксиса коми языка А. С. Сидорова, согласно которому слово, обозначающее более существенное, жизненно более важное, основное, предшествует слову, обозначающему менее существенное, менее важное⁴, далеко не всегда подтверждается. Это видно из следующих примеров.

Асывсянь дзингёны мамныс пель одзын, корёны виль йёрнёс-вешьян да гарусной ийэз (М. Лихачев) 'С утра жужжат у маминого уха, просят новую одежду (рубаху-штаны) и гарусные пояса'.

Горись-кёдзисез да подавёдитисез вежёртёны, что тыртны энё задачаэсё абу кокнит, но позьё (Из газет) 'Хлебопашцы (пахари-сеятели) и животноводы понимают, что эти задачи выполнить нелегко, но можно'.

Ойшёр ни сибётчё, а том ныв-зон коласын оз на думышт кусны гажётчём, оз на пёлён мыдз ёмныс, оз на сунёт некинёс (М. Лихачев) 'Уж полночь близится, а у молодёжи не унимается веселье, не устают рты, никого не клонит ко сну'.

Сэсся зонкайт кватитчис, чеччөвтис мамыс морос одзись, кватитис кепись-шапкасё да горётчис... (М. Лихачев) 'Затем мальчик догадался, вскочил от маминой груди, схватил рукавицы-шапку и вымолвил...'

На материале коми-пермяцкого языка находит подтверждение другой вывод А. С. Сидорова: компонент парного слова, обозначающий старшее лицо, стоит перед компонентом со значением младшего лица, например: *мама-ныла* (мать-дочь) 'мать с дочерью'; *мама-зона* (мать-сын) 'мать с сыном'; *ая-ныла* (отец-дочь) 'отец с дочерью'.

Лажмытик, пёліня бока керкуокын, кёдались крышасё сідз и эз вермё лёсьётны ая-зона, Ванюш морос вылын садясьтёг герьялісё мам да баб (В. Климов) 'В пизенькой развалившейся избушке, крышу которой так и не смогли починить отец с сыном, на груди Ванюши до потери сознания причитали мать и бабушка'.

Сідз мама-зона сенокоситны петисё торйын (М. Лихачев) 'Так мать с сыном вышли на сенокос врозь'.

Тійё вот инька-нывка пёлёсыс чукёртчат кресення рытё да съылат «О чем ты, девка, плачои» (И. Шадрин) 'Вы вот, женщины (женщины-девушки), соберётесь в воскресный вечер и поёте «О чем ты, девка, плачешь»'.

Таким образом, порядок слов выступает как грамматическое средство в тех случаях, когда у слов отсутствуют необходимые формальные показатели связи (например, у существительного-определения в атрибутивных сочетаниях), а также тогда, когда для выражения различных синтаксических отношений используется одна и та же грамматическая форма (например, созвучные формы причастий-определений и 3 лица единственного числа прошедшего неочевидного времени).

⁴ Сидоров А. С. Порядок слов в предложении коми языка. Сыктывкар, 1953. С. 63–64.

ПОРЯДОК СЛОВ КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО ЯЗЫКА В СРАВНЕНИИ С УДМУРТСКИМ *

Коми-пермяцкий и удмуртский языки, агглютинирующие по своему морфологическому типу, в ходе исторического развития приобрели довольно богатую систему словоизменения и словообразования. Однако, как и большинство финно-угорских языков, они не развили средств согласования определения с определяемым словом. Определения, выраженные различными частями речи (существительными, прилагательными, числительными, местоимениями, причастиями), как правило, не оформляются с помощью флексий. В определительных словосочетаниях синтаксические отношения обычно выражаются нулевой флексией зависимого слова, порядком слов и интонацией. В связи с этим в грамматическом строе пермских языков порядок слов играет большую роль. Часто порядок слов — единственное средство выражения синтаксических связей между словами в словосочетаниях и предложениях.

Однако эта проблема, как и синтаксис пермских языков в целом, изучена еще слабо. Можно, пожалуй, отметить лишь работу А. С. Сидорова, в которой исследуются основные линии расположения слов в коми-зырянском языке¹. Порядок слов в коми-пермяцком языке — вопрос совершенно не изученный. В настоящей статье сделана попытка выявить сходные моменты словорасположения в коми-пермяцком и удмуртском языках, а также по возможности проследить, в каком направлении эти сходные черты получили развитие в рамках конкретных родственных языков.

Чаще всего порядок слов как синтаксическое средство выступает в определительных словосочетаниях. При этом важно, какими частями речи выражены подчиненные члены. Все зависит от степени оформленности того или иного подчиненного слова с помощью материальных языковых средств. Рассмотрим порядок слов в определительных словосочетаниях в зависимости от того, какой частью речи выражена поясняющая часть.

1. **Словосочетания, в которых определения выражены именами существительными в именительном падеже.** В обоих языках (удмуртском и коми-пермяцком) они характеризуются твердым порядком слов; например: коми-перм. *вӧр туй* 'лесная дорога' (лес-дорога)², *кок чунь* 'палец ноги' (нога-палец), *ведра вуг* 'дужка ведра' (ведро-дужка), *шонді югӧр* 'луч солнца' (солнце-луч); удм. *нюлэс сюрес* 'лесная дорога' (лес-дорога), *пыд чиньы* 'палец ноги' (нога-палец), *ведра вугы* 'дужка ведра' (ведро-дужка), *шунды тылси* 'луч солнца' (солнце-луч). Перестановка существительного, являющегося определением, в этих случаях невозможна, она создает бессмыслицу. Например, изменение порядка слов в построении *кок чунь*, удм. *пыд чиньы* 'палец ноги' (нога-палец) создает искусственное сочетание *чунь кок*, удм. *чиньы пыд* (палец-нога), которое ничего не выражает.

Определение, выраженное количественным существительным, а также существительным, обозначающим меру, перестановку допускает. Однако она приводит к изменению синтаксической функции переставленного слова и отражается на значении словосочетания: существительное, оказавшись в постпозиции, становится определяемым словом, утрачивает свою количественную семантику и приобретает предметное значение, ср. *ведра ва*, удм. *ведра ву* 'ведро воды' и *ва ведра*, удм. *ву ведра* 'ведро для воды, ведро с

* Советское финно-угроведение. 1967. № 4. С. 267–274.

¹ Сидоров А. С. Порядок слов в предложении коми языка. Сыктывкар, 1953.

² Здесь и дальше в скобках дается буквальный перевод.

водой'; *мешок зёр*, удм. *мешок сезьы* 'мешок овса' и *зёр мешок*, удм. *сезьы мешок* 'мешок для овса, мешок с овсом'; *додь турун*, удм. *додьы турын* 'воз сена' и *турун додь*, удм. *турын додьы* 'воз с сеном'.

Как в коми-пермяцком, так и в удмуртском языке примыкаемые определения-существительные издавна выражали следующие смысловые отношения:

1) принадлежность: коми-перм. *баран сюр* 'рог барана' (баран-рог), *руч след* 'след лисы' (лиса-след), *кыдз лист* 'лист березы' (береза-лист); удм. *корка липет* 'крыша дома' (дом-крыша), *ыж сіль* 'баранина' (овца-мясо), *жёк кук* 'ножка стула' (стул-нога).

2) место: коми-перм. *вөр туй* 'лесная дорога' (лес-дорога), *горт пода* 'домашний скот' (дом-скот), *вөр дзодзог* 'дикий гусь' (лес-гусь); удм. *нюлэс сюрес* 'лесная дорога' (лес-дорога), *гурт пудо* 'домашний скот' (дом-скот), *нюлэс жазег* 'дикий гусь' (лес-гусь).

3) материал: коми-перм. *шогди пизь* 'пшеничная мука' (пшеница-мука), *зёр пизь* 'овсяная мука' (овес-мука), *яй шыд* 'мясной суп' (мясо-суп); удм. *чабей пызь* 'пшеничная мука' (пшеница-мука), *жег пызь* 'ржаная мука' (рожь-мука), *пу корка* 'деревянный дом' (дерево-дом).

4) назначение: коми-перм. *брага туис* 'туес для браги' (брага-туес), *ырöш кринка* 'кринка для кваса' (квас-кринка), *ма доз* 'посуда для меда' (мед-посуда); удм. *ву вышкы* 'кадка для воды' (вода-кадка), *пудо гид* 'хлев для скота' (скот-хлев), *öс кульчо* 'кольцо для двери' (дверь-кольцо).

5) время: коми-перм. *тöв пора* 'зимняя пора' (зима-пора), *ар пора* 'осенняя пора' (осень-пора), *тулыс кад* 'весеннее время' (весна-время); удм. *гужем дыр вуиз* 'наступило лето', *тол дыр вуиз* 'наступила зима', *май толэзь* 'месяц май'.

С ростом потребности передавать разные оттенки смысловых связей в языке появляются новые конструкции, компоненты которых соединены между собой формальными средствами. Параллельно с *ош след* 'след медведя' (медведь-след), *мöс сюр* 'рог коровы' (корова-рог) в коми-пермяцком языке получают распространение построения типа *ошлön след*, *мöслön сюр* и т. д. Их семантическое своеобразие заключается в акцентировании внимания на предмете, выраженном существительным в родительном падеже. Такое существительное-определение приобретает большую самостоятельность по отношению к определенному слову. Твердый порядок слов уступает место морфологическим средствам: определение-существительное оформляется родительным падежом. Его можно без изменения смысла словосочетания легко поместить после определяемого слова: *след ошлön* 'след медведя', *сюр баранлön* 'рог барана'. Этим говорящий подчеркивает принадлежностное значение существительных, стоящих в родительном падеже.

Таким образом, развитие структуры словосочетаний, в которых определения-существительные выражают принадлежностные отношения, шло в коми-пермяцком языке по двум направлениям. С одной стороны, сохранились конструкции с твердым порядком слов. В них связь определения с определяемым морфологически не выражена, например: *Вöли зшö пемыт, а фермаз дынö, подавöдитисез керкуоккезö чукöртчисö отырис быдöс полеводческой бригадась* (6)³ 'Было еще темно, а к фермам, в дома животноводов собрались люди со всех полеводческих бригад'. С другой стороны, развились определительные словосочетания, в которых принадлежностные отношения получили оформление в родительном падеже. Такие определения менее обусловлены определенным местом, допускают перестановку, отрыв от определяемого слова, например: коми-перм. *Правленнё ошпозьяинской колхозлön вшь* (1) 'У ошпозьяинского колхоза правление новое'.

Коми-пермяцким конструкциям с определением в родительном падеже в удмуртском языке соответствуют словосочетания, компоненты которых соединены взаимообусловленными формами притяжательной связи. В таких словосочетаниях также

³ Расшифровку обозначений см. в конце статьи.

допускаются отклонения от обычного положения определения непосредственно перед определяемым, например: *Ӗз чида сюлмыз Петырлэн. Сюан учкыны потііз* (3) 'Не выдержало сердце Петра. Пошел он смотреть на свадьбу'; *Сезьы кизёнлэн самой пӓсь дырыз вуиз* (8) 'Наступила самая горячая пора сева овса' (овса сева самая горячая пора наступила)⁴. В этих предложениях определения расположены необычно: следует за определяемым именем (1-й пример), отторгнуто от определяемого имени (2-й пример).

Имена в роли определения со значением места, времени и материала в коми-пермяцком языке выработали специальные адекватизирующие суффиксы и перешли в разряд имен прилагательных, которые в зависимости от контекста могут занимать положение перед определяемым словом и после него. Так, в современном коми-пермяцком языке довольно продуктивны прилагательные на *-ся*, обозначающие отношение по месту и времени: *гожумся кад* 'летнее время', *кадыс гожумся* 'время летнее', *тӓвся лун* 'зимний день', *лун тӓвся* 'день зимний', *сэтчинся олӓм* 'тамошняя жизнь'.

В этом языке весьма обширна группа прилагательных на *-овӓй*, выражающих признак по материалу, например: *идовӓй нянь* 'ячменный хлеб', *шогдӓовӓй пизь* 'пшеничная мука', *кӓртовӓй крыша* 'железная крыша', *пуовӓй пань* 'деревянная ложка'. Такие прилагательные могут стоять и в постпозиции: *миян няньыс только шогдӓовӓй* 'у нас хлеб только пшеничный'. Конструкции типа *пу пань* 'деревянная ложка' (дереволожка), *зӓр пизь* 'овсяная мука' (овес-мука) еще изредка встречаются в речи старшего поколения коми-пермяков, но воспринимаются уже как устаревшие.

Что же касается удмуртского языка, то в нем адекватизация существительных, обозначающих время, место, не получила развития. Поэтому для выражения указанных значений здесь по-прежнему употребляются имена в именительном падеже: *тол нунал* 'зимний день' (зима-день), *гужем дыр* 'летнее время' (лето-время), *нюлӓс сюрес* 'лесная дорога' (лес-дорога). Не выработаны в удмуртском языке специальные адекватизирующие суффиксы и для выражения отношения по материалу: *пу пуньы* 'деревянная ложка' (дереволожка), *дэра дэрем* 'холщевая рубашка' (холст-рубашка). Таким образом, в удмуртском языке категориально не дифференцированные определения стоят ближе к определяемым словам, их перестановка невозможна. Основные линии словорасположения в родственных языках в данном случае прямо зависят от сдвигов в морфологической системе языка: формирование суффикса освобождает порядок слов от грамматической нагрузки.

Общие закономерности коми-пермяцкого и удмуртского языков обнаруживаются и в расположении приложений, выраженных собственными именами существительными. Поскольку собственные имена оказываются определениями, то они располагаются перед определяемым словом: коми-перм. *Яков дядьыт* 'твой дядя Яков', *Педӓсь сойыт* 'твоя сестра Федосья', *Зоя теткаыт* 'твоя тетя Зоя', *Коля воньыт* 'твой брат Коля', *Иньва ю* 'река Иньва', *Кубень деревня* 'деревня Кубень', *Йӓг посад* 'село Егва', «*Менам зон*» *произведеннӓын* 'в произведении «Менам зон»': удм. *Петыр агай* 'старший брат Петр', *Катя кенак* 'тетя Катя', *Егоров врач* 'врач Егоров', *Петр Иванович дышетӓсь* 'учитель Петр Иванович', *Вала шур* 'река Вала'.

Коми-перм. *Вӓввез корскайтӓмӓн, швачӓн, быд вынӓсь, нюжӓтчӓмӓн нуисӓ* *хозяйинӓзынӓ вӓр дор кузяс Надов деревнялань* (2) 'Лошади с храпом, рысью, изо всех сил, вытянувшись, уносили своих хозяев по опушке леса к деревне Надов'.

Удм. *Та дыре частьмы Витебск город понна немецкой захватчикӓсьлы пумит секытӓсь наступательной ожӓсь нуиз* (5) 'В это время наша часть вела тяжелые наступательные бои против немецких захватчиков за город Витебск'.

Однако под влиянием русского языка в последнее время в конструкции с приложением стала проникать противоположная линия словорасположения. Приложение,

⁴ *Перевозицков Н. П.* Притяжательные формы связи имен в определительных словосочетаниях удмуртского языка // Вопросы составления описательных грамматик. М., 1961. С. 267-279.

выраженное собственным именем, довольно часто встречается в положении постпозиции по отношению к поясняемому существительному. Причем эта тенденция характерна для обоих языков.

Коми-перм. *Деревня Конановчи сулалё Гырка лог дорын* (2) 'Деревня Конановчи стоит у Гырка лога'; удм. *Озыы вордскем шаерезлэн эрикез но данэз понна быриз удмурт калыклэн яратоно пиез, поэт Филипп Григорьевич Кедров* (5) 'Так за честь и свободу родины погиб любимый сын удмуртского народа, поэт Филипп Григорьевич Кедров'.

Предшествование подчиненного слова подчиняющему наблюдается также в сложных собственных названиях лиц, которые как в коми-пермяцком, так и в удмуртском языке строятся по принципу:

а) прозвище + имя: коми-перм. *Пелю Миша, Чужанёв Марий, Ляпчик Ваня*; удм. *Чушни Иван, Кион Оркемей, Кедр Митрей*; коми-перм. *Паныт нылё пукалёны эшö кык морт: Тувдём Петра да Майог Опонь* (2) 'Напротив них сидят еще два человека: Тувдом Петра да Майог Опонь'; удм. *Чушни Иван озыы ик исповеде пыратэк кулиз* (12) 'Чушни Иван так и умер, не исповедавшись';

б) фамилия + имя: *Калин Петра, Власов Степан, Кривощёков Иван, Корепанов Зосим*. Однако в художественной литературе в настоящее время часто встречается постановка имени перед фамилией: коми-перм. *Лесотехникум кончитём бёрын Лена Базукова мымдакё уджалёс леспромхозись главной механик отделын* (4) 'После окончания лесотехникума Лена Базукова некоторое время работала в отделе главного механика леспромхоза'; удм. *Максим Игнатъев гожтэтъёсты, газетъёсты но журналъёсты гуртъёсы нуллыны уг жадьы* (14) 'Максим Игнатъев не устает разносить по деревням письма, газеты и журналы';

в) отчество + имя: коми-перм. *Пиля Олём 'Алексей Филиппьевич', Игнат Миков 'Николай Игнатъевич'*; удм. *Петыр Иван 'Иван Петрович', Андрей Кузьма 'Кузьма Андреевич'*; коми-перм. *Эз ешты сайкавны сылён местаыс, кызд миян костер дынö локтис виль гось — Анань Данько* (1) 'Не успело остыть его место, как к нашему костру пришел новый гость — Даниил Ананьевич'; удм. *Микол Федор уйбыт уйтыласа, кык ведра чорыг ваем* (15) 'Федор Николаевич всю ночь острожил и принес два ведра рыбы'.

Нередко личному имени в коми-пермяцком и удмуртском языках предшествует не одно, а несколько собственных имен. В таком случае на первое место ставится имя самого старшего из предков: *Петра Миша Яков 'Яков, сын Михаила Петровича', Игнат Миков Санко 'Александр, сын Николая Игнатъевича', Абрам Паша Марий 'Мария, дочь Павла Абрамовича'*; удм. *Митит Павол Иван 'Иван, сын Павла Никифоровича, Данько Максим Одоть 'Евдокия, дочь Максима Даниловича'*. Такого рода сложные построения в настоящее время распространены в народной речи и разговорном языке. В публицистике и художественной литературе наблюдается тенденция именовать людей по аналогии с русскими именами и отчествами: *Иван Петрович, София Павловна, Мария Семеновна* и т. д.

Коми-перм. *Лесопунктын нийö панталёс Макар Кузьмич* (4) 'В лесопункте их встретил Макар Кузьмич'; удм. *Самой со, Иван Сидорович! — кеськиз начальник* (5) 'Он самый, Иван Сидорович, — крикнул начальник'.

В наше время официальным именем коми-пермяка и удмурта является фамилия, имя, отчество: *Кривощёков Семен Михайлович, Утева Мария Федоровна, Порсев Александр Петрович, Кедров Филипп Григорьевич*.

2. Словосочетания, в которых определение выражено именем прилагательным. В словосочетаниях с определением-прилагательным порядок слов в обоих языках подчиняется общей закономерности «определение + определяемое».

Прилагательное-определение обычно примыкает к определяемому слову и стоит непосредственно перед ним: коми-перм. *гöрд флаг*, удм. *горд флаг* 'красный флаг'; коми-перм. *гöрд флаглö*, удм. *горд флаглы* 'красному флагу'; коми-перм. *гöрд флагöн*, удм. *горд флаген* 'красным флагом'. При нарушении указанного порядка слов изменяется

синтаксическая роль переставленного слова. Так, словосочетание коми-перм. *ыджыт керку*, удм. *бадзым корка* означает 'большой дом', а коми-перм. *керку ыджыт*, удм. *корка бадзым* — 'дом большой'. В первом случае *ыджыт*, *бадзым* — определения, во втором случае эти же слова выступают в роли сказуемого.

В современном коми-пермяцком языке встречается и согласование прилагательного-определения с определяемым словом в числе. Это делает более свободным и порядок слов в соответствующих словосочетаниях. Чаще всего с определяемым словом согласуется обособленное определение, а также определение, оторванное от определяемого слова, отделенное от него другими словами или находящееся после определяемого слова: *Шонытось да кузьось, кызд помтём туй, петисё луннэз Сер посад весьтын* (2) 'Теплые и длинные, как бесконечная дорога, установились дни над селом Сер'. Отрыв от определяемого слова в данном случае способствует выделению определения, подчеркиванию его значения.

При непосредственном предшествовании определяемому слову прилагательное-определение согласуется в числе реже. Согласование такого определения, как и в указанном выше случае, служит для смыслового выделения его: *Сулалёны шонытось луннэз* 'Стоят теплые дни'; *Строитсьёны ыджытось керкуэз* 'Строятся большие дома'.

Обособленное или постпозитивное определение может быть согласовано с определяемым словом не только в числе, но и в падеже: *Кыям покроммесё гаруснойезё, киськиазё* 'Ткем пояса гарусные, с кистями'; *Новйё Макар важ милицейскöй форма, кöдö сетлисё эшö война одзын, — шоркийсьёмö, бырёмö* (16) 'Носит Макар старую милицейскую форму, которую выдавали еще до войны, — потертую, рваную'. Согласование в падеже у препозитивного определения очень редко: *Тэ кончитин дасötö классö, а годдэт лишь семнадцать* (19) 'Ты кончил десятый класс, а лет всего семнадцать'.

Согласование определений-прилагательных в числе в удмуртском языке также встречается. Случаи согласования те же, что в коми-пермяцком языке — подчеркивание, выделение того или иного признака предмета, выраженного прилагательным: *Та артельсь ваньмыз вуриськисьёс, егитъёсыз но арлыдоосыз, технической кружокын дышетско* (20) 'Из этой артели все портные, молодые и пожилые, учатся в техническом кружке'.

3. Словосочетания, в которых определение выражено именем числительным. Имя числительное в пермских языках обычно предшествует тому слову, количественный признак которого оно выражает: *куим морт*, удм. *куинь адями* 'три человека'; *вит керку*, удм. *вить корка* 'пять домов'; *кватъ кольтъ*, удм. *куать курегпуз* 'шесть яиц'; *дас мёс*, удм. *дас скал* 'десять коров'.

Перестановка числительного ведет к изменению смысла словосочетания, придает значение приблизительного количества: коми-перм. *керку вит* 'приблизительно пять домов', *кольтъ кватъ* 'около пяти яиц'; удм. *нунал вить* 'дней пять', *мурт куинь* 'человека три'. Перестановка невозможна в том случае, если числительное в коми-пермяцком языке выступает в краткой форме (*öт, öти*). Такие числительные всегда стоят перед именем существительным: *Öт крайсянь мöд крайöдз, границазз сайöдз Тэ лэбзы жö, песня, кызд кай* (23) 'От одного до другого края, за пределы границ Ты лети же, песня, как птица'.

Совместные (обобщительные) числительные в коми-пермяцком языке строго предшествуют определяемому слову: *куимнан мортыс* 'все три человека'; *кыкнан киам* 'в обеих моих руках'; *витнан керкуись* 'из всех пяти домов'; *Адззö, дело умöль, кватитис бедсьö, öвтышитис сийöн — куимнан юрсö орötис змейыслись* (24) 'Видит, дело плохо, схватил палку, махнул ею — все три головы отрезал у змея'.

Лично-обобщительные числительные или счетно-личные местоимения не прикреплены к определенному месту, но чаще всего располагаются за определяемым словом: *Ния кыкнанныс* 'они оба', *мийö витнанным* 'все мы пятеро'; *Ния кыкнанныс чöлисö*

минута дырна, кывзисö нуззись дугдывтöм песня (25) 'Они оба помолчали минуту, слушали бесконечную песню деревьев'.

Лично-обобщительным числительным соответствуют в удмуртском языке собирательно-личные числительные с суффиксом *на*, которые всегда употребляются с притяжательными прилепами *мы*, *ды*, *зы*. Чаще всего такие слова стоят после личных местоимений, количественные признаки которых уточняют: *ми куиньнамы* 'все мы трое', *милемыз кыкнамес* 'нас обоих', *милемлы ньыльнамылы* 'нам всем четверем'.

4. **Определения-местоимения.** С твердым порядком слов связаны лишь местоимения, употребляющиеся в значении имен существительных, особенно в том случае, если они выступают в виде краткой основы *ас*, *ме*, *тэ*, *ны*, *сы*, а также краткие притяжательные местоимения: коми-перм. *ме кыын* 'в моих руках', *тэ семьяын* 'в твоей семье'; удм. *ас уженыз* 'своей работой (он, она)'; *Видзöтыштiм мийö москвичез вылö, ны олан вылö да удж вылö, и зубыт лоис и гажа* (26) 'Посмотрели мы на москвичей, на их жизнь и работу, и стало больно и радостно'; *Каждöй лун виль мотивöн горалö Миян му вылын мортлöн олан* (27) 'Каждый день новой мелодией звучит на нашей земле жизнь человека'; удм. *Ас Родина понна нюръяськыса тросэз асьме егитъёс быризы* («Удмуртиысь комсомолец») 'Борясь за свою Родину, погибли многие наши молодые (люди)'.

Лично-определятельные местоимения нередко следуют за личными местоимениями или именами существительными: *Ния асьныс судалöны öшыннэз одзын, видзöтöны öтöрö* (28) 'Они сами стоят перед окнами, смотрят на улицу'; удм. *Тон ачид адзиськод: ю бусы куашетэ, Серекъя, вераське...* (5) 'Ты сам видишь: хлебное поле шумит, смеется, говорит'.

5. **Словосочетания, состоящие из причастия или причастного оборота и определяемого существительного.** В таких словосочетаниях причастие-определение в коми-пермяцком и удмуртском языках стоит непосредственно перед определяемым словом, например: *гöрöм му*, удм. *гырем му* 'вспаханная земля'; *узись морт*, удм. *изись адями* 'спящий человек'; *сёян турун*, удм. *сионо турын* 'съедобная трава'; *краситтöм джодж*, удм. *буятэм выж* 'некрашенный пол'.

Распространение определений, выраженных причастиями, с помощью поясняющих слов образует причастный оборот. Внутри оборота слова могут быть связаны как по типу управления, так и по типу примыкания. Порядок слов в причастных оборотах подчиняется строго определенным правилам. Причастие обычно замыкает отглагольный оборот; ему предшествуют зависимые слова в следующей последовательности: перед причастием ставится относящееся к нему примыкаемое обстоятельство или дополнение, затем определения (одиночные или развернутые), поясняющие эти дополнения или обстоятельства: коми-перм. *Виктор локтис сы дынö и висьталис колхоз правленнён примитöм решеннё йылись* (6) 'Виктор подошел к ней и рассказал о принятом правлением колхоза решении'; удм. *Пуж ныртiй кадъ кисьтэ кезыт зор, зарние биниськем музьемез, тэлез..., коттэ* (5) 'Как из решета льет холодный дождь, мочит одетую в золото землю.... лес'.

В удмуртском языке наблюдаются редкие случаи употребления причастных оборотов в позиции за поясняемым именем: *Татысь ныльёс но егит пиос, целинной шаере ужаны куриськемъёсыз, çуказе райкомлэ мынозы* (20) 'Здесьние девушки и юноши, попросившиеся работать в целинном крае, завтра пойдут в райком'. Обособление здесь обеспечено необычным местом оборота и выделительным суффиксом причастия, согласованного с определяемым именем в падеже и числе. Мы рассмотрели основные случаи фиксированного порядка слов в коми-пермяцком и удмуртском языках. Наличие общих черт, обнаруживающихся в функционировании способа порядка слов в грамматическом строе родственных языков, объясняется не только выработкой основных закономерностей расположения слов в словосочетании и предложении в период общепермского единства, но отчасти и тем, что после распада древнепермской общности

развитие многих языковых явлений в коми и удмуртском языках продолжалось в направлениях, заложенных в общепермский период. Расположение слов в структуре словосочетания и предложения этих языков имеет, конечно, и различия. Они обусловлены все более усиливающимся расхождением пермских языков, в процессе которого определенные закономерности сохранялись в одном языке, в другом же возникали по тем или иным причинам новые явления и отмирали старые. Все эти вопросы требуют более углубленного изучения.

Обозначения

- 1 — Минин И. Чөвпан мыс дын. Кудымкар, 1962
- 2 — Лихачев Михаил. Бөрйөм произведеннэз. Кудымкар, 1959
- 3 — Сказкаэз. Кудымкар, 1947
- 4 — Минин И. Тулыс горалö // Иньва. Кудымкар, 1961
- 5 — Кедров Ф. Бырьем произведениос. Ижевск, 1959
- 6 — Шадрин И. «Коммунар» колхозын // Иньва. Кудымкар, 1955
- 7 — Громадченко Ю. Доярка // Иньва. Кудымкар, 1955
- 8 — Лямин М. Шудбур понна. Ижевск, 1961
- 9 — Удмурт сказкаос. Ижевск, 1940
- 10 — Нилогов Л. Пöрись друггез // Иньва. Кудымкар, 1961
- 11 — Шадрин И. Дёма // Тулысса вазз. Кудымкар, 1959
- 12 — Кедр Митрей. Секыт зйбет. Ижевск, 1957
- 13 — Нилогов Л. Гортö // Парма. Кудымкар, 1962
- 14 — Журнал «Молот»
- 15 — Газета «Азьлань»
- 16 — Минин И. Веретя // Парма. Кудымкар, 1962
- 17 — Бормотов Н. Родной ныв // Парма. Кудымкар, 1962
- 18 — Ханжин П. Коми-Пермяцкöй округлö 30 год // Иньва. Кудымкар, 1955
- 19 — Караваев С. Кинöн жö лоны? // Парма
- 20 — Перевошиков П. Роль русского языка в развитии культуры удмуртского народа. Ижевск, 1963
- 21 — Климов В. Вера Селина. Кудымкар, 1962
- 22 — Климов В. Чайдöм ув. Кудымкар, 1960
- 23 — Минин И. Тэ лэбзыы жö. песня // Коми песня. Кудымкар, 1959
- 24 — Коми-пермяцкöй народной устной поэтической творчество. Кудымкар, 1960
- 25 — Боталов В. Тулысса песня // Парма
- 26 — Изложеннэз понда статьяэзöн сборник. Кудымкар, 1961
- 27 — Караваев С. Орс, гармонь // Коми песня. Кудымкар, 1959
- 28 — Климов В. Пашко менам дона. Кудымкар, 1962

О НЕКОТОРЫХ ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ РАЗВИТИЯ ГРАММАТИЧЕСКОГО СТРОЯ

(на материале пермских языков финно-угорской группы) *

Грамматический строй — один из важнейших компонентов системы языка. Под ним, как известно, подразумевается совокупность всех грамматических средств и выражаемых ими значений. По сравнению с другими компонентами языка, в особенности со словарным составом, грамматический строй отличается большей устойчивостью, но с течением времени все же подвергается изменениям. Развитие его обусловлено двумя стимулами.

С одной стороны, изменения в грамматическом строе могут происходить под влиянием внеязыковых причин. Развитие общества, мышления народа заставляет язык приспособляться к новым потребностям. Это может вызвать появление новой морфемы, служебного слова, окончания. Например, многие языки народов СССР в настоящее время активно обогащают синтаксическую структуру придаточными предложениями по образцу русского языка. При этом служебные слова, союзы, скрепляющие отдельные части сложных конструкций, очень часто не создаются заново из материалов самого языка, а берутся готовыми из русского, в котором они уже издавна функционируют. Так, коми-пермяцкое предложение *Ох, кӧбы ме ыджытжык чуть, некӧр бы тэ съӧрись эг кольчы* (Н. Попов) 'Ах, кабы я был побольше чуть, никогда бы от тебя не отстал' с условным придаточным, имеющим союз *кӧбы*, отражает влияние соответствующей конструкции русского языка с союзом *кабы*.

В процессе взаимодействия языков могут заимствоваться суффиксы, префиксы и даже окончания. Например, суффикс *-овый* в коми-пермяцкий язык проник вместе с заимствованными словами типа *берёзовый, садовый, дубовый*. Затем он получил в этом языке очень широкое распространение, стал суффиксом имен прилагательных, обозначающих материал, из которого сделан предмет: *шогдӧвӧй тизь* 'пшеничная мука', *пуовӧй пань* 'деревянная ложка', *ноёвӧй чулкиз* 'шерстяные чулки'. Этот суффикс получил в последнее время еще одно значение — значение происхождения предмета: *босьтӧмовӧй нянь* 'купленный хлеб', *локтисёвӧй морт* 'человек из приезжих, нездешний человек'.

Примеров заимствования элементов грамматического строя можно привести в достаточном количестве из любого развитого языка.

Однако далеко не всегда изменения в языке диктуются экстралингвистическими факторами. Гораздо чаще они вызываются движениями отдельных явлений внутри самой языковой структуры. Поскольку язык живой, в нем наблюдаются непрерывные сдвиги составных его элементов. При этом какое-нибудь изменение на одном участке языковой системы нередко отражается на другом её участке в виде появления нового суффикса, падежного окончания или служебного слова. Само собой разумеется, развитие грамматического строя языка нельзя понимать как непрерывное пополнение арсенала его грамматических средств новыми суффиксами или окончаниями.

Старые грамматические средства могут постепенно утратить свою продуктивность и перестать восприниматься как действующие морфемы с грамматическим значением, иначе говоря, происходит опрощение состава слова.

* Ученые записки ПГПИ. Т. 66. Пермь, 1969. С. 54–73.

Таким образом, грамматический строй нельзя считать чем-то застывшим. Он находится в непрерывном движении. Перед наукой о языке стоит задача выявить основные закономерности, управляющие развитием языка.

Одним из общих законов формирования и развития структуры языка служит закон абстрагирования её элементов¹. Конкретным проявлением этого закона является переход самостоятельных слов в разряд служебных морфем (суффиксов, префиксов, окончаний) — грамматикализация их. Этот процесс наблюдается во многих языках. Особую активность он получает в так называемых агглютинативных языках, в которых действует ряд факторов, способствующих превращению знаменательных слов в постфиксы. В числе таких факторов первостепенное значение для возникновения агглютинирующих суффиксов имеют:

1) твердый порядок слов в словосочетаниях типа определение + определяемое слово и отсутствие согласования в них;

2) механическое присоединение служебных морфем к корню;

3) слабое взаимодействие между морфемами в пределах отдельного слова. На эти факторы, непрерывно порождающие новые агглютинирующие суффиксы, указывается в ряде недавно вышедших работ общетеоретического характера².

В данной статье мы ставим перед собой цель — показать действие закона грамматикализации на материале таких агглютинативных языков, как языки пермской группы финно-угорской семьи (удмуртский, коми, коми-пермяцкий и коми-язьвинский).

Суффиксы, связанные по происхождению с самостоятельными словами, в финно-угорских языках принято называть вторичными. Содержание термина «вторичный суффикс» не стабильно. То, что для одного периода является вторичным образованием, для другой эпохи может утратить свое значение. Среди суффиксов, возникших из полнозначных слов, могут быть, по-видимому, выделены общепермские (более разрушенные, для выявления которых нужны специальные исследования), общепермские и общекоми (не испытавшие значительных разрушений), а также аффиксы, известные лишь отдельным пермским языкам. Обычно материалом для вторичных суффиксов служит вторая часть подчинительного словосочетания. Грамматикализация происходит следующим образом. Предположим, что то или иное слово, например, коми-пермяцкое *тор* 'часть' очень часто встречается в качестве второго компонента подчинительного словосочетания: *нянь тор* 'хлеба кусок', *дõра тор* 'холста лоскуток', *тарелка тор* 'тарелки обломок', *матег тор* 'мыла часть' и т. д. Между частями приведенных сочетаний может исчезнуть пауза. Тогда они объединятся одним словесным ударением и, таким образом, сольются в сложное единство: *няньтор*, *дõратор*, *изтор*, *матегтор* и т. д. Хотя в такого рода сложных словах *тор* еще не порывает связи с самостоятельным словом, но в его значении уже произошел сдвиг: оно стало более общим. Это уже как бы «суффицирующий словоэлемент». При образовании нового сложного слова он может теперь непосредственно присоединиться к отдельному слову. Полученное таким образом новое сложное слово минует стадию словосочетания. Однако такое присоединение еще не свободно. Оно происходит строго избирательно, с учетом лексического значения первого компонента. Так, слово *тор*, пока оно сохраняет свое конкретное значение, может «ужиться» со словами *яй*, *из*, *нянь* (*яйтор* 'кусок мяса', *изтор* 'обломок камня', *няньтор* 'кусок хлеба'), но не может присоединиться к словам *тõв* 'ветер', *ю* 'река', *õшып* 'окно' и т. д., поскольку эти слова обозначают явления природы и предметы, которые нельзя разбить на материальные части.

¹ См.: Головин Б. Н. Введение в языковедение. М., 1966. С. 228.

² Серебренников Б. А. Причины устойчивости агглютинативного строя и вопрос о морфологическом типе языка // Морфологическая типология и проблема классификации языков. М.—Л., 1965. С. 7–26; Майтинская К. Е. Образование и классификация суффиксов в агглютинативных языках (на материале финно-угорских языков) // Там же. С. 154–164.

О НЕКОТОРЫХ ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ РАЗВИТИЯ ГРАММАТИЧЕСКОГО СТРОЯ (на материале пермских языков финно-угорской группы)

Если же это *тор* полностью утратит свое конкретное значение и усвоит очень общее деривационное значение, скажем, идею уменьшительности, оно в пределах определенной категории будет свободно присоединяться к любым словам, не считаясь с их конкретным лексическим значением, иначе говоря, превратится в суффикс. Такую более высокую степень абстракции коми-пермяцкое *тор* получило лишь в таких случаях, как *тöвтор* 'ветерок', *кымöртор* 'облачко'. В случаях же типа *няньтор* его следует рассматривать как вторую часть сложного слова. Значение суффикса *тор* усвоило в родственном коми-зырянском языке, где оно образует весьма широкую категорию имен существительных с уменьшительным значением: *йöвтор* 'молочко', *керкатор* 'домик'.

Таким образом, в рассмотренном случае полнозначное слово на пути к превращению в форматив проходит следующие ступени: 1) частое употребление в качестве второй части подчинительного словосочетания; 2) пребывание в роли второго компонента сложного слова; 3) превращение в суффикс.

Само собой разумеется, что это не единственный путь грамматикализации, хотя, возможно, для пермских языков и самый распространенный. Как мы увидим в дальнейшем, процесс превращения полнозначных слов в грамматические формативы может протекать и по другим направлениям, минуя стадию пребывания в качестве второго компонента сложного слова, прерываясь стадией имени-последлога или завершаясь стадией флексии (вторая часть определительного словосочетания > имя-последлог > флексия).

Все указанные направления могут действовать в синхронии и диахронии, свидетельствуя о непрерывном движении грамматического строя, о взаимодействии фактов языка.

Любая грамматикализация, в каком бы направлении она ни протекала, сопровождается приобретением самостоятельным словом все более абстрактного грамматического значения, пока, наконец, ничего не останется от первоначального конкретного представления. При этом переход самостоятельных слов в форманты в агглютинативных языках редко приводит к разрушению их прежнего фонетического состава. Это объясняется указанными выше особенностями строя таких языков: слабой спаянностью морфем, их четкостью. А если и происходят какие-либо изменения во внешнем облике грамматикализованного слова, то настолько незначительные, что соотносительность его с самостоятельными словами редко нарушается.

Превращение самостоятельных слов в суффиксы происходит крайне неравномерно как в пределах родственной группы языков, так и внутри конкретной языковой системы. Далеко не всегда суффикс с одним и тем же значением имеет одинаковый исходный материал в родственных языках. В одних языках, например, для выражения значения уменьшительности используется суффикс, связанный по происхождению с одним словом, в других морфема с этим же значением возникает из совершенно иного материала. Далее, одно и то же слово, относящееся к общему лексическому фонду родственной группы, в одном языке подвергается грамматикализации, в другом продолжает оставаться полнозначной лексической единицей. Это приводит к появлению все большего количества различий в грамматическом строе расходящихся языков. Да и в пределах отдельного языка процесс грамматикализации далеко не всегда последователен. Он продолжается в течение многих веков. Причем один суффикс довольно быстро проходит полный путь грамматикализации, тогда как процесс формирования другого суффикса надолго затягивается, а иногда и останавливается на полпути, так и не дойдя до полного завершения. Очень часто то или иное слово в качестве суффикса употребляется лишь в одной «области» языка, то есть в определенной сфере своего функционирования, в другой же «области» языковой системы оно продолжает жить как полнозначная смысловая единица.

Таким образом, формирование отдельного грамматического элемента — процесс весьма своеобразный. В связи с этим целесообразно остановиться на рассмотрении каждой конкретного суффикса отдельно.

Суффикс **-быт, -быд**. Известен всем пермским языкам. Он образует наречия времени от имен существительных со значением 'в течение всего...'. Коми-перм. *арбыт* 'всю осень, в течение всей осени', *гожумбыт* 'все лето', *тöвбыт* 'всю зиму', *ойбыт* 'всю ночь'; коми-зыр. *тöвбыд* 'всю зиму', *войбыд* 'всю ночь', *гожёмбыд* 'все лето'; коми-язьв. *ййбөт*³ 'всю ночь', *арбот* 'всю осень', *тэлбөт* 'всю зиму'; удм. *арбыт* 'весь год', *гужембыт* 'все лето', *лумбыт* 'целый день'. Суффикс **-быт, -бөт, -быд** обычно связывают с корнем **быд-**, представленным в целом ряде общепермских слов.: удм. *быдэс* 'целый, весь'; коми *быд* 'каждый, всякий, любой', *быдса* 'целый'; коми-язьв. *бөд* 'всякий'. По всей вероятности, общепермский корень **быд-**, прежде чем стать суффиксом, пережил эпоху, когда функционировал в качестве послелогоа.

Суффикс **-вевья**. Имеет распространение в коми-пермяцком языке, образует имена прилагательные со значением преобладания какого-либо признака: *гöрдвевья* 'с преобладанием красного, преимущественно красный', *сьöдвевья* 'с преобладанием черного, преимущественно черный'.

Суффикс **-вевья**, по-видимому, генетически связан с прилагательным *вевья*, сохранившимся в коми-зырянском языке: *сю вевья нянь* 'хлеб с преобладанием ржи', *лыа вевья му* 'супесчаная земля', *гöрд вевья дöра* 'холст с преобладанием красного цвета'.

Превращение *вевья* в суффикс в коми-пермяцком языке ограничило сферу его употребления. В настоящее время *вевья* может образовывать имена прилагательные чаще всего от прилагательных же и очень редко от имен существительных со значением чрезмерного признака: *моросевья* 'грудастый', *кынёмвевья* 'брюхастый'.

Суффикс **-вöр** (ср. коми *вöр* 'лес'). *Вöр* в значении суффикса встречается, например, в кочёвских говорах коми-пермяцкого языка. Его семантика — выражение собирательности: *инькавöр* 'женщины, группа женщин', *нывкавöр* 'девушки, группа девушек', *челядьвöр* 'дети, группа детей'. *Талун инькавöрыс кайöма ыб вылö вундыны* 'сегодня женщины пошли на поле жать'; *Клубö öксьöмась нывка- да зонкавöрыс* 'в клубе собрались девушки и парни'. В данном случае обобщенное значение собирательности развилось из семантики слова, обозначающего совокупность предметов как единство *вöр* 'лес'. Однако его конкретное лексическое значение при употреблении в качестве суффикса стерлось. Оно стало выражать лишь идею собирательности, множества предметов.

Суффикс **-жуг**, ср. во всех пермских языках глагол *жуг-* 'сломать, разбить, разрушить', а также удм. *жуг-жаг* 'отбросы, сор, мусор', коми-зыр. *жуг* 'полова, мякина', коми-перм. *жуг* 'полова, мякина, разбитая при молотье солома, отбросы', коми-язьв. *жуг* 'обломок, крошка': *пис жуг* 'обломок дров', *н'ан' жуг* 'крошка хлеба'.

Приведенные примеры дают основание предположить, что в древнепермском языке было имя *жуг* со значением 'нечто разбитое, развалившееся, негодное для употребления, обломок, крошка, отбросы'. Ближе всего к этому значению современное коми-язьв. *жуг*. Из древнего слова *жуг* суффикс развился только в коми-пермяцком языке, где он образует имена существительные с пренебрежительным значением и отличается высокой продуктивностью: *керкужуг* 'домишко' (керку 'дом'), *песжуг* 'полешко' (*пес* 'полено'), *мортжуг* 'человечишко' (*морт* 'человек'), *начальникжуг* 'начальничшко' и т. д. Таким образом, значение пренебрежительности у коми-пермяков связывалось с конкретным представлением о разбитом, развалившемся, обломке, негодном для употребления, отбросе⁴.

³ Коми-язьвинские примеры здесь и в дальнейшем заимствованы из работы: *Лыткин В. И.* Коми-язьвинский диалект. М., 1961.

⁴ См.: *Ботева Е. В.* Суффиксы субъективной оценки в коми-пермяцком языке // Вопросы финно-угорского языкознания. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 229–232.

О НЕКОТОРЫХ ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ РАЗВИТИЯ ГРАММАТИЧЕСКОГО СТРОЯ (на материале пермских языков финно-угорской группы)

Суффикс **-ин**, ср. удм. *инты* 'место', коми-зыр. *ин* 'место'. В коми-пермяцком самостоятельного слова *ин* уже нет, но корень **ин-** выступает во многих производных словах: *инмыны* 'попасть', *иньдыны* 'направить' и т. д. В коми-язьвинском **ин-** встречается в таких устойчивых выражениях, как *тимот инө* 'в темное место', *йугот инө* 'в светлое место'. Самостоятельное слово *ин* представлено и в древнепермских текстах, например: *от инын* 'в одном месте' (из надписи на иконе «Сошествия св. духа»). В этих же текстах встречаются сложные слова типа *велтыдаланін* 'небо'⁵.

Сложные слова со вторым компонентом **-ин** богато представлены в современных пермских языках, особенно в коми, ср. коми-зыр.: *оланін* 'место жилья, жилище'; *пожёмаин* 'место, поросшее сосной, сосняк'; *лажмытин* 'мелкое место, мель'; *шоньидін* 'теплое место'; коми-перм. *оланін* 'место жилья, жилище', *пожумаин* 'сосняк', *шоньитін* 'теплое место'; *вылынін* 'высокое место, возвышенность', *вунданін* 'место жатвы' и т. д. В приведенных примерах **-ин** сохраняет свое первоначальное значение места, поэтому неверно считать его суффиксом, хотя во всех существующих грамматиках **-ин** рассматривается как суффикс.

Против причисления **-ин** к суффиксам выступал и Д. В. Бубрих: «Принято рассматривать как вторичный суффикс, образующий имена существительные от имен прилагательных, также **-ин**, — писал он. — Но это не вторичный суффикс, а вторая слагающая часть сложного слова, так как **-ин** никогда не порывает со значением 'место', свойственным отдельному слову *ин*»⁶.

Пожалуй, ближе всего к суффиксу стоит коми-пермяцкое **-ин** в конце сложных слов (*кӧзьяин* 'ельник', *кыдзаин* 'березняк'), поскольку в этом языке самостоятельное слово *ин* заменено русским *места* и поэтому нет соотносительных словосочетаний с компонентом **-ин**.

Интересно, что Н. Рогов в «Коми-пермяцко-русском словаре» приводит два слова: *веритӧмин* 'безверие' и *нӧштӧмин* 'безобразие' — в которых значение **-ин** низведено до служебной морфемы, образующей существительные с абстрактным значением от причастия (*веритӧм* 'безверный') и прилагательного (*нӧштӧм* 'безобразный'). Однако в современном коми-пермяцком языке такие слова не встречаются.

Что касается удмуртского языка, то в нем коми слову *ин* соответствует *инты*, которое дало два варианта суффикса: **-ни** (*аранни* 'место жатвы', ср. *араны* 'жать'; *гыронни* 'место пахоты', *гырон* 'пахота') и **-тӱ** (*ужантӱ* 'место работы', *ужаны* 'работать'; *вузкаронтӱ* 'место торговли', *вузкарон* 'торговля'). Хотя и значение частей сложного слова **-ни** и **-тӱ** тесно связано со значением места, но в данном случае мы имеем изменение внешнего облика суффикса и поэтому лишь в известной мере вправе считать его грамматическим формантом.

Суффикс **-инь**, **-ань**, ср. коми-зыр. *ань* 'женщина', *эня-ныла* 'мать с дочерью', в диалектах *инька*, *энька* 'свекровь, свекровка', *иньпӧв* 'часть избы перед печкой, кут' букв. 'женская половина', удм. *анай* 'мать', коми-перм. *инь* 'жена', *инька* 'женщина', *ань* 'свекровь'.

Суффикс **-ань** в коми языках выступает в словах, служащих названиями животных (коров) по масти, например: *Гӧрдань* 'Краснуха' (о рыжей корове, *гӧрд* 'рыжий, красный'); *Серань* 'Пеструха' (о пестрой корове, *сер* 'узор, пестрота'); *Сьӧдань* 'Чернуха' (о черной корове, *сьӧд* 'черный'). Этот суффикс представлен также в коми-язьв. *муань* 'землюшка, земля-мати'.

Суффикс **-инь-** в сопровождении с **-ӧй** (**-иньӧй**), представляющим собой, по-видимому, показатель звательного падежа, употребляется только в коми-пермяцком языке, где образует уменьшительно-ласкательные имена существительные, например: *маминьӧй* 'мамонька', *сойиньӧй* 'сесгричка', *нылӧй* 'доченька', *ыбиньӧй* 'полошко'

⁵ См.: Лыткин В. И. Древнепермский язык. М., 1952.

⁶ Бубрих Д. В. Грамматика литературного коми языка. Л.: Изд-во ЛГУ, 1949. С. 64.

и т. д. Коми-пермяцкому **-иньёй** в коми-зырянском соответствует **-анёй**: *ныланёй* 'девонька', *пианёй* 'сыночек', *зонманёй* 'парнишечка'. Суффикс **-анёй** представлен также в коми-язьвинском наречии: *муанёй* 'землюшка'.

Б. А. Серебренников в суффиксе **-иньёй** видит «нагромождение четырех уменьшительных суффиксов: **-и, -н', -ё, -й**»⁷, а в суффиксе **-анёй** часть **-ан** возводит к прауральскому суффиксу отыменных существительных **-п**, ср. фин. *pähkinä* 'орех', морд. *kidupe* 'домик', хант. *tortnen* 'божок' и т. д.⁸

Однако нам кажется, что в основе этих суффиксов одно и то же слово *ань* (*инь*) 'женщина'⁹. К такому предположению склоняет совпадение значения *ань*, *инь* в разных коми языках и диалектах, а также сходство внешнего облика суффиксов с соответствующими самостоятельными словами языка или диалекта, в котором бытует тот или иной суффикс. Так, в коми-зырянском и коми-язьвинском *ань* 'женщина' дало суффикс **-анёй**, в коми-перм. *инь* 'жена' дало суффикс **-иньёй**.

Суффикс **-лун**, ср. коми-зыр., коми-язьв., коми-перм. *лун* 'день', удм. *лумбыт* 'весь день'. Встречается только в коми-зырянском языке. С помощью **-лун** образуются абстрактные существительные со значением качества чаще всего от имен прилагательных, например, *лэклун* 'злость' (*лэк* 'злой'); *көдзыдлун* 'холод' (*көдзыд* 'холодный'); *гöльлун* 'бедность' (*гöль* 'бедный'), *мичлун* 'красота' (*мич* 'краса, красивый'). Грамматикализация *лун* началась с переосмысления этого слова в словосочетаниях типа *пемыд лун* 'темный день', *лöнь лун* 'тихий день', которые стали пониматься как 'темнота, тишина'. Затем эта модель была перенесена на все случаи образования отвлеченных существительных со значением качества от прилагательных, а иногда и от причастий: *тöдчанлун* 'значение' (*тöдчан* 'значительный'), *лышкыдлун* 'щедрость' (*лышкыд* 'щедрый').

Суффикс **-пиан**, ср. удм. *пи* 'сын, мальчик, детеныш животных', коми-зыр. *пи*, *пиян* 'сын, мальчик, детеныш животных'; коми-перм. *пи*, *пиян* 'детеныш', коми-язьв. *пийан* 'детеныш'¹⁰. Грамматикализация этого слова в отдельных пермских языках идет очень неравномерно. В большинстве языков (удм., коми-зыр., коми-перм.) оно употребляется самостоятельно и выступает в качестве второго компонента сложного слова. Примеры из удм. языка: *кечпи* 'зайчонок', *кучапи* 'щенок', *парсьпи* 'поросенок', *чöжпи* 'утенок', но *вордос пи* 'приемыш'. Примеры из коми-зыр. языка: *понпи* 'щенок', *каньпи* 'котенок', *порсьпи* 'поросенок', *уткапи* 'утенок', но *воклöн пи* 'сын брата'. Примеры из коми-перм. языка: *понпиян* 'щенок', *каньпиян* 'котенок', *порсьпиян* 'поросенок', *уткапиян* 'утенок', но *кин пиян* 'чей сын?'

Общепермское слово *пи*, *пиян* перешло в суффикс, например, в коми-язьв. наречии. Превращение в суффикс частично изменило фонетический облик этого слова, *пийан* дало *пйан*. С помощью *пйан* стало возможным образовать слова с уменьшительно-ласкательным значением не только от одушевленных, но и от неодушевленных существительных: *зонпйан* 'паренек, сынок' (*зон* 'парень, сын'), *зэртпйан* 'дождик' (*зэр* 'дождь'), *йöлтпйан* 'молочко, молоки (у рыбы)', *сипйан* 'волосок' (*си* 'волос'), *з'ул' пйан* 'пуговичка' (*з'ул'* 'пуговка'). Однако рядом с приведенными примерами в коми-язьвинском наречии сохранились также случаи, когда *пий*, *пийан* выступает еще как часть сложного слова с первоначальным лексическим значением, например: *вёрпийан* 'лось', букв. 'лесной детеныш' (*вёр* 'лес'), *ич'ипи*, *ич'ипий* 'деверь, брат мужа' коми-зыр. *ичöт* 'маленький', *пи* 'детеныш, сын, мальчик').

Таким образом, уменьшительно-ласкательное значение **-пиан** развилось из конкретно-лексического значения 'маленькое живое существо'. Слово с таким значением могло входить в определительное словосочетание (*пунлан пийан* 'у собаки детеныш') и употребляться в качестве второго компонента сложного единства (*вёрпийан* 'лось'). Затем

⁷ Серебренников Б. А. Историческая морфология пермских языков. М., 1963. С. 149.

⁸ Серебренников Б. А. Указ. работа. С. 142.

⁹ См. об этом: Ботева Е. В. Указ. работа. С. 234–235.

¹⁰ Лыткин В. И. Коми-язьвинский диалект. М., 1961. С. 54.

О НЕКОТОРЫХ ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ РАЗВИТИЯ ГРАММАТИЧЕСКОГО СТРОЯ
(на материале пермских языков финно-угорской группы)

в конкретно-лексическом значении слова *пийан* произошел сдвиг: оно стало выражать общую идею уменьшительности вообще (*пунпийан* 'щенок', *сипийан* 'волосок').

Корень *пи-* в качестве уменьшительного суффикса встречается также в говоре Кольских коми Ловозерского района, например: *кыдзпи* 'маленькая береза, березка' (*кыдз* 'береза'), *пожэмпи* 'маленькая сосна', (*пожэм* 'сосна'); *козпи* 'маленькая ель, елочка', (*коз* 'елка, ель'), ср. также *помоль пиян* 'поросль'¹¹.

Суффикс *-пу*, ср. удм., коми-зыр., коми-язьв., коми-перм. *пу* 'дерево'. Встречается только в коми-зырянском языке. Малопродуктивен. Образует имена существительные со значением 'материал на что-либо', 'кандидат в кого-либо', например, *пачпу* 'материал для постройки печки' (*пач* 'печка'), *дөрөмпупу* 'материал на рубашку' (*дөрөм* 'рубашка'), *гөтырпу* 'кандидатка в жены, будущая жена' (*гөтыр* 'жена'); *зятьпу* 'кандидат в зятя, будущий зять'; *царпу* 'кандидат в цари'. Суффикс *-пу* возник на базе подчинительного словосочетания. Первоначально были употребительны словосочетания вроде *керка пу* 'дерево для дома', которые переосмыслились и стали обозначать 'материал для чего-либо'¹². Затем слово *пу* полностью утратило свое конкретное значение и приобрело очень общее значение 'материал на что-либо, кандидат в кого-либо'.

По сообщениям М. А. Сахаровой и Н. Н. Селькова, в говоре Кольских коми Ловозерского района функционирует суффикс *-лес*, который по значению тождествен коми-зыр. литературному *-пу*. Он обозначает материал, идущий на изготовление чего-либо, например: *мегерлес* 'материал для дуги', *курьянлес* 'материал для граблей', *дадьлес* 'материал для санок', *бригадирлес* 'кандидат в бригадиры'¹³.

Б. А. Серебренников считает возможным объяснить происхождение суффикса *-лес* от самостоятельного русского слова *лес* в значении материала¹⁴.

Суффикс *-тор*, ср. коми-зыр. и коми-перм. *тор* 'часть, кусок, отрезок, лоскуток, обломок', в удм. и коми-язьв. соответствий не обнаружено. В самостоятельном значении в коми языках встречается довольно часто: коми-перм. *нылочка орсё торрезён* 'девочка играет лоскутками материи'; *дөра тор* 'кусок холста'; *өт торыс усис* 'одна часть упала'; коми-зыр. *öшиньысь өти тор стеклө потöма* 'в раме одно стекло расколосось'.

Тор может употребляться и как второй компонент сложного слова. В этом случае конкретное значение тоже выступает очень ярко, коми-перм.: *көрттор* 'кусок железа', *яйтор* 'кусок мяса', *нойтор* 'кусок сукна'.

Кроме того, *-тор* функционирует как словообразовательный и формообразующий суффикс. Словообразовательный суффикс *-тор* образует имена существительные со значением овеществленного качества от прилагательных, ср. коми-зыр.: *чöскыдтор* 'нечто вкусное', *буртор* 'нечто хорошее, доброе', *небыдтор* 'нечто мягкое'; коми-перм.: *чöскыттор* 'нечто вкусное', *буртор* 'нечто хорошее, доброе', *небыттор* 'нечто мягкое'.

С помощью формообразовательного суффикса *-тор* создаются имена существительные с уменьшительным значением. Суффикс *-тор* в этой функции особенно продуктивен в коми-зыр. языке: *керкатор* 'домик', *мыльктор* 'холмик', *йөвтор* 'молочко'. В коми-перм. языке в значении уменьшительности также встречается, но гораздо реже: *төвтор* 'ветерок', *кымөрттор* 'облачко', *бедьтор* 'палочка'. Широко представлен суффикс *-тор* в рукописных словарях, отражающих лексику ныне обрусевших говоров бассейна Обвы и Усоляя.

Например, в словаре Г. Чечулина¹⁵ находим: *буртор* 'благо', *тоштор* 'бородка', *постор* 'мостик', *чегөмтор* 'обломок', *битор* 'огонек', *берся кизерттор*, 'всякая жидкая вещь', *позтор* 'гнездышко', *изтор* 'камешек' и т. д.

¹¹ Сахарова М. А., Сельков Н. Н. Некоторые особенности говора кольских коми // Историко-филологический сборник. Вып. 6. Сыктывкар, 1960. С. 141.

¹² Серебренников Б. А. Указ. работа. С. 149–150.

¹³ Сахарова М. А., Сельков Н. Н. Указ. работа. С. 141.

¹⁴ Серебренников Б. А. Указ. работа. С. 149–150.

Значение уменьшительности в этом случае развилось из конкретно-лексического 'часть, кусок, отрезок, лоскуток'.

Суффикс *-туй*. Известен только коми-зырянскому языку. Встречается очень редко с именами существительными: *аньтуй* 'совокупность навыков и умений (в женских делах)', *морттуй* 'умение, мастерство, способность'. Генетически, как нам представляется, связан с корнем *туй-* 'годиться, пригодиться, подойти'. Можно предположить, что конструкции типа *гöтырыслöн аньтуйыс некытчö абу* некогда понимались как 'у его жены женских способностей (годности в женщину) совсем нет'.

В удорском диалекте коми-зырянского языка суффикс *-туй* образует абстрактные существительные от прилагательных *топыдтуй* 'плотность, крепость (ткани, материи)', *мычтуй* 'красота'¹⁶ (ср. в коми-лит. *топыдлун, мичлун*).

Суффикс *-шой* (ср. коми-зыр. и коми-перм. *шой* 'труп, падаль', удм. *шой* 'труп, падаль'). В значении суффикса встречается только в коми-зыр. языке. Образует формы имен существительных с пренебрежительным значением, например: *керкашой* 'избенка' (*керка* 'дом'), *вöвшой* 'лошаденка' (*вöв* 'лошадь'), *пасьшой* 'шубенка' (*пась* 'шуба').

В некоторых говорах коми языка (в верхнесыольском и лузско-летском) встречается суффикс *-шöн*, соответствующий по значению коми-литературному *-шой*, например: *керкашöн* 'избенка', *мöсшöн* 'коровенка', *паськöмшöн* 'одежонка'. По своему происхождению суффикс *-шöн* связан с самостоятельным словом *шöн* 'падаль, вонь, зловоние'.

* * *

Мы остановились лишь на части случаев превращения самостоятельных слов в суффиксы. Однако процесс грамматикализации в пермских языках представлен значительно шире. Не только суффиксы, но и служебные слова и окончания могут восходить к знаменательным словам.

Проследим некоторые процессы перехода полнозначных слов в послелого.

Пермские языки, как известно, характеризуются обилием послелогов, придающих различные пространственные, временные и другие значения. Их генетическую связь с самостоятельными словами можно убедительно показать на материале коми-пермяцких послелогов.

Превращению знаменательных слов в послелого здесь, как и в ранее описанных случаях, способствует господствующий в агглютинативных языках закон твердого порядка слов в словосочетании определение + определяемое. Если в таком словосочетании определяемое слово теряет свое первоначальное значение полнозначного слова, то оно оказывается служебным словом, послелогом, обслуживающим в предложении предшествующее слово. Коми-перм. *керку бердын*, коми-зыр. *керка бердын*, удм. *корка бордын* некогда значило 'у стены дома', букв. 'дома в стене' (ср. удм. *борд* 'стена, забор', а также коми *берд* 'мера длины для нитки, равная длине стены дома', приблизительно 5 метров). Однако с некоторых пор *бердын* перестало функционировать как отдельный член предложения и словосочетание *керку бердын* вместо значения 'у стены дома' получило значение 'при доме'. Слово *бердын* превратилось в послелог. В этой своей новой роли оно далеко вышло за рамки первоначального употребления (ср. коми *море бердын* 'у моря', *ме бердын* 'возле меня'; удм. *уж борды кутскыны* 'приступить к работе' и т. д.).

Таким же путем возникло большинство послелогов. Однако в современном состоянии языка происхождение некоторых из них уже затемнено отчасти потому, что

¹⁵ Лексикон Пермского языка кратко выбранный и по алфавиту расположенный села Кудымкарского бывшим священником иереем Георгием Чечулиным. 1823.

¹⁶ См.: Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар. 1961. С. 206.

О НЕКОТОРЫХ ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ РАЗВИТИЯ ГРАММАТИЧЕСКОГО СТРОЯ
(на материале пермских языков финно-угорской группы)

они застыли в форме отживших падежных окончаний, отчасти потому, что их значения сильно отклонились от первоначального.

По происхождению в коми языке следует различать две группы послелогов. Они наглядно иллюстрируют постепенную десемантизацию и морфологическую стабилизацию служебных слов.

В первую группу входят послелогов, формально не отличающиеся от соответствующих имен существительных, от которых они происходят. Коми язык знает целую категорию имен, которые находятся как бы в промежуточной стадии развития от обычных существительных с полными формами склонения, с одной стороны, к служебным словам и к послелогам — с другой. В зависимости от своего синтаксического положения они функционируют то как самостоятельные слова, то как послелогов. В последнее время такие промежуточные в категориальном отношении слова все чаще называют именами-послелогов. К ним относятся в коми языке *выв* 'поверхность, верх чего-либо, место наверху чего-либо', *весьт* 'место прямо против чего-либо', *ув(т)* 'место под чем-либо', *бөр* 'место за чем-либо' и т. д.; в удм. *выл* 'место наверху чего-либо', *ул* 'место под чем-либо', *бер* 'место за чем-либо' и т. д.

В значении послелогов обычно употребляются формы пространственных падежей.

Так, от имени-послелога *выв* образуются: *вылын* 'на ком-чем-либо' (*ыб вылын* 'на поле', *сьёлём вылын* 'на сердце', *ме вылын* 'на мне'); *выльсь* 'с кого-чего-либо' (*пу выльсь* 'с дерева', *гор выльсь* 'с печки'); *вылө* 'на кого-что' (*пызан вылө* 'на стол', *ме вылө* 'на меня', *тув вылө* 'на гвоздь'); *вылөть* 'по кому-чему-либо' (*му вылөть* 'по земле', *видз вылөть* 'по лугу'); *вылөдз* 'до кого-чего-либо' (*керөс вылөдз* до (вершины) горы', *гор вылөдз* 'до (поверхности) печки').

В функции имени-послелога обычно выступают слова, имеющие очень обобщенное, чаще всего пространственное значение. При этом в положении неполнозначного могут оказаться и заимствованные слова. Так, например, усвоенное из русского языка *бок* в коми языке стало употребляться не только как самостоятельное слово в значении 'сторона, бок', но и как имя-послелог (речь идет об отдельных формах косвенных падежей), например: *бокын* 'у, при, около кого-чего-нибудь' (*туй бокын* 'у дороги', *ме бокын* 'около меня', *вөр бокын* 'около леса'); *бокө* 'у, при, около кого-чего-нибудь' на вопрос «куда? рядом с кем-чем-либо» (*гармонист бокө* 'рядом с гармонистом сесть, около гармониста сесть'); *бокись* 'от, из, с' (*нюр бокись* 'около болота' на вопрос «откуда?», *сы бокись* 'от него, например, встать'); *бокөть* 'по месту, находящемуся у, при, около кого-чего-нибудь' (*йөр бокөть* 'около изгороди, вдоль изгороди'); *бокөдз* 'до места, находящегося около чего-нибудь' (*вөр бокөдз* 'до леса').

В субъектно-объектных падежах, а изредка и в пространственных, имена-послелогов могут употребляться как лексически полнозначные слова. Например, в следующих предложениях формы имени-послелога *дор* наполнены лексическим содержанием: *Доррезас йыыс вöлі зеленойкодь, пемыт ваыс вештасис, вöрис, кызд ловья* (В. Василевская «Радуга»). 'На краях лед был зеленоватый, темная вода передвигалась, шевелилась, как живая'. *Воротник доррес вöлі серötöмась* 'края воротника были вышиты'. *Кут дорсяняс и вайöt межаöдз* 'Начни с краю и доведи до конца'.

В том случае, если *дор* функционирует как послелог, объем его грамматических отношений значительно суживается. Тогда он выступает только в форме местных падежей: местного, вступительного, исходного, переходного и др., например: *Олисö старик да старуха öддьön матын лöz море дорын* (А. Пушкин «Сказка о рыбаке и рыбке») 'Жили старик со старухой у самого синего моря'. *Кадыс сибалис пемдан дорö* 'время приближалось к сумеркам (к вечеру)'. *Миянлö эта дорöдз дело абу* (Б. Горбатов «Непокоренные») 'Нам до этого дела нет'. *Только эта дорö немецез миянös велötны озö пондö* (Б. Горбатов «Непокоренные») 'Только к этому нас немцы учить не будут'.

Кроме имен-послелогов, сохраняющих живую связь с именами существительными, широко представлены и послелогои более древние — послелогои второй группы, происходящие от исчезнувших существительных или представляющие собой необычную для современного коми языка грамматическую форму. При этом, употребляясь в роли послелогов, они получили морфологическую стабилизацию только в одной какой-либо форме, например: *коста*, *сьёрна*, *дырья*, *дырна*, *сьёрья*; *сы кост* 'в то время', *кин сьёрья* 'в кого (пошел)', *мый дырна* 'в течение какого времени', *час дырья* 'в течение часа'. Былую связь древних коми послелогов с именами подтверждают родственные языки. Например, в удм. *дыр* 'время, срок, момент', *сьёр* 'чужой'; в фин. *keski* 'средний'.

Часть послелогов (послелогои, придающие отношения сопоставления) образована от имен существительных — отвлеченных названий свойств. Об этом свидетельствует их формальное совпадение с такими существительными, как коми-перм. *ыжда*, коми-зыр. *ыджта* 'величина', *пасьта* 'ширина', *кузя* 'длина' и т. д. Такие существительные в позиции определения, имеющего свое определение, подверглись переосмыслению и стали прилагательными. Так, *керёс ыжда керку* когда-то означало 'горо-величино-дом', но с некоторых пор стало пониматься как 'горо-великий дом'.

Теперь можно сказать не только *керёс ыжда керку*, но и *керкуыс керёс ыжда* 'дом горо-великий'. В дальнейшем развитии прилагательное утратило свое самостоятельное значение, превратившись в послелог. В этом случае *керку керёс ыжда* стало пониматься как 'дом (большой) с гору'. Послелог *ыжда* получил распространение не только в тех случаях, когда нужно сопоставлять предмет с чем-либо большим, но и при сопоставлении с чем-либо маленьким, скажем *нора ыжда керку* 'с нору (большой) дом'. Интересно, что в коми-пермяцких говорах для показа отношения к чему-либо небольшому такой сопоставительный послелог может получить уменьшительный суффикс **-ышт-**: *нора ыждышта керку* 'с нору (большенький) дом'¹⁷. Число сопоставительных послелогов, возникших таким путем, невелико. К ним относятся в коми-зыр. *джуджта* 'вышиной с', *судта* 'высокий с', *кызта* 'толстый с', *сьётта* 'тяжелый с'; коми-перм. *пасьта* 'широкий с', *кузя* 'длинный с', *гырися* 'крупный с', *ылына* 'далекий с' и другие. Сопоставительные послелогои описанного типа известны и удмуртскому языку, например: *жужда* 'высокий с', *мурда* 'глубокий с', *пасьта*, 'широкий с', *секта* 'тяжелый с', *кузьда* 'длинный с', *зётта* 'толщиной с' и др.

* * *

Мы проследили процессы превращения знаменательных слов в послелогои. Однако во многих случаях на этом движение от более конкретных языковых явлений к менее конкретным не завершается. Функционирование в роли послелогов для некоторых слов является лишь определенной стадией, которая с течением времени заменяется другой, когда прослеживаемое явление усваивает еще более обобщенную функцию. Так, от послелогов, связанных по происхождению с именами существительными, могут получить развитие, с одной стороны, падежные окончания, с другой — некоторые из них могут дать начало как словообразовательным, так и формообразующим суффиксам.

Пермские языки, в частности коми-пермяцкий, дают богатый материал, иллюстрирующий переход послелогов в падежные окончания. Остановимся на характеристике явлений, представленных в иньвенском диалекте коми-пермяцкого языка. Как известно, синтаксическая роль послелогов совпадает с функцией падежных окончаний. И если послелог по тем или иным причинам претерпевает фонетические изменения, в какой-то степени разрушающие его звуковой состав, то он очень легко утрачивает этимологические связи с другими словами и сливается с предшествующим знаменательным словом, превращаясь в падежное окончание. Именно таким образом дело

¹⁷ См.: Кривощёкова А. С. К вопросу о сопоставительных послелогох и прилагательных на *-а* в коми языках // Ученые записки ЛГУ. Серия востоковедческих наук. Вып. 2. 1948. С. 250–256.

О НЕКОТОРЫХ ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ РАЗВИТИЯ ГРАММАТИЧЕСКОГО СТРОЯ
(на материале пермских языков финно-угорской группы)

обстояло в иньвенском диалекте. Здесь группа послелогов с основой на **выв-** упростила свой фонетический состав, можно сказать, разрушилась. Толчком для такого разрушения, послужило фонетическое явление перехода *л* в *в* и последующего чередования интервокального *в* с нулем звука. Благодаря действию этого фонетического закона из *пызан вывын* 'на столе' получилось *пызан выын*, а затем *пызан вын* и в конце концов *пызанвын*. Выработалась новая падежная форма. Подобным образом сформировалась целая серия внешнеместных падежей со значением поверхности. Фонетическое чередование *в* с нулем звука повлекло за собой изменение грамматической структуры территориального диалекта. Вдобавок к 17 падежам, являющимся общими с литературным языком, в иньвенском диалекте образовались еще такие формы, как:

- падеж нахождения на поверхности предмета *пызанвын* 'на столе';
- падеж направления на поверхность предмета *пызанвö* 'на стол';
- падеж удаления с поверхности предмета *пызанвись* 'со стола';
- падеж перехода по поверхности предмета *пызанвöть* 'по (поверхности) стола';
- падеж предела на поверхности предмета *пызанвöдз* 'до (поверхности) стола'¹⁸.

Любопытно отметить, что кроме этой новой серии внешнеместных падежей со значением поверхности в системе склонения упомянутого диалекта уже имеются две серии местных падежей: серия внутриместных (местный, вступительный, исходный): *пызанын* 'в столе', *пызанö* 'в стол', *пызанись* 'из стола', серия внешнеместных падежей без акцента на поверхность предмета (приблизительный, отдалительный, переходный, предельный): *пызанлань* 'к столу', *пызансянь* 'от стола', *пызанöт* 'по столу', *пызанöдз* 'до стола'.

Последние исследования показали, что на территории Коми-Пермяцкого округа имеются говоры, в которых намечается тенденция к возникновению из пространственных послелогов еще одной серии местных падежей с местно-боковым значением. На этот раз материалом для создания флексий служат остатки послелогов с основой на **дын-** 'место у, при, около, возле кого-чего-нибудь'¹⁹.

Следует сказать, что такими большими возможностями для создания новых падежных окончаний из послелогов обладает не только коми-пермяцкий язык, но и другие финно-угорские языки. Так, например, целых три серии местных падежей существует в современном венгерском языке. Интересно, что в их числе имеются также падежи, выражающие оттенок поверхности, и так называемые «боковые» падежи. Они также сформировались из материала послелогов с пространственным значением не раньше XII–XIII вв.²⁰

Создание новых падежей из «послеложного» материала происходит и в современных диалектах прибалтийско-финских языков²¹.

Таким образом, арсенал послелогов представляет собой мощный источник, питающий грамматический строй новыми падежными окончаниями, выражающими чаще всего различные пространственные оттенки.

Из послелогов с другими значениями нередко могут возникать словообразовательные и формообразовательные суффиксы. В этом отношении интересен коми послелог *кодь*. Он образует формы степени качества прилагательных и наречий. Употребляется в значении 'похожий на какое-либо качество': *буркодь* 'похожий на хорошее, неплохой', *буракодь* 'не плохо, похоже на хорошо', *гöрдкодь* 'похожий на

¹⁸ См.: Кривошекова-Гантман А. С. О чередовании *в* с нулем звука в иньвенском диалекте коми-пермяцкого языка // Вопросы финно-угорского языкознания. М.: Изд-во. АН СССР, 1962.

¹⁹ См.: Баталова Р. М. Оньковский диалект коми-пермяцкого языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кудымкар: Комипермгиз, 1962. С. 9.

²⁰ См.: Майтинская К. Е. Венгерский язык. I. Введение. Фонетика. Морфология. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 133–140.

²¹ Дубровина З. М. Образование падежей из послеложных конструкций в прибалтийско-финских языках // Тезисы докладов на совещании по вопросам финно-угорского языкознания. М., 1954. С. 31–35.

красный, красноватый', *ылынкодъ* 'далековато', *пöриськодъ* 'похожий на старый, такой, что приближается к старости'.

Суффикс *-кодъ* ведет свое происхождение от общепермского послелога, имеющего значение 'такой, как, сходный с...': коми-зыр. *ма кодъ* 'такой, как мед', *батъыс кодъ* 'похожий на отца'; коми-перм. *тэ кодъ* 'такой, как ты', 'похожий на тебя', *кер кодъ* 'как бревно'; коми-язьв. *ош кудъ* 'как медведь'; удм. *лымы кадъ* 'как снег', *адями кадъ* 'похожий на человека'²².

В коми языке имеется единственный случай возникновения префикса из частицы. Речь идет о *мед*. Префикс *мед* придает значение превосходной степени прилагательным и наречиям. В качестве префикса *мед* встречается только в коми языке: *медуна* 'больше всего', *медбур* 'лучше всего, наилучший', *медьлысь* 'самый дальний', *медвына* 'самый сильный, сильнейший'.

По происхождению префикс *мед-* связан с общепермской повелительной частицей *мед*: коми-зыр. *мед керас* 'пусть сделает', *Мед олас мян Рöдина* 'Да здравствует наша Родина'; удм. *Дано мед луоз КПСС* 'Да здравствует КПСС'; коми-язьв. *мед оз пур* 'пусть не укусит'. В северных говорах коми-пермяцкого языка *мед мунас школаö* 'пусть идет в школу'²³.

* * *

На необходимость выражать новые значения язык отвечает выработкой новых грамматических средств не только в системе именного, но и глагольного словообразования. При этом материалом, из которого вырабатываются формативы, служат также самостоятельные слова. Большой интерес в этом отношении представляет употребление в пермских языках в качестве служебной морфемы глагола *керны* в неопределенной форме (в самостоятельном значении 'делать').

В коми-пермяцком языке суффикс *-керны* весьма продуктивен для выражения оттенка длительности действия: *баитöв-керны* 'говорить долго', *гижöв-керны* 'писать долго', *уджалöв-керны* 'работать долго'.

Как в коми-пермяцком, так и в коми-зырянском языках суффикс *-керны* может расширять значение словообразующего глагола в форме инфинитива, обозначая, что основному действию, выраженному предшествующим *-керны* словом, сопутствуют еще и другие действия, например: коми-перм. *баитны-керны* 'поговорить и еще что-либо поделать, поговорить и прочее', *шоччисыны-керны* 'отдохнуть и прочее', *чышкисыны-керны* 'подмести и прочее'; в коми-зыр. *пысьыны-керны* 'попариться и прочее', *шойччыны-керны* 'отдохнуть и прочее'.

В обоих коми языках *керны* выступает в роли суффикса также с изобразительными словами. В этом случае *керны* создает от изобразительного слова изобразительный глагол, например: *кыш керны* 'издать шорох', *гичыр керны* 'издать скрежет (зубами)', *шовк-шовк керны* 'хлопать (в ладоши)'.

В удмуртском языке коми *керны* соответствует *карыны*, которое может выполнять с изобразительными словами аналогичную функцию, например: *гур карыны* 'гудеть, шуметь', *сор карыны* 'храпеть'.

Своеобразную функцию выполняет удмуртский глагол *карыны* 'делать', когда он сопровождает заимствованный из русского языка в форме инфинитива глагол. В этом случае функция *карыны* чисто служебная. Он вводит в грамматическую систему удмуртского языка заимствованный глагол, форма которого совершенно не соответствует инфинитиву заимствующего языка. При словоизменении это *карыны* берет на себя всю

²² Об этимологии *кодъ* см.: Серебrenников Б. А. Историческая морфология пермских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 168, 356–357.

²³ О происхождении *мед* см. указанную работу Б. А. Серебrenникова. С. 164.

О НЕКОТОРЫХ ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ РАЗВИТИЯ ГРАММАТИЧЕСКОГО СТРОЯ
(на материале пермских языков финно-угорской группы)

грамматическую нагрузку знаменательной части (русского глагола), передает значения вида, залога, наклонения, времени, числа, лица, например: *декламировать карисько* 'декламирую', *декламировать каро* 'буду декламировать', *декламировать карид* '(ты) декламировал', *декламировать кариськомы* 'декламируем', *декламировать кариськоды* 'декламируете', *декламировать карытыны* 'заставить декламировать' и т. д.

* * *

На материале пермских языков мы попытались показать, как из более конкретных элементов языка (полнозначных слов) возникают менее конкретные явления (грамматические средства: служебные морфемы, служебные слова). Мы не могли не заметить, что пермские языки, как, видимо, и многие другие младописьменные языки, представляют в этом отношении большой научный интерес. Закон абстрагирования выступает здесь более рельефно, чем в каких-либо других языках с древней письменной традицией. Выявление законов развития младописьменных языков очень важно. Оно поможет глубже понять пути совершенствования структур языков мира, обогатит науку о языке свежими фактами, обобщение которых позволит сделать новые выводы.

РАЗВИТИЕ СИНТАКСИСА СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО ЯЗЫКА *

Синтаксис сложного предложения коми-пермяцкого языка довольно развит. В нем представлены почти все типы сложных предложений, встречающихся в русском языке. Сложные предложения делятся на союзные и бессоюзные. Среди союзных различаются сложносочинённые и сложноподчинённые. По средствам синтаксической связи и по характеру выражаемых между частями отношений выделяются сложносочинённые предложения с соединительными, противительными, разделительными и присоединительными отношениями.

Весьма разнообразны и значения внутри типов сложносочинённых предложений. Так, предложения с соединительными союзами могут выражать не только значения одновременности (*Кушамö ыб, и му шурадö*) и временной последовательности (*Ваня ванйöв осьтис ыбөссö и бабыс вайис пызан вылас ягöд доз*), но и причинно-следственные (*Лоис ыркыткодь, и Степанко пырис öн увтö..* И. М.), быстрой смены событий (*А чулаласö эшö зэррез — и лоан кыраслön руслоыс готов ни*), неожиданного результата (*Только гортöдзас кольччис кык километр мымда — и сэтчö садьыс бырис*), взаимоисключения (*Не турун оз быдмы сэтön, не гөрны оз туй*) и т. д.

Модели сложноподчинённых предложений также разнообразны, они почти полностью совпадают со схемами построения таких предложений в русском языке. По степени спаянности придаточной части с главной сложноподчинённые предложения делятся на одночленные и двучленные. Как те, так и другие со стороны структурно-семантической подразделяются на сложноподчинённые предложения с придаточными определительными, изъяснительными, обстоятельственными (времени, места, причины, образа действия, степени и меры, сравнения, условия, уступки, следствия, цели) с сопоставительными и пояснительными отношениями между частями.

В коми-пермяцком языке, как и в русском, нередко стали предложения, состоящие более чем из двух предикативных единиц: многочленные (только с сочинительной, только с подчинительной или только с бессоюзной синтаксической связью) и сложные синтаксические конструкции — предложения с разнотипной синтаксической связью.

* * *

На первый взгляд может показаться, что синтаксис сложного предложения современного коми-пермяцкого языка целиком заимствован из русского языка, поэтому исследователю здесь делать нечего. Надо сказать, что в некоторых работах, вскользь упоминающих о синтаксисе коми-пермяцкого языка, как и других младописьменных языков, господствует именно такой взгляд.

Однако признание объективного факта влияния русского языка на синтаксис сложного предложения коми-пермяцкого не избавляет нас, а наоборот, требует ответа на целый ряд вопросов. Прежде всего, что было до влияния? На какую почву пришло это влияние? Какие самобытные синтаксические явления можно проследить на протяжении истории коми-пермяцкого языка? Встаёт вопрос и о каналах влияния синтаксиса русского языка на коми-пермяцкий. Особенно интересной является проблема взаимодействия двух языков: широко распространённого русского и такого, как коми-пермяцкий, на котором говорит лишь около 150 тыс. человек.

* Вопросы лингвистического краеведения Прикамья. Вып. 1. Пермь, 1974. С. 5–19.

На первый круг вопросов мог бы ответить исторический синтаксис коми языков или шире — пермских языков. Второй круг вопросов — объект нового раздела языкознания, называемого контактологией. Все эти вопросы почти не изучены. Одной из причин такого положения является скудость источников, бедность фактического материала. Правда, в последнее время широкое развитие получают диалектологические исследования по пермским языкам. Но, к сожалению, в них сведений о синтаксисе очень мало. Что же касается письменных источников, то они единичны.

В дальнейшем мы попытаемся наметить основные вехи развития синтаксиса сложного предложения на основе письменных источников и произведений устного творчества коми-пермяков.

Наиболее древними текстами, написанными на коми языке, являются древнепермские тексты конца XIV в. Всего известно их науке три. Они содержат около 205 слов связного текста. Самые большие тексты — надписи на иконе Троицы и на иконе Сошествия. Обе надписи представляют собой переводы славянских текстов из Библии. В них представлены и бессоюзные, и союзные сложные предложения. В союзных предложениях встречаются как исконные, так и заимствованные союзы.

Из сочинительных исконным является союз *сэсь*. По употреблению он равнозначен *и*, например: *Сэсь тырисныс быдён вежа пёлтёсён, сэсь пондённыс вёйпныс мёд кылясьён...*¹ В этом предложении союз *сэсь* точно соответствует союзу *и* в славянском тексте, ср.: 'Исполнишася вси духа свята, и начаша глаголати иными языки...' Однако в других местах надписей иногда вместо *сэсь* стоит заимствованный союз *и*.

Что же касается сложноподчинённых предложений, то они обслуживаются исключительно исконными союзами, например: союз *кё* вводит в предложение условное придаточное: *И шиис: мезёсё йенмё бараё адззим кё медалсё тэ водзад, ас верид вылти ин мун.* Это предложение соответствует в славянском тексте: 'И рече: господи аще (т. е. если / *кё*) есмь обрел благодать перед тобою, не мини раба своего'. Союзное слово *кёддёс* соединяет определительное придаточное: *И босьтис вый, ма, йёл, кук, кёддёс дасьтис и пугтис ны водзын; и сёисныс...* что соответствует славянскому: 'И взя масло, и мед, и млеко, и телец, еже (т. е. которое / *кёддёс*) приготова, и постави пред ним, и яша...' Союзное слово *кудз* вводит придаточное образа действия: *Сэсь пондённыс вёйпныс мёд кылясьён, кудз и пёлтёс сётис нылу вормёдчиныс.* Это соответствует славянскому: 'И начаша глаголати иными языки, яко (т. е. как / *кудз*) дух даяше им проवेशевати'. Относительное слово *кытён* употребляется в значении союзного слова в придаточном месте, например: *И тыртис бёдён картаёс, кытён лоиныс пукыгён.* Это соответствует в славянском: 'И исполни весь дом, идеже (т. е. где / *кытён*) бяху сидяще'.

Итак, в небольших текстах (размером с текст для диктанта в старших классах) содержатся сложные предложения с четырьмя видами придаточных. При этом все придаточные вводятся исконными союзами и союзными словами. Между тем, как известно, существует мнение, что синтаксис древнепермских текстов не оригинален, что союзные конструкции в них — кальки с церковнославянского. Мы далеки от того, чтобы отрицать это влияние. Оно было возможно хотя бы уже потому, что Стефан был первым, кто применил коми язык в новой функции — в функции средства распространения христианства. И перевод текстов религиозного содержания, конечно, мог сопровождаться заимствованиями. Но представлять дело таким образом, будто весь синтаксис калькирован, вряд ли правомерно. Как в этом случае объяснить поразительную близость синтаксиса сложного предложения современного коми языка с древнепермским? Ведь искусственно созданные предложения не могли получить дальнейшего развития в условиях, когда древнепермская письменность была известна ничтожному количеству людей и вскоре после смерти создателя прервалась.

¹ Из-за отсутствия в типографии необходимых знаков надписи передаем с помощью современного коми письма.

Думается, что древнепермский синтаксис сложного предложения отражал реальную картину развития нижевычегодских говоров коми языка, в которых, видимо, уже были довольно развиты аналитические средства связи частей сложных единств — союзы. Появление на определённой ступени развития языка сложных предложений как бессоюзных, так и союзных — общая тенденция самостоятельного развития языков.

На собственно коми-пермяцком языке связные тексты впервые были представлены в приложении к «Опыту грамматики пермяцкого языка» Н. А. Рогова, вышедшем в 1860 г.² Тексты копируют рассказы иньвенских пермяков на бытовые темы. Включены в приложение и фольклорные произведения: сказки, пословицы, загадки, бывальщины. В текстах Н. А. Рогова синтаксис сложного предложения уже такой, какой мы его встречаем в речи старшего поколения современной коми-пермяцкой деревни. Довольно часты бессоюзные сложные предложения, синонимичные сложносочинённым: *Онтай вöвис зык кытöнкö, öни абу*. 'Давеча был шум где-то, теперь нет'. — Предложение синонимично сложносочинённому с союзом **а**. *Менö видзчись, тиöтши мунам тшакъявны*. 'Меня подожди, вместе пойдём за грибами'. — Это предложение синонимично сложносочинённому с союзом **и**.

Нередки и бессоюзные предложения, синонимичные сложноподчинённым: *Кин тэныт висьтавис: вон мунис уджавны?* 'Кто тебе сказал: брат пошёл работать'. — Постановка союза **что** может превратить это предложение в сложноподчинённое с придаточным изъяснительным. *Мыйкö таво ветвöтны унасö оз туй, понсö оз вебты*. 'Что-то нынче много-то ходить нельзя, собаку не выдерживает (снег)'. — В этом предложении возможна постановка союза **даже**. *Мый пондам керны: нянь бырис, сёйны нем воис, одзöсöн некин оз верит*. 'Что будем делать: хлеба не стало, есть нечего, займы никто не верит'. — В это предложение можно ввести условный союз **если**. Союзные сложносочинённые предложения обычно обслуживаются союзами **а** и **да**, например: *Меным пуктöм кирпич кыскавны, а телега абу, кыскавны немöн*. 'Мне положено кирпич возить, а телеги нет, возить нечем'. *Ме вöв ассим горт пальникись мымда кошши, адззыны эг вермы, а менам вöв Юмö мунöм, важ гортö*. 'Я лошадь свою в нашем пальнике сколько искал, не нашёл, а моя лошадь, оказывается, в Юм ускакала, в старую родину'. *Менö ачымöс бöра ыстöны господскöй нес керавны, да мунны оз мöд*. 'Меня самого опять хотят послать господские дрова возить, да не хочу идти'.

В текстах немало сложноподчинённых предложений с различными подчинительными средствами-союзами: *Ая! Мунам чери кыйны, ваис пö чином*. 'Отец! пойдём рыбу ловить, говорят, что река убыла'. В этом предложении союзная частица **пö** соответствует союзу **что** с оттенком вводности: *говораыт, что*. *Тэ он тöд, кызд мийö важын писнясö сыввим?* 'Ты не знаешь, как мы давно песни певали?' Здесь **кызд** вводит придаточное изъяснительное. *Вонö менам, кöдия важын сьём выдсö эз тöдвы, öни, мун-ко, берсянас пондис вузасьны*. 'Брат мой, который давно деньги не умел считать, теперь всякой всячиной стал торговать'. В этом предложении союзное слово **кöдия** вводит придаточное определительное. *Кызд не мамö да айö мекöт овисö, ме сэтчин жö бöра муні бы овнытö*. 'Если бы со мной не жили отец и мать, то я бы опять пошёл туда жить'.

Изредка встречаются в текстах и сложные предложения осложнённого типа: *Важын ме, кызд вонöкöt ови, вузасьви сийöн-мöдйöн, а кызд янсöтчи вонöкöt, чапки вузасьны, и овнытö пондй векнитжыка, говжыка*. 'Раньше я, когда с братом жил, торговал то тем, то другим, а как с братом отдельно стал жить, торговлю забросил, и жить стал беднее'. *Чери кошшö, кытöн пыдöжжык, а морт кошшö, кытöн буржжык*. 'Рыба ищет, где глубже, а человек ищет, где лучше'.

Многие древние традиции синтаксиса дошли до нас в произведениях современного фольклора коми-пермяков (в сказках, пословицах, поговорках, загадках), особенно в передаче представителей старшего поколения, не обучавшихся в школе, не знающих

² Рогов Н. А. Опыт грамматики пермяцкого языка. СПб., 1860. С. 137–164.

русского языка и потому не испытавших прямого влияния русской речи. Язык фольклора, хотя и с течением времени совершенствуется, обрабатывается мастерами-сказителями, но, оставаясь устно-разговорным, он всё же не приобретает признаков письменной речи. Однако сложные конструкции простейшего типа языку фольклора не чужды. Среди них встречаются чаще бессоюзные, в которых отношения между частями передаются исключительно интонацией.

Нередки в произведениях устного творчества и конструкции с двумя предикативными центрами, соединёнными с помощью союзов. Из сложносочинённых чаще можно встретить предложения с соединительными и противительными отношениями. В качестве союзов в них употребляются заимствованные *и, а, да, но*. Приведём примеры (пословицы): *Синнэз полёны, а киэз керёны*. 'Глаза боятся, а руки делают'. *И гөрныс эм, а гөрны нем*. 'И соха есть, но пахать нечего'. *Отик тылөпсө чуньпоиннат орётан, а кольтасө и пидзёснат он чегёт*. 'Один стебель и пальцем сломаешь, а сноп и коленом не сломаешь'. *Одз чеччө, да етша печкө*. 'Рано встаёт, но мало прядёт'. Немало пословиц имеет грамматическое облачение сложноподчинённых предложений, например: *Бөжтө кө кётөтан, чери сёян*. 'Если хвост намочишь, рыбу съешь'. *Көр ниньис кульсө, сэк и куль*. 'Когда лыко сдирается, тогда и сдирай'. *Кытшөм көдзысөн көдзан, сэтшөм и нянь вундан*. 'Какими семенами посеешь, такой и хлеб пожнёшь'. *Көдалөн муыс, сылөн и няньыс*. 'У кого земля, у того и хлеб'. *Кыным буржыка уджалан, сыным буржыка шоччисян*. 'Чем больше работаешь, тем лучше отдыхаешь'. *Көть горба тияныс, мамлө сө любо*. 'Хотя и горбатый ребёнок, но матери все равно мил'. *Кытй вёснит, сэтй и орө*. 'Где тонко, там и рвётся'. *Мымда керан, сымда и босьтан*. 'Сколько сделаешь, столько и возьмёшь'. *Кыдз каян, сідз и лэдзчан*. 'Как поднимаешься, так и спустишься'. *Кин төн бөбөтис, сылө талун озө ни веритө*. 'Кто вчера обманул, тому сегодня уже не поверят'.

Самые разнообразные виды придаточных встречаются в сказках, например, сложноподчинённые предложения с придаточными изъяснительными: *И висьталіс сылө Орёл, кыдз мый нылөн вөлі*. 'И сказал ему Орёл, как и что у них было'. *Кутас Ошыс нывкаөс ки пөлөт и пыртө гортас, шуө, пондан пө меным пестунничайтны — оштияннэзөс видзны*. 'Возьмёт Медведь девочку за руку и поведёт в дом, говорит, что будешь, мол, пестуньей — будешь медвежат нянчить'.

Сложноподчинённые предложения с придаточными времени: *Босьт менө, бур мортөй, гортат да видзөв-кер, верд-уд, кытчөдз менам бордө оз веськав*. 'Возьми меня, добрый человек, поддержи, покуда моё крыло не поправится'. Сложноподчинённые предложения с придаточными условия: *А кольны, ко Орёлс веськавтөдз, он төд, көркө и бурөн веитисяс*. 'А если оставить Орла до выздоровления, как знать, может, когда-нибудь и добром заплатит'. *Кута кө кута, пешлан бөра ош кабыррезөс*. 'Если поймаю, испытасяшь опять мои медвежьи лапы'. Сложноподчинённые предложения с придаточными места: *Кытчө тшакылыыс пондас таравны, сэтчө и тэ мун*. 'Куда клубок будет катиться, туда и ты иди'. Сложноподчинённые предложения с придаточными цели... *уськөтча ме сэк... биа из вывсынь керөс увтө, мед вывтыр менам нөй муис*. 'Брошусь я тогда с огненного кремня под гору, чтобы тело моё улетучилось'. Сложноподчинённые предложения с придаточными определительными: *Вот тэныт сета ме коробьяок, көддө ме вайи паськыт море сайись*. 'Вот дарю я тебе лубяную шкатулку, которую привёз из-за широкого моря'.

И т. д.

Таким образом, уже в синтаксисе бесписьменного, разговорного языка широко представлены были все простейшие типы сложных предложений как бессоюзных, так и союзных. Это свидетельствует о том, что формирование аналитического типа связи частей сложного предложения происходило на протяжении веков и, надо полагать, имело предпосылки внутри языка. К этому толкало всё развивающееся мышление людей, необходимость выразить в языке всевозможные атрибутивные, временные, местные.

причинно-следственные и другие отношения. Развитие же мышления в свою очередь стимулировалось усложнением трудовой деятельности носителей языка, углублением их знаний об окружающем мире.

Подавляющее большинство сложноподчинённых предложений обслуживалось исконными союзами и союзными словами, являвшимися по происхождению относительными местоимениями (*кёда, мый, кин, кытён, кытшён, кытись, кёр* и др.) или частицами (*пё, дзык, топ, жыв, кё, мед, ась* и др.). Кроме них были в обращении и заимствованные союзы, которые в большинстве своём устно-разговорным языком брались в то время исключительно из окружающих русских говоров и отражали их особенности. Например, некоторые заимствованные союзы унаследовали поразительную многозначность. Так, союз *да*, как и в окружающих русских говорах, имеет значения: сочинительного союза с соединительным и противительным значениями, подчинительного союза причины 'так как' и времени 'когда'; *дак* — подчинительный союз условия (*Ме логася, он сет битё дак* 'Я рассержусь, если не дашь огня'), причины и следствия (*Челядьыс керкуас шумитёны, дак айыс петис ётёрас* 'Дети в избе шумят, потому отец вышел на улицу'), степени (*Сэтчёдз мыдзи, дак спина нельки пондiс висьны*).

Однако необходимо отметить, что развитие самобытного синтаксиса сложного предложения до революции шло очень медленно. Оно тормозилось отсутствием условий для развития письменности, для расширения сферы применения коми-пермяцкого языка. А разговорно-бытовому языку сложные конструкции осложнённого типа не очень-то и нужны были.

Когда в отношении младописьменного языка говорят, что у него в дореволюционное время не было или было мало разновидностей сложных предложений, обычно не учитывают того факта, что для бесписьменного разговорно-бытового языка это норма. Сложных предложений, как известно, мало и в разговорно-бытовом русском языке. Ему также свойственны в основном простые предложения, а из сложных главным образом — бессоюзные предложения, в которых отсутствие специальных лексико-грамматических средств связи между частями возмещается интонацией, мимикой, жестами. К сложным предложениям осложнённого типа чаще прибегают в научной речи. А научного стиля у коми-пермяков в условиях дореволюционного развития не было и быть не могло. К этому следует добавить ещё и то, что дореволюционный разговорно-бытовой коми-пермяцкий язык имел ограниченные возможности обогащать свой синтаксис и грамматическими заимствованиями из русского языка. Носитель его, народ, был сплошь неграмотным, русского языка не знал, следовательно, он не мог переносить модели сложных предложений из русского языка в родной. Последние, как известно, легко переносятся из одного языка в другой в условиях уже развитого двуязычия, двуязычия координативного типа.

* * *

После Великой Октябрьской социалистической революции синтаксис коми-пермяцкого языка, как и язык в целом, получил все условия для беспрепятственного развития. Эти темпы развития были обусловлены такими общественными факторами, как бурное развитие экономики края, культуры народа, вовлечение коми-пермяков в активную общественную жизнь. В первые же годы советской власти была создана письменность, ликвидирована неграмотность. Расширились общественные функции коми-пермяцкого языка. Он теперь обслуживал не только быт, но стал ещё языком художественной литературы, местных периодических изданий, радиопередач, национальной художественной самодеятельности, национального театра. На родном языке стала работать начальная школа. Как предмет он вошел в программы средних общеобразовательных школ и специальных учебных заведений.

РАЗВИТИЕ СИНТАКСИСА СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО ЯЗЫКА

Расширение общественных функций языка, новые сферы его применения в жизни народа не могли не вызвать значительных изменений в синтаксической системе, теснее, чем другие участки грамматического строя, связанного с мыслительной деятельностью носителей коми-пермяцкого языка.

Ускоренное развитие младописьменного языка в годы советской власти шло в основном по тем же направлениям, по которым оно происходило в дореволюционное время: в направлении всестороннего развёртывания исконных возможностей и дальнейшего использования перспективных моделей русского языка, главным образом моделей сложных предложений осложнённого типа.

Развитие самобытных элементов синтаксического строя выразилось в активизации давно известных традиционному языку типов сложных предложений, а также предложений с различными отглагольными оборотами (оборотами с причастиями, деепричастиями, образованными от глаголов существительными в роли главного слова). Такой развёрнутый отглагольный оборот функционально соответствует некоторым видам придаточных предложений. Однако поскольку осложнение отглагольных слов зависимыми словами идёт по линии развития словосочетаний, в данной работе на них подробно останавливаться не будем.

Из языка межнационального общения коми-пермяцкий язык в новых условиях, в условиях сплошной грамотности населения, сближения культур и развивающегося двуязычия получил широкие возможности воспринимать модели некоторых видов придаточных предложений (например, придаточных следствия, присоединительных, объяснительных), а также многочисленных осложнённых синтаксических единиц: конструкций с несколькими придаточными, с последовательным подчинением, с соподчинением, контаминированных типов сложных конструкций, периода и т. д.

Приведём некоторые примеры:

Тён рытнас, кӧр лӧсьӧтчисӧ мунны, ровно быдӧс вӧлі бур; и сьӧлӧм радъяліс, и юрын дума, дзик борда кай, лӧбаліс, и быдӧс кокнитӧн кажитчис, а талун мый лоис. (И. Минин. Ва увтын пос). 'Вчера вечером, когда собрались уходить, ровно всё было хорошо; и сердце радовалось, и в голове мысль, как крылатая птица, летала, и всё казалось лёгким, а что сегодня случилось'. Это комбинированный тип сложного предложения. В нём есть сочинение и подчинение. Первые две части связаны подчинительной связью, третья, четвёртая и пятая части — сочинительной связью. Каждая из сочинённых частей начинается союзом *и*, который указывает на внутреннюю близость и однородность того, о чём говорится в каждом простом предложении. Наконец, шестое предложение связано сочинительным союзом *а* с группой предложений, соединённых союзом *и*.

Вӧр весьтын уйс кокнитик тшынок, и Степанколӧ кажитчис, бытьтӧ вӧрас лонтӧмась баня, койыштӧмась нуэз вылӧ ведра понись ва, и ӧні парыс везъясис пу йыввез коласӧт. (И. Минин. Паныт уйс тӧлісь). 'Над лесом плыл лёгкий дымок, и Степанке казалось, будто в лесу затопили баню, брызнули на деревья ведро воды, и теперь пар колыхается над вершинами деревьев'. Это предложение также комбинированное. В нём сложноподчинённое предложение: *...и Степанколӧ кажитчис, бытьтӧ вӧрас лонтӧмась баня...* — синтаксическая калька с русского, ср. модель: *казалось, будто*.

Кӧть шондӧйс только ештӧм калькавны пу йыввез бердись, а инькаэз муӧмась ни ытшикисьны, мужиккез сӧ абу локтӧмась вӧрсис. (И. Минин. Ва увтын пос). 'Хотя солнце только ещё успело отделиться от вершин деревьев, а женщины отправились уже на покос, мужчины всё ещё не вернулись из леса'. Это сложноподчинённое предложение с однородными главными и уступительным придаточным с союзом *кӧть* — синтаксическая копия русской модели: *хотя, а*.

И медӧддӧн сӧя пондӧс тӧждӧсьны сӧк, кӧр кыліс, что Зарымовлісь конфискуйтӧмась имуществосӧ, что большевиккез мырдӧдӧны кулаккельсь нянь, медбы отсавны красногвардейскӧй отряддӧзлӧ да вердны тшыг челядӧс. (В. Баталов. Югдікӧ). 'И больше всего он стал беспокоиться тогда, когда узнал, что у Зарымова конфисковали

имущество, что большевики отбирают у кулаков хлеб, чтобы помочь красногвардейским отрядам и накормить голодных детей'. В этом сложном предложении, осложнённом несколькими придаточными с последовательным подчинением и соподчинением, третье и четвертое предложения построены по типу модели русского языка: глагол чувствования + что.

Видзётан юас берегсяняс и вачкисьё, бытьтё ва вылас нёитчём кучик ольсалёмась — чукура да кырчча. (В. Климов. Гавкалён беды). 'Посмотришь на воду с берега и похоже, будто на воду мятую кожу постлали — бугристая, шершавая'. Это предложение построено по исконной модели: глагол + союзная частица *дзик*. Но вместо исконного союза в нём употреблено заимствованное из русского языка *бытьтё*.

«Мы не верили бы учению, воспитанию и образованию, если бы оно было загнано только в школу и оторвано от бурной жизни» (В. И. Ленин). *Мийё эгё бы веритё велётёмлө, воспитаннёлө и образованнёлө, көбы сйя вөлі йёртём только школаё и орётём бурной олан дынись* (перевод наш). Это предложение построено по модели оригинала: *не* + глагол с *бы, если бы*.

Мортлөн эм вын вермыны оланлсь уна дзескыттэз, если сйя любознательной, если цель, көда дынө сйя кыссьё, саймөтё сыын ыджыт интерес. 'У человека есть сила победить многие неудобства жизни, если он любознателен, если цель, к которой он стремится, будит в нём большой интерес'. Это предложение с придаточными условия обслуживается заимствованным союзом *если*, так как эквивалентный исконный союз *кө* в нём не уместен из-за сложности конструкции и необычного места в придаточном.

* * *

Таким образом, в новых условиях ведущей линией развития синтаксической системы коми-пермяцкого языка стало развитие сложных синтаксических конструкций. Обладая такими достоинствами, как гибкость, динамичность, способность передавать исключительно сложные мысли, такие конструкции для удовлетворения нужд общения в новых условиях оказались более подходящими. Весьма перспективными их делает ещё и то, что они сближают синтаксическую систему коми-пермяцкого языка с синтаксисом сложного предложения русского языка и тем самым облегчают общение коми-пермяков с русскими.

Главным руслом проникновения синтаксических моделей русского языка является речь билингва, особенно осуществляемые им переводы русских текстов. Мышление билингва, человека, свободно переключающегося от одного языка к другому, служит как бы посредствующим звеном, в котором происходит сближение синтаксических явлений. Желая выразить мысль, оформленную на русском языке, средствами коми-пермяцкого, двуязычный индивид обычно выбирает из известных ему моделей ту, которая легче соотносится с единицами мышления и поэтому более логична и понятна³. Известное воздействие на выбор модели оказывают и экстралингвистические факторы. В условиях коми-пермяцко-русского билингвизма переводчик, естественно, в необходимых случаях для передачи тех или иных сложных мыслей в качестве образца выбирает соответствующую синтаксическую модель русского языка — языка, широко распространённого и чрезвычайно богатого, языка, на котором он сам получил высшее образование, который приобщил его к сокровищам русской и мировой культуры.

В дальнейшем предложенные переводчиками образцы для подражания (модели русского языка) просеиваются сквозь сито системы языка-приемника и при условии частого повторения становятся нормой для родного языка. Покажем механизм перенесения модели сложных предложений из русского языка в коми-пермяцкий на конкретном примере.

³ Панфилов В. З. Взаимодействие категорий языка и мышления // Проблемы двуязычия и многоязычия. М.: Наука. 1972. С. 103–111.

Предположим, что билингв переводит научно-популярную книгу В. Архангельского «Путешествие капли воды». Нужно передать наиболее оптимальным способом мысль, заключённую в следующем предложении со сравнительным союзом *чем*: «Вместе с паром в воздух поднимается воды в полтора раза больше, чем Волга уносит её в Каспийское море». В мышлении билингва происходит выбор: какая из имеющихся моделей родного языка лучше передает содержание приведённого предложения. Сравнивая возможные средства: 1. *Воздухõ парõн лэбтисьõ ваыс õтпырись да джынись унажык, Волгалõн Каспийскõй морейõ васõ вайõмся;* 2. *Воздухõ парõн лэбтисьõ ваыс õтпырись да джынись унажык, Волгалõн Каспийскõй морейõ васõ вайõм сьõрттi;* 3. *Воздухõ парõн лэбтисьõ ваыс õтпырись да джынись унажык сы сьõрттi, мымда Волга вайõ васõ Каспийскõй морейõ,* — переводчик убеждается, что приведённые модели в чём-либо уступают модели оригинала. Первые две не имеют прямого соотношения с единицами мышления, так как в той части, которая соответствует придаточному оригинала, нет личного глагола-сказуемого и подлежащего. Третья модель как будто бы более адекватна, но она громоздка для научно-популярного рассказа. Переводчик останавливается на модели оригинала, приспособливает её для передачи мысли на родном языке: *Воздухõ парõн лэбтисьõ ваыс õтпырись да джынись унажык, чем Волга вайõ васõ Каспийскõй морейõ.* Модель чётка, удобна, легко и непосредственно соотносится с субъектом и предикатом мысли.

Таким образом входят в коми-пермяцкий язык новые синтаксические модели, которые в известное время сосуществуют в языке, постепенно утверждаясь в том или ином стиле или оставаясь в языке на положении более или менее равноправных синонимов. В настоящее время синтаксис коми-пермяцкого языка обогащает немало таких моделей. Особенно легко утверждаются в коми-пермяцком языке модели с фразеологическим оборотом в роли главного предложения типа: *А деловыс сыын, что мымда ваыс локтõ мореас, сымда жõ примерно и пакмõ.* (В. Арх.) 'А дело в том, что сколько воды приходит в море, столько же примерно и испаряется'. Продуктивной стала в коми-пермяцком языке модель с контактной рамкой: *кажитчис, что* 'казалось, что'.

Как видим, перенесение моделей построения сложных предложений нередко влечёт за собой и заимствование средств скрепления частей сложного единства — союзов, если в родном языке не находится адекватного служебного слова. В связи с усилением влияния русского языка стали заменяться заимствованными и некоторые исконные союзы. Таким образом стали создаваться союзы-синонимы. Вытеснение некоторых исконных союзов началось ещё в дореволюционном разговорно-бытовом коми-пермяцком языке. Тогда исконные союзы заменялись союзами, заимствованными из окружающих русских говоров, например: *кõ — ежели, раз.* Для литературного коми-пермяцкого языка такие союзы, имеющие оттенок разговорного стиля, стали неприемлемыми. В книжной коми-пермяцкой речи получили распространение союзы, заимствованные из русского литературного языка; например: вместо *нежели — чем; али — или; ежели — если* и т. д.

В том случае, если в коми-пермяцком языке соответствующий союз отсутствует, необходимое служебное слово создаётся с помощью калькирования, например, для передачи значения 'так как' была создана калька *сидз кызд*, 'потому что' — *сийõн мыля* и т. д.

Так, благодаря исконным и заимствованным союзам в коми-пермяцком языке выработалась сложная дифференцированная система подчинительных союзов со специализацией отдельных из них для выражения определённых значений и стилистических оттенков. Приведём некоторые примеры союзов, союзных частиц и союзных слов, обслуживающих в настоящее время сложносочинённые и сложноподчинённые предложения коми-пермяцкого языка.

Союзы в сложносочинённых предложениях: 1) соединительные: *и, да, не... не, тоже, сиджõ;* 2) противительные: *а, но, да (но);* 3) разделительные: *я... я, либо, нето, то ли... то ли, то... то, или.*

Союзы в сложноподчинённых предложениях: 1) с придаточными определительными: *кытшӧм, кӧда, кытӧн, кытчӧ, кӧр, бытътӧ, кыздз*; 2) с придаточными изъяснительными: *кин, мый, мед, медбы, кытшӧм, кыным, мыйла, кыздз, кӧр, мыля, кытӧн, кытись, кытчӧ, что, чтобы, бытътӧ, ли, нӧ, я*; 3) с придаточными места: *кытӧн, кытчӧ, кытись, кыті, кытчӧдз, кысянь*; 4) с придаточными времени: *кӧр, кӧрсянь, кытчӧдз, кыздз, кыздз только, только*; 5) с придаточными причины: *мед, медбы, нӧ, мыля, сідз кыздз, что, сійӧн, что, сысянь что*; 6) с придаточными цели: *мед, медбы, чтобы*; 7) с придаточными степени: *кыздз, мымда, кыным, дзик, мед, медбы, что, только, ровно, бытътӧ, кыздз бытътӧ*; 8) с придаточными сравнительными: *кыздз, дзик, топ, нежелли, чем, бытътӧ, ровно*; 9) с придаточными условия: *кӧ, кыздз, бы, кӧбы, если, ежелли*; 10) с придаточными уступительными: *мый бы, кыздз бы, кытшӧм бы, ась, ась кӧть, кӧть, кӧть и*; 11) с придаточными следствия: *сійӧн; мыйсянь*; 12) с придаточными сопоставительными: *сы съӧрті, кыздз; сідз жӧ, кыздз; если, то*; 13) с придаточными присоединительными: *мый, мыля, кӧр*.

Такое разнообразие союзов возникло в связи с потребностями развивающегося мышления, которое, не довольствуясь старыми способами передачи всевозможных синтаксических связей, требует всё более чёткого и тонкого выражения всех оттенков зависимостей одной мысли от другой, одной части предложения или всего предложения в целом от другой его части или других предложений.

Таким образом, синтаксис коми-пермяцкого языка за письменный период своего функционирования претерпел большие изменения. Но речь идёт не о коренной ломке исконной синтаксической системы, а лишь об ускоренном развитии отдельных участков его, что явилось откликом на требования изменившейся жизни.

Развитие синтаксиса сложного предложения в основном происходило по внутренним законам, заложенным в предшествующие эпохи. Однако в условиях Советской власти, когда коми-пермяки получили доступ к всеобщей грамотности, а их язык обрёл письменную форму, когда общепризнанное средство межнационального общения в нашей стране — русский язык — для огромного большинства коми-пермяков стал по существу вторым родным языком, в развитии синтаксиса сложного предложения (в развитии новых значений сложносочинённых предложений, новых моделей придаточных предложений, многочленных предложений, сложных синтаксических конструкций, периода) в соответствии с требованиями общения в высокоразвитом социалистическом обществе коми-пермяцкий язык стал следовать продуктивным моделям русского языка. Коми-пермяцкий язык в настоящее время переживает период своего расцвета. В его развитии наблюдаются две сопутствующие и взаимопроникающие тенденции: всестороннее развитие и расцвет и интенсивное сближение с русским языком. Расцвет обусловлен сближением, сближение же происходит на основе расцвета. Эти две тенденции пронизывают все языки народов СССР и отражают действие закона двух тенденций развития социалистических наций.

КРАТКИЙ ГРАММАТИЧЕСКИЙ ОЧЕРК КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО ЯЗЫКА*

ВВЕДЕНИЕ

§ 1. Коми-пермяцкий язык относится к пермской группе финно-угорских языков. Население, говорящее на этом языке, живет в основном в Коми-Пермяцком автономном округе Пермской области. Небольшие группы коми-пермяков проживают также на северо-востоке Кировской и Пермской областей (кировские или верхнекамские пермяки и язьвинские пермяки или коми-язьвинцы), а также в разных районах Сибири.

Сами себя коми-пермяки называют *коми*. Этноним очень древний, восходящий к слову со значением 'человек'. В первые годы Советской власти камские коми стали официально называться коми-пермяками, чтобы не смешивать их с коми из Коми АССР.

Формирование литературного языка коми-пермяков началось в первые же годы Советской власти. Диалектной основой литературного языка стал кудымкарско-иньвенский диалект с введением звука *л*. Этот звук, отсутствующий в иньвенских говорах, был введен, чтобы сблизить две основные диалектные группы коми-пермяцкого языка.

АЛФАВИТ И ФОНЕМЫ

§ 2. Коми-пермяцкий алфавит включает в себя все буквы русского алфавита и две дополнительные (*і, ө*). Всего в его составе 35 букв: *а, б, в, г, д, е, ё, ж, з, и, і, й, к, л, м, н, о, ө, п, р, с, т, у, ф, х, ц, ч, ш, щ, ь, ы, ь, э, ю, я*.

Буквы *ф, х, ц, щ*, встречаются только в словах, заимствованных из русского языка, например: *колхоз, цена, фартук, плащ*.

ГЛАСНЫЕ ЗВУКИ

§ 3. В коми-пермяцком языке есть особый гласный *ө* (среднего ряда, среднего подъёма, нелабиализованный). Остальные гласные имеют соответствия в русском языке, но в той или иной степени отличаются от них по употреблению. Так, гласный *и*, в отличие от русского *и*, употребляется не только после мягких согласных (*син* 'глаз', *нин* 'лыко'), но и после твёрдых согласных и тогда обозначается буквой *і* (*сім* 'ржавчина', *нія* 'они', *зі* 'оса').

Гласный *ы*, в отличие от русского *ы*, одинаково употребителен как после твёрдых, так и после мягких согласных. Он встречается также после *й* и в начале слова, например: *ылын* 'далеко', *сьывны* 'петь', *ныылавны* 'глотать', *йыв* 'вершина; остриё'.

Гласный *а* в языке коми-пермяков более заднего ряда, чем *а* в русском языке.

СОГЛАСНЫЕ ЗВУКИ

§ 4. Твёрдые согласные *б, в, г, д, ж, з, к, л, м, н, п, р, с, т, ш*, а также *ф, х, ц* по произношению мало чем отличаются от соответствующих согласных русского языка. Специфическими для коми-пермяцкого языка являются аффрикаты *дж, дз, тш*. Аффриката *дж* состоит из согласных *д* и *ж*, произносимых слитно (*джадж* 'полка', *джын* 'половина'). Аффриката *дз* передаёт слитное произношение согласных *дь* и *зь*

* Коми-пермячко-русский словарь: ок. 27000 слов / Р. М. Баталова, А. С. Кривошекова-Гантман. М.: Рус. яз., 1985. С. 595–621.

(*дзонь* 'целый', *дзодзог* 'гусь'). Аффриката *тш* представляет собой твёрдый вариант *ч* (слитное произношение звуков *т* и *ш*: *тшын* 'дым', *тшак* 'гриб').

§ 5. Чередование *л* и *в*

В коми-пермяцком литературном языке наблюдается чередование *л* и *в*. Суть его заключается в том, что в интервокальном положении выступает *л* (*кыла* 'слышу', *вóлыт* 'твоя лошадь'), а в позиции перед согласным и в конце слова выступает *в* (*кывны* 'слышать', *кывтöм* 'неслыханный', *вöв* 'лошадь').

УДАРЕНИЕ

§ 6. Место ударения в коми-пермяцком языке чаще зависит от морфемы: одни морфемы безударные, другие ударные, третьи перетягивают ударения на себя или на предшествующий слог. Такой тип ударения принято называть морфологизированным. Безударными обычно являются словообразовательные суффиксы прилагательных: *сá-öсь* 'запачканный сажей' (*са* 'сажа'), *бúс-öсь* 'пыльный' (*бус* 'пыль'), *кí-тöм* 'безрукий', *кóк-тöм* 'безногий'.

Всегда ударные словообразовательные суффиксы глаголов, например: *мич-öт-ны* 'окрасить' (*мич* 'краса'), *шоч-áв-ны* 'редеть, стать редким' (*шоч* 'редкий').

Присоединение некоторых суффиксов вызывает перемещение ударения, например: *кóкнит* 'лёгкий', *кокнít-ик* 'лёгонький', *миян* 'наш', *миян-лö* 'нам'.

В некоторых двусложных словах ударение колеблется, например: *áсыв* и *асы́в* 'утро', *вáжын* и *важýн* 'давно', *вёрöс* и *верöс* 'можжевелик', *вильса* и *вильсá* 'целина', *кёрöс* и *керöс* 'гора', *кымöр* и *кымöр* 'туча', *югöр* и *югöр* 'луч'. Это явление распространяется и на отдельные заимствованные слова, например: *ягöд* и *ягöд* 'ягода', 'ягоды'.

Коми-пермяцкое ударение может служить средством разграничения частей речи, а внутри одной и той же части речи — средством различения форм слов, например:

бы́дтас 'воспитает' (от *бы́дтыны* 'воспитать') и *быдтáс* 'воспитанник'; *ма́втас* 'смажет' (от *ма́втны* 'смазать') и *мавтáс* 'то, чем смазывают, мазь'; *óлан* 'живёшь' (от *óвны* 'жить') и *олáн* 'жизнь'; *сёян* 'ешь' (от *сёйны* 'есть, кушать') и *сёян* 'еда, кушанье'; *гöри́сь* 'пашущий' (от *гöрны* 'пахать') и *гöри́сь* 'пахарь'.

МОРФОЛОГИЯ

§ 7. Состав слова и словообразование

Слово в коми-пермяцком языке состоит из следующих морфем: корень, суффиксы словообразования, суффиксы словоизменения, например: *удж* 'работа', *удж-ав-ны* 'работать', *удж-ал-ись* 'работник, трудящийся', *удж-ал-ись-ным* '[наш] работник', *удж-ал-ись-ным-лөн* 'у [нашего] работника'.

Префиксов в коми-пермяцком языке немного. К ним относятся лишь *мед-* со значением 'самый, наи-' и *не-* (заимствованный из русского языка), которые употребляются с прилагательными, местоимениями, наречиями, например: *некин* 'никто' (*кин* 'кто'), *неыджыт* 'небольшой' (*ыджыт* 'большой'), *медбур* 'самый хороший, наилучший' (*бур* 'хороший').

§ 8. В производном слове значимые части располагаются по следующей схеме:

Корень слова	Словообразовательные суффиксы	Словоизменительные суффиксы		
		мн. ч.	опред.-притяж.	пад. суф.
<i>вел-</i>	<i>-öт-ч-ис(с)-</i>	<i>-ез-</i>	<i>-ныт-</i>	<i>-лөн</i>
<i>керку-</i>	<i>-ок(к)-</i>	<i>-ез-</i>	<i>-ным-</i>	<i>-лань</i>

КРАТКИЙ ГРАММАТИЧЕСКИЙ ОЧЕРК КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО ЯЗЫКА

вел- связанный корень, *вел-ав-ны* 'научиться, привыкать к чему-л.', *вел-õt-ны* 'научить' приучить кого-л.', *велõt-чы-ны* 'учиться', *велõtч-ись* 'учащийся', *велõtчисс-ез* 'учащиеся', *велõtчиссез-ныт* 'ваши учащиеся', *велõtчиссезныт-лõн* 'у ваших учащихся'; *керку* 'дом', *керку-ок* 'домик', *керкуокк-ез* 'домики', *керкуоккез-ным* '[наши] домики', *керкуоккезным-лань* 'к нашим домикам'.

Структурные типы слов

1. корневое слово	непроизводное слово	<i>пу</i> 'дерево', <i>зон</i> 'сын'
2. производное слово	суффиксация	<i>пу-овõй</i> 'деревянный', <i>зон-у</i> 'сыночек'
3. сложное слово	сложение самостоятельных слов (основ)	<i>синва</i> 'глаз-вода', в значении 'слеза'
4. парное слово	соединение двух слов	<i>сьõд-лõз</i> 'тёмно-синий'

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

§ 9. **Словообразовательные суффиксы.** С помощью словообразовательных суффиксов образуются слова с новыми лексическими значениями, например: *ыджыт* 'большой', *ыжд-õt-ны* 'увеличить', *ыжд-ав-ны* 'главенствовать', 'командовать'.

Среди словообразовательных суффиксов выделяются формообразовательные суффиксы. Они вносят в лексическое значение слова новые грамматические оттенки, например, значение уменьшительности, ласкательности, пренебрежительности: *мõс* 'корова', *мõс-иньõй* 'коровушка', *мõс-жуг* 'коровёнка'; *том* 'молодой', *том-ыник* 'молоденький'; *сетны* 'дать', *сет-ышт-ны* 'дать немного'.

§ 10. Сложные слова

Сложные слова образуются из подчинительных (чаще определительных) словосочетаний. Выделяются следующие группы сложных слов: 1) сложные слова, в которых один из компонентов потерял значение, например: *кõмкõt* 'обувь' (от устаревшего *кõм*, встречается только в некоторых говорах, и *кõt* с неясным значением); 2) сложные слова, в одном из компонентов которых произошли различные фонетические изменения: *посõдз* 'сени' (*пос* 'сходни', *одз* 'место перед чем-л.');

3) сложные слова, первая часть которых включает видовое понятие, вторая — родовое, например: *льõмпу* 'черёмуха' (*льõм* 'черёмуха-ягоды') и *пу* 'дерево', *ныывпу* 'пихта' (*ныыв* с неясным значением и *пу*).

§ 11. Парные слова

Парные слова образуются из сочинительных словосочетаний и включают два компонента. Широко распространены парные существительные и парные глаголы. Парные существительные имеют собирательное значение: *ныв-зон* 'молодёжь' (*ныв* 'дочь' и *зон* 'сын; парень'), *сийõс-сермõt* 'сбруя' (*сийõс* 'хомут', *сермõt* 'узда'), *мама-ныла* 'мать с дочерью' (*мам* 'мать', *ныв* 'дочь').

В глагольных парных словах в качестве компонентов выступают только слова, имеющие синонимические или антонимические значения: *õгравны-сотчыны* 'полюхать' (*õгравны* 'пылать', *сотчыны* 'гореть'); *юасьны-висьтасьны* 'беседовать' (*юасьны* 'спрашивать', *висьтасьны* 'рассказывать').

ЧАСТИ РЕЧИ

§ 12. В коми-пермяцком языке десять частей речи: имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, местоимение, глагол, наречие, послелог, союзы, частицы и междометия.

§ 13. Между некоторыми лексико-грамматическими разрядами нет чётких границ. Лексико-грамматическая недифференцированность выявляется, например, между следующими частями речи:

1) существительными, прилагательными и наречиями: *кӧдзыт* 'холод; холодный; холодно'; *шоньт* 'тепло; тёплый; тепло' (наречие); *одз* 'перёд; ранний; рано';

2) существительными и прилагательными при неполной адъективации первых и субстантивации последних: *мӧс* 'корова', *мӧс сюр* 'коровий рог'; *лӧг* 'злой; зло'.

Следует, однако, отметить, что большинство слов коми-пермяцкого языка выявляют свою принадлежность к той или иной части речи.

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

§ 14. Имя существительное имеет категории числа, падежа, притяжательности. Категория рода в коми-пермяцком языке отсутствует.

КАТЕГОРИЯ ЧИСЛА

§ 15. Форма единственного числа не имеет показателя. Она совпадает с основой существительного. Форма множественного числа образуется с помощью суффикса *-эз* (*-ез*).

Вариант *-эз* употребляется в тех случаях, когда основа существительных оканчивается:

а) на гласный: *пуэз* 'деревья' (*пу* 'дерево'), *ваэз* 'реки' (*ва* 'река');

б) на твёрдый, парный по мягкости-твёрдости, согласный: *кӧззэз* 'ёлки' (*кӧз* 'ёлка'), *поссэз* 'мосты' (*пос* 'мост').

Орфографический вариант *-ез* встречается в существительных, основа которых оканчивается:

а) на мягкий согласный: *каннез* 'кошки' (*кань* 'кошка'), *кыдзез* 'берёзы' (*кыдз* 'берёза');

б) на твёрдый, непарный по мягкости-твёрдости, согласный: *керрез* 'брёвна' (*кер* 'бревно').

Согласный, стоящий в конце основы, перед обоими вариантами суффикса множественного числа удваивается (кроме *й*).

Ед. ч.		Мн. ч.	
<i>керку</i>	'дом'	<i>керкуэз</i>	'дома'
<i>нянь</i>	'хлеб'	<i>няннез</i>	'хлеба'
<i>кай</i>	'птица'	<i>кайез</i>	'птицы'
<i>вӧв</i>	'лошадь'	<i>вӧввез</i>	'лошади'
<i>бая</i>	'овца'	<i>баяэз</i>	'овцы'
<i>морт</i>	'человек'	<i>морттэз</i>	'люди'
<i>джыдж</i>	'стриж'	<i>джыджжэз</i>	'стрижи'
<i>лым</i>	'снег'	<i>лыммез</i>	'снега'

Некоторые существительные во множественном числе не употребляются. К ним относятся: 1) существительные с собирательным значением: *отир*, *йдз* 'люди'; 2) существительные с отвлечённым значением: *ыжда* 'величина', *судда* 'высота', *ылына* 'расстояние', *пессьом* 'борьба', *любитом* 'любовь'; 3) названия веществ: *ви* 'масло', *лым* 'снег', *корт* 'железо'.

§ 16. В коми-пермяцком языке нет существительных, употребляющихся только во множественном числе. Поэтому заимствованные из русского языка слова в форме множественного числа в коми-пермяцком воспринимаются как форма единственного числа, к которым могут присоединяться суффиксы множественного числа коми-пермяцкого языка *-эз* (*-ез*), например: *валёнки* 'валенки', *валёнкиэз* 'валенки'; *консерва* 'одна банка консервов', *консерваэз* 'несколько банок консервов'; *огурцы* 'огурец', *огурцыэз* 'огурцы'; *очки* 'очки', *очкиэз* 'несколько очков'; *перчатки* 'перчатка', *перчаткиэз* 'перчатки'; *чулки* 'чулок', *чулкиэз* 'чулки'; *часы* 'одни часы', *часыэз* 'несколько часов'.

Склонение имен существительных

§ 17. В коми-пермяцком языке различаются два вида склонения: неопределённое (склонение существительных без определённо-притяжательных суффиксов) и определённо-притяжательное (склонение существительных с определённо-притяжательными суффиксами).

Существительные в именительном падеже единственного числа выступают в нулевой (абсолютной) форме, служащей основой для образования косвенных падежей. Косвенные падежи имеют по одному стандартному окончанию, с помощью которого оформляются как в единственном, так и во множественном числе.

Всего падежей в коми-пермяцком языке 17. По значению их можно объединить в следующие группы: 1) субъектный падеж (именительный); 2) принадлежностные падежи: родительный, притяжательный, дательный; 3) объектные падежи: винительный, творительный, соединительный, лишительный, достигательный сравнительный; 4) внутриместные падежи: местный, исходный, вступительный; 5) внешнеместные падежи: приблизительный, отдалительный, переходный, предельный.

Неопределённое склонение существительных

Неопределённое склонение существительных, обозначающих одушевленные предметы:

Падеж	Окончание	Вопросы	Ед. ч.	Мн. ч.
Им.	—	<i>кин</i> 'кто'	<i>вöв</i> 'лошадь'	<i>вöввез</i> 'лошади'
Род.	<i>-лөн</i>	<i>кинлөн</i> 'у кого [имеется]'	<i>вöвлөн</i>	<i>вöввезлөн</i>
Притяж.	<i>-лись</i>	<i>кинлись</i> 'у кого [берётся]'	<i>вöвлись</i>	<i>вöввезлись</i>
Дат.	<i>-лö</i>	<i>кинлö</i> 'кому'	<i>вöвлö</i>	<i>вöввезлö</i>
Вин.	<i>-öс</i>	<i>кинöс</i> 'кого'	<i>вöвлöс</i>	<i>вöввезöс</i>
Твор.	<i>-өн</i>	<i>кинөн</i> 'кем, с кем'	<i>вöлөн</i>	<i>вöввезөн</i>
Соед.	<i>-кöt</i>	<i>кинкöt</i> 'с кем'	<i>вöвкöt</i>	<i>вöввезкöt</i>
Лиш.	<i>-тöг</i>	<i>кинтöг</i> 'без кого'	<i>вöвтöг</i>	<i>вöввезтöг</i>
Достиг.	<i>-ла</i>	<i>кинла</i> 'за кем'	<i>вöвла</i>	<i>вöввезла</i>
Сравн.	<i>-ся</i>	<i>кинся</i> 'кроме кого'	<i>вöвся</i>	<i>вöввезся</i>
Местн.	<i>-ын</i>	<i>кинын</i> 'в ком'	<i>вöлын</i>	<i>вöввезын</i>

АНТОНИНА СЕМЁНОВНА КРИВОЩЁКОВА-ГАНТМАН

Исходн.	-ись (-ісь)	кинись 'из кого'	вöлісь	вöввезісь
Вступ.	-ö	кинö 'в кого'	вöлö	вöввезö
Прибл.	-лань	кинлань 'к кому'	вöвлань	вöввезлань
Отдал.	-сянь	кинсянь 'от кого'	вöвсянь	вöввезсянь
Перех.	-öт	кинöт 'по кому'	вöлöт	вöввезöт
Предел.	-öдз	кинöдз 'до кого'	вöлöдз	вöввезöдз

Неопределенное склонение существительных, обозначающих неодушевленные предметы:

Падеж	Окончание	Вопросы	Ед. ч.	Мн. ч.
Им.	—	мый 'что'	ыб 'поле'	ыббез 'поля'
Род.	-лөн	мыйлөн 'у чего'	ыблөн	ыббезлөн
Притяж.	-лісь	мыйлісь 'с чего'	ыблісь	ыббезлісь
Дат.	-лö	мыйлö 'чему'	ыблö	ыббезлö
Вин.	—	мый 'что'	ыб	ыббез
Твор.	-өн	мыйөн 'чем, с чем'	ыбөн	ыббезөн
Соед.	-кöt	мыйкöt 'с чем'	ыбкöt	ыббезкöt
Лиш.	-тöг	мыйтöг 'без чего'	ыбтöг	ыббезтöг
Достиг.	-ла	мыйла 'за чем'	ыбла	ыббезла
Сравн.	-ся	мыйся 'кроме чего'	ыбся	ыббезся
Местн.	-ын	мыйын 'в чем'	ыбын	ыббезын
Исходн.	-ись (-ісь)	мыйись 'из чего'	ыбись	ыббезись
Вступ.	-ö	мыйö 'во что'	ыбö	ыббезö
Прибл.	-лань	мыйлань 'к чему'	ыблань	ыббезлань
Отдал.	-сянь	мыйсянь 'от чего'	ыбсянь	ыббезсянь
Перех.	-öт	мыйöт 'по чему'	ыбöт	ыббезöт
Предел.	-öдз	мыйöдз 'до чего'	ыбöдз	ыббезöдз

Категория притяжательности

§ 18. В коми-пермяцком языке принадлежность предмета тому или иному лицу выражается не только притяжательными местоимениями, но и определённо-притяжательными суффиксами. Эти суффиксы следующие:

Обладатель в единственном числе:

- 1 л. **-ö**: керку-ö 'дом мой'; сой-ö 'сестра моя'
- 2 л. **-ыт**: керку-ыт 'дом твой'; сой-ыт 'сестра твоя'
- 3 л. **-ыс**: керку-ыс 'дом его'; сой-ыс 'сестра его'

Обладатель во множественном числе:

- 1 л. **-ным**: керку-ным 'дом наш'; сой-ным 'сестра наша'
- 2 л. **-ныт**: керку-ныт 'дом ваш'; сой-ныт 'сестра ваша'
- 3 л. **-ныс**: керку-ныс 'дом их'; сой-ныс 'сестра их'

§ 19. Притяжательные суффиксы **-ыт**, **-ыс** вступают во взаимодействие с суффиксом множественного числа существительных. В результате получаются стяжённые формы; например, из книга-эз-ыс — книга-э-ыс — книга-эс. За норму литературного коми-пермяцкого языка приняты стяжённые формы притяжательных суффиксов: книга-эс 'его книги', книга-эт 'твои книги'.

Определённо-притяжательное склонение существительных

пон 'собака'

Предмет принадлежит одному лицу

Падеж	'мой'	'твой'	'его, её'
Им.	<i>пон-ö</i>	<i>пон-ыт</i>	<i>пон-ыс</i>
Род.	<i>пон-ö-лөн</i>	<i>пон-ыт-лөн</i>	<i>пон-ыс-лөн</i>
Притяж.	<i>пон-ö-лись</i>	<i>пон-ыт-лись</i>	<i>пон-ыс-лись</i>
Дат.	<i>пон-ö-лө</i>	<i>пон-ыт-лө</i>	<i>пон-ыс-лө</i>
Вин.	<i>пон-öс</i>	<i>пон-тö</i>	<i>пон-сö</i>
Твор.	<i>пон-нам</i>	<i>пон-нат</i>	<i>пон-нас</i>
Соед.	<i>пон-ö-көт</i>	<i>пон-ыт-көт</i>	<i>пон-ыс-көт</i>
Лиш.	<i>пон-ö-тöг</i>	<i>пон-ыт-тöг</i>	<i>пон-ыс-тöг</i>
Достиг.	<i>пон-ö-ла</i>	<i>пон-ыт-ла</i>	<i>пон-ыс-ла</i>
Сравн.	<i>пон-ö-ся</i>	<i>пон-ыт-ся</i>	<i>пон-ыс-ся</i>
Местн.	<i>пон-ам</i>	<i>пон-ат</i>	<i>пон-ас</i>
Исходн.	<i>пон-сим</i>	<i>пон-сит</i>	<i>пон-сис</i>
Вступ.	<i>пон-ам</i>	<i>пон-ат</i>	<i>пон-ас</i>
Прибл.	<i>пон-ö-лань</i>	<i>пон-ыт-лань</i>	<i>пон-ыс-лань</i>
	<i>пон-лан-ям</i>	<i>пон-лан-ят</i>	<i>пон-лан-яс</i>
Отдал.	<i>пон-ö-сянь</i>	<i>пон-ыт-сянь</i>	<i>пон-ыс-сянь</i>
	<i>пон-сян-ям</i>	<i>пон-сян-ят</i>	<i>пон-сян-яс</i>
Перех.	<i>пон-öтт-ям</i>	<i>пон-öтт-ят</i>	<i>пон-öтт-яс</i>
	<i>пон-öтт-им</i>	<i>пон-öтт-ит</i>	<i>пон-öтт-ис</i>
Предел.	<i>пон-öдзз-ам</i>	<i>пон-öдзз-ат</i>	<i>пон-öдзз-ас</i>
	<i>пон-öдзз-им</i>	<i>пон-öдзз-ит</i>	<i>пон-öдзз-ис</i>

Предмет принадлежит многим лицам

Падеж	'наш'	'ваш'	'их'
Им.	<i>пон-ным</i>	<i>пон-ныт</i>	<i>пон-ныс</i>
Род.	<i>пон-ным-лөн</i>	<i>пон-ныт-лөн</i>	<i>пон-ныс-лөн</i>
Притяж.	<i>пон-ным-лись</i>	<i>пон-ныт-лись</i>	<i>пон-ныс-лись</i>
Дат.	<i>пон-ным-лө</i>	<i>пон-ныт-лө</i>	<i>пон-ныс-лө</i>
Вин.	<i>пон-ным-öс</i>	<i>пон-ны-тö</i>	<i>пон-ны-сö</i>
Твор.	<i>пон-на-ным</i>	<i>пон-на-ныт</i>	<i>пон-на-ныс</i>
Соед.	<i>пон-ным-көт</i>	<i>пон-ныт-көт</i>	<i>пон-ныс-көт</i>
Лиш.	<i>пон-ным-тöг</i>	<i>пон-ныт-тöг</i>	<i>пон-ныс-тöг</i>
Достиг.	<i>пон-ным-ла</i>	<i>пон-ныт-ла</i>	<i>пон-ныс-ла</i>
Сравн.	<i>пон-ным-ся</i>	<i>пон-ныт-ся</i>	<i>пон-ныс-ся</i>
Местн.	<i>пон-аным</i>	<i>пон-аныт</i>	<i>пон-аныс</i>
Исходн.	<i>пон-синым</i>	<i>пон-синыт</i>	<i>пон-синыс</i>
Вступ.	<i>пон-аным</i>	<i>пон-аныт</i>	<i>пон-аныс</i>
Прибл.	<i>пон-ным-лань</i>	<i>пон-ныт-лань</i>	<i>пон-ныс-лань</i>
	<i>пон-лания-ным</i>	<i>пон-лания-ныт</i>	<i>пон-лания-ныс</i>
Отдал.	<i>пон-ным-сянь</i>	<i>пон-ныт-сянь</i>	<i>пон-ныс-сянь</i>
	<i>пон-сяня-ным</i>	<i>пон-сяня-ныт</i>	<i>пон-сяня-ныс</i>

АНТОНИНА СЕМЁНОВНА КРИВОЩЁКОВА-ГАНТМАН

Перех.	<i>пон-өття-ным</i>	<i>пон-өття-ныт</i>	<i>пон-өття-ныс</i>
	<i>пон-өтти-ным</i>	<i>пон-өтти-ныт</i>	<i>пон-өтти-ныс</i>
Предел.	<i>пон-өдзза-ным</i>	<i>пон-өдзза-ныт</i>	<i>пон-өдзза-ныс</i>
	<i>пон-өдззи-ным</i>	<i>пон-өдззи-ныт</i>	<i>пон-өдззи-ныс</i>

Много предметов принадлежит одному лицу

Падеж	'мой'	'твой'	'его, её'
Им.	<i>понн-эз-ө</i>	<i>понн-эт</i>	<i>понн-эс</i>
Род.	<i>понн-эз-ө-лөн</i>	<i>понн-эт-лөн</i>	<i>понн-эс-лөн</i>
Притяж.	<i>понн-эз-ө-лісь</i>	<i>понн-эт-лісь</i>	<i>понн-эс-лісь</i>
Дат.	<i>понн-эз-ө-лө</i>	<i>понн-эт-лө</i>	<i>понн-эс-лө</i>
Вин.	<i>понн-эз-өс</i>	<i>понн-эт-ө</i>	<i>понн-эс-ө</i>
Твор.	<i>понн-эз-нам</i>	<i>понн-эт-нат</i>	<i>понн-эз-нас</i>
Соед.	<i>понн-эз-ө-көт</i>	<i>понн-эт-көт</i>	<i>понн-эс-көт</i>
Лиш.	<i>понн-эз-ө-төг</i>	<i>понн-эт-төг</i>	<i>понн-эс-төг</i>
Достиг.	<i>понн-эз-ө-ла</i>	<i>понн-эт-ла</i>	<i>понн-эс-ла</i>
Сравн.	<i>понн-эз-ө-ся</i>	<i>понн-эт-ся</i>	<i>понн-эс-ся</i>
Местн.	<i>понн-эз-ам</i>	<i>понн-эт-ат</i>	<i>понн-эз-ас</i>
Исходн.	<i>понн-эз-сим</i>	<i>понн-эт-сит</i>	<i>понн-эз-сис</i>
Вступ.	<i>понн-эз-ам</i>	<i>понн-эт-ат</i>	<i>понн-эз-ас</i>
Прибл.	<i>понн-эз-ө-лань</i>	<i>понн-эт-лань</i>	<i>понн-эс-лань</i>
	<i>понн-эз-лан-ям</i>	<i>понн-эт-лан-ят</i>	<i>понн-эз-лан-яс</i>
Отдал.	<i>понн-эз-ө-сянь</i>	<i>понн-эт-сянь</i>	<i>понн-эс-сянь</i>
	<i>понн-эз-сяням</i>	<i>понн-эт-сянят</i>	<i>понн-эз-сяняс</i>
Перех.	<i>понн-эз-өтт-ям</i>	<i>понн-эт-өтт-ят</i>	<i>понн-эз-өтт-яс</i>
	<i>понн-эз-өтт-им</i>	<i>понн-эт-өтт-ит</i>	<i>понн-эз-өтт-ис</i>
Предел.	<i>понн-эз-өдзз-ам</i>	<i>понн-эт-өдзз-ат</i>	<i>понн-эз-өдзз-ас</i>
	<i>понн-эз-өдзз-им</i>	<i>понн-эт-өдзз-ит</i>	<i>понн-эз-өдзз-ис</i>

Много предметов принадлежит многим лицам

Падеж	'наши'	'ваши'	'их'
Им.	<i>понн-эз-ным</i>	<i>понн-эз-ныт</i>	<i>понн-эз-ныс</i>
Род.	<i>понн-эз-ным-лөн</i>	<i>понн-эз-ныт-лөн</i>	<i>понн-эз-ныс-лөн</i>
Притяж.	<i>понн-эз-ным-лісь</i>	<i>понн-эз-ныт-лісь</i>	<i>понн-эз-ныс-лісь</i>
Дат.	<i>понн-эз-ным-лө</i>	<i>понн-эз-ныт-лө</i>	<i>понн-эз-ныс-лө</i>
Вин.	<i>понн-эз-ным-өс</i>	<i>понн-эз-ны-тө</i>	<i>понн-эз-ны-сө</i>
Твор.	<i>понн-эз-на-ным</i>	<i>понн-эз-на-ныт</i>	<i>понн-эз-на-ныс</i>
Соед.	<i>понн-эз-ным-көт</i>	<i>понн-эз-ныт-көт</i>	<i>понн-эз-ныс-көт</i>
Лиш.	<i>понн-эз-ным-төг</i>	<i>понн-эз-ныт-төг</i>	<i>понн-эз-ныс-төг</i>
Достиг.	<i>понн-эз-ным-ла</i>	<i>понн-эз-ныт-ла</i>	<i>понн-эз-ныс-ла</i>
Сравн.	<i>понн-эз-ным-ся</i>	<i>понн-эз-ныт-ся</i>	<i>понн-эз-ныс-ся</i>
Местн.	<i>понн-эза-ным</i>	<i>понн-эза-ныт</i>	<i>понн-эза-ныс</i>
Исх.	<i>понн-эз-си-ным</i>	<i>понн-эз-си-ныт</i>	<i>понн-эз-си-ныс</i>
Вступ.	<i>понн-эза-ным</i>	<i>понн-эза-ныт</i>	<i>понн-эза-ныс</i>
Прибл.	<i>понн-эз-ным-лань</i>	<i>понн-эз-ныт-лань</i>	<i>понн-эз-ныс-лань</i>
	<i>понн-эз-лания-ным</i>	<i>понн-эз-лания-ныт</i>	<i>понн-эз-лания-ныс</i>
Отдал.	<i>понн-эз-ным-сянь</i>	<i>понн-эз-ныт-сянь</i>	<i>понн-эз-ныс-сянь</i>

	<i>понн-эз-сяня-ным</i>	<i>понн-эз-сяня-нымт</i>	<i>понн-эз-сяня-нымс</i>
Перех.	<i>понн-эз-öttя-ным</i>	<i>понн-эз-öttя-нымт</i>	<i>понн-эз-öttя-нымс</i>
	<i>понн-эз-öttи-ным</i>	<i>понн-эз-öttи-нымт</i>	<i>понн-эз-öttи-нымс</i>
Предел.	<i>понн-эз-öдзза-ным</i>	<i>понн-эз-öдзза-нымт</i>	<i>понн-эз-öдзза-нымс</i>
	<i>понн-эз-öдззи-ным</i>	<i>понн-эз-öдззи-нымт</i>	<i>понн-эз-öдззи-нымс</i>

§ 20. Словообразовательные суффиксы имен существительных:

-а (-я) — образует имена существительные со значением отвлечённого качества от некоторых качественных прилагательных: *вылын-а* ‘высота’ (от *вылын* ‘высокий’), *куз-я* ‘длина’ (от *кузь* ‘длинный’), *кыз-а* ‘толщина’ (от *кыз* ‘толстый’), *ылын-а* ‘расстояние’ (от *ылын* ‘далёкий, дальний’);

-ан (-ян) — образует имена существительные от глаголов со значениями: а) орудия действия (*печкан* ‘прялка’, *сынан* ‘гребень, расчёска’); б) места действия (*вундан* ‘место жатвы’, *ытикисян* ‘место косьбы’); в) объекта действия (*вурсян* ‘то, что предназначено для шитья; шитьё’, *гöрдзисян* ‘то, что предназначено для вязки; вязание’); г) отвлечённого действия (*олан* ‘жизнь’, *висян* ‘болезнь’);

-ас — образует имена существительные со значениями: а) места (*увтас* ‘низина’, *кырас* ‘обрыв’); б) предмета, предназначенного для чего-либо (*вердас* ‘корм для скота’, *мавтас* ‘мазь’, *шебрас* ‘одеяло, покрывало’). Суффикс малопродуктивный;

-öв: *оськöв* ‘шаг’ (от *оськавны* ‘шагать’), *юкöв* ‘пробор’ (от *юкны* ‘делить, разделить’);

-ин (-ин) — образует названия мест от прилагательных и причастий: *волькытин* ‘гладь, равнина’ (от *волькыт* ‘ровный, гладкий’), *чегöмин* ‘место разлома’ (от *чегöм* ‘сломаный’), *пыдынин* ‘глубокое место’ (от *пыдын* ‘глубокий’), *кöсин* ‘сухое место’ (от *кöс* ‘сухой’);

-ка — суффикс непродуктивный, имеет нечётко выраженное значение неопределённости: *инька* ‘женщина’ (от *инь* ‘жена’), *нывка* ‘девушка’ (от *ныв* ‘дочь’), *зонка* ‘парень’ (от *зон* ‘сын’);

-иль — суффикс редко встречающийся: *кычиль* ‘щеночек’ (от *кычан* ‘щенок’), *кагиль* ‘ребёночек’ (от *кага* ‘ребёнок’);

-öр — суффикс непродуктивный: *югöр* ‘луч’, *кымöр* ‘облако’, *вуджöр* ‘тень’, *мыгöр* ‘рост’ (человека);

-öг — суффикс редко встречающийся: *ныстöг* или *пистöг* ‘синица’; ср. коми-зырянское *ныста* ‘синица’.

-öм — продуктивный суффикс отглагольных существительных со значением отвлечённого действия или состояния: *велöтöм* ‘учение’ (от *велöтны* ‘учить’), *велöтчöм* ‘учёба’ (от *велöтчыны* ‘учиться’), *пессьöм* ‘борьба’ (от *пессьыны* ‘бороться’);

-ись (-ись) — продуктивный суффикс отглагольных существительных, обозначающих действующее лицо, деятеля: *велöтись* ‘учитель’ (от *велöтны* ‘учить’), *кывзись* ‘слушатель’ (от *кывзыны* ‘слушать’);

-öс — непродуктивный суффикс существительных, образованных от существительных: *шöмöс* ‘квашня’ (от *шöм* ‘мел; закваска’). Существительные, образованные с помощью этого суффикса от глаголов, также единичны: *пöрöс* ‘болезнь’ (от *пöрны* ‘пасть, падать’), *пыкöс* ‘опухоль’ (от *пыкны* ‘подпирать, подпереть’);

-öт — малопродуктивный суффикс, образует имена существительные от глаголов со значениями: а) предмета, предназначенного для чего-либо: *кöртöт* ‘повязка’ (от *кöртавны* ‘завязать, привязать’), *чышкöт* ‘полотенце’ (от *чышкыны* ‘вытирать’); б) результата действия: *кольмöт* ‘угар’ (от *кольмыны* ‘угореть’), *гижöт* ‘письмо’ (от *гижны* ‘писать’).

§ 21. Формообразовательные суффиксы:

-ок (-ёк) — имеет уменьшительное значение: *ваок* 'водичка' (от *ва* 'вода'), *туёк* 'дорожка' (от *туй* 'дорога'), *канёк* 'котёнок' (от *кань* 'кошка');

-у (-ю) — образует имена существительные с оттенком ласкательности: *сою* 'сестричка' (от *сой* 'сестра'), *зону* 'сыночек' (от *зон* 'сын'), *Колю* 'Коленька', *маму* 'мамочка';

-иньёй (-иньёй) — образует имена существительные с ласкательным значением: *маминьёй* 'мамонька, матушка', *муиньёй* 'землюшка';

-ушко (-юшко) — употребляются в том же значении, что и в русском языке: *союшко* 'сестричка', *вонушко* 'браточек';

-онька — заимствован из русского языка и выражает значение ласкательности: *кагонька* 'ребёночек', *мамонька* 'мамочка';

-жуг — суффикс, придающий словам пренебрежительное значение: *понжуг* 'собачонка' (от *пон* 'собака'), *керкужуг* 'домишко' (от *керку* 'дом'), *туйжуг* 'плохая дорога'.

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

§ 22. Имена прилагательные в предложении обычно выступают в роли определения и сказуемого. Являясь определениями, прилагательные стоят перед существительными, с которыми связываются способом примыкания, например: *ыджыт керку* 'большой дом', *ыджыт керкулань* 'к большому дому', *ыджыт керкусянь* 'от большого дома', *ыджыт керкуын* 'в большом доме', *ыджыт керкуись* 'из большого дома'.

Имена прилагательные согласуются в числе, если они выступают в значении сказуемого, например: *керкуыс ыджыт* 'дом большой', *керкуэс ыджытёсь* 'дома большие'; *гожумся луннэз гажайёсь, шоньтёсь* 'летние дни ясные, тёплые'.

§ 23. Прилагательные делятся на качественные и относительные. Притяжательных прилагательных в коми-пермяцком языке нет. Вместо них употребляются имена существительные в форме именительного падежа, например, *ош яма* 'медвежья берлога', *кай борд* 'птичье крыло'.

Степени сравнения прилагательных

Качественные прилагательные имеют степени сравнения: сравнительную и превосходную.

Сравнительная степень образуется с помощью суффикса **-жык**: *кузь-жык* 'длиннее', *чочком-жык* 'белее', *кёс-жык* 'суше'.

Превосходная степень образуется с помощью префикса **мед-**: *мед-бур* 'самый лучший, наилучший', *мед-небыт* 'самый мягкий'.

Значение превосходной степени может быть передано повторением основ: *бурся-бур* 'очень хороший' (букв. 'по сравнению с хорошим хороший').

Образование прилагательных

§ 24. Значительная часть качественных прилагательных не имеет никакого словообразовательного суффикса: *лöz* 'синий', *шоч* 'редкий', *чож* 'быстрый', *бöб* 'шаловливый', *сёр* 'поздний', *тиöк* 'густой', дыш 'ленивый', *лöнь* 'тихий', *дзор* 'неспелый; седой' и др.

Производные качественные прилагательные образуются с помощью непродуктивных суффиксов, а также способом сложения основ. Из непродуктивных суффиксов выделяются:

КРАТКИЙ ГРАММАТИЧЕСКИЙ ОЧЕРК КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО ЯЗЫКА

-ыт: *ыджыт* 'большой', *лажмыт* 'низкий', *курыт* 'горький', *дзескыт* 'тесный', *паськыт* 'широкий', *югыт* 'светлый', *пемыт* 'тёмный';

-ит: *векнит* 'узкий', *поснит* 'мелкий', *кокнит* 'лёгкий';

-ын: *пыдын* 'глубокий', *вылын* 'высокий';

Способом сложения основ образуются сложные прилагательные, обозначающие преимущественно цветовые оттенки: *пемыт-гöрд* 'темно-красный', *югыт-веж* 'светло-жёлтый', *югыт-лöз* 'светло-синий'.

§ 25. Относительные прилагательные образуются от различных частей речи с помощью продуктивных суффиксов. От имён существительных они образуются с помощью суффиксов:

-а (-я) — со значением 'обладающий или изобилующий чем-либо': *сапога морт* 'человек в сапогах', *мырья места* 'пнистое место, место, изобилующее пнями', *йöла мöс* 'удойная корова', *мыгöра детина* 'рослый парень';

-тöм — со значением, противоположным прилагательным на **-а (-я)**, то есть 'лишённый чего-либо': *коктöм морт* 'безногий человек';

-öсь — со значением 'покрытый, запачканный чем-либо': *саöсь* 'запачканный сажей', *бусöсь* 'запылённый, в пыли';

-ся — со значением 'относящийся к такому-то времени': *гожумся* 'летний', *тöвся* 'зимний', *лунся* 'дневной', *арся* 'осенний', *майся* 'майский';

-овöй — со значением 'сделанный из такого-то материала': *пуовöй* 'деревянный', *шогдöвöй* 'пшеничный', *йювöй* 'ледяной', *коровöй* 'лубяной';

-ись — малопродуктивный суффикс со значением 'относящийся к такому-то месту': *бöрись* 'задний', *одзись* 'передний', *шöрись* 'средний', *ылись* 'дальний'.

ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

Количественные числительные

§ 26. В современном коми-пермяцком языке состав числительных смешанный. В нем представлены как исконные числительные, так и заимствованные из русского языка. При счёте до 10 обычно используются исконные числительные, счёт далее 10 чаще ведётся с помощью числительных, заимствованных из русского языка.

1 — <i>öтик</i>	11 — <i>дасöтик</i>	20 — <i>кыкдас</i>
2 — <i>кык</i>	12 — <i>даскык</i>	30 — <i>куимдас</i>
3 — <i>куим</i>	13 — <i>даскуим</i>	40 — <i>нельдас</i>
4 — <i>нель</i>	14 — <i>даснель</i>	50 — <i>витдас</i>
5 — <i>вит</i>	15 — <i>дасвит</i>	60 — <i>кватдас</i>
6 — <i>кват</i>	16 — <i>даскват</i>	70 — <i>сизимдас</i>
7 — <i>сизим</i>	17 — <i>дассизим</i>	80 — <i>кыкьямысдас</i>
8 — <i>кыкьямыс</i>	18 — <i>даскыкьямыс</i>	90 — <i>öкмысдас</i>
9 — <i>öкмыс</i>	19 — <i>дасöкмыс</i>	100 — <i>сö, сто</i>
10 — <i>дас</i>		

§ 27. Приблизительный счёт передаётся двумя способами: 1) постановкой числительного после определяемого существительного, например: *кык морт* 'два человека', *морт кык* 'человека два'; 2) сочетанием двух числительных: *кольть вит-кват* '(приблизительно) пять-шесть яиц'. В позиции сказуемого количественные числительные оформляются с помощью суффикса **-а (-я)** и показывают итоговый счёт, например: *велöтчиссес классас тридцатя* 'всего учеников в классе тридцать'.

Порядковые числительные

§ 28. Порядковые числительные образуются от количественных с помощью суффикса *-от* (реже *-одз*): *кыкот* 'второй', *куимот*, *куимодз* 'третий', *нэльот*, *нэльодз* 'четвёртый', *витот*, *витодз* 'пятый', *дасот* 'десятый'. В значении 'первый' употребляется слово *медодзза* или *первот*, в значении 'второй', кроме *кыкот* — *мод*, *модик*, *мододз*. Исконные порядковые числительные далее *дасот* 'десятый' встречаются редко, вместо них употребляются заимствованные: *одинадцатот*, *двенадцатот*, *тринадцатот*, *четырнадцатот* и т. д. В предложении порядковые числительные могут быть определениями (*нэльот керкуыс воти виль* 'четвёртый дом был новый'), сказуемыми (*сылон керкуыс тасянь нэльот* 'его дом отсюда четвёртый').

Обобщительные числительные

§ 29. От любого числительного, кроме *отик* 'один', могут быть образованы с помощью суффикса *-нан-* особые формы — обобщительные числительные: *кыкнан-*, *куимнан-*. Они употребляются только с определяемыми существительными и выражают количественный признак предмета обобщённо: *витнан классись* 'из [всех] пяти классов', *кыкнан кыын* 'в [обеих] руках', *нэьнан зоньс* 'все [его] четыре сына'.

Самостоятельное употребление обобщительных числительных возможно в том случае, если к ним присоединяются притяжательные суффиксы *-ным*, *-ныт*, *-ныс*, которые вносят в обобщительное числительное значение лица: *кыкнанным* 'оба [мы]', *кыкнанныт* 'оба [вы]', *кыкнанныс* 'оба [они]'.

Обобщительные числительные с притяжательными суффиксами принято называть **лично-обобщительными**.

Склонение лично-обобщительных числительных

кык 'два', *кыкнан-* 'оба'

Падеж	1 л.	2 л.	3 л.
Им.	<i>кык-нан-ным</i> 'мы оба'	<i>кык-нан-ныт</i> 'вы оба'	<i>кык-нан-ныс</i> 'они двое'
Род.	<i>кык-нан-ным-лөн</i>	<i>кык-нан-ныт-лөн</i>	<i>кык-нан-ныс-лөн</i>
Притяж.	<i>кык-нан-ным-лиссь</i>	<i>кык-нан-ныт-лиссь</i>	<i>кык-нан-ныс-лиссь</i>
Дат.	<i>кык-нан-ным-лө</i>	<i>кык-нан-ныт-лө</i>	<i>кык-нан-ныс-лө</i>
Вин.	<i>кык-нан-ным-ос</i>	<i>кык-нан-ны-тө</i>	<i>кык-нан-ны-сө</i>
Твор.	<i>кык-нан-на-ным</i>	<i>кык-нан-на-ныт</i>	<i>кык-нан-на-ныс</i>
Соед.	<i>кык-нан-ным-көт</i>	<i>кык-нан-ныт-көт</i>	<i>кык-нан-ныс-көт</i>
Лиш.	<i>кык-нан-ным-төг</i>	<i>кык-нан-ныт-төг</i>	<i>кык-нан-ныс-төг</i>
Достиг.	<i>кык-нан-ным-ла</i>	<i>кык-нан-ныт-ла</i>	<i>кык-нан-ныс-ла</i>
Сравн.	<i>кык-нан-ным-ся</i>	<i>кык-нан-ныт-ся</i>	<i>кык-нан-ныс-ся</i>
Местн.	<i>кык-нана-ным</i>	<i>кык-нана-ныт</i>	<i>кык-нана-ныс</i>
Исходн.	<i>кык-нан-си-ным</i>	<i>кык-нан-си-ныт</i>	<i>кык-нан-си-ныс</i>
Вступ.	<i>кык-нана-ным</i>	<i>кык-нана-ныт</i>	<i>кык-нана-ныс</i>
Прибл.	<i>кык-нан-ным-лань</i>	<i>кык-нан-ныт-лань</i>	<i>кык-нан-ныс-лань</i>
	<i>кык-нан-лания-ным</i>	<i>кык-нан-лания-ныт</i>	<i>кык-нан-лания-ныс</i>
Отдал.	<i>кык-нан-ным-сянь</i>	<i>кык-нан-ныт-сянь</i>	<i>кык-нан-ныс-сянь</i>
	<i>кык-нан-сяня-ным</i>	<i>кык-нан-сяня-ныт</i>	<i>кык-нан-сяня-ныс</i>
Перех.	<i>кык-нан-оття-ным</i>	<i>кык-нан-оття-ныт</i>	<i>кык-нан-оття-ныс</i>
	<i>кык-нан-отти-ным</i>	<i>кык-нан-отти-ныт</i>	<i>кык-нан-отти-ныс</i>
Предел.	<i>кык-нан-одзза-ным</i>	<i>кык-нан-одзза-ныт</i>	<i>кык-нан-одзза-ныс</i>
	<i>кык-нан-одззи-ным</i>	<i>кык-нан-одззи-ныт</i>	<i>кык-нан-одззи-ныс</i>

öтік 'один'

Падеж	1 л.	2 л.	3 л.
Ед. ч.			
Им.	<i>öt-нам</i> 'я один'	<i>öt-нат</i> 'ты один'	<i>öt-нас</i> 'он один'
Род.	<i>öt-нам-лөн</i>	<i>öt-нат-лөн</i>	<i>öt-нас-лөн</i>
Притяж.	<i>öt-нам-лись</i>	<i>öt-нат-лись</i>	<i>öt-нас-лись</i>
Дат.	<i>öt-нам-лө</i>	<i>öt-нат-лө</i>	<i>öt-нас-лө</i>
Вин.	<i>öt-нам-өс</i>	<i>öt-нат-ө</i>	<i>öt-нас-ө</i>
Твор.	<i>öt-нам-өн</i>	<i>öt-нат-өн</i>	<i>öt-нас-өн</i>
Соед.	<i>öt-нам-көт</i>	<i>öt-нат-көт</i>	<i>öt-нас-көт</i>
Лиш.	<i>öt-нам-төг</i>	<i>öt-нат-төг</i>	<i>öt-нас-төг</i>
Достиг.	<i>öt-нам-ла</i>	<i>öt-нат-ла</i>	<i>öt-нас-ла</i>
Сравн.	<i>öt-нам-ся</i>	<i>öt-нат-ся</i>	<i>öt-нас-ся</i>
Местн.	<i>öt-нам-ын</i>	<i>öt-нат-ын</i>	<i>öt-нас-ын</i>
Исходн.	<i>öt-нам-ись</i>	<i>öt-нат-ись</i>	<i>öt-нас-ись</i>
Вступ.	<i>öt-нам-ө</i>	<i>öt-нат-ө</i>	<i>öt-нас-ө</i>
Прибл.	<i>öt-нам-лань</i>	<i>öt-нат-лань</i>	<i>öt-нас-лань</i>
Отдал.	<i>öt-нам-сянь</i>	<i>öt-нат-сянь</i>	<i>öt-нас-сянь</i>
Перех.	<i>öt-нам-öt</i>	<i>öt-нат-öt</i>	<i>öt-нас-öt</i>
Предел.	<i>öt-нам-өдз</i>	<i>öt-нат-өдз</i>	<i>öt-нас-өдз</i>
Мн. ч.			
Им.	<i>öt-на-ным</i> 'мы одни'	<i>öt-на-ныт</i> 'вы одни'	<i>öt-на-ныс</i> 'они одни'
Род.	<i>öt-на-ным-лөн</i>	<i>öt-на-ныт-лөн</i>	<i>öt-на-ныс-лөн</i>
Притяж.	<i>öt-на-ным-лись</i>	<i>öt-на-ныт-лись</i>	<i>öt-на-ныс-лись</i>
Дат.	<i>öt-на-ным-лө</i>	<i>öt-на-ныт-лө</i>	<i>öt-на-ныс-лө</i>
Вин.	<i>öt-на-ным-өс</i>	<i>öt-на-ныт-ө</i>	<i>öt-на-ныс-ө</i>
Твор.	<i>öt-на-ным-өн</i>	<i>öt-на-ныт-өн</i>	<i>öt-на-ныс-өн</i>
Соед.	<i>öt-на-ным-көт</i>	<i>öt-на-ныт-көт</i>	<i>öt-на-ныс-көт</i>
Лиш.	<i>öt-на-ным-төг</i>	<i>öt-на-ныт-төг</i>	<i>öt-на-ныс-төг</i>
Достиг.	<i>öt-на-ным-ла</i>	<i>öt-на-ныт-ла</i>	<i>öt-на-ныс-ла</i>
Сравн.	<i>öt-на-ным-ся</i>	<i>öt-на-ныт-ся</i>	<i>öt-на-ныс-ся</i>
Местн.	<i>öt-на-ным-ын</i>	<i>öt-на-ныт-ын</i>	<i>öt-на-ныс-ын</i>
Исходн.	<i>öt-на-ным-ись</i>	<i>öt-на-ныт-ись</i>	<i>öt-на-ныс-ись</i>
Вступ.	<i>öt-на-ным-ө</i>	<i>öt-на-ныт-ө</i>	<i>öt-на-ныс-ө</i>
Прибл.	<i>öt-на-ным-лань</i>	<i>öt-на-ныт-лань</i>	<i>öt-на-ныс-лань</i>
Отдал.	<i>öt-на-ным-сянь</i>	<i>öt-на-ныт-сянь</i>	<i>öt-на-ныс-сянь</i>
Перех.	<i>öt-на-ным-öt</i>	<i>öt-на-ныт-öt</i>	<i>öt-на-ныс-öt</i>
Предел.	<i>öt-на-ным-өдз</i>	<i>öt-на-ныт-өдз</i>	<i>öt-на-ныс-өдз</i>

Сочетаясь с существительными и местоимениями, лично-обобщительные числительные согласуются с определяемыми словами в падеже и числе, например: *менö ötнамөс корисö школаö* 'меня одного пригласили в школу'; *миянөс ötнанымөс корисö школаö* 'нас одних пригласили в школу'; *зоннэсянь кыкнанныссянь пыр вовлөны письмозз* 'от обоих сыновей регулярно приходят письма'.

МЕСТОИМЕНЕНИЯ

Личные местоимения

§ 30. К личным местоимениям относятся:

<i>ме</i> 'я'	<i>ми(йö)</i> 'мы'
<i>тэ</i> 'ты'	<i>ті(йö)</i> 'вы'
<i>сія</i> 'он, она, оно'	<i>нія</i> 'они'

В коми-пермяцком языке личные местоимения в форме именительного падежа могут выступать в качестве определения, например: *эта вöлі ме син одзын* 'это было на моих глазах'. В этой же роли употребляются краткие формы местоимений *сія* и *нія* — *сы* и *ны*: *сы керкуын* 'в его (её) доме'; *ны колхозись* 'из их колхоза'.

С послелогоми личные местоимения 1 и 2 л. ед. ч. употребляются в формах именительного падежа. Личные местоимения 3 л. ед. и мн. ч. употребляются в кратких формах *сы*, *ны*, а усилительно-личные — в форме *ас*, например: *ме одзын* 'передо мной', *тэ бöрын* 'за тобой', *сы одзын* 'перед ним', *ас одзас* 'перед собой [он]', *ны дырни* 'при них'.

Склонение личных местоимений

Падеж	1 л.	2 л.	3 л.
	Ед. ч.		
Им.	<i>ме</i> 'я'	<i>тэ</i> 'ты'	<i>сія</i> 'он, она, оно'
Род.	<i>мен-ам</i>	<i>тэн-ат</i>	<i>сы-лөн</i>
Притяж.	<i>мен-чим</i>	<i>тэн-чит</i>	<i>сы-лісь</i>
Дат.	<i>мен-ым</i>	<i>тэн-ыт</i>	<i>сы-лö</i>
Вин.	<i>мен-ö</i>	<i>тэн-ö</i>	<i>сійö</i>
Твор.	<i>ме-өн</i>	<i>тэ-өн</i>	<i>сы-өн</i>
Соед.	<i>ме-кöт</i>	<i>тэ-кöт</i>	<i>сы-кöт</i>
Лиш.	<i>ме-тöг</i>	<i>тэ-тöг</i>	<i>сы-тöг</i>
Достиг.	<i>ме-ла</i>	<i>тэ-ла</i>	<i>сы-ла</i>
Сравн.	<i>ме-ссия</i>	<i>тэ-ссия</i>	<i>сы-ссия</i>
Местн.	<i>ме-ын</i>	<i>тэ-ын</i>	<i>сы-ын</i>
Исходн.	<i>ме-ись</i>	<i>тэ-ись</i>	<i>сы-ись</i>
Вступ.	<i>ме-ö</i>	<i>тэ-ö</i>	<i>сы-ö</i>
Прибл.	<i>ме-лань</i>	<i>тэ-лань</i>	<i>сы-лань</i>
Отдал.	<i>ме-сянь</i>	<i>тэ-сянь</i>	<i>сы-сянь</i>
Перех.	<i>ме-öт</i>	<i>тэ-öт</i>	<i>сы-öт</i>
Предел.	<i>ме-öдз</i>	<i>тэ-öдз</i>	<i>сы-öдз</i>
Мн. ч.			
Им.	<i>ми(йö)</i> 'мы'	<i>ті(йö)</i> 'вы'	<i>нія</i> 'они'
Род.	<i>ми-ян</i>	<i>ті-ян</i>	<i>ны-лөн</i>
Притяж.	<i>ми-ян-лісь</i>	<i>ті-ян-лісь</i>	<i>ны-лісь</i>
Дат.	<i>ми-ян-лö</i>	<i>ті-ян-лö</i>	<i>ны-лö</i>
Вин.	<i>ми-ян-öс</i>	<i>ті-ян-öс</i>	<i>ні-йö</i>
Твор.	<i>ми-ян-өн</i>	<i>ті-ян-өн</i>	<i>ны-өн</i>
Соед.	<i>ми-ян-кöт</i>	<i>ті-ян-кöт</i>	<i>ны-кöт</i>

КРАТКИЙ ГРАММАТИЧЕСКИЙ ОЧЕРК КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО ЯЗЫКА

Лиш.	<i>ми-ян-тöг</i>	<i>ти-ян-тöг</i>	<i>ны-тöг</i>
Достиг.	<i>ми-ян-ла</i>	<i>ти-ян-ла</i>	<i>ны-ла</i>
Сравн.	<i>ми-ян-ся</i>	<i>ти-ян-ся</i>	<i>ны-ссия</i>
Местн.	<i>ми-ян-ын</i>	<i>ти-ян-ын</i>	<i>ны-ын</i>
Исходн.	<i>ми-ян-ись</i>	<i>ти-ян-ись</i>	<i>ны-ись</i>
Вступ.	<i>ми-ян-ö</i>	<i>ти-ян-ö</i>	<i>ны-ö</i>
Прибл.	<i>ми-ян-лань</i>	<i>ти-ян-лань</i>	<i>ны-лань</i>
Отдал.	<i>ми-ян-сянь</i>	<i>ти-ян-сянь</i>	<i>ны-сянь</i>
Перех.	<i>ми-ян-öт</i>	<i>ти-ян-öт</i>	<i>ны-öт</i>
Предел.	<i>ми-ян-öдз</i>	<i>ти-ян-öдз</i>	<i>ны-öдз</i>

Усилительно-личные местоимения

§ 31. К усилительно-личным местоимениям относятся:

<i>ачым</i> 'я сам(а)'	<i>асьным</i> 'мы сами'
<i>ачыт</i> 'ты сам(а)'	<i>асьныт</i> 'вы сами'
<i>ачыс</i> 'он(а) сам(а)'	<i>асьныс</i> 'они сами'

Усилительно-личные местоимения чаще употребляются с именами существительными или личными местоимениями, значение которых усиливают. В винительном падеже формы усилительно-личных местоимений соответствуют русскому местоимению 'себя': *ачымöс адзза* 'я сам(а) себя вижу', *асьтö берегит* 'ты сам себя береги'.

Формы родительного падежа усилительно-личных и личных местоимений соответствуют русскому местоимению 'свой': *сия быдöс керис аслас киззöн* 'он всё сделал своими руками'.

При изменении по падежам основа усилительно-личных местоимений видоизменяется, и в некоторых падежах окончания сливаются с определённо-притяжательными суффиксами.

Склонение усилительно-личных местоимений

Падеж	1 л.	2 л.	3 л.
	Ед. ч.		
Им.	<i>ачым</i> 'я сам(а)'	<i>ачыт</i> 'ты сам(а)'	<i>ачыс</i> 'он сам, она сама'
Род.	<i>аслам</i>	<i>аслат</i>	<i>аслас</i>
Притяж.	<i>ассим</i>	<i>ассит</i>	<i>ассис</i>
Дат.	<i>аслым</i>	<i>аслыт</i>	<i>аслыс</i>
Вин.	<i>ачымöс</i>	<i>асьтö</i>	<i>асьсö</i>
Твор.	<i>ачымöн (аснам)</i>	<i>аснат</i>	<i>аснас</i>
Соед.	<i>аскöттям</i>	<i>аскöттят</i>	<i>аскöттяс</i>
	<i>аскöттим</i>	<i>аскöттит</i>	<i>аскöттис</i>
Лиш.	<i>астöгьям</i>	<i>астöгьят</i>	<i>астöгьяс</i>
	<i>астöгийим</i>	<i>астöгийит</i>	<i>астöгийис</i>
Достиг.	<i>ачымла</i>	<i>ачытла</i>	<i>ачысла (асла)</i>
Сравн.	<i>ассям</i>	<i>ассят</i>	<i>ассяс</i>
Местн.	<i>ачымын (асам)</i>	<i>асат</i>	<i>асас</i>
Исходн.	<i>ассим</i>	<i>ассит</i>	<i>ассис</i>
Вступ.	<i>ачымö (асö)</i>	<i>асат</i>	<i>асас</i>

АНТОНИНА СЕМЁНОВНА КРИВОЩЁКОВА-ГАНТМАН

Прибл.	<i>асланым</i>	<i>асланыт</i>	<i>асланыс</i>
Отдал.	<i>ассяням</i>	<i>ассянят</i>	<i>ассяняс</i>
Перех.	<i>асоттям</i>	<i>асоттят</i>	<i>асоттяс</i>
	<i>асоттим</i>	<i>асоттит</i>	<i>асоттис</i>
Предел.	<i>асоддзам</i>	<i>асоддзат</i>	<i>асоддзас</i>
	<i>асоддзим</i>	<i>асоддзит</i>	<i>асоддзис</i>
Мн. ч.			
Им.	<i>асьным 'мы сами'</i>	<i>асьныт 'вы сами'</i>	<i>асьныс 'они сами'</i>
Род.	<i>асланым</i>	<i>асланыт</i>	<i>асланыс</i>
Притяж.	<i>ассиным</i>	<i>ассиnyt</i>	<i>ассиныс</i>
Дат.	<i>аслыным</i>	<i>аслыныт</i>	<i>аслыныс</i>
Вин.	<i>асьнымөс</i>	<i>асьнытө</i>	<i>асьнысө</i>
Твор.	<i>аснаным</i>	<i>аснаныт</i>	<i>аснаныс</i>
Соед.	<i>аскоттяным</i>	<i>аскоттяныт</i>	<i>аскоттяныс</i>
	<i>аскоттиным</i>	<i>аскоттиныт</i>	<i>аскоттиныс</i>
Лиц.	<i>астөгьяным</i>	<i>астөгьяныт</i>	<i>астөгьяныс</i>
	<i>астөгйиным</i>	<i>астөгйиныт</i>	<i>астөгйиныс</i>
Достиг.	<i>асьнымла</i>	<i>асьнытла</i>	<i>асьнысла</i>
Сравн.	<i>ассяным</i>	<i>ассяныт</i>	<i>ассяныс</i>
Местн.	<i>асаным</i>	<i>асаныт</i>	<i>асаныс</i>
Исходн.	<i>ассиным</i>	<i>ассиnyt</i>	<i>ассиныс</i>
Вступ.	<i>асаным</i>	<i>асаныт</i>	<i>асаныс</i>
Прибл.	<i>асланыным</i>	<i>асланыныт</i>	<i>асланыныс</i>
Отдал.	<i>ассяныным</i>	<i>ассяныныт</i>	<i>ассяныныс</i>
Перех.	<i>асоттяным</i>	<i>асоттяныт</i>	<i>асоттяныс</i>
	<i>асоттиным</i>	<i>асоттиныт</i>	<i>асоттиныс</i>
Предел.	<i>асоддзаным</i>	<i>асоддзаныт</i>	<i>асоддзаныс</i>
	<i>асоддзиным</i>	<i>асоддзиныт</i>	<i>асоддзиныс</i>

Взаимно-личные местоимения

§ 32. Взаимно-личные местоимения образуются от основы *отамөд-*, употребляющейся в формах косвенных падежей и в сочетании с послелогоми: *отамөдкөт* 'друг с другом', *ота-мөдлө* 'друг другу', *отамөд иылись* 'друг о друге', *отамөд понда* 'друг за друга (*постоять*)'.

Если к *отамөд* присоединяются суффиксы *-ным, -ныт, -ныс*, то образуются взаимно-личные местоимения *отамөдным, отамөдныт, отамөдныс*, которые склоняются как обычные существительные и сочетаются с послелогоми, например: *отамөднымөс ми бура вежөртам* 'друг друга мы хорошо понимаем', *ня отамөдныс коласын бура лөсялөны* 'они друг с другом хорошо ладят'.

Вопросительно-относительные местоимения

§ 33. Вопросительно-относительные местоимения: *кин* 'кто', *мый* 'что', *көда* 'который', *кытшөм* 'какой', *кыным* 'сколько'. Местоимения *кин, мый, көда* изменяются по падежам, имеют форму множественного числа. К местоимению *көда* присоединяются определённо-притяжательные суффиксы.

Склонение вопросительно-относительных местоимений

Падеж	Ед. ч.		Мн. ч	
	кин 'кто'	мый 'что'	киннэз	мыйез
Род.	кин-лөн	мый-лөн	киннэз-лөн	мыйез-лөн
Притяж.	кин-лись	мый-лись	киннэз-лись	мыйез-лись
Дат.	кин-лө	мый-лө	киннэз-лө	мыйез-лө
Вин.	кин-öс	мый	киннэз-öс	мыйез
Твор.	кин-өн	мый-өн	киннэз-өн	мыйез-өн
Соед.	кин-көт	мый-көт	киннэз-көт	мыйез-көт
Лиш.	кин-төг	мый-төг	киннэз-төг	мыйез-төг
Достиг.	кин-ла	мый-ла	киннэз-ла	мыйез-ла
Сравн.	кин-ся	мый-ся	киннэз-ся	мыйез-ся
Местн.	кин-ын	мый-ын	киннэз-ын	мыйез-ын
Исходн.	кин-ись	мый-ись	киннэз-ись	мыйез-ись
Вступ.	кин-ö	мый-ö	киннэз-ö	мыйез-ö
Прибл.	кин-лань	мый-лань	киннэз-лань	мыйез-лань
Отдал.	кин-сянь	мый-сянь	киннэз-сянь	мыйез-сянь
Перех.	кин-öt	мый-öt	киннэз-öt	мыйез-öt
Предел.	кин-öдз	мый-öдз	киннэз-öдз	мыйез-öдз

**Склонение вопросительно-относительного местоимения
кöда 'который'**

Падеж		1 л.	2 л.	3 л.
Им.	кöда	кöдным 'который из нас'	кöдныт 'который из вас'	кöдныс 'который из них'
Род.	кöда-лөн	кöдным-лөн	кöдныт-лөн	кöдныс-лөн
Притяж.	кöда-лись	кöдным-лись	кöдныт-лись	кöдныс-лись
Дат.	кöда-лө	кöдным-лө	кöдныт-лө	кöдныс-лө
Вин.	кöд-ö	кöдным-öс	кöдныт-ö	кöдныс-ö
Твор.	кöд-өн	кöдным-өн, кöд-на-ным	кöдныт-өн, кöд-на-ныт	кöдныс-өн, кöд-на-ныс
Соед.	кöда-көт	кöдным-көт	кöдныт-көт	кöдныс-көт
Лиш.	кöда-төг	кöдным-төг	кöдныт-төг	кöдныс-төг
Достиг.	кöда-ла	кöдным-ла	кöдныт-ла	кöдныс-ла
Сравн.	кöда-ся	кöдным-ся	кöдныт-ся	кöдныс-ся
Местн.	кöда-ын	кöдным-ын	кöдныт-ын	кöдныс-ын
Исходн.	кöда-ись	кöдным-ись	кöдныт-ись	кöдныс-ись
Вступ.	кöда-ö	кöдным-ö	кöдныт-ö	кöдныс-ö
Прибл.	кöда-лань	кöдным-лань	кöдныт-лань	кöдныс-лань
Отдал.	кöда-сянь	кöдным-сянь	кöдныт-сянь	кöдныс-сянь
Перех.	кöда-öt	кöдным-öt	кöдныт-öt	кöдныс-öt
Предел.	кöда-öдз	кöдным-öдз	кöдныт-öдз	кöдныс-öдз

Отрицательные местоимения

§ 34. Отрицательные местоимения образуются от вопросительных с помощью приставки **не-**. К ним относятся: *некин* 'никто', *некытшöм* 'никакой', *некöда* 'ни тот, ни

другой'. Местоимение *некõда* может употребляться с личными суффиксами: *некõдным* 'никто из [нас] двоих', *некõднымт* 'никто из [вас] двоих', *некõднымс* 'никто из [них] двоих'. Эти местоимения могут изменяться по падежам, подобно существительным, и выступать в синтаксической роли имён существительных, например: *некõднымõс некин эз адззыв* 'никого из [нас] двоих никто не видел'; *некõднымсыянь письмоэс эзõ вовлõ* 'ни от кого из [них] двоих писем не было'.

Неопределенные местоимения

§ 35. Неопределенные местоимения образуются от вопросительно-относительных с помощью суффикса *-кõ*, а также частицы *-нибудь* (ср. рус. *-нибудь*). К ним относятся: *кинкõ* 'кто-то', *мыйкõ* 'что-то', *кõдакõ* 'который-то', *кытшõмкõ* 'какой-то', *мымдакõ* 'сколько-то'. Неопределенные местоимения могут изменяться по падежам, подобно вопросительным, например: *кинлõнкõ* 'у кого-то' (род. п.), *кинлõкõ* 'кому-то' (дат. п.), *кинõскõ* 'кого-то' (вин. п.). Суффикс неопределённых местоимений *-кõ* стоит за падежным суффиксом.

Указательные местоимения

§ 36. К ним относятся: *эта, этя* 'этот, эта, это'; *эна, эня, эня* 'вон те'; *сэтиõм* 'такой', *эттиõм* 'вот такой'. Указательное значение также имеют личные местоимения 3 л. *сия* 'тот, та, то'; *ня* 'те'.

Указательные местоимения склоняются как имена существительные.

§ 37. Местоимение *эта* 'этот, эта, это' в роли определения может согласоваться с существительным в числе и падеже: *эта книгаыс* 'эта книга', *эна книгаэс* 'эти книги', *этõ книгасõ* (вин. п. ед. ч.) 'эту книгу', *энõ книгаэсõ* (вин. п. мн. ч.) 'эти книги'.

Обобщительно-определятельные местоимения

§ 38. К обобщительно-определятельным местоимениям относятся: *быд* 'всякий, любой', *быдõн* 'каждый', *быдõс* 'все; весь'.

Местоимение *быдõн* может принимать притяжательные суффиксы, которые в этом случае выражают значение лица, например: *быдõнным* 'все мы', *быдõннымт* 'все вы', *быдõннымс* 'все они'. Эти лично-обобщительные местоимения по значению субстантивны и склоняются по падежам.

Падеж	1 л.	2 л.	3 л.
Им.	<i>быдõнным</i> 'все мы'	<i>быдõннымт</i> 'все вы'	<i>быдõннымс</i> 'все они'
Род.	<i>быдõнным-лõн</i>	<i>быдõннымт-лõн</i>	<i>быдõннымс-лõн</i>
Притяж.	<i>быдõнным-лис</i>	<i>быдõннымт-лис</i>	<i>быдõннымс-лис</i>
Дат.	<i>быдõнным-лõ</i>	<i>быдõннымт-лõ</i>	<i>быдõннымс-лõ</i>
Вин.	<i>быдõнным-õс</i>	<i>быдõннымт-õ</i>	<i>быдõннымс-õ</i>
Твор.	<i>быдõнным-õн</i>	<i>быдõннымт-õн</i>	<i>быдõннымс-õн</i>
Соед.	<i>быдõнным-кõт</i>	<i>быдõннымт-кõт</i>	<i>быдõннымс-кõт</i>
Лиш.	<i>быдõнным-тõг</i>	<i>быдõннымт-тõг</i>	<i>быдõннымс-тõг</i>
Достиг.	<i>быдõнным-ла</i>	<i>быдõннымт-ла</i>	<i>быдõннымс-ла</i>
Сравн.	<i>быдõнным-ся</i>	<i>быдõннымт-ся</i>	<i>быдõннымс-ся</i>
Местн.	<i>быдõнным-ын</i>	<i>быдõннымт-ын</i>	<i>быдõннымс-ын</i>
Исходн.	<i>быдõнным-ис</i>	<i>быдõннымт-ис</i>	<i>быдõннымс-ис</i>

Вступ.	<i>быдённым-ö</i>	<i>быдённыт-ö</i>	<i>быдённыс-ö</i>
Прибл.	<i>быдённым-лань</i>	<i>быдённыт-лань</i>	<i>быдённыс-лань</i>
Отдал.	<i>быдённым-сянь</i>	<i>быдённыт-сянь</i>	<i>быдённыс-сянь</i>
Перех.	<i>быдённым-öт</i>	<i>быдённыт-öт</i>	<i>быдённыс-öт</i>
Предел.	<i>быдённым-öдз</i>	<i>быдённыт-öдз</i>	<i>быдённыс-öдз</i>

ГЛАГОЛ

§ 39. Неопределённая форма глагола (инфинитив) имеет показатель **-ны**: *мун-ны* 'идти, ехать', *вод-ны* 'лечь', *сёй-ны* 'есть', *ю-ны* 'пить'.

Глаголам коми-пермяцкого языка свойственны категории переходности и непереходности, наклонения, времени, лица, числа, залога и вида.

Наклонения глагола

§ 40. Глаголы коми-пермяцкого языка имеют три наклонения: изъявительное, повелительное, условное. Каждое из них проявляется в положительной и отрицательной формах.

§ 41. Глаголам **изъявительного наклонения** присущи категории:

1) времени: а) настоящее: *муна* 'иду'; б) будущее: (*ме ветла* 'я схожу, (я) съезжу'; в) первое прошедшее (прошедшее очевидное) время: *ме ветлі* 'я ходил, я ездил'; г) второе прошедшее (прошедшее неочевидное) время: *сія ветлём* 'он, оказывается, сходил; он, оказывается, ездил (съездил)';

2) единственного и множественного числа: *тэ уджалін* 'ты работал'; *тійö уджалітö* 'вы работали';

3) первого, второго и третьего лица: *гижі* '(я) писал, писала', *гижин* '(ты) писал, писала'; *гижис* '(он, она) писал, писала'.

§ 42. **Повелительное наклонение:**

а) во 2 л. ед. ч. совпадает с глагольной основой: *ветлы* 'сходи, съезди' (от *ветлыны* 'сходить'), *кывзы* 'слушай' (от *кывзыны* 'слушать'), *лыддьы* 'читай' (от *лыддьыны* 'читать'), *мун* 'иди' (от *мунны* 'идти'), *кер* 'сделай' (от *керыны* 'делать'), *вай* 'принеси' (от *вайны* 'принести');

б) во 2 л. мн. ч. имеет флексию **-б**, присоединяемую к согласному основы: *ветлö* 'сходите, съездите'; *кывзö* 'слушайте'; *вайö* 'принесите'. Эта форма может осложняться заимствованным из русского языка постфиксом **-те**: *мунöте* 'идите', *босьтöте* 'принесите; купите';

в) в 3 л. ед. и мн. ч. образуется с помощью частицы **ась** или **мед** 'пусть': *ась мунö* или *мед мунö* 'пусть ходит'; *ась гижö* или *мед гижö* 'пусть напишет'; *ась гижöны* или *мед гижöны* 'пусть напишут';

г) в **отрицательной форме** 2 л. ед. ч. глаголы получают отрицательную частицу **эн** 'не': *эн гиж* 'не пиши', *эн мун* 'не ходи'; 2 л. мн. ч. — частицу **эд(ö)**: *эд(ö) гижö* 'не пишете', *эд(ö) мунö* 'не ходите'; 3 л. ед. и мн. числа — частицы **ась оз**, **мед оз**: *ась оз мун* 'пусть не идет'; *ась озö*, *мед озö*: *ась озö мунö* 'пусть не идут', *мед озö весь пукалö* 'пусть зря не сидят'.

§ 43. Глаголы **условного наклонения** обозначают предполагаемое, возможное, желаемое действие и сопровождаются частицей **бы**, заимствованной из русского языка: *ме бы муна* 'я хочу идти', *ме бы ог мун* 'я не хочу идти'; *тэ бы мунан* 'ты хочешь идти'; *сія бы мунö* 'он (она) хочет идти'.

Времена глагола

§ 44. Глаголы коми-пермяцкого языка имеют четыре времени: настоящее, будущее, первое прошедшее (прошедшее очевидное), второе прошедшее (прошедшее неочевидное).

§ 45. **Первое прошедшее время** отличается от второго прошедшего времени тем, что первое выражает действие, совершающееся в присутствии говорящего, второе — действие, свидетелем которого говорящий не был, например: *сия гижис* 'он писал (в присутствии говорящего)'; *сия гижём* 'он писал (в отсутствии говорящего)'.
 При переводе на русский язык форма второго прошедшего времени передается с помощью вводного слова «оказывается», например: *сия гижём* 'он, оказывается, написал'; *тэ локтöмыт* 'ты, оказывается, приехал'.

§ 46. **Во втором прошедшем времени** глаголы употребляются только в форме 2 и 3 лица, в повелительном наклонении — только в форме 2 лица.

Личные суффиксы глагола

Лицо	Время			
	Настоящее	Будущее	Первое прошедшее	Второе прошедшее
	Ед. ч.			
1 л.	-а	-а	-и (-i)	—
2 л.	-ан	-ан	-ин (-in)	-öмыт
3 л.	-ö	-ас	-ис (-ic)	-öм(а)
Мн. ч.				
1 л.	-ам(ö)	-ам(ö), -ям(ö)	-им(ö), -ім(ö)	—
2 л.	-ат(ö)	-ат(ö), -ят(ö)	-ит(ö), -іт(ö)	-öмась
3 л.	-öны	-асö, -ясö	-исö (-icö)	-öмась

Спряжение глагола

§ 47. В коми-пермяцком языке глаголы спрягаются в утвердительной и отрицательной формах. В утвердительной форме изменяется сам глагол, к основе которого присоединяются различные словоизменительные суффиксы: **-а**, **-ан**, **-ö**. Отрицательная форма строится аналитически и состоит из 2 слов: из усеченных отрицательных глаголов-частиц и обслуживаемых ими знаменательных глаголов. Они выражают, помимо отрицания, время, число и лицо. При этом значение лица и времени передается отрицательным глаголом-частицей, а значение числа выражается как отрицательным глаголом, так и отрицательной формой, например: *он мун* 'не пойдёшь', *од(ö) мунö* 'не пойдёте'.

Отрицательный глагол-частица сохранил в застывшем виде формы лица (*ог* 'я не...', *он* 'ты не...', *оз* 'он не...'), времени (*ог* — *эг*, *он* — *эн*, *оз* — *эз*) и числа (*он* — *од(ö)*, *эн* — *эд(ö)*) и может употребляться отдельно, например: *тэ талун уджалан?* — *Ог* 'ты сегодня работаешь? — Нет (не работаю)'.

Полнозначный глагол, употребляющийся с отрицательным глаголом-частицей, в единственном числе имеет нулевую форму или получает оформление на **-ы**, во множественном числе выступает с суффиксом **-ö**; см. таблицу.

Спряжение глаголов
мунны 'идти', ветлыны 'сходить, съездить'

Лицо	Утвердительная форма		Отрицательная форма	
	Ед. ч.	Мн. ч.	Ед. ч.	Мн. ч.
Изъявительное наклонение				
настоящее время				
1 л.	мун-а	мун-ам(ö)	ог мун	ог(ö) мун-ö
	ветл-а	ветл-ам(ö)	ог ветл-ы	ог(ö) ветл-ö
2 л.	мун-ан	мун-ат(ö)	он мун	од(ö) мун-ö
	ветл-ан	ветл-ат(ö)	он ветл-ы	од(ö) ветл-ö
3 л.	мун-ö	мун-öны	оз-мун	оз(ö) мун-ö
	ветл-ö	ветл-öны	оз ветл-ы	оз(ö) ветл-ö
будущее время				
1 л.	мун-а	мун-ам(ö)	ог мун	ог(ö) мун-ö
	ветл-а	ветл-ам(ö)	ог ветл-ы	ог(ö) ветл-ö
2 л.	мун-ан	мун-ат(ö)	он мун	од(ö) мун-ö
	ветл-ан	ветл-ат(ö)	он ветл-ы	од(ö) ветл-ö
3 л.	мун-ас	мун-ас-ö	оз мун	оз(ö) мун-ö
	ветл-ас	ветл-ас-ö	оз ветл-ы	оз(ö) ветл-ö
первое прошедшее время				
1 л.	мун-и	мун-им(ö)	эг мун	эг(ö) мун-ö
	ветл-и	ветл-им(ö)	эг ветл-ы	эг(ö) ветл-ö
2 л.	мун-ин	мун-ит(ö)	эн мун	эд(ö) мун-ö
	ветл-ин	ветл-ит(ö)	эн ветл-ы	эд(ö) ветл-ö
3 л.	мун-ис	мун-исö	эз мун	эз(ö) мун-ö
	ветл-ис	ветл-исö	эз ветл-ы	эз(ö) ветл-ö
второе прошедшее время				
1 л.	—	—	—	—
2 л.	мун-öмыт	мун-öмась	абу мун-öмыт	абу мун-öмась
	ветл-öмыт	ветл-öмась	абу ветл-öмыт	абу ветл-öмась
3 л.	мун-öм(а)	мун-öмась	абу мун-öм(а)	абу мун-öмась
	ветл-öм(а)	ветл-öмась	абу ветл-öм(а)	абу ветл-öмась
Повелительное наклонение				
2 л.	мун	мун-ö	эн мун	эд(ö) мун-ö
	ветл-ы	ветл-ö	эн ветл-ы	эд(ö) ветл-ö
Условное наклонение				
1 л.	мун-и бы	мун-им(ö) бы	эг мун бы	эг(ö) мун-ö бы
	ветл-и бы	ветл-им(ö) бы	эг ветл-ы бы	эг(ö) ветл-ö бы
2 л.	мун-ин бы	мун-ит(ö) бы	эн мун бы	эд(ö) мун-ö бы
	ветл-ин бы	ветл-ит(ö) бы	эн ветл-ы бы	эд(ö) ветл-ö бы
3 л.	мун-ис бы	мун-исö бы	эз мун бы	эз(ö) мун-ö бы
	ветл-ис бы	ветл-исö бы	эз ветл-ы бы	эз(ö) ветл-ö бы

**Спряжение вспомогательных глаголов
вѳны 'быть, существовать, иметься' и лоны 'являться, делаться,
становиться'**

Лицо	Утвердительная форма		Отрицательная форма	
	Ед. ч.	Мн. ч.	Ед. ч.	Мн. ч.
Изъявительное наклонение				
настоящее время				
1 л.	эм	эмѳсь	абу	абуѳсь
	лоа	лоам(ѳ)	ог ло	ог(ѳ) лоѳ
2 л.	эм	эмѳсь	абу	абуѳсь
	лоан	лоат(ѳ)	он ло	од(ѳ) лоѳ
3 л.	эм	эмѳсь	абу	абуѳсь
	лоѳ	лоѳны	оз ло	оз(ѳ) лоѳ
будущее время				
1 л.	—	—	—	—
	лоа	лоам(ѳ)	ог ло	ог(ѳ) лоѳ
2 л.	—	—	—	—
	лоан	лоат(ѳ)	он ло	од(ѳ) лоѳ
3 л.	—	—	—	—
	лоас	лоасѳ	оз ло	оз(ѳ) лоѳ
первое прошедшее время				
1 л.	вѳлі	вѳлім(ѳ)	эг вѳв	эг(ѳ) вѳлѳ
	лои	лоим(ѳ)	эг ло	эг(ѳ) лоѳ
2 л.	вѳлін	вѳліт(ѳ)	эн вѳв	эд(ѳ) вѳлѳ
	лоин	лоит(ѳ)	эн ло	эд(ѳ) лоѳ
3 л.	вѳлі(с)	вѳлісѳ	эз вѳв	эз(ѳ) вѳлѳ
	лоис	лоисѳ	эз ло	эз(ѳ) лоѳ
второе прошедшее время				
1 л.	—	—	—	—
2 л.	вѳлѳмыт	вѳлѳмась	абу вѳлѳмыт	абу вѳлѳмась
	лоѳмыт	лоѳмась	абу лоѳмыт	абу лоѳмась
3 л.	вѳлѳм(а)	вѳлѳмась	абу вѳлѳм(а)	абу вѳлѳмась
	лоѳм(а)	лоѳмась	абу лоѳм(а)	абу лоѳмась
Повелительное наклонение				
2 л.	—	—	—	—
	ло	лоѳ	эн ло	эд(ѳ) лоѳ
Условное наклонение				
1 л.	вѳлі бы	вѳлім(ѳ) бы	эг вѳв бы	эг(ѳ) вѳлѳ бы
	лои бы	лоим(ѳ) бы	эг ло бы	эг(ѳ) лоѳ бы
2 л.	вѳлін бы	вѳліт(ѳ) бы	эн вѳв бы	эд(ѳ) вѳлѳ бы
	лоин бы	лоит(ѳ) бы	эн ло бы	эд(ѳ) лоѳ бы
3 л.	вѳлі(с) бы	вѳлісѳ бы	эз вѳв бы	эз(ѳ) вѳлѳ бы
	лоис бы	лоисѳ бы	эз ло бы	эз(ѳ) лоѳ бы

Категории вида и залога

§ 48. Категория вида в коми-пермяцком языке выражает количественную характеристику протекания действия. Действие может совершаться однократно (однократный вид), многократно (многократный вид), мгновенно (мгновенный вид), длительно (длительный вид), оно может быть сосредоточенным или рассредоточенным во времени и в пространстве, а также законченным и незаконченным. Видовые значения и выражающие их формообразующие суффиксы достаточно полно показаны в словаре.

§ 49. Категория залога. В коми-пермяцком языке выделяются три залога: действительный, возвратный и пассивный.

Глаголы действительного залога особых морфологических показателей не имеют. Они обозначают:

а) действие, связанное только с субъектом (не переходящее на объект): *куйлö* 'лежит', *мунö* 'идет';

б) действие, переходящее на объект: *лыддьöтöны* 'читают', *гöрöны* 'пашут'.

§ 50. Глаголы возвратного залога образуются при помощи суффиксов *-сь(ы)*, *-зь(ы)*, *-ч(ы)*.

Основные значения возвратных глаголов

а) собственно-возвратное значение (*миссьыны* 'умываться', *кöмасьны* 'обуться'),

б) взаимно-возвратное значение (*окасьны* 'целоваться', *тышкасьны* 'драться'),

в) глаголы со значением 'заниматься чем-л.' (*гöрдззисьны* 'заниматься вязкой', *керасьны* 'заниматься рубкой (например, леса)');

г) глаголы со значением законченности действия (*юсьыны* 'закончиться — о выпивке')

§ 51. Глаголы пассивного залога выражают переходное действие, совершаемое через посредство другого лица, которое не упоминается *вурöтны* 'дать (заказать) сшить что-л.', *вундöтны* 'заставить работать на жатве кого-л.', *уджöтны* 'заставить работать' и др.

Образование глаголов

§ 52. Глаголы образуются с помощью следующих суффиксов:

-(ы) — чаще от имен *гöрны* 'пахать' (*гöр* 'соха'), *зэрны* 'дождить' (*зэр* 'дождь'), *изны* 'молотить' (из 'камень'), *сывны* 'таять' (*сыв* 'талый');

-ав- — от имен существительных *гöтравны* 'женить' (*гöтыр* 'жена'), *гудравны* 'мутить' (*гудыр* 'мут'), *кизявны* 'застегнуть' (*кизь* 'пуговица'), *панявны* 'хлепать ложкой' (*пань* 'ложка');

-öт- — от имен прилагательных *векньöтны* 'сузить' (*векнит* 'узкий'), *веськöтны* 'выпрямить' (*веськыт* 'прямой'), *гöрдöтны* 'покрасить в красный цвет' (*гöрд* 'красный');

-т(ы) — от имен *ёсьтыны* 'заострить' (*ёсь* 'заостренная палочка'), *кынтны* 'заморозить' (*кын* 'мерзлый');

-м(мы) — от имен: *бусöсьмыны* 'запылиться' (*бус* 'пыль'), *мичаммыны* 'проясниться' (*мича* 'ясный');

-ась- — от имен существительных *вöтасьны* 'увидеть сон' (*вöт* 'сон'), *кизясьны* 'застегнуться' (*кизь* 'пуговица');

-сяв- — чаще от имен существительных *вынсявны* 'стать сильным' (*вын* 'сила'), *багсявны* 'плесневеть' (*баг* 'плесень');

-зь(ы) — от имен: *бонзьыны* 'измочалиться' (*бон* 'мочало'), *чорзьыны* 'зачерстветь' (*чорыт* 'черствый'), *тöвзьыны* 'высохнуть на ветру' (*тöв* 'ветер');

-й(ы) — от имен существительных *арйыны* 'провести осень' (*ар* 'осень'), *лыддьыны* 'считать' (*лыд* 'счет');

-д(ы)- — от имен *вильд(ы)ны* ‘обновить’ (*виль* ‘новый’), *йывд(ы)ны* ‘заострить’ (*йыв* ‘острие’), *пемдыны* ‘темнеть’ (*пемыт* ‘темный’).

Изобразительные глаголы

§ 53. В коми-пермяцком языке широко представлены изобразительные глаголы, образованные от изобразительных слов (*гырскыны*, *тарзьыны*).

§ 54. Изобразительные глаголы часто выступают в качестве первого компонента парных глаголов, например: *дзуркётны-ветлётны* ‘ходить, поскрипывая обувью’, *чурскыны-юны* ‘пить причмокивая’.

Причастие

§ 55. Причастия образуются от основы глаголов с помощью различных суффиксов.

Словообразовательные суффиксы причастий

Глаголы	Причастия на -ӧм	Причастия на -ись (-ісь)	Причастия на -ан (-ян)	Причастия на -тӧм
<i>гижны</i> ‘писать’	<i>гиж-ӧм</i> ‘напечатанный’	<i>гиж-ись</i> ‘пишущий’	<i>гиж-ан</i> ‘предназначенный для письма’	<i>гиж-тӧм</i> ‘ненаписанный’
<i>лэбтыны</i> ‘поднять’	<i>лэбт-ӧм</i> ‘поднятый’	<i>лэбт-ись</i> ‘поднимающий’	<i>лэбт-ан</i> ‘служащий для подъема’	<i>лэбты-тӧм</i> ‘неподнятый’

Причастия на **-ӧм** выражают признак предмета по совершенному им или перешедшему на него действию, например: *ытшикӧм турун* ‘скошенная трава’ (от *ытшыкыны* ‘косить’); *велӧтӧм морт* ‘обученный человек’ (от *велӧтны* ‘обучить’); *пӧжалӧм нянь* ‘печёный хлеб’ (от *пӧжавны* ‘печь’).

Причастия на **-ись (-ісь)** выражают признак предмета по действию, например: *уджалісь морт* ‘работающий человек’ (от *уджавны* ‘работать’); *кывзісь челядь* ‘послушные дети’ (букв. ‘слушающие дети’).

Причастия на **-ись (-ісь)** легко субстантивируются (переходят в разряд имён существительных): *велӧтісь* ‘учащий’ и ‘учитель’; *велӧтчись* ‘учащийся’ и ‘ученик’; *вурсись* ‘занимающийся шитьём’ и ‘портной’; *уджалісь* ‘работающий’ и ‘рабочий’.

Причастия на **-ан (-ян)** выражают предназначение предмета для того или иного действия, характеризуют предмет по действию, например: *лыддӧтан книга* ‘книга для чтения’; *веськӧтчан турун* ‘лекарственное растение’; *зэран кымӧр* ‘дождевая туча’; *вурсян машина* ‘швейная машина’, *юан ва* ‘питьевая вода’.

Причастия на **-ан (-ян)** часто субстантивируются, например: *сӧян* ‘еда, пища’; *юан* ‘питьё’; *вурсян* ‘то, что подлежит шитью; то, чем шьют; место, где шьют’; *кыян* ‘то, что ткут’; *панан* ‘основа’ (ткацкая); *пывсян* ‘баня’; *висян* ‘болезнь’.

Причастия на **-тӧм** противопоставлены причастиям на **-ӧм**, они отрицают признак предмета по совершенному им или перешедшему на него действию, например: *велӧттӧм* ‘не обученный’ (от *велӧтны* ‘учить, обучать’); *лыддӧттӧм* ‘не прочитанный’ (от *лыддӧтны* ‘прочитать’); *ытшыктӧм* ‘не скошенный’ (от *ытшыкыны* ‘косить’).

Деепричастие

§ 56. Деепричастия образуются посредством разных суффиксов.

Словообразовательные суффиксы деепричастий

-ик, -икö	-тöн	-тöдз	-тöг	-öмön
сёй-икö 'во время еды'	сёй-тöн 'во время еды'	сёй-тöдз 'до еды'	сёй-тöг 'не евши'	сёй-öмön: сёйöмön-сёйны 'поедом есть кого-л.'

Деепричастия на **-ик (-ик), -икö (-икö)** характеризуют главное действие, выраженное спрягаемым глаголом, во временном отношении и показывают, когда совершается действие. Форма на **-ик** встречается только в сочетании с временными послелогоми *коста, кежö*, например, *локтік кежö* 'к приходу'.

Деепричастия на **-тöн** употребляются в том же значении, что и деепричастия на **-ик, -икö**.

Деепричастия на **-тöдз** означают, что главное действие протекало до совершения сопутствующего (дополнительного), например: *шондi петтöдз* 'до восхода солнца'; *сёйны пöттöдз* 'наестся досыта'.

Деепричастия на **-öмön** обозначают действие, которое совершается одновременно с главным, например: *лыддьöтны водöмön* 'читать лёжа'; *корны горзöмön* 'просить о чем-л. со слезами'; *пукавны кöстисьöмön* 'сидеть скорчившись'.

Деепричастие на **-тöг** обозначает, что при совершении главного действия сопутствующее действие отсутствовало, например: *юасьтöг босьтны* 'взять что-л. без разрешения'; *биясьтöг пукавны* 'сидеть в темноте' (букв. 'сидеть без зажигания огня').

Притяжательные формы деепричастий

Сопутствующее действие совершается одним лицом

	1 л.	2 л.	3 л.
узикö 'во время сна'	узик-ам	узик-ат	узик-ас
узьтöн 'во время сна'	узьтöнн-ям	узьтöнн-ят	узьтöнн-яс
узьтöдз 'до сна'	узьтöдзз-ам	узьтöдзз-ат	узьтöдзз-ас
узьтöг 'без сна'	узьтöгь-ям	узьтöгь-ят	узьтöгь-яс

Сопутствующее действие совершается несколькими лицами

	1 л.	2 л.	3 л.
узикö 'во время сна'	узик-аным	узик-аныт	узик-аныс
узьтöн 'во время сна'	узьтöнн-яным	узьтöнн-яныт	узьтöнн-яныс
узьтöдз 'до сна'	узьтöдзз-аным	узьтöдзз-аныт	узьтöдзз-аныс
узьтöг 'без сна'	узьтöгь-яным	узьтöгь-яныт	узьтöгь-яныс

НАРЕЧИЕ

§ 57. По своему значению наречия подразделяются на две группы: определительные и обстоятельственные. Определительные наречия делятся на качественные (наречия способа и образа действия), на наречия количества и меры, а также наречия степени и качества действия.

Определительные наречия могут иметь степени сравнения: сравнительную и превосходную. Сравнительная степень образуется с помощью суффикса **-а**, присоединяемого обычно к форме сравнительной степени прилагательного, например: *буржыка* (ср. *бур* — *буржык* 'хороший — лучше'), *ёнжыка* (ср. *ён* — *ёнжык* 'сильный — сильнее').

Суффикс **-жык** может присоединяться к некоторым другим наречиям, например: *чожа* 'быстро' — *чожажык* 'быстрее', *сёрён* 'поздно' — *сёрёнжык* 'позднее'.

Превосходная степень наречий образуется от соответствующих прилагательных в той же степени с помощью суффикса **-а**: *медьёна* 'крепче (лучше) всего' (*медьён* 'самый крепкий'), *медбасока* 'красивее всего' (*медбасок* 'самый красивый').

Форму сравнительной степени могут иметь также некоторые обстоятельственные наречия, например: *татчөжык* 'поближе сюда' (*татчө* 'сюда'), *ылынжык* 'дальше' (*ылын* 'далеко').

Многие наречия имеют также степени качества, которые выражаются с помощью суффиксов **-кодь**, **-өв**: *одзөв* 'рановато' (*одз* 'рано'), *горөнкодь* 'громковато' (*горөн* 'громко').

Словообразование наречий

§ 58. Многие наречия являются непроизводными, например: *одз* 'рано', *көр* 'когда', *тишөти* 'вместе', *сёр* 'поздно' и др.

Разряд наречий пополняется несколькими путями:

1) путём переосмысления некоторых падежных форм имён существительных. Чаще всего в наречия переходят существительные в пространственных падежах, а также в творительном падеже, например: *төвнас* 'зимой' (*төв* 'зима'), *ойөн* 'ночью' (*ой* 'ночь'), *донён* 'дорого' (*дон* 'цена');

2) довольно часто наречия образуются с помощью различных суффиксов, присоединяемых к прилагательным и числительным.

От прилагательных наречия образуются с помощью суффиксов:

-а: *бура* 'хорошо' (от *бур* 'хороший'), *лажмыта* 'низко' (от *лажмыт* 'низкий'), *ударнөя* 'ударно' (от *ударнөй* 'ударный');

-өдз: *көсөдз* 'досуха' (от *көс* 'сухой'), *пемытөдз* 'дотемна' (от *пемыт* 'тёмный');

-өн: *лөгөн* 'сердито' (от *лөг* 'сердитый'), *косөйөн* 'косо' (от *косөй* 'косой').

От числительных наречия образуются с помощью суффиксов:

-өн: *кыкөн* 'вдвоём' (от *кык* 'два'), *нөльөн* 'вчетвером' (*нөль* 'четыре');

-ись: *кыкись* 'дважды' (от *кык* 'два'), *кумись* 'трижды' (от *кум* 'три');

-өтись: *кватьөтись* 'шестой раз' (*квать* 'шесть'), *витөтись* 'пятый раз' (*вит* 'пять');

-исьөн: *кумисьөн* 'по три раза', *нөлисьөн* 'по четыре раза'.

Употребительны и местоименные наречия, но они немногочисленны: *татөн* 'здесь', *тасянь* 'отсюда', *татчөдз* 'досюда', *сэтчө* 'туда', *кытөн* 'где', *көр* 'когда', *быдсөн* 'целиком' и т. д.

ПОСЛЕЛОГИ

§ 59. По способу образования послелогои делятся на две группы:

1) **собственно послелогои**, почти полностью утратившие падежные окончания: *понда*, *дырна*, *дырья*, *сьёрті*;

2) **имена-послелогои**, сохраняющие живую связь с именами существительными в пространственных падежах.

По своему значению собственно послелогои делятся на следующие разряды: пространственные, временные, сравнительные, послелогои соответствия, причинно-целевые и др.

Наибольшим разнообразием отличаются пространственные послелогои.

Пространственные отношения выражаются и многочисленными именами-послелогоами, указывающими то или иное место, примыкающее к предмету с какой-либо стороны (спереди, сбоку, сзади и т. д.): *керёс увтын* 'под горой', *керку сайын* 'место за домом'; *ю дорын* 'у реки', *школа одзын* 'перед школой'.

Имена-послелогои, а также некоторые собственно послелогои, могут иметь определённо-притяжательные суффиксы, например, вместо *пызаныт увтын* 'под твоим столом' можно сказать *пызан увтат*; вместо *пызаныт увтись* — *пызан увтсит* 'из-под [твоего] стола'.

СОЮЗЫ

§ 60. Союзы делятся на две большие группы: сочинительные и подчинительные.

Сочинительные союзы

а) **соединительные**: *и* 'и', *да* 'да', *сідзжё* 'также', *тожжё* 'тоже', *не* — *не* 'ни — ни', например:

Кушамё ыб, и му шуралё 'Обнажаются поля и земля просыхает'; *Быд лун сылё вовлісё телеграммаз да письмозз* 'Ежедневно ему приходили телеграммы и письма'; *Зоночка любитіс лыддьётны, сія сідзжё занимайтчис спортён* 'Мальчик любил читать, он также занимался спортом';

б) **разделительные и противительные**: *а* 'а', *но* 'но', *да* 'да', *или* 'или', *али* 'или', *то* — *то* 'то — то', *то ли* 'то ли', например:

Керкуным бур, да юыс матын абу 'Дом у нас хороший, да реки близко нет'; *Небоын югъяліс шонді, а руюс вёлі кёдзыт* 'На небе светило солнце, а воздух был холодный'.

Подчинительные союзы

а) **изъяснительные**: *что* 'что', *чтобы* 'чтобы', *медбы* 'чтобы', *бытьтё* 'будто', *кызз бытьтё* 'как будто', например:

Бур, что лымыс одз сыліс 'Хорошо, что снег рано растаял'; *Петялё кажитчис, бытьтё ойся вёрын кинкё ветлётё* 'Пете казалось, будто в ночном лесу кто-то ходит'; *Быдыс төдіс, что чожа войнаыс кончитчас* 'Каждый знал, что война скоро кончится';

б) **временные**: *көр* 'когда', *кызз* 'как', *только* 'только', *кытчөдз* 'пока', например:

Көр мужиккез саймисё, Ипатов керкуас эз ни вёв 'Когда мужики проснулись, Ипатова в доме уже не было'; *Только пондіс югдыны, вёраліссез вёлісё кок йылын ни* 'Только стало светать, охотники были уже на ногах';

в) **условные**: *кё* 'если', *кёбы* 'кабы', *если* 'если', *ежели*, *коли* 'коли', *раз* 'раз', например: *Гортянь кё лөдзасё, сэк мунам татісь* 'Если из дому отпустят, уедем отсюда'; *Ежели бы көч ветлөтіс эсті, сійё адззисё бы след сьёрті* 'Ежели бы заяц ходил здесь, его

обнаружили бы по следу'; *Если колё сёрнитны мекот, кай татчө* 'Если тебе надо поговорить со мной, поднимись ко мне';

г) **причины:** *мыля* 'почему', *сідз кыздз* 'так как', *сійөн что* 'потому что', *сысянь что* 'оттого что', *сійөн мыля* 'потому что'; например:

Библиотека оз уджав, сідз кыздз мунё ремонт 'Библиотека не работает, так как идет ремонт'; *Юннаттэз киськалисё пуоккез, сійөн мыля гожумыс өддөён жар* 'Юннаты поливали деревья, потому что лето засушливое'. *Огё ни кайё вёрас, лёсьөтчө зэрны да* 'В лес уже не пойдём, так как собирается дождь'.

д) **цели:** *мед, медбы* 'чтобы', *сы понда, медбы* 'для того, чтобы', например:

Варяыс мунис мөдөрө, медбы сыкөт не пантасьны 'Варя пошла в другую сторону, чтобы с ним не встретиться'; *Деддэзным пессисё сы понда, медбы мийё бура олим* 'Наши деды боролись за то, чтобы мы хорошо жили'.

ЧАСТИЦЫ

§ 61. Частицы делятся на следующие группы:

а) **усилительные:** *нельки* 'даже', *нө, инө* 'же': *нельки кылыс өшис* 'даже язык отнялся'; *кытчө инө мунан?* 'куда же [ты] идёшь?';

б) **ограничительные:** *только* 'только': *только татён эм быдөс* 'только здесь всего хватает (всё есть)';

в) **указательные:** *вон, вон тай, 'вон', то 'то': то кытён вөлөма тишакыс!* 'вот где было много грибов!';

г) **вопросительные:** *я, разь* 'разве', *неужели* 'неужели', *ли мый ли* 'разве, что ли': *абу я татён ваок?* 'нет ли здесь водички?';

д) **отрицательные:** *абу* 'нет, не'; *не* 'не, нет': *не, не сия* 'нет, не он'; *меным абу охота* 'у меня нет желания';

е) **утвердительные:** *мыйнө* 'да, так': *мыйнө, сідз и вөлі быдөс* 'да, так и было всё';

ж) **соотносящие:** *на* 'ещё', *ни* 'уже', *эшө* 'ещё': *ме эг на вөв татён* 'я ещё не был здесь'; *өвсьы ни* 'успокойся уже (наконец)';

з) **вводные:** *тай* 'оказывается', *эд* 'ведь', *көть* 'хоть, хотя', *некө* 'видимо', *мыся* 'как я сказал уже', *нө* 'мол, -де, говорят': *мунам, нө, клубө* 'пойдём, говорит, в клуб'; *мыся, ог мун* 'говорю, не пойду';

и) **модальные:** *бы* 'бы', *давай* 'давай', *ась, мед* 'пусть', *нө* 'давай', *-ко* '-ка': *висьтав-ко* 'скажи-ка'; *ме бы ветлі* 'я бы сходил'; *ме бы ветла жө* 'я тоже хочу сходить';

к) **сравнительные:** *топ, дзик* 'такой, как...': *сия топ айыс* 'он такой же, как отец'.

МЕЖДОМЕТИЯ

§ 62. Междометия подразделяются на две группы: 1) междометия, выражающие чувства (эмоциональные) и 2) междометия, служащие сигналами для людей и животных (сигнальные).

Эмоциональные междометия выражают различного рода чувства и эмоции: *эк, эк-ма, ой-ой-ой, око-ко, эк-эк-эк, ыш-ыш* и др.

Эмоциональные междометия многозначны и в зависимости от интонации, ситуации могут выражать различные эмоции. Например:

ой, кытшөм басөк! 'ой, какой красивый!'; *ой, кытшөм зубыт!* 'ой, как больно!'; *ой, вөя, вөя!* 'ой, тону, тону!'; *ой, кытшөм көдзыт!* 'ой, как холодно!'

В группу сигнальных входят междометия, служащие сигналами для действия и поступков людей, например: *эй!* — сигнал для остановки внимания кого-либо: *эй, татчө.*

татчö! 'эй, сюда, сюда!'. Сигнальными являются и различные возгласы, которыми подзывают или отгоняют то или иное животное, например:

кыч-кыч! — возглас, которым подзывают собаку; *сыть!* — возглас, которым отгоняют её; *пров-пров!* — возглас, которым подзывают лошадь; *ны!* — возглас, которым трогают лошадь с места; *тпрукö-тпрукö!* — возглас для подзывания коровы; *тпручы-тпручы!* — возглас, которым её отгоняют.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ СЛОВА

§ 63. В коми-пермяцком языке широко представлены изобразительные слова. Под ними понимаются звукоподражательные слова, выражающие действия и состояния предметов окружающей действительности или служащие для передачи различных двигательных образов, движений, состояний, качеств и т. д. Например: *кар-р, кар-р* — имитирует карканье вороны, *крив-крув, крив-крув* — крик журавля, *кук-ку, кук-ку* — кукование кукушки, *ур-р, ур-р* — воркование голубя, *чив-чив* — чириканье воробья, *герс-герс* — скрип коростеля, *чав-чав* — крик галок, *чирк-чирк* — стрекотание кузнечика и т. д.

Очень употребительны изобразительные словосочетания: *дзар: дзар керны* 'бросить мгновенный взгляд'; *жöv: жöv керсьыны* 'насторожиться, притихнуть'; *сяр: сяр сулавны* 'стоять в беспорядке' (о многих предметах); *чывк: чывк керны* 'быстро, круто повернуться' (о человеке); *кваркыш: кваркыш керны* 'моргнуть'; *питькыр-питькыр: питькыр-питькыр мунны* 'идти, покачивая бедрами'; *лег-лег: лег-лег керны чуньöн* 'погрозить пальцем'.

НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ ПО СИНТАКСИСУ

ВИДЫ СВЯЗИ СЛОВ В ПРЕДЛОЖЕНИИ

§ 64. В коми-пермяцком языке различаются три основных вида синтаксической связи между словами в предложении и словосочетании: согласование, управление, примыкание.

Управление в коми-пермяцком языке может быть падежным и послеложным. Так, в словосочетании *мунны ёрткöt* 'идти с другом' слово *ёрткöt* связано со стержневым словом *мунны* с помощью падежного окончания *-кöt*. В словосочетании *босьтны нянь* 'купить хлеба' зависимое от *босьтны* слово *нянь* не имеет падежного окончания. Это форма винительного падежа с нулевым окончанием.

В словосочетаниях *пукавны пызан сайын* 'сидеть за столом', *ветлötны джодж кузя* 'ходить по полу' подчинёнными словами являются *пызан* и *джодж*, имеющие нулевую форму; последние связаны с глаголом с помощью послелогов *сайын* и *кузя*.

Глагольное управление сохраняют также отглагольные существительные на *-öm*, причастия и деепричастия, например: *пес ваялöm* 'доставка дров', *джодж миськалöm* 'мытьё пола', *письмо гижись* 'пишущий письмо', *картошка гарьян машина* 'картофелекопалка' (букв. 'машина, предназначенная для уборки картофеля').

Отглагольные существительные могут управлять также послеложными сочетаниями, например: *видз вылын ветлötикö* 'прохаживаясь на лугу', *пода съöрын наблюдайтикö* 'наблюдая за животными'.

Примыканием в коми-пермяцком языке могут быть связаны с другими словами не только наречия (*бура овны* 'жить хорошо'), деепричастия (*орötтöг баитны* 'беспрерывно говорить'), инфинитив (*мунны уджавны* 'идти на работу, идти работать'), но и:

а) имена существительные с существительными *пызан кок* 'ножка стола' (букв. 'стол-нога');

б) имена прилагательные с существительными: *мича чужöm* 'красивое лицо', *шондя лунö* 'в солнечный день';

в) причастия с существительными: *гөрәм му* ‘вспаханная земля’, *босьтәм нянь* ‘купленный хлеб’;

г) местоимения с существительными: *сия керкуын* ‘в том доме’, *миян киззын* ‘в наших руках’;

д) числительные с существительными: *куимот лун* ‘третий день’, *отик керкуын* ‘в одном доме’.

Согласование в коми-пермяцком языке встречается лишь в следующих случаях:

а) согласование обобщительно-определятельных местоимений в падеже, лице и числе, например: *корисö мяннös быдöнны.мös* ‘пригласили нас всех’;

б) согласование обобщительных числительных в падеже, лице и числе, например: *тиянös кыкнаннытö премируйтисö* ‘нас обоих премировали’;

в) согласование усилительно-личных местоимений с определяемыми словами в лице и числе, например: *ме ачым* ‘я сам(а)’, *мийö асьным* ‘мы сами’;

г) согласование в падеже и числе определений, относящихся к существительным в винительном падеже, если между ними стоит глагол-сказуемое, например: *Öни школасö строитисö вильö* ‘теперь школу построили новую’;

д) согласование определений, если определение в предложении занимает необычное место, например: *Бурös сулалöны луннэз: шоньтösь, көсösь* ‘Погожие стоят дни, тёплые, сухие’. В этом предложении определения *бурösь*, *шоньтösь* и *кösösь* согласуются с формой множественного числа существительного *луннэз*, оформляясь суффиксом *-ösь*.

ПОРЯДОК СЛОВ В СЛОВСОЧЕТАНИИ И ПРЕДЛОЖЕНИИ

§ 65. Порядок слов в коми-пермяцком языке имеет не только стилистическое и смысловое значение, он играет также важную роль в выражении синтаксических отношений. С местом, занимаемым членом предложения, может быть связана его синтаксическая функция. Например, в словосочетании *виль керку* прилагательное *виль* ‘новый’ выступает в функции определения при слове *керку* ‘дом’ (главный член номинативного предложения). При другом расположении этих же слов *керку(ыс) виль* то же прилагательное выступает в роли сказуемого в двусоставном предложении.

В предложении типа *кань сёйö шыр* ‘кошка ест мышь’, в котором форма именительного и винительного падежей не отличается, синтаксическая роль обоих существительных определяется только их местом в предложении: при прямом порядке слов на первом месте стоит подлежащее, на втором — сказуемое.

Отсутствие категории рода, а следовательно, и согласования в роде, в коми-пермяцком языке способствует также закреплению твёрдого места определения в атрибутивном (определятельном) словосочетании, какой бы частью речи это определение ни было выражено.

Выделяются следующие наиболее распространённые группы определятельных словосочетаний с твёрдым порядком слов:

1) словосочетания, состоящие из определения-существительного и определяемого слова, выраженного также существительным, например: *ош кучик* ‘медвежья шкура’ (букв. ‘медведь-шкура’); *мös сюр* ‘коровий рог’ (букв. ‘корова-рог’); *кöин след* ‘волчий след’ (букв. ‘волк-след’); *ур бöж* ‘беличий хвост’ (букв. ‘белка-хвост’); *пызан кок* ‘ножка стола’ (букв. ‘стол-нога’); *кок чунь* ‘палец ноги’ (букв. ‘нога-палец’); *ведра вуг* ‘дужка ведра’ (букв. ‘ведро-дужка’); *шонди югöр* ‘луч солнца’ (букв. ‘солнце-луч’);

2) определятельные словосочетания, в которых первым компонентом является обобщительное числительное с суффиксом *-нан*, например: *кыкнан кыын* ‘в обеих руках’; *кумнан керкуын* ‘во всех трёх домах’; *нёлнан комнатаын* ‘во всех четырёх комнатах’.

Выделяются определятельные словосочетания, в которых в роли определения выступает количественное существительное или существительное, обозначающее меру,

например: *додь турун* 'сена с воз', *ведра ва* 'воды с ведро', *мешок зор* 'овса с мешок', *туис ма* 'мёду с туес'. В этих словосочетаниях компоненты могут быть переставлены. Однако при этом изменяется синтаксическая функция переставленных слов и смысл словосочетания: *ва ведра* 'ведро с водой', *турун додь* 'воз с сеном', *зор мешок* 'мешок с овсом'.

ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

§ 66. **Подлежащее** может быть выражено существительным, местоимением, числительным или другими частями речи, употребляющимися в значении существительного, например: *Мөссэз йирсёны видзез вылын* 'Коровы пасутся на лугах'. *Көдзытыс кутчисис пеллез бердө* 'Мороз пощипывал уши'. *Ыджытжыккес мыччалисө пример учотжыккелө* 'Старшие показывали пример младшим'. *Ся локтис сёрон* 'Он прибыл поздно'. *Татон некин эз вөв* 'Здесь никого не было'. *Адззыны коровяк — ыджыт гаж* 'Найти белый гриб — большое удовольствие'. *Турун кыскалссез мунисө пажнайтны* 'Возчики сена ушли на обед'.

Сказуемое может быть выражено как личными, так и неличными (причастием, деепричастием) формами глаголов. Оно может быть выражено и другими частями речи, если они выступают в качестве предиката, а также сочетанием слов, например: *Рытывбыт уннылис көдзыт төв* 'Весь вечер выл холодный ветер'. *Ыбөсыс дзурк оссис* 'Дверь со скрипом отворилась'. *Велөтчыны врачө вөли сылөн мечтаон* 'Выучиться на врача было его мечтой'. *Петя пондис вовлыны гортас гажсаон* 'Петя стал приходить домой весёлым'.

§ 67. **Дополнение** выражается теми же частями речи, что и подлежащее. Оно стоит или в винительном падеже (прямое дополнение), или в других субъектно-объектных падежах, например: *Дедыс Мишасө өддьон любитө* 'Дедушка Мишу очень любит'. *Мийд эгө пондө видзчисьны поездсө* 'Мы не стали ждать поезда'. *Столовыйын тиянөс быдөннытө вердасө* 'В столовой вас всех накормят'.

§ 68. **Определение** выражается прилагательными, местоимениями, причастиями, числительными и существительными, например: *Сөстөм ру вылын дугдө висьны юр* 'На свежем воздухе перестаёт болеть голова'. *Эта керкуын олис М. П. Лихачёв — коми-пермякөй литературалон основоположник* 'В этом доме жил М. П. Лихачёв — основоположник коми-пермяцкой литературы'. *Шонди югөррес малалисө нылочкались чужөмбансө* 'Лучи солнца ласкали лицо девочки'.

§ 69. **Обстоятельства** обычно выражаются наречиями, деепричастиями, существительными в местных падежах, например: *Юссез лёдзезон лөбзьоны лунланьө* 'Лебеди стаями летят на юг'. *Ю дорын вөли шы не төв* 'У реки было тихо'. *Лунланьянь пөльтис рамьник төлок* 'С юга повеял ласковый ветерок'. *Асывсянь усис лым* 'С утра шёл снег'. *Зэрөмянь удж падмис* 'Из-за дождя работа остановилась'. *Челядь котөртисө ю дорө купайтчыны* 'Дети побежали на реку купаться'. *Нывка лэдзчө вала* 'Девушка идет за водой'.

ОДНОСОСТАВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

§ 70. Односоставные предложения делятся на определённо-личные, неопределённо-личные, обобщенно-личные, безличные, инфинитивные и номинативные.

Главный член **определённо-личных предложений** выражается: а) глаголами настоящего, будущего и прошедшего времени изъявительного наклонения: *Чожа локтам пос дынө* 'Скоро подойдём к мосту'; б) глаголом повелительного наклонения: *Чеччө, челядь, тырмас узьны* 'Вставайте, дети, довольно спать!'

§ 71. Главный член **неопределённо-личных предложений** — глагол во множественном числе в 3 лице настоящего, будущего или прошедшего времени:

Газетаззын гижёны Иранын событиезз йылысь 'В газетах пишут о событиях в Иране'. *Татон пондасё вузавны билеттэз* 'Здесь будут продавать билеты'.

§ 72. Главный член **обобщённо-личных предложений** — глагол, выражающий действие, которое мыслится обобщённо, например: *Вексё аймам борд увтын он ов* 'Век под крылышком родителей не будешь жить'.

Предложения этого вида широко представлены в пословицах: *Мымда уджалан, сымда и босьтан* 'Как поработаешь, так и получишь'. *Отдрук кык удж оз керё* 'Два дела одновременно не делают'. *Кык коч сьорё вётчан — отикё он кут* 'За двумя зайцами погонишься — ни одного не поймаешь'.

§ 73. Главный член **безличных предложений** называет процесс или состояние, которые не зависят от активного деятеля, например: *югдö* 'светает'. *Сийö оз узьöт* 'Ему не спится'. *Аннаёс оз пукöт отик местаын* 'Анне не сидится на одном месте'.

§ 74. Главный член **инфинитивных предложений** — независимый инфинитив. Инфинитивные предложения передают различные модальные значения, например: *Талун тиянлö дежуритны* 'Сегодня вам дежурить'. *Кöбы тöдны эта йылысь быдöс!* 'Если бы об этом всё знать!'

§ 75. Главный член **номинативных предложений** — имя существительное в именительном падеже, например: *Тэляин. Мыррез. Лапытик кöззэз* 'Мелкий кустарник. Пни. Развесистые ели'. *Вот и гортö!* 'Вот и моя деревня!'

СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

§ 76. В зависимости от типа союзов и союзных слов, а также характера отношений между составляющими частями сложные предложения делятся на сложносочинённые и сложноподчинённые.

§ 77. В **сложносочинённых** предложениях составные части соединяются при помощи сочинительных союзов. В них чаще всего выражаются соединительные (и присоединительные), противительные (и сопоставительные) и разделительные отношения.

Предложения с соединительными (и присоединительными) союзами:

Том велöтись кужис организуйтны челядльис уджсö, и эта вöли сьлön медодзза победа 'Молодой учитель сумел приобщить детей к труду, и это было его первой победой'. *Ур чылис кöз увезöт, и ну вылысь ну вылö лэбалисö каяккез* 'Белка прыгала с ветки на ветку, и с дерева на дерево перелетали птицы'.

Предложения с противительными (и сопоставительными) союзами:

Удж вердö, а дыш тшыкötö 'Работа кормит, а лень портит'. *Кык смертьлö не лоны, а отикись нем повны* 'Двум смертям не бывать, а одной не миновать'. *Руч лукав, а старик лукавжык* 'Лиса хитра, а старик ещё хитрее'.

Предложения с разделительными союзами:

То тöv шумитö сук вөр коласын, то горötлö ойся кай 'То ветер загудит в густом лесу, то закричит ночная птица'. *Либо сiя öддöён ласков, либо синнэзсис чеччö би* 'Либо он слишком ласковый, либо глаза его мечут искры'. *То ли шонтас, то ли вачкасö мороззэз* 'То ли потеплеет, то ли ударят морозы'.

§ 78. В сложноподчинённых предложениях связь придаточного с главным осуществляется с помощью подчинительных союзов и союзных слов.

Сложноподчинённые предложения делятся на следующие подгруппы:

1) сложноподчинённые предложения с **придаточными определительными**. В таких предложениях встречаются союзы *кыдз* 'как', *бытьтö* 'будто', *что* 'что', *медбы* 'чтобы', и союзные слова *кöда* 'который', *кытшöм* 'какой', *кытчö* 'куда', *кытön* 'где', *кöр* 'когда' и др., например:

Миян странаын абу сэтшöм пельöсок, кытön бы эз вöлö машиназз 'В нашей стране нет такого уголка, где бы не было машин'. *Софрон локтис кузница дынö, кытön сы*

телегаӧ кышалісӧ виль колесо 'Софрон прибыл в кузницу, где к его телеге приделали новое колесо'.

2) сложноподчинённые предложения с **придаточными изъяснительными**. В них встречаются союзы *что* 'что', *мед, медбы* 'чтобы', *бытьтӧ* 'будто' и союзные слова *кин* 'кто', *мый* 'что', *кытшӧм* 'какой', *кыным* 'сколько', *кызд* 'как', *кӧр* 'когда', *кытӧн* 'где' и др., например:

Быдӧнныс тӧдісӧ, что чожа пондӧтчас сьӧкыт битва 'Все знали, что скоро начнётся ожесточённая битва'. *Кин олӧ Кудымкарын, сія бура тӧдӧ пионеррезлісь дворец* 'Кто живёт в Кудымкаре, тот хорошо знает дворец пионеров'. *Зонка эз тӧд, мый висьтавны мамыслӧ* 'Мальчик не знал, что сказать матери'.

3) сложноподчинённые предложения с **придаточными обстоятельными**. Среди них различаются:

а) сложноподчинённые предложения с **придаточными времени**, соединяющимися с главным с помощью союзных слов и союзов *кӧр* 'когда', *кызд* 'как', *кызд только* 'как только', *только* 'только', *кытчӧдз* 'пока' и др., например:

Вася онмӧссис сразу, кызд только юрыс навкис подушка бердӧ 'Вася заснул сразу, как только голова коснулась подушки'. *Вӧлі рыт ни, кӧр мийӧ сибалим деревняӧ* 'Был уже вечер, когда мы приблизились к деревне'. *Кум лун чулаліс сэксянь, кызд Данько локтіс гортас* 'Три дня прошло с тех пор, как Даниил приехал домой'.

б) сложноподчинённые предложения с **придаточными места**. Они присоединяются к главному посредством союзных слов *кытӧн* 'где', *кытчӧ* 'куда', *кытись* 'откуда', *кытчӧдз* 'докуда' и др., например:

Быдӧнныс уськӧтчисӧ сэтчӧ, кытчӧ пуксис вертолёт 'Все устремились туда, где приземлился вертолёт'. *Быдӧнныс видзӧтисӧ сэтчинӧ, кытӧн навьяліс гӧрд флаг* 'Все смотрели туда, где развевался красный флаг'.

в) сложноподчинённые предложения с **придаточными причины**. Такие придаточные присоединяются к главным с помощью союзов *мыля* 'почему', *сідз кызд* 'так как', *сійӧн мыля* 'потому что', *сысянь что* 'оттого что' и союзной частицы *да*, например:

Ассиным мусӧ любитам сійӧн, что сы вылын шогмим и быдмим 'Свою землю мы любим потому, что на ней родились и выросли'.

г) сложноподчинённые предложения с **придаточными образа действия, меры и степени**. Они присоединяются к главному с помощью союзов и союзных слов *кызд* 'как', *мымда, кыным* 'сколько', *кызд бытьтӧ, дзик* 'ровно', *что* 'что', *мед, медбы* 'чтобы', *только* 'только', *топ* 'словно', *нельки* 'даже' и др., например:

Вӧлі сэтшӧм лӧнь, что кыліс быдӧс 'Было так тихо, что слышно было всё'. *Челядьыс сэтчӧдз мыдзисӧ, нельки ӧдва веиталісӧ коккезнысӧ* 'Дети так устали, что едва передвигали ноги'. *Пондіс кывны сэтшӧм шум, что дрӧбаліс керкуыс* 'Послышался такой шум, что задрожал дом'. *Лысвасянь руыс ульсаліс сідз, бытьтӧ неважын зэрис* 'От росы воздух так отсырел, будто недавно прошёл дождь'.

д) сложноподчинённые предложения с **придаточными сравнительными**. Они присоединяются к главному при помощи союзов *бытьтӧ* 'будто', *кызд бытьтӧ* 'как будто', *ровно* 'ровно', *дзик* 'будто', *дзик кызд* 'как будто', например:

Сія сераліс сідз, кызд вермӧ серавны только здоровӧй морт 'Он хохотал так, как может смеяться только здоровый человек'. *Ю дорас вӧлі сэтшӧм нять, бытьтӧ плеснитӧмась сур гуца* 'У реки было так грязно, будто выплеснули пивную гуцу'.

е) сложноподчинённые предложения с **придаточными условия**. К главному предложению такие придаточные присоединяются с помощью союзов *кӧбы* 'кабы', *если* 'если', *раз* 'раз', *коли* 'коли', *кӧ* 'если' и др., например:

Если му назьмитан, нянь босьтан 'Если землю удобришь, хлеб получишь'. *Народлісь подлиннӧй исторіясӧ оз позь тӧдны, он кӧ тӧд устнӧй поэтической*

творчество 'Подлинную историю народа невозможно познать, если не знаешь устного поэтического творчества'.

ж) сложноподчинённые предложения с **придаточными цели**. В них придаточные присоединяются к главному при помощи союзов *мед, медбы* 'чтобы', *сы понда, медбы* 'для того чтобы' и др., например:

Дёма киас видзис сартас, мед югытжык вёлі айыслё уджавны 'Дёма в руке держал лучину, чтобы светлее было работать отцу'. *Медбы локны местаодз, ковсис уна кад* 'Чтобы добраться до места, понадобилось немало времени'. *Сы понда, медбы овны бура, колё уджавны буржыка* 'Для того, чтобы жить хорошо, надо работать лучше'.

з) сложноподчинённые предложения с **уступительными придаточными**. В них придаточное с главным предложением соединяется с помощью союзов *коть* 'хотя', *коть и* 'хотя и', *ась коть* 'пусть хотя'. В главной части им противостоят союзы *но, да, а*, например:

Коть и не оддён ыджыт колхозным, а видзотны эм мый 'Хотя и не очень большой колхоз наш, но посмотреть есть что'. *Коть шор кузяс челядьыс мунисё недыр, но сьёкыт туйыс мыдзтотис нийё* 'Хотя дети по болоту шли не так долго, но трудная дорога утомила их'. *Мамыс видзчисис зонсё, коть и юррес сы ылысь эз вёлё* 'Мать ждала сына, хотя вестей от него не было'.

§ 79. **Бессоюзные** сложные предложения по значению близки к союзным: одни — к сложносочинённым, другие — к сложноподчинённым. В бессоюзных предложениях, синонимичных сложносочинённым предложениям, наблюдается между компонентами сочинительная связь, например:

Коридорын пондис дзингыны звонок, челядь уськөтчисё классэзё 'В коридоре зазвенел звонок, дети устремились в классы'. *Көдзыттэс чулалисё, лым сылис, юзз ыждисё* 'Холода прошли, снег растаял, реки вышли из берегов'. Части этих предложений связаны между собой перечислительной интонацией, однотипными видовременными формами. Между ними можно поставить союз *и*.

В бессоюзных предложениях, синонимичных сложноподчинённым, наблюдаются в основном те же отношения, что и в союзных сложноподчинённых предложениях: определительные, причинные, условные и т. д., например: *Позис вежёртны: неылын пруд* 'Можно было понять: близко пруд'. Это предложение можно преобразовать в союзное: *Позис вежёртны, что неылын пруд* 'Можно было понять, что недалеко пруд'.

ДИАЛЕКТОЛОГИЯ

СЛОВАРНЫЙ СОСТАВ И СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ ИНЬВЕНСКОГО ДИАЛЕКТА КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО ЯЗЫКА *

С выходом в свет гениальных работ И. В. Сталина по вопросам языкознания советская лингвистическая наука получила прочную марксистско-ленинскую основу. В советском языкознании, освобожденном от лженаучных «теорий» вульгаризатора марксизма Н. Я. Марра, произошел крутой перелом, и за короткое время сделано уже многое для преодоления того застоя и тупика, в котором оказалась эта наука в результате «аракчеевского режима». Советские языковеды имеют сейчас в своем распоряжении строгое научное, стройное и единое сталинское учение о языке, всесторонне освещающее все важнейшие проблемы языкознания с позиций диалектического и исторического материализма. Тем самым создано все необходимое для подлинного и могучего расцвета нашей лингвистической науки, достойной великой сталинской эпохи, эпохи постепенного перехода от социализма к коммунизму в нашей стране, эпохи крушения капитализма и торжества коммунизма во всем мире.

Значение трудов И. В. Сталина выходит далеко за рамки проблем языкознания. Труды И. В. Сталина всесторонне обогатили диалектический и исторический материализм новыми выводами и положениями и являются самым важным за последнее время вкладом в марксизм-ленинизм, мировым событием в области материалистической теории познания.

Труды И. В. Сталина дают новые замечательные образцы творческого марксистского подхода к сложнейшим научным проблемам, гениальной прозорливости в разрешении важнейших вопросов, смелой и решительной ломки неправильных или устаревших положений, борьбы со всеми и всяческими попытками как извращения, вульгаризации марксизма, так и превращения его в догму, в мертвую, безжизненную схему.

На примере трудов И. В. Сталина учатся и будут учиться целые поколения советских людей и прогрессивные деятели всего мира строго научному, подлинно марксистскому, творческому подходу к разрешению тех или иных научных проблем не только в области языкознания, но и в области всех без исключения наук.

В научной жизни молодых советских лингвистов, среди которых за последние годы усиленно насаждалось так называемое «новое учение о языке», коренным образом противоречившее марксизму и толкавшее, как указал товарищ Сталин, не к творчеству, а к «гаданию на кофейной гуще», выход в свет сталинских работ по вопросам языкознания является самым замечательным и радостным событием.

В трудах Иосифа Виссарионовича Сталина, посвященных вопросам языкознания, большое место отводится проблеме образования языков и диалектов, проблеме взаимоотношения между языком и его диалектами.

С предельной ясностью и убедительностью товарищ Сталин разбивает антинаучные и немарксистские взгляды Н. Я. Марра о надстроечном характере языка: «...язык нельзя причислить ни к разряду базисов, ни к разряду надстроек»¹ — учит товарищ Сталин. Из этого марксистского положения с неизбежностью вытекает и другой вывод товарища Сталина о том, что язык никогда не был и не является классовым.

* Словарный состав и словоизменение иньвенского диалекта коми-пермяцкого языка : автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Л., 1951.

¹ Сталин И. Марксизм и вопросы языкознания. М.: Госполитиздат, 1950. С. 36.

И. В. Сталин убедительно доказал, что «...язык, как средство общения людей в обществе, одинаково обслуживает все классы общества и проявляет в этом отношении своего рода безразличие к классам»². Язык всегда был и остается общенародным языком, единым для всех членов данного общества. Сталинское учение о языке неопровержимо доказывает, таким образом, что язык не есть надстройка, что язык — явление не классовое, а общенародное, что язык проявляет своего рода безразличие к классам, что «классовые» диалекты, жаргоны нельзя считать языком, так как они не имеют ни своего грамматического строя, ни своего основного словарного фонда.

Иное дело диалекты местные или территориальные. Противопоставляя местные диалекты «классовым» диалектам, точнее — жаргонам, И. В. Сталин говорит: «Диалекты местные («территориальные»), наоборот, обслуживают народные массы и имеют свой грамматический строй и основной словарный фонд. Ввиду этого некоторые местные диалекты в процессе образования наций могут лечь в основу национальных языков и развиваться в самостоятельные национальные языки»³.

Из слов И. В. Сталина о местных («территориальных») диалектах следует сделать вывод о важности их изучения для языкознания, о необходимости изучать не только языки, но и те местные диалекты, из которых языки складываются, на базе которых они создаются и элементы которых они в себя впитывают. Если национальный язык есть продукт пройденного им исторического пути, есть историческое образование, разные элементы которого восходят к разным, нередко, весьма отдаленным эпохам, то местные диалекты являются также отражением тех или иных, пройденных данной нацией или ее составной частью, исторических этапов своего развития.

Из учения И. В. Сталина о языке и диалекте со всей очевидностью вытекает особая важность изучения диалектов тех языков, письменность которых была создана сравнительно недавно.

Одним из таких языков является в частности коми-пермяцкий язык, на котором говорит свыше 112 тысяч человек населения Коми-Пермяцкого национального округа и который, кроме того, распространен в ряде других мест Советского Союза (в некоторых районах Молотовской, Кировской и Свердловской областей, в районе Минусинска и иных местах).

Коми-пермяцкая письменность и коми-пермяцкий литературный язык являются одним из завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции, одним из многочисленных достижений нашей сталинской национальной политики. Научное изучение коми-пермяцкого языка, улучшение и совершенствование его должны оказать большую помощь национальной школе в повышении общего уровня грамотности местного населения, в повышении успеваемости в национальных школах округа.

В связи с этим работа по изучению иньвенского диалекта коми-пермяцкого языка представляется нам имеющей определенный интерес и практическое значение для советского языкознания, призванного всемерно способствовать выполнению всемирно-исторической задачи построения коммунизма в нашей стране.

Задача изучения диалектов коми-пермяцкого языка кажется нам тем более важной, что мы не имеем ни научной грамматики, ни переводных словарей этого языка. В деле их составления настоящая работа сможет оказать, как нам кажется, некоторую помощь.

На базе сталинского учения о языке нами в настоящей работе делается попытка описания основных вопросов, связанных со словарным составом и словоизменением в иньвенском диалекте коми-пермяцкого языка.

Иньвенский диалект является одним из двух основных диалектов коми-пермяцкого языка. Он распространен в Юсьвинском, Кудымкарском и Белоевском районах Коми-Пермяцкого округа, на нем говорит приблизительно 70 тысяч человек.

² Там же. С. 13.

³ *Сталин И.* Марксизм и вопросы языкознания. М.: Госполитиздат, 1950. С. 43.

СЛОВАРНЫЙ СОСТАВ И СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ ИНЬВЕНСКОГО ДИАЛЕКТА КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО ЯЗЫКА

Учение И. В. Сталина о словарном составе и основном словарном фонде языка положено нами в основу при написании первого раздела работы и при составлении словаря; учение И. В. Сталина о грамматическом строе языка явилось для нас базой при составлении второго раздела, касающегося словоизменения.

Следует оговорить еще и то, что иньвенский диалект очень близок к литературному коми-пермяцкому языку. Он имеет почти тот же самый словарный состав, что и литературный коми-пермяцкий язык, один и тот же основной словарный фонд и одни и те же основы грамматического строя. Различия касаются лишь особенностей в словообразовании и словоизменении, вытекающих из своеобразного употребления звука *в*, а также некоторой части словарного состава, а именно, изобразительных слов, которые в коми-пермяцкой литературе еще недостаточно используются, и так называемых парных слов, которые тоже редко встречаются в литературном коми-пермяцком языке.

К этому надо добавить то, что иньвенский диалект сам по себе тоже не однороден. Различия внутри иньвенского диалекта обусловлены бывшей территориальной разобщенностью коми-пермяков и идут, главным образом, по линии некоторых различий в словарном составе и фонетике. В связи с этим в иньвенском диалекте можно выделить два наречия: собственно иньвенское, распространенное по реке Иньве и почти совпадающее с границами Иньвенского округа бывшей Строгановской вотчины, и наречие населения бассейнов рек Доег, Пой и Исыл. Старшее поколение коми-пермяков еще помнит слова *графскöй* 'графский' и *маачаснöй* 'не причастный к строгановским крестьянам'. «Мало(при)частными» иньвенские пермяки называли жителей бассейнов рек Доег, Пой, Исыл, не принадлежавших графам Строгановым, а «графскими» называли иньвенских пермяков, являвшихся крепостными крестьянами Строгановых.

Наречие жителей бассейнов рек Доег, Пой, Исыл отличается следующими особенностями:

1. Здесь имеется некоторое количество слов, не встречающихся в других местах вышеуказанных трех районов.

Примеры:

Слова жителей бассейнов рек Доег, Пой, Исыл	Иньвенские слова	Перевод на русский язык
<i>дзигавны</i>	<i>усьны</i>	упасть
<i>дзигöтны</i>	<i>уськöтны</i>	уронить
<i>идзöс, удзöс</i>	<i>ыбöс</i>	дверь
<i>коситны</i> ⁴	<i>ытшкыны</i>	косить
<i>меша, мыша</i>	<i>мыся</i>	я говорю
<i>моотивка</i> ⁴	<i>вартан.машина</i>	молотилка
<i>моотитны</i> ⁴	<i>вартны</i>	молотить
<i>нарман</i>	<i>куран</i>	грабли
<i>опеть</i> ⁴	<i>бöра</i>	опять
<i>ричка</i> ⁴	<i>ва</i>	река
<i>тово</i> ⁴ (вводн. слово)	<i>öнджа</i> (вводн. слово)	вот что
<i>сяньын, стянъын,</i>	<i>сэчин, сэчинъын</i>	там
<i>счанъын, сэчань</i>		
<i>черёмка</i> ⁴	<i>льöмпу</i>	черемуха
<i>ыжмавны</i>	<i>бöбавны</i>	баловаться ⁵

⁴ Заимствовано из русского языка.

⁵ Многие из этих различий в словаре вызваны неравномерным воздействием русского языка на разные коми-пермяцкие говоры.

2. Здесь наблюдается *и*-овая огласовка в 1-м прошедшем времени в спрягаемом отрицании.

Примеры:

Наречие жителей бассейнов рек Доег, Пой, Исыл	Иньвенское наречие	Перевод на русский язык
<i>ме иг кер</i>	<i>ме эг кер</i>	я не делал
<i>тэ ин кер</i>	<i>тэ эн кер</i>	ты не делал
<i>сия из кер</i>	<i>сия эз кер</i>	он не делал
<i>мийö иг(ö) керö</i>	<i>мийö эг(ö) керö</i>	мы не делали
<i>тийö ин(ö) керö</i>	<i>тийö эд(ö) керö</i>	вы не делали
<i>ния из(ö) керö</i>	<i>ния эз(ö) керö</i>	они не делали ⁶

3. Своеобразные явления имеются и в постановке ударения.

Примеры: *збóнитны* — иньв. *звонítны* 'звонить', *сэчáнь* — иньв. *сэччин* 'там', *умóль* — иньв. *умóль* 'плохой', *пуксьыны* — иньв. *пуксьыны* 'садиться'.

Словарный состав языка, по определению И. В. Сталина, складывается из всех слов, имеющих в данном языке, и является строительным материалом для языка. «Словарный состав. — говорит И. В. Сталин, — отражает картину состояния языка: чем богаче и разностороннее словарный состав, тем богаче и развитее язык» ⁷.

Словарный состав языка наиболее чувствителен к влияниям и переменам в жизни общества и находится в состоянии почти непрерывного изменения путем пополнения существующего словарного состава новыми словами и выпадения из него некоторого количества устаревших слов. «Непрерывный рост промышленности и сельского хозяйства, торговли и транспорта, техники и науки требует от языка пополнения его словаря новыми словами и выражениями, необходимыми для их работы. И язык, непосредственно отражая эти нужды, пополняет свой словарь новыми словами, совершенствует свой грамматический строй» ⁸.

В годы Советской власти, ознаменованные социалистической перестройкой города и деревни, в жизнь иньвенских коми-пермяков прочно вошел ряд новых слов, главным образом, усвоенных из русского языка. Примеры: *колхоз, совхоз, Совет, трактор, тракторист, комбайн, комбайнер, бригада, бригадир, автомашина, автобус, жатка, косилка, севооборот, силосование, яровизация, травосеяние, зябь, прополка, соревнованье, ударник, стахановец, учёт, трудодень, ферма, председатель колхоза, большевик, социализм, коммунизм, сельсовет, райисполком, окрисполком, коммунистической партия, ленинской, колхозной, Советской, власть, Верховный Совет, депутат Верховного Совета, Герой Советского Союза, Герой Социалистического труда, газета, книга, врач, кино, театр* и многие другие слова.

Много слов проникает по линии лесной промышленности, имеющей в Коми-Пермяцком округе очень большое значение. Примеры: *вершинник, горельник, сухостой, бурелом, комель, штабель, лесосека, таксация, фестметр, трелевщик, лесоруб, лесозаготовка*эз 'лесозаготовки', *сплав, поточно-комплексной бригада, электролебедчик* и ряд других слов.

Слова, усвоенные из языка великого русского народа в годы Советской власти, не подвергаются влиянию коми-пермяцкой фонетики. Только старшее поколение иногда произносит эти слова с отражением фонетических особенностей своего родного языка.

⁶ *И*-овая огласовка наблюдается не только в данном примере, но и в ряде других — в отдельных говорах.

⁷ Сталин И. Марксизм и вопросы языкознания. М.: Госполитиздат. 1950. С. 23.

⁸ Там же. С. 11.

СЛОВАРНЫЙ СОСТАВ И СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ ИНЬВЕНСКОГО ДИАЛЕКТА КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО ЯЗЫКА

Например: *ковкоз* 'колхоз', *Соэт* 'Совет', *косивка* 'косилка', *нига* 'книга', *шкоа* 'школа', *вась* 'власть' и т. д.

Наряду с этим мы имеем и ряд новых слов, образованных по типу кальки. Например: *подавöдитöм* 'скотоводство', *вöркераись* 'лесоруб', *вöркыöтöм* 'лесосплав', *вöв перма* 'конеvodческая ферма' и т. д.

Обогащение лексики коми-пермяцкого языка за счет словаря великого русского языка отражает хозяйственный и культурный рост коми-пермяцкого народа.

Наряду с обогащением словарного состава коми-пермяцкого языка идет процесс выпадения из словаря ряда устаревших слов. Великая Октябрьская социалистическая революция свергла капиталистический строй в нашей стране и уничтожила господство графской фамилии Строгановых в Иньвенской долине. В связи с этим вышли из употребления такие слова, как *графскöй* 'графский', *маачаснöй* 'не относящийся к крепостным Строганова', *земскöй* 'земский', *писарь* 'писарь', *воость* 'волость', *вооснöй* 'волостной' и т. д. Отжили свой век такие слова, как, например, *десетина* 'десятина', *пооса* 'полоса' и др.

II

Иньвенский диалект, как и вообще коми-пермяцкий язык, изобилует большим количеством изобразительных слов, обозначающих условные изображения различных явлений природы, звучания, состояния и движения в природе, зрительные эффекты и т. п. К такого рода словам относятся, например, *кыш* в *кыш керны* 'издать шорох', *буль-боль* в *буль-боль керны* 'бултыхнуть', *тирс-торс* в *тирс-торс ветвöтны* 'ходить, стуча каблуками', *дзурк-вирк* в *дзурк-вирк ветвöтны* 'ходить поскрипывая новой обувью', *чим съöд* 'совершенно черный', *дзар югыт* 'совсем светло', *чунь öтнам* 'совсем один я' и др., которые, как правило, препровождают полновесные слова (глагол, прилагательное, числительное, наречие). Часто изобразительное слово, препровождающее полноценный глагол, оформляется глаголоподобно. Например: *торскöтны-ветвöтны* 'стучать каблуками — ходить', *дзуркöтны-ветвöтны* 'поскрипывать новой обувью — ходить', *чавкыны-шутнöвтны* (при *чавк шутнöвтны*) 'свистнуть', *топöтны-гöняйтны* (при *топ-топ гöняйтны*) 'ехать галопом' и т. д.

Для большинства изобразительных глаголов характерны особые суффиксы, не употребляющиеся с глаголами обычного порядка. Суффиксы обычного порядка с изобразительными глаголами, как правило, переосмысляются. Так, например, суффикс *-öт-* с изобразительными глаголами вовсе не обозначает переходность, а имеет значение, равное суффиксу *-ав* (*сярöтны* 'трещать трещоткой').

Важнейшие суффиксы изобразительных глаголов те же, что и в литературном коми-пермяцком языке: *-гы* и *-кы*, *-зы* и *-сы*, *-нит*, *-öс(т)* и др. Примеры: *больгыны* 'журчать', *шушкыны* 'шептать', *нязыны* 'мяукать', *баксыны* 'мычать', *шевкнитны* 'махнуть (крылом)', *нявöс(т)ны* 'мяукнуть'.

Изобразительные глаголы могут образовываться и с помощью глаголов: *керны* 'делать', *видзны* 'держат', *мунны* 'идти', которые при этом мыслятся как суффиксы. Например: *гым керны* (при *гымнитны*) 'грохнуть', *кыш керны* (при *кышнитны*) 'издать шорох' и т. д.

III

Основной словарный фонд иньвенского диалекта в общем тот же, что и в коми-пермяцком языке. Товарищ Сталин в своей работе «Относительно марксизма в языкознании» говорит об устойчивости основного словарного фонда любого языка как продукта ряда эпох. Это подтверждается и материалом коми-пермяцкого языка. Если

сравнить древнепермский язык, восходящий к XIV–XV вв., с современным коми-пермяцким языком, то нетрудно увидеть, что основной словарный фонд с этого времени не испытал серьезных изменений, хотя древнепермские письмены относятся к эпохе феодализма, а мы живем в эпоху перехода от социализма к коммунизму. Изменение основного словарного фонда происходит очень медленно путем пополнения его новыми словами, имеющими жизненно важное значение, а также путем выпадения из него некоторого количества слов, потерявших свое прежнее значение, которое они некогда имели.

В основной словарный фонд коми-пермяцкого языка за последние десятилетия вошли такие слова, как *школа, книга, газета, кино, электричество, партия, большевик*, ставшие жизненно важными для коми-пермяцкого народа только в условиях советской власти.

Начало формирования основного словарного фонда иньвенского диалекта уходит своими корнями в глубокую древность. И. В. Сталин указывает, что «... язык, его структуру нельзя рассматривать как продукт одной какой-либо эпохи. Структура языка, его грамматический строй и основной словарный фонд есть продукт ряда эпох.

Надо полагать, что элементы современного языка были заложены еще в глубокой древности, до эпохи рабства. Это был язык не сложный с очень скудным словарным фондом, но со своим грамматическим строем, правда, примитивным, но все же грамматическим строем»⁹.

Сравнительно-исторический анализ ряда терминов коми-пермяцкого языка и весьма удаленных от него языков финно-угорской системы (венгерский и финский) дает нам возможность выделить из основного словарного фонда коми-пермяцкого языка ряд древнейших корневых слов.

Для основного словарного фонда иньвенского диалекта, как и для коми-пермяцкого языка вообще, характерно то, что в подавляющем большинстве корневые слова, составляющие ядро основного словарного фонда, односложны. Например: *ай* 'отец', *ар* 'осень', *ой* 'ночь', *инь* 'жена', *удж* 'работа', *би* 'огонь', *ва* 'вода', *ки* 'рука', *ру* 'воздух', *му* 'земля', *пу* 'дерево', *вир* 'кровь', *мам* 'мать', *вон* 'брат', *зэр* 'дождь', *кок* 'нога', *кык* 'два', *вит* 'пять', *нянь* 'хлеб', *сов* 'соль', *тён* 'вчера' и т. д.

IV

Основным путем пополнения словарного состава иньвенского диалекта, как и вообще коми-пермяцкого языка, является словообразование.

В словообразовании большую роль играет словосложение, так как иньвенский диалект, как и вообще коми-пермяцкий язык, сравнительно беден корнями и аффиксами.

В большинстве случаев коми-пермяцкие сложные слова состоят из двух компонентов, каждый из которых может употребляться самостоятельно со своим лексическим значением. Например: *аймам* (отец-мать) 'родители', *ойвун* (ночь-день) 'сутки', *нимвун* (имя-день) 'именины', *нырём* (нос-рот) 'лицо', *керкуюр* (дом-голова) 'крыша', *бекёрпань* (миска-ложка) 'посуда', *айним* (отец-имя) 'отчество' и т. д.

Однако имеется ряд случаев, когда один из компонентов в выделенном состоянии уже не употребляется, но прослеживается в сопоставлении с другими словами иньвенского диалекта или коми-пермяцкого языка, а также в сопоставлении с другими финно-угорскими языками. Например: **-во** из *таво* 'в этом году' сохранилось в значении 'год' в коми-зырянском языке; **-сись** из *масись* 'свеча' в коми-зырянском языке означает 'свеча', **-кём** из *нинкём* встречается в таких коми-пермяцких словах, как *кёмавны* 'обуть', *кёмтём* 'босой' (суффикс **-тём** означает 'лишенный чего-либо'), *кёмтёг* 'босиком' (букв. 'без обуви').

⁹ Сталин И. Марксизм и вопросы языкознания. М.: Госполитиздат, 1950. С. 26.

СЛОВАРНЫЙ СОСТАВ И СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ ИНЬВЕНСКОГО ДИАЛЕКТА КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО ЯЗЫКА

Большинство сложных слов иньвенского диалекта состоит из грамматически неоформленных компонентов. Например: *высва* (хвоя-вода) 'роса', *синва* (глаз-вода) 'слеза', *балямаш* (овца-пчела) 'шмель', *льёмпу* (ягода черемухи – дерево) 'черемуха', *подавёдйтём* (скот-разведение) 'скотоводство', *вёркераись* (лес-рубитель) 'лесоруб' и т. д. Эту особенность связывания слов внутри сложного образования нельзя считать, как это подчас делается, лишь пережитком архаической стадии развития коми-пермяцкого языка. Преобладающее большинство сложных слов, возникших за последнее время в иньвенском диалекте, как и вообще в коми-пермяцком языке, образуется также путем простого соположения компонентов. Например: *вартан.машина* (цеп-машина) 'молотилка', *кыввуж* (слово-корень) 'корень слова' и т. д. Здесь обнаруживается характерная особенность иньвенского диалекта (и вообще коми-пермяцкого языка) — неоформленность определения, выраженного любой частью речи. В сложных словах, где первый компонент является объектом действия по отношению ко второму, являющемуся деятелем, неоформленность объясняется тем, что падеж объекта — винительный сходствует с именительным (всегда у названий неживых предметов, а часто и живых предметов).

Нельзя считать пережитком архаического состояния языка и сложные слова типа *аймам* (отец-мать) 'родители', *ойвун* (ночь-день) 'сутки', образованные по образцу сочинительной связи. Такой способ связывания слов в одно целое продуктивен и в современном языке населения иньвенской долины (ср. например, неологизм *мувидз-из мувидзуджаан машина* 'сельскохозяйственная машина', где *мувидз* буквально означает 'земля-луг').

Таким образом, на материале иньвенского диалекта коми-пермяцкого языка мы имеем убедительное подтверждение слов товарища И. В. Сталина об устойчивости языка. «Выработанный в течение эпох и вошедший в плоть и кровь языка, — указывает товарищ Сталин, — грамматический строй изменяется еще медленнее, чем основной словарный фонд. Он, конечно, претерпевает с течением времени изменения, он совершенствуется, улучшает и уточняет свои правила, обогащается новыми правилами, но основы грамматического строя сохраняются в течение очень долгого времени, так как они, как показывает история, могут с успехом обслуживать общество в течение ряда эпох»¹⁰.

К сложным словам близки так называемые парные слова, состоящие, как правило, из двух грамматически одинаково оформленных слов. Выделяются следующие группы парных слов.

1. Парные слова, образованные от имен существительных – названий родственных отношений с помощью *-а*. Например: *соя-вона* 'сестра и брат', *аня-моня* 'свекровь и невестка', *мама-зона* 'мать и сын', *ая-ныя* 'отец и дочь', *мама-ныя* 'мать и дочь'.

В иньвенском диалекте, как и вообще в коми-пермяцком языке, образование парных слов с помощью *-а* ограничено лишь вышеуказанными случаями, в отличие от коми-зырянского языка, где парные слова представляют весьма широкую категорию слов¹¹. Имеется только один случай, выходящий из этого ряда слов, *идъя-зёрья* 'смесь из ячменя и овса'. Например: *няньыс идъя-зёрья* 'хлеб из смеси ячменя с овсом', *сыён кыыс идъя-зёрья* 'его язык смешанный'.

Вышеперечисленные парные слова близки к сложным словам: в них обнаруживаются законы ударения сложных слов (имеется одно ударение), морфологические показатели нарастают не на каждый элемент, а на парное слово в целом. Например: *ме адззыи нийё. мама-ныяёс, театрын* 'я видел их, мать и дочь, в театре'. Однако своеобразное оформление обоих компонентов с помощью *-а*, а также показ сочинительного отношения с помощью *-а* (здесь не возникает новое понятие, как это бывает всегда в сложных словах), позволяет их выделить в особую категорию слов, в раздел парных слов.

¹⁰ Сталин И. Марксизм и вопросы языкознания. М.: Госполитиздат, 1950. С. 25–26.

¹¹ См. об этом: Бубрих Д. В. Грамматика коми литературного языка. Л., 1949. С. 82–83.

2. Парные слова, компонентами которых являются глаголы. Особенностью глагольных парных слов является то, что каждый глагол, входящий в парное сочетание, сохраняет глагольное словоизменение, что препятствует их формальному слиянию. В глагольных парных словах часто один из компонентов выступает с более ослабленным лексическим значением. Например: *нимкодясьны-виччыны* (обзывать-ругаться) 'обзываясь ругаться', *буавны-горзыны* (выть-плакать) 'воем плакать'.

Ослабленность лексического значения одного из компонентов парных слов обнаруживается особенно ярко в таких сочетаниях, где вторым элементом является слово *-керны*, приближающееся по значению к словообразовательному суффиксу. Например: *виччысьны-керны*, 'подождать', *баитны-керны* 'поговорить', *уджавны-керны* 'поработать' и т. д.

V

Одним из важных способов образования новых слов в иньвенском диалекте является аффиксация. Характер аффиксации в иньвенском диалекте, как и в коми-пермяцком языке, преимущественно суффиксальный (имеется только один префикс *не-*, который отражает влияние русского языка). Корень слова выступает на первом месте. Непосредственно после корня слова располагаются словообразовательные суффиксы, а затем — суффиксы словоизменительные. Из словоизменительных суффиксов суффиксы принадлежности обычно предшествуют падежным, но следуют за числовыми. Например: *керку-ок-кез-ным-вён* 'у наших домиков'.

Главной базой для образования производных слов является ядро основного словарного фонда — корневые слова, простые неразложимые корни, например, *би-ась-ны* 'зажечь свет', *пась-т-ав-ны* 'одеть', *удж-а-ись* 'рабочий' и т. д. — содержат корневые слова *би*, *пась*, *удж*.

Корневые слова, являющиеся производящим элементом производного слова, могут быть свободными и связанными. Свободные корни могут употребляться в выделенном состоянии. Их большинство. Например: *нывка* 'девушка' и *ныв* 'дочь', *зонка* 'парень' и *зон* 'сын', *увтас* 'низменность' и *увт* 'низ', 'место под', *идз-ас* 'соллома' и *идз* 'стебель у злаков', *пёт-ёс* 'сытность' и *пёт* 'сытый', *куз-я* 'длина' и *кузь* 'длинный', *нять-ёсь* 'запачканный грязью' и *нять* 'грязь', *кок-тём* 'безногий' и *кок* 'нога', *кыдз-ооы* 'березовый' и *кыдз* 'береза', *тёв-ся* 'зимний' и *тёв* 'зима', *шёр-ись* 'средний' и *шёр* 'середина', *бура* 'хорошо' и *бур* 'хороший', *спокойнёя* 'спокойно' и *спокойнёй* 'спокойный' и т. д.

Связанные корни, выделяясь в составе производного слова, как производящий элемент, в выделенном состоянии в современном языке уже не употребляются. Например: *кым-ёс* 'лоб', *кён-ёс* 'кадка', *нёш-тём* 'безобразный', *кём-тём* 'босой', *ёддён* 'очень' и т. д.

VI

Иньвенский диалект отличается наличием ряда падежных форм, которых нет в литературном коми-пермяцком языке и функции которых выполняют в последнем послелогии, образованные от послеложной основы *выв-*. Это объясняется фонетическими особенностями иньвенского диалекта.

В иньвенском диалекте отсутствует звук *л* (твердый). Там, где в литературном языке звук *л*, в иньвенском диалекте мы имеем в одних случаях звук *в*, в других — нуль, т. е. выпадение звука вместо ожидаемого *в*. Примеры на первый случай: *вым* 'снег' (в лит. *лым*), *быдваын* 'всюду' (в лит. *быдлаын*). Примеры на второй случай: *зэавны* 'стать тугим' (в лит. *зэлавны*), *выын* 'высокий' (в лит. *вылын*), *веётны* 'учить' (в лит. *велётны*).

В положении между гласными *в* в иньвенском диалекте, как правило, не встречается. Например, иньвенцы говорят *маавны* 'гладить (по спине)' (в лит. *малавны*), *мааа* 'глажу' (в лит. *малала*), *мааё* 'гладит' (в лит. *малалё*). В порядке исключения *в*

СЛОВАРНЫЙ СОСТАВ И СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ ИНЬВЕНСКОГО ДИАЛЕКТА КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО ЯЗЫКА

сохраняется во всех положениях в падежном окончании приблизительного падежа. Следует отличать, что в словаре более старшего поколения звук *л* в положении между гласными выпадает и в словах, усвоенных из русского языка. Старшее поколение иньвенцев, например, говорит *гоосуйтны* 'голосовать', *коодеч* 'колодец', *белию* 'белило', *куак* 'кулак' и т. д.

Однако более молодое поколение, приобщившееся к нормам литературного коми-пермяцкого языка, а также и к нормам литературного русского языка, в словах, усвоенных из русского языка, произносит *л*, как в случаях, где вместо него в иньвенском диалекте *в*, так и в случаях, где вместо него — нуль. Например: *класс*, *колодец*, *кулак*, *колхоз*, *лодырь*, *лазарет*, *лозунг*, *журнал* и т. д.

На основе указанных фонетических закономерностей иньвенского диалекта в нем имеется шесть падежных форм, которых нет в литературном коми-пермяцком языке.

Перечислим эти падежные формы:

1. **Внешнеместный падеж** употребляется в конструкциях, отвечающих на вопрос «на ком, на чем?». Примеры: *Пуввын пукаё кай* 'На дереве сидит птица' (в лит. *пу вылын пукало кай*). *Пызанвын суаё самовар* 'На столе стоит самовар' (в лит. *пызан вылын суалё самовар*).

2. **Падеж удаления с поверхности предмета** употребляется на вопрос «с кого, с чего спуститься, сойти и т. д.?» Примеры: *Школьниккез өктёны муввись шеп* 'Учащиеся собирают с земли колосья' (в лит. *школьниккез өктёны му вылись шеп*). *Старука веччис горвись* 'Старуха слезла с печки' (в лит. *старуха лэдзчис гор вылись*).

3. **Направительный на поверхность предмета падеж** употребляется на вопрос «на кого, на что подняться, сесть, положить, идти и т. д.?» Примеры: *Кызд лисок усис муввё* 'Листок березы упал на землю' (в лит. *кызд листок усис му вылё*). *Старука кайис горвё* 'Старуха поднялась на печку' (в лит. *старуха кайис гор вылё*).

4. **Отдалительный с поверхности предмета падеж** употребляется в значении, сходном с падежом удаления с поверхности предмета. Примеры: *Горвысянь веччис старука* 'С печки спустилась старуха' (в лит. *гор вылись лэдзчис старуха*). *Ваввысянь кайис пар* 'От воды поднимался пар' (в лит. *ва вывсянь кайис пар*).

5. **Падеж предела на поверхности предмета** употребляется в значении «до (поверхности) кого, чего распространяется действие?» Примеры: *Мортыс муввёдззис мышкырччис* 'Человек до (поверхности) земли наклонился' (в лит. *мортыс му вылёдззис мышкыртчис*). *Старукаё горвёдззис баитёмыс оз кыв* 'Старухе, находящейся на печке, разговор не слышен', букв. 'Старухе до (поверхности) печки разговор не слышен' (в лит. *старухалё гор вылёдззис баитёмыс оз кыв*).

6. **Переходный по поверхности предмета падеж** употребляется в значении «по кому, по чему передвигаться?». От переходного падежа отличается тем, что в данном случае всегда мыслится поверхность того предмета, который служит объектом передвижения и т. д. Примеры: *Виль автобус мунё Иньва посвёт(ь)* 'Новый автобус идет по иньвенскому мосту' (в лит. *виль автобус мунё Иньва пос вылёт*). *Камаввёт мунис пароход* 'По Каме прошел пароход' (в лит. *Кама вылёт мунис пароход*).

Помимо вышеуказанных падежей особо следует отметить наличие еще одного падежа, не нашедшего себе признания в литературном языке, — падежа на вопрос «до кого? до чего?» — в вертикальном направлении. Примеры: *Рудзёгыс таво косви* 'Рожь в этом году до пояса'. *Ся мыгёрнас тэвви воас* 'Он ростом с тебя будет'.

В зависимости от различий в падежных окончаниях в единственном числе, обусловленных чередованием *в* с нулем, в иньвенском диалекте можно наметить два типа склонения.

К первому склонению относятся имена существительные с согласной основой.

Ко второму склонению относятся имена существительные с гласной основой.

В спряжении иньвенского диалекта имеются частные расхождения с нормами литературного коми-пермяцкого языка.

1. Формы множественного числа *мунамö, мунатö, мунімö, мунитö* употребляются рядом с формами *мунам, мунат, мунім, мунит*. Наличие *-ö* в спрягаемом отрицании также необязательно.

2. Во 2-м лице единственного числа в прошедшем неочевидном времени наряду с формой на *-ыт* (*мунöмыт*) употребляется форма на *-ат* (*мунöмат*). В 3-м лице единственного числа на ряду с формами на *-ма* (*мунöма*) употребляются формы на *-м* (*мунöм*).

3. 2-е и 3-е лицо множественного числа в прошедшем неочевидном времени в иньвенском диалекте созвучны. Они одинаково образованы от формы на *-ма*, на которую наращен признак множественности *-öсь*. Из формы *ма + öсь* получилось *-мась* (*мунöмась*) 'вы, оказывается, пошли'.

4. В иньвенском диалекте есть желательное наклонение, которое образуется прибавлением частицы *бы* к форме настоящего времени¹². Частица *бы* при этом не имеет твердого места. Примеры: *ме муна бы* 'я хочу (желаю) идти', *ме бы выддя* 'я хочу читать'.

В отличие от желательного наклонения условное наклонение образуется прибавлением частицы *бы* к форме прошедшего времени глагола. Пример: *ме бы выдди книгасö, көбы время вöи* 'я бы прочитал книгу, если бы время было'¹³.

¹² Частица является усвоенной из русского языка.

¹³ По техническим причинам таблицы склонений и спряжения в автореферат не включены.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ИНЬВЕНСКОГО ДИАЛЕКТА КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО ЯЗЫКА *

Все коми-пермяцкие диалекты принято делить по употреблению звуков *л* и *в* на южные и северные. Как южные, так и северные диалекты коми-пермяцкого языка до настоящего времени изучены недостаточно.

Первый, кто проявил научный интерес к коми-пермяцкому языку и его диалектам, был Н. Рогов, составивший «Опыт грамматики пермяцкого языка» (1860 г.) и «Коми-пермяцко-русский и Русско-коми-пермяцкий словарь» (1869 г.). Как видно из материалов, Н. Рогов, работая над вышеуказанными трудами, имел дело с южным говором коми-пермяцкого языка. К сожалению, ему не удалось показать все особенности изучаемого говора. Границы употребления *л* и *в* им не установлены. Правда, слова с *л* в словаре Н. Рогова снабжены ремаркой «ю.» (южное наречие). Очевидно, под его южным наречием следует понимать говор жителей теперешнего Оньковского сельсовета, Юсьвинского района, а также говор жителей нынешних Пятинского и Ленинского сельсоветов Кудымкарского района, расположенных от Кудымкара к югу. На территории этих сельсоветов до настоящего времени сохранились *л*-диалекты, известные ныне в науке, благодаря недавним работам проф. В. И. Лыткина, под названием оньковского и нердвинского диалектов коми-пермяцкого языка. Однако границ распространения *л*-диалектов и *в*-диалектов в южной части территории, населенной коми-пермяками, Н. Рогов не дает.

После Великой Октябрьской социалистической революции некоторый интерес к диалектам коми-пермяцкого языка был проявлен Г. А. Нечаевым. Последний сделал подробное описание так называемого зюздинского диалекта (см. Г. А. Нечаев. «Характеристика зюздинского диалекта коми языка» в сборнике Комиссии по собиранию и изучению диалектов коми языка. Выпуск I. Сыктывкар, 1930). Г. А. Нечаевым же был исследован северный диалект коми-пермяцкого языка (см. «Отношение окружного коми литературного языка к северным диалектам Коми округа» в сборнике Комиссии по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка. Выпуск II. Москва: Центриздат, 1931). В последней работе Г. А. Нечаев вскользь говорит о главной особенности иньвенского диалекта — о *в*-канье.

За последнее время коми-пермяцкие диалекты привлекали внимание проф. В. И. Лыткина, который неоднократно бывал у коми-пермяков. В 1955 году вышла составленная им «Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам» (издание АН СССР, Москва), которая содержит богатый материал по коми диалектологии. В ней представлены и некоторые говоры южной диалектной группы коми-пермяцкого языка. Проф. Лыткин выделил в составе южной диалектной группы четыре диалекта: оньковский, нижеиньвенский, нердвинский, кудымкарско-иньвенский. В своей диалектологической хрестоматии он кратко охарактеризовал нердвинский, оньковский и нижеиньвенский диалекты. Однако проф. Лыткин подробно не останавливается на характеристике кудымкарско-иньвенского диалекта (по его терминологии).

Некоторым вопросам кудымкарско-иньвенского диалекта посвящена работа проф. П. С. Кузнецова «Судьба твердого *л* в иньвенском диалекте коми-пермяцкого языка» (в сборнике «Памяти Л. В. Щербы». Ленинград, 1951). Проф. Кузнецов исследовал

* Ученые записки кафедры русского и иностранных языков (ПГПИ). Вып. 17. Пермь, 1958. С. 123–140.

произношение жителей пригорода г. Кудымкара — деревни Климовой, где ему удалось найти варианты произношения *в* в зависимости от того, какой звук в древности наличествовал вместо этого *в*, старый *л* (твердый) или *в*.

Как видим, многие лингвисты интересовались иньвенским диалектом. Однако стройной характеристики собственно иньвенского диалекта (или, по терминологии проф. В. И. Лыткина, кудымкарско-иньвенского) мы до сих пор не имеем. Нет сомнения в том, что и иньвенская речь сама по себе не однородна. Известно, например, что несколько особое место занимает ошибская и егвинская речь. Своеобразно говорят в Верх-Иньве и Верх-Юсьве. Имеются особенности в говоре коми-пермяков района Белоево и Отева. Выделяется речь коми-пермяков села Архангельска и близлежащих населенных пунктов. Можно сказать, что границы отдельных иньвенских говоров примерно совпадают с границами семи ведомств бывшего иньвенского округа Строгановых, выделенного из Строгановской вотчины в 1833 году¹.

В настоящей работе, являющейся извлечением и в какой-то мере развитием некоторых вопросов, рассмотренных нами в кандидатской диссертации на тему «Словарный состав и словоизменение в иньвенском диалекте коми-пермяцкого языка»², делается попытка исследовать основные фонетические закономерности и вызванные фонетическими чередованиями изменения грамматического строя кудымкарско-иньвенского диалекта на материале говора Архангельского, Боталовского и Карасовского сельсоветов Юсьвинского района, находящихся к юго-востоку от гор. Кудымкара — центра Коми-Пермяцкого национального округа.

* * *

Иньвенский диалект — *в*-диалект. Известно, что все коми диалекты (коми-зырянские и коми-пермяцкие) по употреблению *л* и *в* подразделяются на четыре типа: 1) *л*-овые; 2) *в-л*-овые; 3) нуль-*л*-овые; 4) *в*-овые (см.: В. И. Лыткин. Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам. С. 17–22). Иньвенский диалект относится к тому диалектному типу, где всякий *л* (твердый) утрачен полностью. Там, где в литературном языке выступает *л*³, в иньвенском диалекте имеем в одних случаях звук *в*, в других — нуль, т. е. выпадение звука, вместо ожидаемого *в*. Примеры, где в иньвенском диалекте *в*, вместо литературного *л*: *вым* 'снег', *воны* 'быть', *выс* 'хвоя', *вокны* 'прийти', *вебны* 'подняться', *быдваын* 'всюду', *вонтны* 'затопить', *вдз* 'синий'. Примеры, где в иньвенском диалекте нуль, вместо литературного *л* *веавны* 'обнаруживать способность к чему-нибудь' (в лит. *велавны*), *тдйсь* 'луна' (в лит. *тдйсь*), *туыс* 'весна' (в лит. *тулыс*), *зэавны* 'становиться тугим' (в лит. *зэавны*), *выын* 'высоко, высокий' (в лит. *вылын*), *маавны* 'гладить (напр., по спине)' — в лит. *малавны*, *мааа* 'глажу (напр., по спине)' — в лит. *малала*.

Звук *в* в иньвенском диалекте встречается в следующих положениях:

1) в начале слова, например: *вым* 'снег', *выс* 'хвоя', *выд* 'счет', *вдг* 'злой', *вдчыт* 'острый', *важмыт* 'низкий'.

2) в конце слова, например: *пдв* 'доска', *кыв* 'язык', *вдв* 'лошадь', *ныв* 'дочь'.

¹ В состав Иньвенского округа входили 7 сел, или ведомств: Верх-Иньвенское, Отевское, Егвинское, Архангельское, Юсьвинское, Верх-Юсьвинское и Кудымкарское.

² Материал для диссертации был собран в течение 1948–1951 гг.

³ При создании литературного коми-пермяцкого языка за норму в употреблении *л* и *в* был взят литературный коми (зырянский) язык, который *л* употребляет в следующих случаях: 1) между гласными: *пукала* 'сизу', *сулала* 'стою'; 2) в начале слова в корнях: *лаб*, *лаж*, *лань*, *лб*, *лдз*, *ло*, *лок*, *лбг*, *лонт*, *лдз*, *лбнь*, *лбс*, *луд*, *лун*, *лыд*, *лый*, *лым*, *лыс*; 3) в словах, заимствованных из русского языка, там же, где и в русском: *полка*, *долг*, *чулки*, *солдат*, *хлам*, *дело*, *колхоз*, *журнал* и т. д.; 4) в конце слова, перед согласными произносится *в*: *ныв* 'дочь', *кыв* 'слово, язык', *сывны* 'петь', *ловья* 'живой', *ловдн* 'живым', *нывез* 'дочери' и т. д.

3) в положении перед согласными, например: *довз* 'долг', *нывка* 'девушка', *вевт* 'крышка'.

4) в положении после согласного, например: *быдваын* 'всюду', *куква* 'кукла', *укват* 'ухват', *пызанвын* 'на столе'.

5) *в* обычно сохраняется перед гласными в начале второго компонента сложного слова: *черива* 'уха', *кунва* 'щелочь', *высва* 'роса', *синва* 'слеза', но в слове *тао* 'в этом году', где второй слагающей частью является слово *во* 'год', *в* обычно не произносится, хотя рядом, сравнительно реже, употребляется и *таво*⁴.

В положении между гласными в языке старшего поколения коми-пермяков, не приобщившихся к нормам литературного коми-пермяцкого языка, а также и к нормам русского языка, *в*, как правило, выпадает не только в исконно коми-пермяцких словах, но и в словах, усвоенных из русского языка. Так, например, старшее поколение иньвенцев говорит *гоосуйтны* 'голосовать', *коодеч* 'колодец', *белио* 'белила', *поать* 'полати', *пооса* 'полоса', *куак* 'кулак', *стооой* 'столовая', *соет* 'совет', *поод* 'повод'.

Как нам удалось установить, выпадение *в* в положении между гласными наблюдается на территории, расположенной к востоку от с. Архангельска, приблизительно до с. Доег, где коми-пермяки говорят уже на нижнеиньвенском говоре, описанном В. И. Лыткиным в «Диалектологической хрестоматии». Чем ближе к Кудымкару, тем больше мы встречаем *в*-канье. *В* сохраняется во всех положениях на месте древних *в* и *л*. Так, например, в тексте, записанном нами в 1953 году со слов 70-летней Пономаревой из д. Большая Серва, находящейся в 4 километрах к востоку от г. Кудымкара, выпадение *в* почти не наблюдается в указанной позиции (см. этот текст в «Диалектологической хрестоматии» В. И. Лыткина. С. 45). Если на территории бывшего Архангельского ведомства встречаются слова, в которых благодаря выпадению *в* между гласными оказываются рядом два-три гласных, иногда даже одинаковых (*стооой* 'столовая', *мааа* 'глажу'), то в речи коми-пермяков из бывшего Верх-Иньвенского ведомства почти не встречается выпадения *в* в указанной позиции. Верх-иньвенцы говорят *мавава* 'глажу', *стововой* 'столовая', *дөва* 'вдова' и т. д. В их говоре еще существует дифференцированно достигаемый падеж на *-ва* (ср. в лит. достигаемый падеж оканчивается на *-ла*), тогда как в юго-восточных говорах иньвенского диалекта по существу достигаемого падежа уже нет. Значение достигаемого падежа здесь у слов, оканчивающихся на согласный звук, передается формантом *-вö*, сходным с показателем дательного падежа, а у существительных на гласную основу — *-dö*, сходным с показателем вступительного падежа. Наличие достигаемого падежа на *-ва* свидетельствует об устойчивости *в* в верх-иньвенском говоре коми-пермяцкого языка. Примеры: в верх-иньвенском *муна вава* 'иду за водой', в лит. *муна вала*, в архангельско-иньвенском *муна вадö*. Верхиньвенский *в*, возникший на месте древнего *л*, по нашему мнению, акустически очень близок к губно-губному *в*, о котором писал проф. П. С. Кузнецов в своей работе «Судьба твердого *л* в иньвенском диалекте коми-пермяцкого языка».

По словам проф. П. С. Кузнецова, некоторая часть старожилы д. Климовой произносит губно-губной *в* (*вок* 'иди') вместо древнего *л*, а древнее *в* сохраняется без изменения в виде губно-зубного *в* (*вон* 'брат').

Сделанные нами наблюдения над произношением звука *в* коми-пермяками нынешних Архангельского, Карасовского и Боталовского сельсоветов Юсьвинского

⁴ Слово *тао*, возможно, образовалось из *та* 'это' плюс *о* 'год'. В пользу такого предположения склоняет нас и то обстоятельство, что в коми-пермяцких диалектах в абсолютном начале слова, вместо коми-зырянского *во*, на месте старого закрытого *о* имеем *о* (открытое). Примеры: коми-пермяцкое *одз* 'рано', коми-зырянское *водз* 'рано', коми-пермяцкое *орсны* 'играть', коми-зырянское *ворсны* 'играть' и т. д. Следовательно, в коми-пермяцком, вместо коми-зырянского слова *во* 'год', можно было бы ожидать *о*, как это имеем сейчас, например, в кобринском диалекте коми-зырянского языка. Однако коми-пермяки это слово уже давно заменили русским *год*. Если предположить, что в древности коми-пермяки вместо *год* говорили *о*, то *тао* сложилось из *та* плюс *о*.

района Коми-Пермяцкого округа показывают, что губно-губное *в* и губно-зубное *в* в настоящее время уже не различаются.

Звук *в* в исследованных нами говорах не выпадает в окончании приблизительного падежа *-вань*. Это объясняется, по всей вероятности, тем, что *-вань* как показатель приблизительного падежа был извлечен из образований *ойвань* 'север', *вунвань* 'юг', где он является словообразовательным суффиксом. Характерно, что при формах на *-вань* имеются еще и формы на *-ваньё*, *-ваньын*, *-ванись*, *-ваньсянь*, *-ваньётъ*, *ваньёдз*.

Примеры: *тывань* 'по направлению к озеру' (напр., идти), *тываньсянь* 'от, с озера' (напр., идти); *тыванись* 'от озера' (например, удаляться); *тываньын* 'у озера' (где?); *тываньётъ* 'по месту, прилегающему к озеру'; *тываньёдз* 'до места, прилегающего к озеру'; *тываньё* 'по направлению к озеру'.

Из этих примеров видно, что *-вань* в системе падежных окончаний занимает особое место. Это падежное окончание, к которому могут присоединяться другие окончания. В последнем случае *-вань* уже выступает в роли суффикса со значением места. Как словообразовательный суффикс *-вань* по происхождению является самостоятельным словом. Его первоначальное значение — 'сторона', 'место'; *-вань*, *-ва* в этом значении прослеживается в некоторых финно-угорских языках до настоящего времени. По всем вышеуказанным причинам звук *в* в *-вань*, попав в положение между гласными, сохраняется, тогда как в других падежных окончаниях он выпадает согласно общей закономерности: *босьны сысь* (ср. в лит. *босьтны сылсь*) 'взять у него', *сетны сьё* (ср. в лит. *сетны сьлё*) 'дать ему, ей'.

Как и во всех диалектах коми языка, в иньвенском диалекте не наблюдается чередования *л* и *в*, а также и *в* с нулем в звукоподражательных словах, которые в системе языка живут особой жизнью (у них, например, имеется особый круг словообразовательных суффиксов, в начале звукоподражательного слова терпимы сочетания согласных и т. д.): *нявётис* 'мяукнул', *рвяётис* 'рвякнул', *кивётис* 'крикнула', *чивётис* 'чиркнул' и т. д.

* * *

На основе указанных выше звуковых закономерностей в иньвенском диалекте произошло очень интересное фонетическое явление, вызвавшее своеобразные черты в склонении имен существительных.

Послелог обычно употребляется после обслуживаемых ими слов и является энклитиками. Поэтому в послелогах *вылё*, *вылын*, *вылсь*, *вывсянь*, *вылётъ*, *вылёдз* после перехода *л* в *в* и выпадения его между гласными, легко выпал и гласный *ы*. Послелог, имеющие в корне *выв*, можно сказать, выветрились. Они слились с предстоящими знаменательными словами. Из служебного слова они превратились в падежное окончание. Таким образом, из первоначальных послеложно-именных сочетаний в иньвенском диалекте образовались новые падежные формы: *пызанвын* 'на столе', *пызанвись* 'со стола', *пызанвё* 'на стол' и т. д. Корень *выв* имеет обобщенное лексическое значение 'поверхности'. Вновь образованные падежные окончания этот оттенок значения сохраняют. Поэтому формы на *-ын*, например, не тождественны по значению формам на *-вын* (*-ввын*); формы на *-ё* не совпадают с формами на *-вё* (*-ввё*) и т. д. Так, форма *муын* (местный падеж от слова *му* 'земля') означает 'в земле', а форма *мувын* — 'на земле'; *муись* 'из земли', а *мувьись* 'с поверхности земли'; *муё* 'в землю', а *мувьё* 'на землю' и т. д. В литературном языке и в *л*-диалектах коми-пермяцкого языка это не могло произойти, так как там нет чередования *в* с нулем. Вместо новых падежных образований там будут послеложно-именные сочетания: *му вылё* 'на землю' (в иньв. *мувьё*), *му вылёт* 'по земле' (в иньв. *мувьётъ*) и т. д.

Следовательно, фонетическое чередование *в* с нулем повлекло за собой изменение грамматической структуры территориального диалекта, образовало новые падежные формы.

Следует отметить, что в созвучных с послелогоми типа *вылын* знаменательных словах полная редукция гласного *ы* не произошла, хотя *в* между гласными выпал *выын* 'высокий, высоко', *выись* 'верхний, сверху', *выӧ* 'вверх, наверх' и т. д.

Образовавшиеся из послелогов падежные формы нуждаются в наименовании. Их можно было бы назвать следующим образом:

1. Внешнеместный падеж, отвечающий на вопрос 'на ком?', 'на чем?', имеет окончание *-вын* (для согласной основы) и *-ввын* (для гласной основы): *Пуввын пукаӧ кай* 'На дереве сидит птица', *Пызанвын куйӧ книга* 'На столе лежит книга' (в лит. *пу вылын, пызан вылын*).

2. Падеж удаления с поверхности предмета, отвечающий на вопрос 'с кого?', 'с чего?', имеет окончание *-вись* (для согласной основы) и *-ввись* (для гласной): *Старука мӧдӧ горвьись веччыны* 'Старуха хочет слезть с печки'; *Школьниккез ӧктӧнӧ мувьись шеп* 'Учащиеся собирают с земли колосья' (в лит. *гор выльсь, му выльсь*).

3. Направительный на поверхность предмета, отвечающий на вопрос 'на кого?', 'на что?' (подняться, положить, сесть, идти и т. д.), оканчивается на *-вӧ* или *-ввӧ* в зависимости от основы: *Лис усис мувӧ* 'Лист упал на землю'; *Старука кайис горвӧ* 'Старуха поднялась на печку' (в лит. *му выльсь, гор вылӧ*).

4. Отдалительный с поверхности предмета отвечает на вопрос 'с кого?', 'с чего?' (напр., слезть) и имеет значение удаления с поверхности предмета; окончание *-высянь* (для согласной основы) и *-ввысянь* (для гласной): *Ваввысянь каис пар* 'С поверхности воды поднимался пар'; *Горвысянь чеччӧвтис кань* 'С печки спрыгнула кошка'. Данный падеж употребляется в значении, сходном со 2-ым падежом: *Горвысянь веччис старука* 'С печки слезла старуха' (в лит. *ва вывсьянь, гор вывсьянь*).

5. Падеж предела на поверхности предмета отвечает на вопрос 'до кого?', 'до чего?', окончание *-вӧдз* (для согласной основы) и *-ввӧдз* (для гласной): *Мортыс мувӧдззис копырччис* 'Человек до (поверхности) земли поклонился'; *Старукаӧ горвӧдззис баитӧмыс оз кыв* 'Старухе до печки разговор не слышен' (в лит. *му вылӧдззас, гор вылӧдззас*).

6. Переходный по поверхности предмета, отвечающий на вопрос 'по кому?', 'по чему?' (идти, передвигаться). От переходного падежа в литературном языке он отличается тем, что при его употреблении, как и в остальных вышеуказанных падежах, всегда мыслится поверхность того предмета, по которому предмет передвигается; окончание *-вӧть* (для согласной основы) и *-ввӧть* (для гласной): *Автобус мунӧ Иньва посвӧть* 'Автобус идет по иньвенскому мосту' (в лит. *пос вылӧт*).

В связи с вышеуказанным хочется отметить интересную параллель. Некоторые финно-угорские языки, например венгерский, также развили довольно большое количество падежных форм, среди которых есть падежи, выражающие оттенок поверхности. Венгерский суперессив на *-н* (*hajon* 'на корабле', *asztalon* 'на столе') соответствует иньвенскому внешнеместному ('на ком?', 'на чем?': *корабльывын* 'на корабле', *пызанвын* 'на столе'). Венгерский делатив ('с кого?', 'с чего?', напр., идти вниз) соответствует иньвенскому отдалительному с поверхности предмета ('с кого?', 'с чего?', напр., спуститься). Ср.: венг. *hajóról* 'с корабля', иньв. *пызанвьись* 'со стола'. Венгерский сублатив ('на кого?', 'на что?' направляется действие) соответствует иньвенскому направительному на поверхность предмета. Ср.: венг. *hajora* 'на корабль', иньв. *корабльывӧ* 'на корабль', венг. *házra* 'на дом', иньв. *керкувӧ* 'на дом'.

В зависимости от различий падежных окончаний в единственном числе, обусловленных чередованием *в* с нулем, с одной стороны, и тем, на какой звук оканчивается склоняемое слово, на гласный или согласный, с другой стороны, можно говорить о двух вариантах склонения собственно иньвенского говора коми-пермяцкого языка.

К первому варианту склонения относятся имена существительные с основой на согласный. В отличие от литературного коми-пермяцкого языка, эти существительные имеют следующие особенности в оформлении падежных значений:

1. Родительный оканчивается на **-вён** (ср. в лит. **-лён**).
2. Притяжательный на **-вись** (ср. в лит. **-лись**).
3. Значение дательного и достигательного падежей выражается с помощью **-вё** (ср. в лит. значение дательного падежа передается с помощью **-лё**, а значение достигательного падежа **-ла**).
4. Приблизительный падеж имеет окончание **-вань** (в лит. **-лань**).
5. Падеж удаления с поверхности предмета ('с кого?', 'с чего?') по оформлению совпадает с притяжательным падежом.

Ко второму варианту склонения относятся имена существительные с основой на гласный. Они отличаются следующими особенностями:

1. В родительном и творительном падежах имеют сходное окончание **-ён**.
2. В падеже удаления изнутри предмета и притяжательном оформляются одинаково с помощью **-ись**.
3. В дательном и достигательном, а также в направительном во внутрь имеют окончание **-ё**.

Полная таблица склонения существительных в иньвенском диалекте будет иметь следующий вид:

Таблица 1

СКЛОНЕНИЕ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ С ОСНОВОЙ НА СОГЛАСНЫЙ

Падежи	Основное значение	Оформление
1. Основная форма (именительный падеж)	кто? что?	<i>пызан</i> 'стол'
2. Винительный	кого? что?	<i>пызан</i> 'стол'
3. Творительный	кем? чем?	<i>пызан-ён</i> 'столом'
4. Соединительный	с кем? с чем?	<i>пызан-кёт</i> 'со столом'
5. Лишительный	без кого? без чего?	<i>пызан-тёг</i> 'без стола'
6. Сравнительный	по сравнению с кем, с чем, кроме кого, чего.	<i>пызан-ся</i> 'кроме стола'
7. Родительный	у кого? у чего?	<i>пызан-вён</i> 'у стола есть'
8. Притяжательный	у кого? у чего? (взять)	<i>пызан-вись</i> 'у стола взять'
9. Дательный-достигательный	1) кому? чему? 2) за кем? за чем? (цель)	<i>пызан-вё</i> : 1) 'столу', 2) 'за столом'
10. Внутреннеместный	в ком? в чем?	<i>пызан-ын</i> 'в столе'
11. Внешнеместный	на ком? на чем?	<i>пызан-вын</i> 'на столе'
12. Падеж удаления изнутри предмета	из кого? из чего?	<i>пызан-ись</i> 'из стола'
13. Падеж удаления с поверхности предмета	с кого? с чего?	<i>пызан-вись</i> 'со стола'
14. Направительный во внутрь	в кого? во что?	<i>пызан-ё</i> 'в стол'
15. Направительный на поверхность предмета	на кого? на что?	<i>пызан-вё</i> 'на стол'
16. Отдалительный	от кого? от чего?	<i>пызан-сянь</i> 'от стола'
17. Отдалительный с поверхности предмета	от кого? от чего?	<i>пызан-высянь</i> 'со стола'

18. Приблизительный	к кому? к чему?	<i>пызан-вань</i> 'к столу'
19. Падеж предела	до кого? до чего?	<i>пызан-öдз</i> 'до стола'
20. Падеж предела на поверхности предмета (по горизонтали и по вертикали) ⁵	до кого? до чего?	<i>пызан-вöдз</i> 'до стола' <i>пызан-ви</i>
21. Переходный внутри предмета	по кому? по чему?	<i>пызан-öть</i> 'в столе' (ходить)
22. Переходный по поверхности предмета	по поверхности чего? кого?	<i>пызан-вöть</i> 'по столу'

Таблица 2

СКЛОНЕНИЕ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ С ОСНОВОЙ НА ГЛАСНЫЙ

Падежи	Основное значение	Оформление
1. Основная форма (имен. падеж)	кто? что?	<i>му</i> 'земля'
2. Винительный	кого? что?	<i>му</i> 'землю'
3. Творительный	кем? чем?	<i>му-өн</i> 'землей'
4. Соединительный	с кем? с чем?	<i>му-кöt</i> 'с землей'
5. Лишительный	без кого? без чего?	<i>му-тöг</i> 'без земли'
6. Сравнительный	по сравнению с кем? с чем? кроме кого? чего?	<i>му-ся</i> 'кроме земли'
7. Родительный	у кого? у чего? (быть)	<i>му-өн</i> 'у земли' (есть)
8. Притяжательный	у кого? у чего? (взять)	<i>му-ись</i> 'у земли взять'
9. Дательный-достигательный	1) кому? чему? 2) за кем? за чем? (цель)	<i>му-ö:</i> 1) 'земле', 2) 'за землей' (пойти)
10. Внутреннеместный	в ком? в чем?	<i>му-ын</i> 'в земле'
11. Внешнеместный	на ком? на чем?	<i>му-ввын</i> 'на земле'
12. Падеж удаления изнутри предмета	из кого? из чего?	<i>му-ись</i> 'из земли'
13. Падеж удаления с поверхн. предмета	с кого? с чего?	<i>му-ввись</i> 'с поверхности земли'
14. Направительный во внутрь	в кого? во что?	<i>му-ö</i> 'в землю'
15. Направительный на поверхность предмета	на кого? на что?	<i>му-ввö</i> 'на землю'
16. Отдалительный	от кого? от чего? (отдалиться)	<i>му-сянь</i> 'от земли'
17. Отдалительный с поверхности предмета	от поверхности кого? чего? (отдалиться)	<i>му-ввысянь</i> 'от поверхности земли'
18. Приблизительный	к кому? к чему? (приблизиться)	<i>му-вань</i> 'к земле'

⁵ В нашей диссертации мы рассматривали два предельных падежа (на *-вöдз*, *-öдз* и на *-ви*).

19. Падеж предела	до кого? до чего?	му- <i>одз</i> 'до земли'
20. Падеж предела на поверхности предмета (по горизонтали и по вертикали)	до (поверхности) кого? чего?	му- <i>вддз</i> 'по поверхности земли'; <i>кос-ви</i> 'до пояса'
21. Переходный внутри предмета	по кому? по чему? или где? (передвигается)	му- <i>отъ</i> 'в земле' (например, передвигаться)
22. Переходный по поверхности предмета	по поверхности кого? чего?	му- <i>вдотъ</i> 'по земле'

Следует отметить, что выпадение *в* между гласными наблюдается и в других говорах южной диалектной группы. В. И. Лыткин, исследовавший нижеиньвенский говор, установил, что такое выпадение более характерно для заударного *в*, чем для предударного (*по́ны* < *пово́ны* 'боятся').

Сделанные нами наблюдения над говором Архангельского, Карасовского и Боталовского сельсоветов позволяют говорить о повсеместном выпадении *в* между гласными, будь то в предударном или заударном положении. Примеры: *шкба* < *шкбуа* < *шкбуа* 'школа', *веавны* < *вевавны* < *вевавны* < *велавны* 'иметь способность к чему-нибудь', *маба* < *мавава* < *мавава* < *мала* 'глазу (по спине)'. Очевидно, в говоре, расположенном на территории вышеуказанных сельсоветов, явление выпадения *в* между гласными представлено ярче всего.

В своей работе мы не останавливаемся на истории явления чередования *л* и *в* и *в* с нулем. Это особый вопрос, и очень трудный вопрос в условиях отсутствия письменных памятников на диалектах коми-пермяцкого языка. Скажем только, что в древности, несомненно, все коми диалекты знали звук *л* (твердый), знал *л* (твердый) и иньвенский диалект.

* * *

Выше мы попытались более или менее полно раскрыть основную особенность иньвенского диалекта на материалах Архангельского, Боталовского и Карасовского сельсоветов Юсьвинского района Коми-Пермяцкого округа.

Нам удалось обнаружить и целый ряд других особенностей этого говора, важнейшими из которых являются следующие.

Как и все коми-пермяцкие диалекты, кудымкарско-иньвенский диалект относится к *т*-диалекту. В конце суффикса после гласного звука здесь выступает *т*: *пемыт* 'темный', *югыт* 'светлый', *чоскыт* 'сладкий'. Однако есть несколько слов с затемненным значением корня, где в этом же положении имеем *д*: *мукд* 'иной', *нерд* 'железо', *горд* 'узел'.

Этот диалект, как и другие, относится к *и*-диалектам. Перед мягким *-сь-* в суффиксальных морфемах здесь выступает *и*: *уджавись* 'рабочий', *пдрись* 'старый', *вебтисьны* 'подняться', *городись* 'из города', *керкуись* 'из дома'.

Кудымкарско-иньвенский диалект, как и вообще все пермяцкие диалекты, является *-ть, -дь-* диалектом. В середине и в конце слов мы имеем здесь *-ть* и *-дь*: *додь* 'сани', *кодь* (послеслог) 'подобный чему', *дадь* 'санки', *воть* 'капля', *матег* 'мыло'.

По сравнению с литературным языком в этом диалекте значительно реже встречаются явления прогрессивной ассимиляции. Звук *й* реже уподобляется предшествующему согласному, что видно из следующего сопоставления:

В архангельско-иньвенском:	В литературном:
<i>кошйыны</i>	<i>кошшыны</i> 'искать'

<i>пышйыны</i>	<i>пышыны</i> 'убежать'
<i>õнъя</i>	<i>õння</i> 'нынешний'
<i>тõнъя</i>	<i>тõння</i> 'вчерашний'
<i>ашынъя</i>	<i>ашыня</i> 'завтрашний'
<i>талунъя</i>	<i>талуння</i> 'сегодняшний'
<i>килья</i>	<i>килля</i> 'изобилующий перхотью'

В словах, оканчивающихся на сочетание согласных *-ст, -сьт, -шт, -сьть*, конечный *т* отпадает: *кисьта* 'вилью, сыплю', *кись* 'лей, сыпь', *китõста* 'позову', *китõс* 'позови', *гумышта* 'черпну', *гумыш* 'черпни'. Эта закономерность в речи неграмотной части старшего поколения распространяется и на слова, заимствованные из русского языка: *артис* 'артист', *промышленность* 'промышленность', *ввась* 'власть'. Грамотная часть населения без труда произносит в этих словах сочетания согласных *ст, сьт, шт, сьть*.

В речи населения, еще мало приобщившегося к русскому языку, не встречаются звуки *ц, ф, х*. В заимствованных словах они закономерно заменяются: *ц* переходит в *с* или *ч*: *сар* 'царь', *сапнитны* 'цапнуть', *мельнича* 'мельница'; *ф* переходит в *п* или *в*: *партуг* 'фартук', *ковта* 'кофта'; *х* переходит в *к*: *карактар* 'характер', *кават, каат* 'халат', *кромой* 'хромой'.

Конечные звонкие согласные при произношении не оглушаются, как это имеет место в русском языке: *õд* 'жар' (напр., в печке), *быд* 'всякий', *кад* 'время', *куд* 'лукошко', *баг* 'плесень', *кõз* 'елка', *гыж* 'ноготь', *майõг* 'кол', *курõг* 'курица'. Этой закономерности произношения подвергаются и заимствованные слова (чаще всего в речи старшего поколения, а иногда и в речи молодых коми-пермяков). Так, часто в школе коми-пермяцкие дети говорят *таз*, вместо *тас*, *зяб*, вместо *зяп*. Более того, в некоторых заимствованных словах конечный глухой согласный в произношении коми-пермяков озвончается: *чõснõг* (ср. в русском 'чеснок'), *дьõгõдь* 'деготь', *партуг* (ср. в русском 'фартук'), *поперёг* (ср. в русском 'поперек').

Население, не приобщившееся или плохо приобщившееся к русскому языку, с трудом усваивает мягкие согласные (не считая шести парных мягких согласных, имеющих в коми-пермяцком языке: *дь, зь, ль, нь, сь, ть*). Так, коми-пермяки говорят: *мач*, вместо *м'ач*, *н'ата*, вместо *м'ата*, *морков*, вместо *морков'*, *пята*, вместо *п'ата*, *гряд*, вместо *гр'ад*, *ряд*, вместо *р'ад*, *крязж*, вместо *кр'аж* и т. д. Легче всего усваивается произношение мягкого согласного перед *е*. Поэтому пермяки русские слова *п'ать, гр'азь* произносят как *п'еть, гр'езь*.

Из так называемых 'вставочных' звуков в этом говоре встречается только *й*: *тувйын* 'на гвозде (напр., висит пальто)', *чомйын* 'в кладовке', *быгйõн* 'с пеной'. Этот *й* по аналогии проявляется и в падежных формах некоторых заимствованных слов: *садыын* 'в саду' (от русского *сад*), *тазыын* 'в тазу' (от русского *таз*).

Вставочные звуки *к* и *м* встречаются лишь в словах *коскын* и *синмõ*, которые обычно употребляются только в устойчивых сочетаниях: *коскын новйыны* 'носить в качестве пояса', *коскõ пуктыны* 'подпоясать', *синмõ чурскыны пемыт* 'совершенно темно'.

В суффиксе множественного числа иногда после твердых согласных, вместо *э*, слышится звук, близкий к *õ*: *шыррõз* 'мышь', *морттõз* 'люди'.

В начале коми-пермяцкого слова, как и во всех диалектах коми-пермяцкого языка, нетерпимы сочетания гласных или согласных. Только в слове *кватъ* 'шесть' произносится сочетание *кв*. В этом слове (*кватъ*), по всей вероятности, вместо *в*, было *у* (ср. удмуртское *куать* 'шесть', финское *кууте* — в том же значении). Старшее поколение и неграмотная часть коми-пермяков эту закономерность распространяет и на заимствованные из русского языка слова: *нига* 'книга', *доль* 'вдоль', *нучок* 'внучек', *ремё* 'время', *рач* 'врач', *кус* 'вкус', *ввась* 'власть', *недõй* 'гнедой'. В заимствованных словах, начинающихся с двух

АНТОНИНА СЕМЁНОВНА КРИВОЩЁКОВА-ГАНТМАН

или трех согласных, неудобопроизносимые звуки обычно отпадают: *друг* ‘вдруг’, *знос* ‘взнос’, *звод* ‘взвод’, *квяд* ‘вклад’, *зросвдой* ‘взрослый’, *зятка* ‘взятка’. Легче произносимы такие сочетания согласных, в которых один из звуков сонорный: *блин* ‘блин’, *знатной* ‘знатный’, *брага* ‘брага’, *друг* ‘друг’.

Звук *т* в суффиксе прилагательного *-ит* часто выпадает: *векни* ‘узкий’ (из *векнит*), *кокни* ‘легкий’ (из *кокнит*), *вёсни* ‘тонкий’ (из *вёснит*), *посни* ‘мелкий’ (напр., *посни ягёд* ‘мелкие ягоды’ — из *поснит*). Полная форма этих прилагательных малоупотребительна.

Древнее чередование *к* и *ть*, *г* и *дь* широко сохраняется. Примеры:

Диалектные слова:	Перевод:
<i>дид</i> и <i>гид</i>	‘хлев’ (ср. лит. <i>гид</i>)
<i>дез</i> и <i>гез</i>	‘веревка’ (ср. лит. <i>гез</i>)
<i>дижны</i> и <i>гижны</i>	‘писать’ (ср. лит. <i>гижны</i>)
<i>део</i> и <i>гео</i>	‘дело’ (ср. лит. <i>дело</i>)
<i>деревня</i> и <i>геревня</i>	‘деревня’ (ср. лит. <i>деревня</i>)
<i>денерав</i> и <i>генерав</i>	‘генерал’ (ср. лит. <i>генерал</i>)
<i>деньга</i> и <i>геньга</i>	‘деньги’ (лит. <i>деньги</i>)
<i>дееть</i> и <i>гееть</i>	‘девять’ (лит. <i>девять</i>)
<i>терку</i> и <i>керку</i>	‘дом’ (лит. <i>керку</i>)
<i>тепись</i> и <i>кепись</i>	‘ меховая рукав.’ (лит. <i>кепись</i>)
<i>ти</i> и <i>ки</i>	‘рука’ (лит. <i>ки</i>)
<i>тер</i> и <i>кер</i>	‘бревно’ (лит. <i>кер</i>)
<i>тежны</i> и <i>кежны</i>	‘посторониться’ (лит. <i>кежны</i>)
<i>тень</i> и <i>кень</i>	‘пена на молоке’ (лит. <i>кень</i>)
<i>терёс</i> и <i>керёс</i>	‘гора’ (лит. <i>керёс</i>)
<i>тетрадь</i> и <i>кетрадь</i>	‘тетрадь’ (лит. <i>тетрадь</i>)
<i>тесвыны</i> и <i>кесвыны</i>	‘точить’ (лит. <i>кеслыны</i>)
<i>тино</i> и <i>кино</i>	‘кино’ (лит. <i>кино</i>)
<i>сикеч</i> и <i>ситеч</i>	‘ситец’ (лит. <i>ситец</i>)
<i>тись</i> и <i>кись</i>	‘бердо’ (лит. <i>кись</i>)
<i>терны</i> и <i>керны</i>	‘делать’ (лит. <i>керны</i>)
<i>тельдотны</i> и <i>кельдотны</i>	‘увянуть’ (лит. <i>кельдотны</i>)

В заимствованных словах, вместо русских неударных *е* или *о* в первом слого слова, а иногда и вместо ударных *е* и *о* в непервом слого, имеем *ё*:

В русском:	В коми-пермяцком:
<i>гостинец</i>	<i>гёснеч</i>
<i>деготь</i>	<i>дьёгёдь</i>
<i>обед</i>	<i>ёбед</i> (в значен. завтрака)
<i>хозяин</i>	<i>кёзяин</i>
<i>корчага</i>	<i>кёрчага</i>
<i>чеснок</i>	<i>чёснёг</i>
<i>обидеть</i>	<i>ёбидитны</i>
<i>точило</i>	<i>тёчива, тёчия</i>
<i>ответ</i>	<i>отъвет</i>
<i>женех</i>	<i>жённик</i> (в значении мужа)
<i>озимь</i>	<i>ёзим</i>
<i>крошки</i>	<i>крёшки</i>
<i>гость</i>	<i>гёсь</i>
<i>вдова</i>	<i>дёва</i>
<i>кови</i>	<i>кёш</i>

<i>узор</i>	<i>вузёр</i>
<i>пирог</i>	<i>пирбг</i>
<i>кусок</i>	<i>кусок</i>
<i>песок</i>	<i>песок</i>
<i>суббота</i>	<i>субота</i>
<i>дело</i>	<i>дёо, део</i>
<i>щетка</i>	<i>тидка</i> (в знач. подбородка)

В конце заимствованных слов, оканчивающихся на сочетание звуков *тр*, в иньвенском диалекте вставляется *а*: *метра* 'метр', *литра* 'литр', *Петра* 'Петр'.

Вместо ожидаемого *в* в конце слога, в некоторых словах слышится *ў*: *поўка* 'полка', *проўка* 'провода'.

В середине некоторых глаголов после *у* встречается вставочный звук *в*: *пувны* (лит. *пуны* 'варить'), *нувотны* (лит. *нуотны* 'унести'), *ювны* (лит. *юны* 'пить').

В окончании переходного падежа почти всегда слышится *-ть* (*-воть*, *-оть* вместо лит. *-от*): *потшвоть* 'по жерди', *муввоть* 'по земле', *джоджоть* 'по полу'.

В окончании отдалительного падежа, вместо *-сянь*, слышится *-синь*: *гортсинь* 'из дому', *ворсинь* 'из лесу'. Впрочем, эта закономерность более характерна для речи пермяков верхиньвенской стороны, а также для некоторых говоров Белолевского района.

Формы достигательного падежа у слов, оканчивающихся на согласный, совпадают с формой дательного падежа: *Муна няньвё* 'Иду за хлебом'; *Сета каньвё* 'Даю кошке'. Формы со значением достигательного падежа у слов, оканчивающихся на гласный звук, совпадают с формами вступительного падежа: *Муна ваё* 'Иду за водой'; *Пыра ваё* 'Вхожу в воду (куда?)'. Как уже указывалось, в говоре верхиньвенских коми-пермяков достигательный падеж еще бытует. Причем окончанием этого падежа является *-ва* для всех существительных.

В словообразовательном суффиксе деепричастий *-тёнъ* почти повсеместно имеем мягкий *-нь* (ср. в литературном *-тён*): *мунтёнъ* 'во время ходьбы', *сьивтёнъ* 'во время пения'.

В неопределенной форме глагола, если перед показателем инфинитива *-ны* имеется распространитель *-ы-*, конечный *-ы* в *-ны* часто выпадает: *ветвын* (ср. в лит. *ветвыны* 'сходить'), *миссьын* (ср. *миссьыны*) 'умыться', *тиоктын* (ср. *тиоктыны*) 'велеть'. Эта закономерность ярче всего представлена в речи населения Боталовского сельсовета.

В личной форме глагола настоящего времени, множественного числа, 3-го лица встречается окончание *-ёнё*, вместо *-ёны*: *корёнё* 'просят', *сетёнё* 'дают', *пуктёнё* 'кладут', *пырёнё* 'входят', *тиоктёнё* 'велят'.

Широко употребляется суффикс *-овёй* или *-оой*, образующий относительные прилагательные со значением материала, из которого сделан предмет: *идовёй* или *идоой* 'ячневый', *шогдiovёй* или *шогдиоой* 'пшеничный', *босьтёмовёй* или *босьтёмоой* 'купленный', *гёрдзёмовёй* или *гёрдзёмоой* 'вязаный'. Суффикс прилагательных *-овёй* (или *-оой*) отражает русское влияние. Он попал в коми-пермяцкий язык вместе со словами *сад-ов-ый*, *дуб-ов-ый* и впоследствии был извлечен как суффикс словообразования в форме *-овёй* (в иньвенском диалекте — *-оой*). Попав в коми-пермяцкий язык, он получил более широкое распространение, стал употребляться и в тех случаях, когда в русском имеется другой суффикс. Так, в иньвенском *зёровёй* или *зёроой* — в русском 'овсяный', *яйовёй* или *яйоой* — в русском 'мясной', *йёоой* 'молочный'.

Показателем второго и третьего лица, множественного числа, прошедшего неочевидного времени является формант *-ась* (ср. в лит. для 2 лица употребляется *-ныт*, а для 3 лица *-ась*):

В диалекте:	В литературном:
<i>Тiё мунёмась</i>	<i>мунёмныт</i>
<i>Нiя мунёмась</i>	<i>мунёмась</i>

Формант *-ныт* во втором лице множественного числа встречается на территории бывшего Ёгвинского ведомства.

В оформлении спряжения глаголов довольно часто употребляется *ѳ*-овая огласовка.

В диалекте:	В литературном:
<i>мунамѳ</i>	<i>мунам</i>
<i>мунатѳ</i>	<i>мунат</i>
<i>мунімѳ</i>	<i>мунім</i>
<i>мунитѳ</i>	<i>мунит</i>

Некоторые слова иногда выступают в несколько ином звуковом виде: *мѳй* (ср. в лит. *мый* 'что'), *чочкѳм* (ср. в лит. *чочком* 'белый'), *дзодзѳг* (ср. в лит. *дзодзог*).

Личное местоимение 3-го лица множественного числа *нйя* встречается в форме *нйя*. Личные местоимения 1-го и 2-го лица множественного числа часто употребляются в стяженном виде: *миѳ*, вместо *мийѳ*, *тиѳ*, вместо *тийѳ*, *миан*, вместо *миян* и т. д. Выпадение *й* наблюдается и в глаголах в положении между гласными: *сѳим* 'ели' (ср. *сѳйны* 'есть'), *каим* 'поднялись' (ср. *кайны* 'подниматься'), *ваим* 'принесли' (ср. *вайны* 'приносить').

В результате обозрения грамматического строя иньвенского диалекта коми-пермяцкого языка мы видим, что в этом диалекте имеется ряд черт, сходных с говорами южной диалектной группы коми-пермяцкого языка. Наряду с этим в нем имеются черты, общие с говорами северной диалектной группы. По употреблению *л* и *в* иньвенский диалект занимает среди коми диалектов совершенно особое место. В раскрытии этой специфической черты иньвенского диалекта на конкретном материале и состояла наша задача.

О ПЕРЕХОДЕ *Л* В *В* И ЧЕРЕДОВАНИИ *В* С НУЛЕМ ЗВУКА В ИНЬВЕНСКОМ ДИАЛЕКТЕ КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО ЯЗЫКА *

Главной особенностью иньвенского диалекта со всеми его многочисленными говорами и подговорами является *в*-канье и полная утрата звука *л* (твердого).

В определенной степени эта особенность рассмотрена в работах П. С. Кузнецова и В. И. Лыткина¹. В настоящей статье мы делаем попытку не только по возможности полно осветить вопрос о переходе *л* в *в* и чередовании *в* с нулем звука, но и проследить те изменения в грамматическом строе диалекта, которые произошли в результате действия данной фонетической закономерности.

Все коми диалекты (зырянские и пермяцкие) по употреблению старого *л* можно подразделить на три группы: 1) диалекты, в которых *л* сохраняется во всех положениях: сысольский, северный диалект коми-пермяцкого языка и другие; 2) диалекты, в которых *л* в одних позициях сохранилось, а в других испытало те или иные изменения (чередования, замены и т. д.): вычегодский и другие, с одной стороны, ижемский и другие — с другой; 3) диалекты, в которых старое *л* вовсе утрачено: иньвенский диалект коми-пермяцкого языка.

Коми-пермяцкий литературный язык употребляет *л* по вычегодскому типу: 1) в начале, а также в середине слова перед гласным *л* сохраняется (*лым* 'снег', *лун* 'день', *лажмыт* 'низкий', *пукала* 'сизу', *лэбала* 'летаю'); 2) в конце и в середине слова перед согласными *л* переходит в *в* (*ныв* 'дочь', *вөв* 'лошадь', *пов* 'бойся', *пукавны* 'сидеть', *лэбавны* 'летать'). Эти нормы употребления *л* и *в* частично соответствуют как северным, так и южным говорам коми-пермяцкого языка и тем самым сближают обе группы говоров.

В иньвенском диалекте звук *л* твердый утрачен полностью во всех положениях. При этом в начале и конце слова, а также в середине слова после согласного и перед согласным он перешел в *в*. В середине же слова в положении между гласными старый *л* в тех или иных говорах иньвенского диалекта обнаруживается в различных вариантах. В одних говорах на месте старого *л* между гласными употребляется по преимуществу *в*, хотя в ряде случаев (гораздо реже) ожидаемый *в* или вовсе отсутствует (т. е. имеем нуль звука), или обнаруживается в виде губно-губного *ш*. Наши наблюдения показывают, что чаще всего *в* в середине слова между гласными употребляется в говорах, распространенных по соседству с *л*-диалектами коми-пермяцкого языка или с русским языком, например на территории бывших Ёгвинского и Верх-Иньвенского ведомств Строгановской вотчины. Верхиньвенцы и ёгвинцы говорят: *мавава* 'глазу (по голове)', *стововой* 'столовая', *керава* 'рублю'. В их говоре еще сохраняется дифференцированно достигаемый падеж на *-ва* (*муна вава* 'иду за водой', *ветва нянва* 'схожу за хлебом'). Примечательно и то, что в этих говорах нередко встречаются конструкции с послелогом на *выв-*: *пызан вывын* 'на столе', *му вывын* 'на земле'. Наличие достигаемого падежа и послеложных конструкций с неразрушенными послелогом свидетельствует об устойчивости в верх-иньвенском и ёгвинском говорах иньвенского диалекта (см. прилагаемые тексты «Горйо» и «Был'-н'эбыл').

* Вопросы финно-угорского языкознания. М.-Л., 1962. С. 212–218.

¹ Об этом см.: Кузнецов П. С. Судьба твердого *л* в иньвенском диалекте коми-пермяцкого языка // Памяти академика Л. В. Щербы. Л., 1951. П. С. Кузнецов на основе изучения живой речи жителей д. Климово заметил варианты в произношении *в* в зависимости от того, какой звук наличествовал ранее вместо этого *в* — старый *л* (твердый) или *в*. См. также: Лыткин В. И. 1) Диалектологическая хрестоматия по пермскому языку. М., 1955. С. 24–30; 2) Историческая грамматика коми языка. Ч. I. Сыктывкар, 1957. С. 57–61; Современный коми язык / под ред. В. И. Лыткина. Ч. I. Сыктывкар, 1955. С. 44–49.

В других говорах в середине слова в положении между гласными встречаем преимущественно нуль звука: *пукаа* 'сизу', *кераа* 'рублю', *вонёё* 'брату' и т. п. Говоры такого типа встречаются прежде всего на территории юго-восточной части Юсьвинского района, в особенности в Боталовском, Архангельском и Карасовском сельсоветах, а также на нижней Иньве. В этих говорах выпадение *в* между гласными в середине слова наблюдается очень часто и в заимствованиях из русского языка, например: *коодеч* 'колодец', *пооса* 'полоса', *поод* 'поводья', *гоосуйтны* 'голосовать', *соэт* 'совет'.

В говорах юго-восточной части Юсьвинского района благодаря выпадению *в* между гласными нередко оказываются рядом два-три гласных, иногда даже одинаковых, например: *стооой* (вариант *стоодй*) 'столовая', *мааа* 'глажу (по голове)', *кераа* 'рублю'. В этих говорах достигательный падеж на *-ва* (в литературном яз. *-ла*) уже утрачен. Значение достигательного падежа у слов, оканчивающихся на согласный звук, выражается с помощью *-вё*, являющегося показателем дательного падежа, а у существительных, имеющих гласную основу, — с помощью *-ё*, который сходен с показателем вступительного падежа. Послелог *на выв-* в неразрушенном виде встречается здесь очень редко, причем звук *-ы* в них произносится совсем бегло: *виэ'з'эз выё* 'на луга', *гор выё* 'на печку'.

Таким образом, четких границ между *в*-каньем и выпадением *в* между гласными в середине слова в отдельных говорах иньвенского диалекта нет. Наблюдается лишь преимущественное *в*-канье, сосуществующее с явлением выпадения *в*, или преимущественное выпадение *в*, сосуществующее со сравнительно редким употреблением *в* в указанной позиции. При этом следует указать, что в говорах *в* в ряде случаев, особенно между гласными, очень напоминает *ш*, о котором писал П. С. Кузнецов.

В некоторых случаях *в* в положении между гласными во всех говорах никогда не выпадает. Укажем их.

1. Звук *в* не выпадает в сложных словах, например: *черива* 'уха', *таво* 'в этом году'.

2. Звук *в* твердо удерживается в окончании приблизительного падежа на *-ван'* (ср. в литературном *-лань*). Так, например, во всех говорах, в которых между гласными преимущественно встречается нуль звука, мы наблюдали устойчивое *в* в следующих формах приблизительного падежа: *тэван'* 'к тебе, по направлению к тебе', *тыван'ё* 'к озеру, по направлению к озеру', *пуван'ис'* 'со стороны дерева' и т. д. Это, по всей вероятности, объясняется особым положением форманта *-ван'* в системе склонения коми-пермяцкого языка².

3. Звук *в* встречается между гласными во всех говорах иньвенского диалекта в звукоподражательных словах, которые, поскольку они призваны в максимальной степени соответствовать воспроизводимому природному звучанию, часто не подчиняются общим звуковым законам. Примеры: *чивёстны* 'чирикнуть', *кавёстны* 'гавкнуть', *нявёстны* 'мяукнуть', *чавётны* 'трещать', и т. п.

Переход *л* в *в* и чередование *в* с нулем звука вызвали значительные изменения в грамматическом строе отдельных говоров иньвенского диалекта. Благодаря выпадению *в* в послелогох с пространственным значением на *выв-* образовались — путем слияния этих разрушившихся послелогов со знаменательными словами — новые падежные формы. В дополнение к семнадцати падежам, соответствия которых имеются в литературном языке, в иньвенском диалекте возник еще ряд дополнительных падежных форм.

Проследим историю образования этих падежных форм. До перехода *л* в *в* и последующего чередования *в* с нулем звука в середине слова между гласными на территории распространения современного иньвенского диалекта употреблялись послеложно-именные конструкции: *пызан вылын* 'на столе', *пызан вылё* 'на стол', *пызан вылис'* 'со стола', *пызан вылёт* 'по столу', *пызан вылё* 'до стола', *пызан вывс'ан'* 'с (поверхности) стола', как и в литературном коми-пермяцком языке. Однако после

² К формам на *-вань* могут присоединяться окончания пространственных падежей. Следовательно, *-вань* приближается по функции к части сложного слова.

О ПЕРЕХОДЕ *л* В *в* И ЧЕРЕДОВАНИИ *в* С НУЛЕМ ЗВУКА В ИНЬВЕНСКОМ ДИАЛЕКТЕ КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО ЯЗЫКА

перехода *л* в *в* и выпадения этого *в* между гласными в послелогох с корнем *выв* легко выпал и безударный гласный *ы*. Из *пызан вылын* образовалось *пызан + вын* 'на столе'.

Таким образом, послелогои на *-выв* (*вылын, вылис', вылӧ* и др.) благодаря действию фонетического закона перехода *л* в *в* и последующего чередования *в* с нулем звука в середине слова между гласными разрушились. Оставшиеся части разрушившихся послелогов *-вын, -вис', -вӧ, -вӧт* и др. полностью утратили соотносительность с существительными, с которыми связаны по происхождению. Их лексическое значение перестало ощущаться. Это вызвало и полную утрату ударения (ср. в образованиях типа *пызан вывын* 'на столе', где послелог ударяем, хотя это ударение более слабое, чем главное ударение в существительном) и паузы между существительным и разрушенным послелогом. Послелогои *-вын, -вис', -вӧ, -вӧт, -вӧз'* превратились в грамматические форманты — в обычные падежные окончания³.

Значение вновь образованных падежных форм легко уяснить из следующего сопоставления:

Пространственные падежи

Местный	<i>кыз'ын</i>	'в березе'
Исходный	<i>кыз'ис'</i>	'из березы'
Вступительный	<i>кыз'ӧ</i>	'в березу'
Переходный	<i>кыз'ӧт</i>	'по березе'
Предельный	<i>кыз'ӧз'</i>	'до березы'

Вновь образованные падежи с пространственным значением

Падеж на вопросы «на ком? на чем?»	<i>кыз'вын</i>	'на березе'
Падеж на вопросы «с кого? с чего?»	<i>кыз'вис'</i>	'с березы'
Падеж на вопросы «на кого? на что?»	<i>кыз'вӧ</i>	'на березу'
Падеж на вопросы «по кому? по чему? (передвигаться)»	<i>кыз'вӧт</i>	'по березе'
Падеж на вопросы «до кого? до чего? (предел на поверхности предмета)»	<i>кыз'вӧз'</i>	'до поверхности березы'

Как показывает сопоставление, падежные формы, образовавшиеся в результате разрушения послеложных конструкций, уточняют пространственные отношения, связанные со значением поверхности: 'залезть на поверхность предмета', 'сойти с поверхности предмета', 'находиться на поверхности предмета' и т. д.

В литературном коми-пермяцком языке имеются лишь внутренне-местные и внешне-местные пространственные падежи. В иньвенском же диалекте, таким образом, возникла новая группа местных падежей, характеризующих местоположение одного предмета относительно поверхности другого предмета.

В этом отношении иньвенский диалект коми-пермяцкого языка интересно сопоставить с венгерским языком, где имеются три серии местных падежей, соответствующих различным пространственным представлениям человека об

³ Нельзя согласиться с П. С. Кузнецовым, который высказывает предположение о том, что в коми-пермяцком языке нет ни одного падежа, и язык характеризуется чисто аналитическим строем. См.: Кузнецов П. С. Коми-пермяцкие этюды // Труды Ин-та языкознания АН СССР. Т. IV. М., 1954. С. 313. Доводы, приводимые в обоснование этого принципиально важного тезиса, представляются нам недостаточными.

объективном мире: верхне-местные, внутренне-местные и боковые⁴. Новые падежные формы иньвенского диалекта соответствуют верхне-местным падежам венгерского языка: суперессиву, сублативу и делативу.

Кроме того, в иньвенском диалекте в связи с рассматриваемым фонетическим законом изменилось строение некоторых субъектно-объектных падежей, имеющих соответствия в литературном коми-пермяцком языке. Так, например, имена существительные с основой на гласный в родительном и творительном падежах получили одинаковое окончание *-дн*, в исходном и притяжательном падежах эти существительные стали оканчиваться на *-ис'* и т. д.⁵

Возникает вопрос о времени и последовательных ступенях перехода *л* в *в* в различных положениях в иньвенском диалекте.

Некоторые финно-угроведы считают, что диалектные различия, связанные с употреблением *л* и *в*, появились в коми языке около XVII в. К такому выводу, в частности, пришел венгерский ученый Д. Фокош-Фукс, анализировавший лексические взаимодействия между коми и обско-угорскими языками. Положительно относится к этой дагировке и В. И. Лыткин⁶.

Очевидно, около этого же времени завершился и процесс перехода *л* в *в* на территории распространения иньвенского диалекта.

Чуть ли не единственным зафиксированным доказательством того, что некогда (три-четыре столетия тому назад) иньвенцы знали *л* твердый, являются данные топонимики. Приведем некоторые из них:

1. Названия ряда рек, протекающих по территории, где проживают ныне носители *в*-говоров, содержат в русской передаче звук *л*: *Велва*, *Исыл*, *Косыл*, *Ловва*, *Сылва*, *Куштыл*.

2. Среди коми-пермяцких по происхождению названий населенных пунктов, существующих ныне, а также существовавших в прошлом на территории *в*-диалекта, встречаются такие, в русской передаче которых имеется твердый *л*. Носители иньвенского диалекта в настоящее время произносят эти и подобные им названия с *в*, вместо *л* (в середине слова между гласными вместо ожидаемого *в* встречаем нередко нуль звука). Примеры:

	Наименование на русском языке ⁷	Произношение в <i>в</i> -диалекте
Деревня	<i>Верх-Олыч</i>	— (речка) <i>Ович</i>
"	<i>Ловва (Волва)</i>	— <i>Вовва</i>
"	<i>Ловвадор</i>	— <i>Воввадор</i> (или <i>Вовнадор</i>)
"	<i>Виль-Шулаева</i>	— <i>Виль-Шувай</i>
"	<i>Полом</i>	— <i>Поом</i>
"	<i>Верх-Лома</i>	— <i>Вомыйв (Вома)</i>
Местность	<i>Сылпан</i>	— <i>Сывпан</i>

Проследить процесс появления *в* на месте *л* письменными памятниками невозможно, так как ранних памятников на иньвенском диалекте нет⁸.

⁴ См.: Майтинская К. Е. Венгерский язык. М., 1955. С. 133–137.

⁵ Подробнее о склонении в иньвенском диалекте см.: Кривощёкова-Гантман А. С. О некоторых особенностях иньвенского диалекта коми-пермяцкого языка // Уч. зап. Пермского гос. пед. ин-та. Вып. 17. 1958. С. 123–140.

⁶ См.: Лыткин В. И. Историческая грамматика коми языка. Ч. I. С. 120–121.

⁷ См.: Пермский областной государственный архив, фонд III, опись I. Ревизские сказки; Шишонко В. Пермская летопись. Период V. Ч. 2. Пермь, 1887. С. 498–504.

⁸ Ученые и путешественники XVIII в. проезжали по территории нынешних Косинского и Кочёвского районов Коми-Пермяцкого национального округа, где говорили тогда и говорят сейчас на *л*-диалекте. Так, например, среди 50 коми-пермяцких слов, содержащихся в словаре акад. И. И. Лепехина, мы

О ПЕРЕХОДЕ Л В И ЧЕРЕДОВАНИИ В С НУЛЕМ ЗВУКА В ИНЬВЕНСКОМ ДИАЛЕКТЕ КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО ЯЗЫКА

Материалы иньвенского диалекта впервые более или менее богато были представлены лишь в «Опыте грамматики пермяцкого языка» Н. Рогова и в его словарях. Пользуясь материалами Н. Рогова, мы должны оговорить прежде всего то, что они относительно недавние. Н. Рогов приехал на службу в Иньвенскую дачу Строгановых в 1846 г. Считая, что коренные пермяки заметно русеют и что их родной язык начинает заменяться русским языком, Н. Рогов в 1849 г. приступил к созданию «Пермяцко-русского и русско-пермяцкого словаря» (СПб., 1869) и «Опыта грамматики пермяцкого языка» (СПб., 1860). Но Рогов не был специалистом-языковедом. На его работах отрицательно сказалось также слабое знание коми-пермяцкого языка. Это привело к неточному восприятию значительного количества коми-пермяцких слов (*нья* 'они', *шõп* 'колос', *шõдны* 'попасть', *чорз'этчины* 'ожесточиться', *тõ* 'ты' и т. д.).

Пермским, или пермяцким, языком Н. Рогов называл южные говоры коми-пермяцкого языка (иньвенско-нердвинские). При этом «главным наречием» он считал *в*-диалект, в котором «буква *в* выговаривается почти во всех случаях, где это возможно, исключая весьма немногих слов, в которых удерживается буква *л*»⁹. Однако Н. Рогов не указывал на конкретные случаи употребления звука *л* на территории *в*-кающего диалекта. Мимоходом замечая, что *л* удерживается в некоторых словах «перед мягкими гласными буквами *е, и*»¹⁰, он не дает ни одного конкретного примера, когда перед этими звуками в *в*-диалекте коми-пермяцкого языка стоял бы *л*. Очень вероятно, что в данном случае Н. Рогов путает *л* твердый с *л* мягким, имеющимся в иньвенском диалекте.

В свой словарь Н. Рогов включил главным образом лексику *в*-диалекта. Слова с наличием *л* снабжены ремаркой *ю*. — южное наречие, под которым подразумеваются говоры нердвинских пермяков и жителей нынешнего Оньковского сельсовета Юсьвинского района, где до настоящего времени сохранились *л*-говоры.

Примечательно и то, что в большинстве случаев в текстах Н. Рогова послелого, образованные от *выв-*, еще не разрушены. Они еще не перешли в падежные окончания, например: *додь вывõ* 'на сани', *кок вывас* 'на ногах'. Употребление послелогов на *выв-* в разрушенном виде встречается в редких случаях. При этом и такие измененные (разрушенные) послелого Н. Рогов пишет отдельно от имен существительных, по-видимому, ощущая их связь со служебными словами. Примеры: *Кама ввын* 'на Каме', *воддя ввас* 'на лодке', *му ввын* 'на земле', *сы ввõ* 'на него'. Однако раздельное написание разрушенных послелогов Н. Рогов не проводит последовательно. С существительными на согласную основу (в этом случае звуковой состав разрушенных послелогов еще более опрощается) он их пишет слитно и при этом отмечает, что они очень сходны с окончаниями соответствующих падежей, например: *ыбвõ* 'на поле, полю', *вõввын* 'на лошади', *тõдвõ* 'на память, памяти'. Таким образом, материалы Н. Рогова представляют устойчивое *в*-канье. Случаев выпадения *в* в середине слова между гласными в трудах Н. Рогова нет. По всей вероятности, в середине XIX в. в иньвенском диалекте в этой позиции *в* употреблялся чаще, чем теперь. Наряду с этим, видимо, в части случаев *в* между гласными все-таки выпадало. Иначе трудно было бы объяснить происхождение форм *пызанвын* 'на столе', *муввын* 'на земле', которые приводятся Н. Роговым в его грамматике. К сожалению, Рогов не отразил в своих трудах этой особенности иньвенского диалекта.

находим *выль* 'лошадь', *кыль* 'язык', *лабиль* 'лавка'. В этих словах отражается северное употребление *л* и *в* в коми-пермяцком языке (см.: Дневные записки путешествия академика Лепехина. СПб., 1780. Т. III. — Коми-пермяцкие слова, представленные в этой работе, перепечатаны и расшифрованы в кн.: Лыткин В. И. Древнепермский язык. М., 1952. С. 156).

⁹ Рогов Н. Опыт грамматики пермяцкого языка. СПб., 1860. С. V–VI (Предисловие).

¹⁰ Там же. С. 7.

В «Букваре для [северо-восточных, иньвенских] пермяков», вышедшем в 1900 г. уже вторым изданием, также ни в одном из помещенных текстов не встречается выпадение *в* между гласными¹¹.

Более устойчивое *в*-канье, по сравнению с современным состоянием иньвенского диалекта, мы наблюдаем и в текстах, записанных на территории нынешнего Юсьвинского района в д. Труново в самом начале XX в. финским языковедом Ю. Вихманом¹². Во всех случаях, где в современном состоянии диалекта возможно выпадение, в текстах Вихмана мы находим *в* между гласными: *вевавёмас'* 'повадились', *невывын* 'недалеко', *вёвёмас'* 'были', *кутавис* 'переловил (он)', *гус'авис'* 'вор'. В части случаев между гласными, как видно, это *в* и выпадало. Об этом говорит наличие в текстах форм: *муввёз'* < *му вывёз'* 'до земли', *ыбвё* < *ыб вывё* 'на поле'. В говоре местности, где побывал Вихман, в настоящее время между гласными наряду с *в* очень часто наблюдаем и нуль звука. Следовательно, можно предположить, что приблизительно полвека тому назад в речи жителей теперешнего Юсьвинского района значительно реже наблюдалось выпадение *в* между гласными (см. для сравнения текст «Старик да пон», записанный в 1959 г. в населенном пункте, находящемся вблизи от указанной в работе Ю. Вихмана деревни Труново).

Таким образом, письменные источники, относящиеся к середине XIX в., уже застают диалект на стадии завершившегося перехода старого *л* в *в* во всех положениях. Такому переходу могло способствовать и то обстоятельство, что *л* и *в* были артикуляционно близки друг другу.

В южных говорах коми-пермяцкого языка в те времена, очевидно, звук *л* был несколько иного качества по сравнению с *л* в современном литературном языке. Он был лабиовеляризованным (т. е. твердым и огубленным). При его образовании кончик языка слабее примыкал к верхним зубам. Если при произношении такого лабиовеляризованного *л* смык кончика языка с верхними зубами не произойдет, а лабиализация усилится, то в результате образуется *ў* звук, который мы слышим при произношении иньвенцами слов: *проўка* 'провода', *поўка* 'полка', *коўкоз* 'колхоз', *шкоўа* 'школа'. Звук этот легко мог измениться в определенных условиях в *ш*, для чего нужно было лишь сузить щель между губами. Из губно-губного мог развиваться губно-зубной *в*, который мы имеем в литературном коми-пермяцком языке. Следует сказать, что во многих говорах иньвенского диалекта *в* еще не развился в губно-зубной звук. Отличие диалектного *в* от губно-зубного, который утвердился в литературном языке, заключается в том, что он более звучный, так как произносится при сравнительно широкой щели и более огублен. В. И. Лыткин относит иньвенский *в* к губно-губным сонорным звукам¹³. О билабиальном характере иньвенского *в* говорит также П. С. Кузнецов¹⁴.

Интересно отметить, что когда носители иньвенского диалекта учатся произносить русские слова с *л* (*лошадь*, *ложка*, *лодка*), они вместо *л* долгое время произносят *ш*: *шошадь*, *шошка*, *шодка*. Только в результате больших усилий иньвенцам, слабо приобщившимся к нормам литературного языка, удается усвоить правильное произношение звука *л* твердого. В то же время губно-зубной *в* иньвенцы произносят без особых затруднений. Таким образом, усваивая твердый *л*, иньвенцы идут как бы от *в* > *ш* > *л*.

Процесс же утраты иньвенцами старого *л* представляется нам в обратном порядке: сначала *л* твердый перешел в *ў* > *ш*. Этот *ш* в настоящее время в большинстве говоров слился с губно-зубным *в* в начале и конце слова, перед согласными и после согласных в середине слова. В середине слова между гласными *л* > *ш*. Далее этот *ш*, в ряде случаев на границе с *л*-диалектами коми-пермяцкого языка и с русским языком, перешел в *в*. В юго-восточной части территории иньвенского диалекта *ш* в большинстве случаев вовсе

¹¹ Букварь для [северо-восточных, иньвенских] пермяков. Изд. 2-е. Казань, 1900. С. 4–9.

¹² Wichmann Y. Syrjänische Volksdichtung. Helsingfors, 1916. С. 141–145.

¹³ Современный коми язык. Ч. I. С. 33 и 48–49.

¹⁴ Кузнецов П. С. Судьба твердого *л* в коми-пермяцком языке. С. 188–190.

утратил щелевой момент и дал нуль звука, реже *ш* остался в этой позиции или развился в губно-зубной *в*. В настоящее время четкие территориальные артикуляционные границы в употреблении звуков *ш*, *в* или нуля звука между гласными провести очень трудно.

Из всего сказанного выше можно сделать некоторые выводы.

Иньвенский диалект по употреблению *л* и *в* занимает совершенно особое место. Старый *л* здесь во всех положениях перешел в *в*. Чередование *в* с нулем звука привело к разрушению послеложных конструкций и на этой основе возник ряд новых падежных форм. Мы имеем, таким образом, очень интересный пример взаимодействия между структурными элементами языковой системы (звуковым составом и грамматическим строем). Более детальное выяснение причин, вызвавших изменение старого *л* в *в* и нуль звука, и последовательных ступеней указанного фонетического процесса потребует дополнительных исследований.

В качестве иллюстративного материала приводим ряд текстов на иньвенском диалекте.

1. ГОРЙО¹⁵

овисö-вöвисö кык вон: öтыс богатöй, мöдыс бэднöй. бэднöйысвөн н'эм эз вöв ин'кас'а да ч'эл'ад'с'а. бытса н'эд'эл' н'и нийа пукавöны н'ан'тöг. вот öтпыр бэд'н'ак мунис богатöй воныс ордö и пондис корны сывис' ч'öвпан н'ан', богатöй с'этис сывö н'ан'сö и шуö: «вок ашын ин'кайткöt н'имвунвö». ашынас бэднöй вон ин'каыскöt воктис воныс ордö. сэч'чин уна н'и вöисö богатöй гös'с'эз. вот пондöч'чисö пируйтны, быдöс пук'исö пызан сайö, а бэднöй вонöс ин'каыскöt эз пук'ötö. нийа пукависö, пукависö и вös'öч'чисö мунны, гös'с'эс тожö н'и пондисö вös'öч'чыны. нийа воисö öд'д'өн кодöс' и пондисö с'ывны. бэднöй вон и шуö: «ас' пö думайтöны, быт'т'э мэ тожö код», и пондис тожö с'ывны. но вот бэд'н'ак кывö, што сывö кинкö отсавö. этö и вöви горйö. сийа вунс'ан' горйöыс пыр вэтвötис мыжыкыс бöрс'ан'. горйö быд вун пондис нүötны мыжыксö кабакö, и мыжык остал'нöйсö вузаис гортс'ис. вот горйö бöра нүötö сийö кабакö, а мыжыкысвөн н'эм н'и эз кол'ч'чы. сэч горйöыс кайötис сийö ыб вывö. сэч'чин нийа аз'з'исö зовото, мыжыкыс быдöс куравис зовотосö йамас'ис и шуö горйöысвö: «мун жö пырав йамаас да суз'öt зоотосö, кöда кол'ч'чыс». вот горйö пырис, а мыжык сэч'чö и пöднавис йамасö изнас. и ачыс мунис гортас, пондисö нийа богата овны. öтпыр кэрис бэднöй вон пирушка и корис ас'с'ис богатöй вонсö. богатöйыс ч'исто киэзнас квон'итис, кыс' сывөн д'эн'гаыс. богатöй пондис бэднöйвис' йуас'ны, а бэднöй и быдöс вис'таис, вот этаз' пö и этаз'. мунис богатöй вон ыбвö зовотовö. воктис сийа йама дынö, вэптис изсö, кытөн пукавис горйöыс. вот сэтөн и кутис богатöй вонсö горйöыс и сэс'с'а эз н'и вэз'. богатöй вон асвас жаднос' куз'а и кол'ч'чыс горйöыскöt.

Перевод

ГОРЕ (Сказка)

Жили-были два брата: один богатый, другой бедный. У бедного ничего не было, кроме жены да детей. Целую неделю сидят они без хлеба. Вот однажды бедняк пошел к богатому брату и стал просить у него каравайчик хлеба. Богатый дал ему хлеба и сказал: «Приходи завтра с женой на именины». На следующий день бедный брат с женой пришел к брату. Там много уже было богатых гостей. Вот стали пировать. Все сели за стол, а бедного брата с женой не посадили. Они сидели, сидели и собрались идти. Гости тоже начали уже собираться. Они были очень пьяные и стали петь. Бедный брат и говорит:

¹⁵ Записала в 1959 г. студентка З. Устюжанцева, со слов Е. Устюжанцевой, 68 лет, в д. Москвино Вежайского сельсовета Кудымкарского района Коми-Пермяцкого нац. округа.

«Пусть, мол, думают, будто я тоже пьян». И стал тоже петь. Но вот бедняк слышит, что ему кто-то помогает петь. Это и было горе. С этого дня горе всегда ходило за мужиком. Горе каждый день стало тянуть мужика в кабак, и мужик все (букв.: остальное) продал из дому. Вот горе снова ведет его в кабак, а у мужика ничего уже не осталось. Тогда горе повело его на поле. Там они нашли золото. Мужик все золото из ямы выгреб и говорит горю: «Иди же, войди в яму и достань остальное золото». Вот горе вошло, а мужик тут и закрыл яму камнем, сам же пошел домой. Стали они богато жить. Однажды сделал бедный брат пирушку и пригласил своего богатого брата. Богатый даже руками хлопнул: откуда, мол, у него деньги. Богатый стал у бедного расспрашивать, а бедный все рассказал: вот так, мол, и этак. Пошел богатый брат на поле за золотом. Пришел к той яме, поднял камень, где сидело горе. Вот тут и схватило богатого брата горе и больше уже не отпустило. Богатый брат из-за своей жадности и остался с горем.

II. БЫЛ'-Н'ЭБЫЛ' ¹⁶

көркө. өшө важ ованас, эта кэркуыс вөви йэлим пэтравөн. көр вөисө говодной годдээ, сэк нийа мунисө овны с'ибирө. с'өраныс бос'тисө кык кага, а мөд кык кагасө, двон'н'икаэсө (зонкаок да нывочка), кол'исө гортө, гор вывө. кык н'эд'эл' бэднөйкаэз овөмас' чыгйөн өтнаныс. н'экин абу и бос'төм, быдөнныс овөмас' чыгйөн. вот нывкаок да зоночка пэрвөй вуннэсө йирөмас' горсө. сыбөрүн, видно, йэчныс бырис и ч'ун'н'эзнысө өтамөдвис' с'ойөмас'. сиз' и кувөмас' бэд'н'ажкаэз. н'эдыр мыйис' воктисө гортаныс с'ибирс'ан'ас бөр да сиз' жө кувисө. вот эд мый, кагаэз, шогмыввөм көркө. а өни мый вил' годдээзас овнытө, быдөс эм. мэ бы өни ог и кув, кык вэк бы ова.

Перевод БЫЛЬ-НЕБЫЛЬ

Некогда, еще при старой жизни, этот дом был Петра Ефимовича. Когда были голодные годы, тогда они уехали жить в Сибирь. С собой взяли двоих детей, а других детей, двойняшек (мальчика и девочку) оставили дома, на печке. Две недели бедняжки жили голодные одни. Никто их не взял, все голодали (букв.: жили голодом). Вот девочка и мальчик первые дни грызли печку. Потом, видимо, сил не стало, и пальцы друг у друга съели. Так и умерли бедняжки. Вскоре приехали [родители] домой из Сибири обратно, да так же и умерли. Вот ведь что, детки, случилось некогда. А теперь что в новые времена жить-то: всё есть. Я не хочу теперь умирать. Две жизни хочу прожить.

III. НЫВОЧКА И АКАН' ¹⁷

оөмас-вөөмас' старик да старука, ныён вөи учөт'ик нывок. мамыс учөтс'ан', вэвөтис сийө кэрны быдөс: и вурс'ыны, и мис'кас'ны, и гөрз'з'ыны. көр мамыс пондис кувны, нывокысвө кыскис учөт'ик акан' и шуис: «көр тэныт воас өд'д'өн с'өкыт, тэ бос' киаат акан'сө, вэрдыш сийө, а сыбөрүн вис'тас' сывө ас'сит оансө. сийа с'акөй бэдаис' тэнө шэттас». токо вис'таис этө, сэч'ч'ө и куис. ч'өжа старикуыс бос'тис мөдик ин', көдаөн тожө вөви ныв. мач'экаыс эз понды любитны старикуысвис' нывсө, с'акөй с'өд и с'өкыт уз' пыр с'этис. көр уж сэчөм с'өкыт вөи, нывочка бос'вис киаас куквасө, вэрдвис, мааис сыис' йурсө и вис'тас'ис асвас оан йывис'. мөдыс быдөс сыис' кывзас и шуас: «вод уз', н'эм эн думайт». нывка ашынас саймас, виз'өтө: быдөс ни' кэрөма.

¹⁶ Записано в 1957 г. со слов К. Л. Сыстеровой. 72 лет, в с. Ошиб Кудымкарского района Коми-Пермяцкого нац. округа.

¹⁷ Записала в 1959 г. студентка Пермского пединститута А. Мехоношина, со слов А. Мехоношиной, 63 лет, в с. Верх-Юсьва Юсьвинского района Коми-Пермяцкого нац. округа.

О ПЕРЕХОДЕ Л В В И ЧЕРЕДОВАНИИ В С НУЛЕМ ЗВУКА В ИНЬВЕНСКОМ ДИАЛЕКТЕ КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО ЯЗЫКА

старукасвөн с'о өд'д'өнжык вөгыс пэтö. кыз' этö нывкажуг быдöс вэрмö кэрны?

дыр öшö кэшич'ч'ис старука нывочкасвын. тожно öттыр ыстис сийö вөрö йагöдвö, да сэчöм вөрö, кытис' бы эз вэрмы пэтны. стариквö жö вис'таис, што мунис нывка моз'з'эскöт котрас'ны. старик и вэритис сыö. токо эз вок сэс'с'а нывочка гортас, а оис этö кадсö вöрын вэд'ма дын. важын н'и бы нат'тö с'оис вэд'мас, көбы н'э мамысвөн подарокыс. у́з'аис нывка вэд'ма дын кум вун, и с'эстис сыö вед'мас бэкөр гөрö йагöдөн и вис'таис: «вэрö мачэкатö нывнас, ачит эн с'ой», сыбöрын чöктис кун'ны с'иннэсö. а көр нывочка с'иннэсö ос'тис, то каз'аис роднöй кэркусö, пырис гортас и с'эстис йагöдсö мач'экаысвö. тол'ко пондисö старукаыс нывнас с'ойны йагöдсö, кыз' кыч'ч'ö и воисö. кошшиис, кошшиис нийö старик, да эз аз'з'ы. сэк быдöс вис'таис нывочка и мыч'ч'аис мамысвис' подароксö. эз понды тужитны старик öштöм ин'ыс понда, и эз бос' бол'шэ асвыс н'экинöс. пондисö нийа бура овны кумöн: старик, ныок да акан'ок.

Перевод ДЕВОЧКА И КУКЛА (Сказка)

Жили-были старик и старуха. У них была маленькая дочка. Мать с детства научила ее делать все: и шить, и мыть, и вязать. Когда мать стала умирать, дочурке достала маленькую куклу и сказала: «Когда тебе будет очень тяжело, ты возьми в руки (букв.: в руку) куклу, накорми ее, а потом расскажи ей про свою жизнь. Она из всякой беды тебя выведет». Только сказала она это, тут и умерла. Скоро старик взял другую жену, у которой тоже была дочь. Мачеха не влюбила старикову дочь, всякие грязные и тяжелые работы ей всегда поручала. Когда уж так тяжело было, девочка брала в руки куклу, кормила, гладила ее по голове (букв.: ей голову) и рассказывала про свою жизнь. Та все у нее выслушает и скажет: «Ложись и спи, ни о чем не думай». Девочка в следующее утро проснется, смотрит: все уже сделано.

Старуха все больше злится. Как это девчонка все может делать?

Долго еще издевалась старуха над девочкой. Наконец однажды отправила ее в лес за ягодами, да в такой лес, откуда девочка не смогла бы выйти. Старику же сказала, что ушла девочка с подружками бегать. Старик и поверил ей. Только не вернулась больше девочка домой, а жила в это время в лесу у ведьмы. Давно бы, наверно, съела [ее] ведьма, если бы не мамин подарок. Работала девочка у ведьмы три дня, и дала ей ведьма миску с красными ягодами и сказала: «Накорми мачеху с дочкой, сама не ешь». Потом велела закрыть глаза. А когда девочка глаза открыла, то увидела родной дом. Вошла в дом и дала ягоды мачехе. Только стали старуха с дочкой есть ягоды, как куда и девались (т. е. исчезли). Искал, искал их старик, да не нашел. Тогда все рассказала девочка и показала мамин подарок. Не стал тужить старик о пропавшей жене. И не взял больше себе никого. Стали они хорошо жить втроем: старик, дочурка да куколка.

IV. ГОЖУМÖН¹⁸

гажöн мунö уз коужозын гожумöн. көт' асывыс ышö өд'д'өн оз'. а керку трубаэзис' пэтö уж чын. этö ч'эч'ч'исö коужоз'н'иккээз и керöнö ас'с'уныс роботанысö по көз'айсву. сыбöрын н'иа вашöтöны поданысö виз'з'эзвö. а вот мунö коужознöй стадо, сийö вашöтöны настуккээз тожо виз'з'эзвö. сыбöрын коужоз'н'иккээз пондисö вöс'öч'ч'ыны мунны у́завны, көт' ышö эз ч'уав высва. с'энокос коста нийа воктöны дворö, мэдбы сыс'ан' öтваын вöввэзöн вэч'ч'ыны ычкис'ны. эта порай өд'д'өн гажэ виз'з'эзвын. быдваын кыöны пис'н'азз. вон сэч'ч'ин, тыдай, вэптöнö зород, сэтын тожо кыöны гажэ гооссээ.

¹⁸ Записано в 1957 г. со слов А. Боталовой, 42 лет, колхозницы из д. Антипино Боталовского сельсовета Юсьвинского района Коми-Пермяцкого нац. округа.

зород дынис' ч'эл'ад' шупыта гөн'айтöны, мэд вайны шукн'аём кокнасö. йэс'л'и мэстаыс кочковника, то кэрöнö кокнасö шат'т'эзвö, мэд эз кис'с'ö н'ийа.

Перевод ЛЕТОМ

Весело идет работа в колхозе летом. Хотя утро еще очень раннее, а из труб домов выходит уже дым. Это встали колхозники и справляют дела по хозяйству. Потом они выгоняют скот на луга. А вот идет колхозное стадо. Его гонят пастухи тоже на луга. Потом колхозники стали готовиться идти работать, хотя еще не прошла роса. Во время сенокоса они собираются на [колхозном] дворе, чтобы оттуда вместе на лошадях поехать (букв.: спуститься) косить. В эту пору очень весело на лугах. Везде слышны песни. Вон там, видно, делают стог. А там тоже слышны веселые голоса. От стога ребята быстро мчатся, чтобы привезти захваченную веревкой копну. Если место неровное (с кочками), то делают копны на настиле из прутьев (букв.: на прутьях), чтобы они не расползались.

V. СТАРИК ДА ПОН¹⁹

оис-вöис гэд. эз вöв сыйн н'экин: н'э ин', н'э ч'эл'ад', н'э пода, вöи сыйн тол'ко пон, көдö шуис сийа с'эркoйн. абу н'эм с'ойны стариквö да с'эрковö. думайтö старик, кыз' чубöтны вун, мэдбы н'э кувны чыгйöн.

öтпыр оз' асыйн пукс'ис д'эд скамэйкаок выö и шуö понвö: «с'эрко, мый пондам кэрны, кытис' суз'отам с'ойан?» пон и шуö сыйö: «эн думайт, д'эд, быдöс воас, мый тэныт көö. мэ ашын оз' асыйн муна городö кошшыны уз'зэз, кэра уна д'эн'га и сибöрын тэ дын вокта, и мийö пондам овны сиз', кыз' оöны мөдиккэз. тол'ко тэ мэным, д'эд, вöс'от сапоггэз н'это чаркиэз, мэд менö эз с'эраö ин'т'ил'игэнттэс».

чуаис вун, воктис рыт. с'эрко кыч'ч'öкö вэтивис, а д'эд сиз' и эз пэтав н'экыч'ч'ö кэркуокис', вунтыр чыгйöн оис. сийа пыр думайтис: «мый жö мэнам понö был' йа н'э йа баитö. а кытис' бы сыйö сапоггэсö, авсам мэнам абу, эмöс' токо н'инкöммэз, а сийа эд нийöн оз мун», ч'ожа мыйись ыбöсö пырö пон. сийа вайö сапоггэз. д'эд эз понды йуас'ны сыис', кытис' сийа вайö сапоггэсö.

чуаис ой. оз' асыйн пон оз'аис ч'эч'чыны д'эдöс и мунис городö, а д'эдвö эз и вис'тав. көр д'эд ч'эч'ч'ис, понвөн и с'л'эдыс абу н'и. «мый кэрны, кошшыны мунны понсö, ал'и мунны кошшыны с'ойантор?» — вунтыр думайтис д'эд, да н'эм эз вермы думайтны. сиз' и кол'ч'ч'ис опэт' чыгйöн: а пон эта коста вöи н'и городын, аз'з'ис рэбота и уз'аö. кынымкö н'игил'а бöрти сийа воктис гортö, а д'эд ч'ут' жыв н'и тол'ко. пон уна ваис д'эн'га, гöс'н'эч'ч'эз, вэрдис гэдöс, и гэд бöра чожа пондис котрас'ны. пондисö бура и овны д'эд понкөт. öни пö с'о эшö оöны.

Перевод СТАРИК И СОБАКА (Сказка)

Жил-был дедушка. Не было у него никого: ни жены, ни детей, ни скота. Была у него только собака, которую он звал Серко. Нечего кушать старику и Серко. Думает старик, как провести день, чтобы не умереть с голоду.

Однажды рано утром сел дед на скамейку и говорит собаке: «Серко, что будем делать, где достанем съестное?»

Собака и говорит ему: «Не думай, дедушка, все будет, что тебе надо. Я завтра рано утром пойду в город искать работы, заработаю много денег и потом к тебе приду, и мы

¹⁹ Записано в 1959 г. со слов А. Злобиной, 67 лет, в д. Жигиново Юсьвинского района Коми-Пермяцкого нац. округа.

О ПЕРЕХОДЕ *Л* В *В* И ЧЕРЕДОВАНИИ *В* С НУЛЕМ ЗВУКА В ИНЬВЕНСКОМ ДИАЛЕКТЕ КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО ЯЗЫКА

будем жить так, как живут другие. Только ты мне, дедушка, приготовь сапоги или ботинки, чтобы надо мной не смеялись интеллигенты».

Прошел день, наступил вечер. Серко куда-то ходил, а дедушка так и не выходил никуда из дома, целый день голодом жил. Он все думал: «Что же моя собака, вправду или нет говорит? А где бы ей сапоги, своих у меня нет, имеются лишь лапти, а она ведь в них не пойдет». Скоро в дверях показалась собака. Она несет сапоги. Дедушка и не стал спрашивать, откуда она несет сапоги.

Прошла ночь. Рано утром собака встала раньше дедушки (букв.: опередила встать дедушку) и ушла в город, а деду ничего не сказала. Когда дедушка встал, собаки и след простыл. «Что делать: искать идти собаку или идти искать съестное?» Целый день думал дед, но ничего не смог придумать. Так и лег спать голодным (букв.: остался голодом). А собака в это время была уже в городе, нашла работу и трудится. Через несколько недель она пришла домой, а дедушка еле жив уже. Собака много денег принесла, гостинцев, накормила деда, и дед опять встал на ноги (букв.: стал бегать). Стали хорошо жить дед и собака. Говорят, и сейчас еще живут.

КОМИ-ПЕРМЯЦКИЙ ЯЗЫК И ЕГО ДИАЛЕКТЫ *

Коми-пермяцкий язык — это язык коми, проживающих в Коми-Пермяцком автономном округе Пермской области. Он относится к пермской группе финно-угорской семьи языков. Вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции коми-пермяцкий язык оставался бытовым. Литературную форму он обрел в первые годы Советской власти. Однако наряду с литературной формой продолжают бытовать местные территориальные диалекты. Наиболее крупными подразделениями коми-пермяцкого языка являются два наречия: северное и южное. Они объединяют группы диалектов и говоров¹, связанные между собой общими языковыми признаками.

Между территориями северного и южного наречий лежит полоса (Юрлинский район), заселенная давно обрусевшими коми и пришельцами из северо-западных губерний Российской империи. Группа диалектов и говоров, находящихся к югу от этой полосы (в Кудымкарском и Юсьвинском районах), относится к южному наречию. Диалекты и говоры, распространенные к северу от Юрлинского района (на территории Кочёвского, Косинского и Гайнского районов), составляют северное наречие.

СЕВЕРНОЕ НАРЕЧИЕ

В северном наречии мы выделяем косинско-камский и лупьинский диалекты.

Косинско-камский диалект

Фонетические особенности. Косинско-камский диалект, как и все территориальные разновидности северного наречия, относится к *л*-диалекту. Звук *л* в этом диалекте встречается в следующих случаях: а) в начале слова, например: *лыс* (иньв. *выс*) 'хвоя'; *лым* (*вым*) 'снег'; *лöz* (*вöz*) 'синий'; *лок* (*вок*) 'иди'; б) в конце слова, например: *кöl* (иньв. *кöv*) 'шнурок'; *кыл* (*кыв*) 'язык'; *ныл* (*ныв*) 'дочь'; в) в середине слова, например: *кылны* (иньв. *кывны*) 'слышать', *полны* (*повны*) 'бояться'.

Закономерности употребления звука *л* нередко распространяются и на произношение заимствованных слов, например: *Öлдöть* 'Авдотья', *сöлсем* 'совсем', *волторник* 'вторник'.

Гласные *ы* и *у*, стоящие во втором слоге двусложных слов, часто чередуются, например: *вурун* и *вурын* 'шерсть', *гожум* и *гожым* 'лето', *джоджул* и *джоджыл* 'подполье', *пажун* и *пажын* 'второй завтрак', *пожум* и *пожым* 'сосна', *талун* и *талын* 'сегодня'.

Вместо гласного *о* (в южных говорах) иногда встречается *ö*, например: *корöсь* (южн. *корось*) 'веник', *чочкöм* (*чочком*) 'белый', *идöвöй* (*идовöй*) 'ячменный'. Особенно часто *ö* появляется на месте *о* в заимствованных словах, находящихся под ударением, например: *гöд* 'год', *гöтöв* 'готов', *дöсада* 'досада', *дивö* 'диво', *дöлг* 'долг', *звöнитны* 'звонить', *зöлötö* 'золото', *скöрö* 'скоро', *кöпейка* 'копейка', *көрöбка* 'коробка', *кöсöгöр* 'косогор', *кöсöй* 'косой', *кöсяк* 'косяк', *прöстуда* 'простуда', *öграда* 'ограда', *öтава* 'отава', *рöдня* 'родня', *стöб* 'столб', *тöварыш* 'товарищ', *тöлк* 'толк', *тöлькö* 'только', *трöпка* 'тропинка'.

* Кривощезова-Гантман А.С., Ратегова Л.П. Коми-пермяцкие говоры (учебное пособие). Пермь, 1980. С. 3–18.

¹ Под территориальным диалектом мы понимаем совокупность однородных говоров, которыми пользуются люди, находящиеся в постоянном и непосредственном контакте. Говор отличается от диалекта размером территории (он нередко охватывает сельсовет или даже одно селение).

В ряде случаев встречается обратное явление: на месте *ö* в южных говорах *o* в северных, например: *кор* 'когда' (южн. *кёр*), *шёмкор* 'щавель' (южн. *тиёттишкёр*).

В некоторых говорах Гайнского района встречается особый гласный — закрытый *ö* (*ȫ*), например: *Мөддөрöб* название деревни, где *öб* из *ыб* 'поле', *Канняöб* — название бывшей деревни, букв. 'поле Канья', *Тимаöбка* — 'поле Тимы'.

Звук *ȫ* верхне-среднего подъема слышится как нечто среднее между *ö* и *o*.

В большинстве северных говоров ударение еще слабо морфологизировано. В глаголах с суффиксами *-ал*, *-ёрт*, *-ись*, *-ёт*, *-ась* оно колеблется, например: *вэшётны* и *вашётны* 'выгнать', *вуграсьны* и *вуграсьны* 'удить', *кётёртны* и *котёртны* 'бежать', *миссьётны* и *миссьётны* 'умыть', *пэсласьны* и *пэсласьны* 'стирать', *пёталны* и *петалны* 'выйти на время', *пукалны* и *пукалны* 'сидеть', *сулалны* и *сулалны* 'стоять'. Колебания в ударении более значительны в говорах, распространенных по южной границе территории л-говоров. В южных, иньвенских говорах, в приведенных примерах ударение падает на словообразовательный суффикс.

Грамматические особенности. Послелого с основной *выл-*, разрушившиеся и превратившиеся в большинстве южных говоров в падежные окончания, в говорах северного наречия сохранились в первичном виде, например: *пызан вылын* (южн. *пызанвын*) 'на столе'; *пызан вылö* (*пызанвö*) 'на стол'; *пызан выльсь* (*пызанвись*) 'со стола'; *пызан вылёт* (*пызанвёт*) 'по столу'.

Во всех северных говорах прямое дополнение может выражаться не только существительными в винительном падеже, но и существительными на *-лö*, по оформлению совпадающими с формами дательного падежа, например: *Ми талун начкам порсьлö*. 'Мы сегодня закололи поросенка'. *Нюр дорас ми панталим мöслö, куканьлö, балялö*. 'У самого болота мы встретили корову, теленка и овцу'. *Рытнас ни ассим капусниклö гöри*. 'Только вечером я вспахал свой огород'. *Сия ноллö менчим паськöмлö*. 'Она носит мою одежду'. *Тэ понлö некөр эн вид*. 'Ты собаку никогда не ругай'.

В некоторых говорах Кочёвского района встречается суффикс *-вёр* (ср. *вёр* 'лес'), имеющий собирательное значение, например: *Нылкавёрыс клубас пырис да пырис*. 'В клуб зашло очень много девушек'.

В говорах северных районов нет единого грамматического средства для передачи пренебрежительного значения. Так, в некоторых говорах Кочёвского района (например д. Гаинцево) употребляется суффикс *-шен* (*нылкашен* 'девчонка', *зонкашен* 'мальчонка'), в юкеевском же говоре этого района — *-боль* (отражает значение русского слова *боль*): *мöсболь* 'коровёнка', *вёлболь* 'лошадёнка', *понболь* 'собачонка'. В большекочинском говоре пренебрежительное значение придает слову суффикс *-жуг*: *керкужуг* 'избёнка', *нинкёмжуггез* 'лаптишки', *нылкажуг* 'девчонка'. Встречаются говоры (Косинский район), в которых пренебрежительное значение выражается лексически, например: *умöлик* или *киссьöm керку* 'домишко' (букв. 'плохой, или рассыпавшийся, дом'), *умöлик мöс* 'коровёнка' (букв. 'плохая коровка').

Показателем превосходной степени прилагательных и наречий является *сек* — видоизмененное русское слово *всех*, например: *сек басöк* 'красивейший', букв. 'красивее всех'; *сек виль* 'новейший, новее всех'; *сек ыджыт* 'наибольший, больше всех'; *сек умöль* 'наихудший, хуже всех'.

Следует особо остановиться на употреблении конструкций с послелогом, образованными от основы *выл-*. В этом отношении говоры косинско-камского диалекта неодинаковы. Например, в говорах населенных пунктов Пятигорского сельсовета Косинского района, а также в говорах деревень Даниловского, Харинского сельсоветов Гайнского района в одинаковых значениях употребляются послелого с основой *выл-* и послелого с основой *ыл-*. При этом носители говоров чаще скажут *гор ыл* 'напечье, место на русской печке'; *мыс ыл*, чем *мыс выл* 'поверхность возвышенности'; *крыша ыл*, чем *крыша выл* 'крыша дома', *гора ыл*, чем *гора выл* 'поверхность горы', *рыт ыл*, чем *рыт выл* 'запад, западное направление', но: только *лунвыл* 'юг', *ойвыл* 'север', *асылвыл* 'восток'.

От основ, или имен-последелогов *-выл-, -ыл-* образуются собственно последелогии: *ылын, ылд, ыльсь, ылдт, ылддз* и *вылын, вылд, ыльсь, ылдт, ылддз*, например: *туй вылын* и *туй ылын* 'на дороге'; *туй вылд* и *туй ылд* 'на дорогу'; *туй ыльсь* и *туй ыльсь* 'с дороги'; *туй ылдт* и *туй ылдт* 'по дороге'; *му вылын* и *му ылын* 'на земле'; *му ылдт* и *му ылдт* 'по земле'. Старшее поколение чаще употребляет последелогии с основой *ыл-*, среднее поколение, особенно молодежь, — последелогии от основы *выл-*. Это, по-нашему мнению, объясняется влиянием литературного коми-пермяцкого языка на речь грамотного коми-пермяцкого населения, то есть сближением говоров с его нормами.

Таким образом, в камских говорах (а упоминавшиеся говоры распространены по побережью Камы в пределах Гайнского района) последеложные основы *выл-* и *ыл-* выступают как фонетические варианты. Они появились в результате исчезновения общепермского неслогового *ў* или губно-губного *в*. Именно таким, то есть губно-губным, был начальный звук *в* основе *выл-*, ср. форму *ўылын*, представленную в письменных памятниках XIV–XV вв. По предположению В. И. Лыткина, губно-губной *в* в коми-диалектах исчез около XVI–XVII вв.² В одних диалектах он слился с губно-зубным, в них теперь наблюдается *вылын, вылд, ыльсь, ылдт*, в других, в частности в камских, включая и зюздинский диалект (Афанасьевский район Кировской области), губно-губной *в* исчез вовсе, и в них образовались *ылын, ылд, ыльсь, ылдт, ыльсь*.

Лупьинский диалект

Несколько обособляются в пределах северного наречия говоры бассейна Лупьи, левого притока Камы (бывший Мысовской сельсовет Гайнского района). Смежное положение лупьинских говоров с коми-зырянскими говорами обусловило появление в них целого ряда коми-зырянских черт. Перечислим некоторые из них.

Фонетические особенности.

1. Для лупьинских говоров характерна тенденция ставить ударение на первом слоге, например: *кы́скасьны* 'тянуться', *кучч́сьны* 'взяться', *отка́жиччыны* 'отказаться', *со́гласиччыны* 'согласиться';

2. В заударных слогах нередко происходит полная количественная редукция гласных. В глаголах со звуком-распространителем *ы* в основе редуцируется гласный в показателе инфинитива *-ны*, например: *пуктын* (из *пуктыны* 'положить'), *ветлын* (из *ветлыны* 'сходить'), *сетлын* (из *сетлыны* 'дать что-либо на время'). Гласный может редуцироваться и в именах существительных, если на стыке морфем образуется зияние, например: *Пурган* (из *Пургаын*) 'в Пурге', *Мизяс* (*Мизьяыс*) 'Мизья-то', *Перас* (*Пераяыс*) 'Пера-то'.

3. В говорах бассейна Лупьи наличествует звук *ль*, характерный для коми-зырянских говоров и напоминающий средневропейское *ль*, например: *лэптыны* (в иньвенских говорах *лэптыны*) 'поднять'; *лэбавны* (*лэбавны*) 'летать'.

Морфологические особенности.

1. Деепричастиям на *-ик, -икö* в лупьинских говорах соответствуют деепричастия на *-иг, -игö* (ср. коми-зырянское деепричастие на *-игöн*), например: *мусö весалигас* 'во время расчистки земли', *ме узигам* 'во время моего сна'.

2. Суффикс множественного числа имен существительных сохраняет, как и в некоторых других северных говорах (например, в говорах населенных пунктов Гушино, Левичи, Чураки), звук *й*: *вокйез* 'братья', *богатырийез* 'богатыри', *вужйез* 'корни', *лысьйез* *вылын* 'на хвойных ветках', *мөсьйез* 'коровы', *вөлийез* 'лошади'.

3. Последелогам с основой *выл-* нередко соответствуют последелогии с основой *ыл-*, например: *öшын ылын* 'на окне', *öшын ылд* 'на окне', *öшын ыльсь* 'с окна', *öшын ылддз* 'до окна', *му ылын* 'на земле', *му ылдт* 'по земле', *му ыл* 'поверхность земли'.

² Лыткин В. И. Историческая грамматика коми-языка. Сыктывкар, 1957. Ч. I. С. 115.

В словарном составе лупьинских говоров встречается немало зырянизмов: *вок* 'брат', *лызь* 'лыжи', *керка* 'дом', *баба* 'жена' и др.

Все сказанное относительно говоров бассейна Лупьи служит основанием для выделения их в особый диалект — лупьинский.

ЮЖНОЕ НАРЕЧИЕ

Южное наречие включает два иньвенских диалекта: кудымкарско-иньвенский (диалект бассейна верхней и средней Иньвы) и нижеиньвенский. Формирование этих диалектов связано с длительным обособлением указанных территорий. Как известно, Иньвенский, а позже Иньвенско-Кувинский округ с семью ведомствами (Верх-Иньвенским, Отевским, Ёгвинским, Архангельским, Юсьвинским, Верх-Юсьвинским и Кудымкарским) входил в Пермский майорат графов Строгановых. Сёла же нижней Иньвы (Купрос, Кокшарово, Майкор, Кызвенское) принадлежали другим владельцам. Бывшее территориальное разобщение коми-пермяков нашло также отражение в сохранившихся до сих пор прозваниях жителей *гранскöйез*, или *гранича юррез*, букв. 'графские головы' (так нижеиньвенцы называли коми-пермяков Иньвенского округа) и *маачаснöйез* (так иньвенские коми-пермяки именовали своих южных собратьев), то есть не находившиеся во владении Строгановых, или государственные крестьяне.

К южному наречию территориально примыкают нердвинский и оньковский диалекты, относящиеся к л-диалектам и в то же время имеющие общие признаки с иньвенскими диалектами.

Кудымкарско-иньвенский диалект

Кудымкарско-иньвенским диалектом пользуются жители Кудымкарского и отчасти Юсьвинского района. Он отличается рядом особенностей. Самой характерной чертой является *в*-канье. Звук *в* встречается не только на месте древнего *в* (ср. *вон* 'брат', *вермыны* 'мочь', *волькыт* 'гладкий', *важ* 'старый'). Он выступает также на месте этимологического *л*, полностью утраченного во всех положениях: в начале слова (*вок* из *лок* 'иди', *выс* из *лыс* 'хвоя', *вы* из *лы* 'кость', *вым* из *лым* 'снег'), в конце слова (*ныв* из *ныл* 'дочь', *кыв* из *кыл* 'язык', *вöв* из *вёл* 'лошадь', *пöв* из *пёл* 'дощечка'), в середине слова после согласного и перед согласным (*быдваын* из *быдлаын* 'повсюду', *кывны* из *кылны* 'слышать').

В середине слова между гласными судьба древнего *л* неодинакова. В одних говорах на месте *л* выступает *в* губно-зубной. В этом отношении выделяется говор д. Таскаево, локализующийся в истоках Иньвы, на границе с зюздинским наречием коми языка. В таскаевском говоре древнему *л* во всех положениях соответствует губно-зубной *в*. Послелого от основы *выв-* сохранились в целостности. Об этом говорят такие примеры, как *керöс вывын* 'на горе', *туй вывö* 'на дороге', *туй вывöть* 'по дороге'.

Послелого от основы *выв-* в неразрушенном или полуразрушенном виде, наряду с разрушенными формами, бытуют и в говорах, распространенных на территории бывших Ёгвинского, Кудымкарского, Верх-Иньвенского ведомств Строгановской вотчины (ныне Верх-Иньвенский, Верх-Юсьвинский, Пешнигортский, Кувинский, Кузьвинский, Деминский, Новоселовский, Ошибский сельсоветы Кудымкарского района). Население этих территорий чаще говорит *сетава* 'даю' (чем *сетаа*), *керава* 'рублю' (чем *кераа*). В Верх-Иньвенском и Деминском сельсоветах встречается изредка достигаемый падеж на *-ва*, например: *муна вава* 'иду за водой', *ветви няльва* 'ходил за хлебом'.

В других говорах на месте *л* в положении между гласными встречается рядом с губно-зубным *в* то губно-губной *в*, то нуль звука: *подауö*, *подаö* 'скоту'. К ним можно отнести говоры, распространенные около г. Кудымкара, сел Сервы, Верх-Иньвы и др.

В некоторых говорах на месте старого *л* в середине слова между гласными находим преимущественно нуль звука: *пукаа* 'сизу', *кераа* 'рублю', *вонё* 'брату' и т. д. Говоры такого типа встречаются в деревнях Архангельского и Антипинского сельсоветов Юсьвинского района. В этих говорах вследствие выпадения *в* между гласными могут оказаться рядом два-три гласных, иногда одинаковых, например: *мааа* 'глажу (скажем, по спине кого-либо)', *сеаа* 'смеюсь', *веаа* 'привыкаю, имею склонность к чему-либо', *кыаё* 'плывет по течению', *воаё* 'дышит'.

Старшее поколение носителей кудымкарско-иньвенского диалекта заменяет *л* на *в* и в заимствованных словах, иногда до неузнаваемости видоизменяя их, например: *буроом* 'бурелом', *воок* 'волок', *гов* 'голавль', *гоос* 'голос', *зоото* 'золото', *каат* 'халат', *коода* 'колода', *коодеч* 'колодец', *коостяк* 'холостяк', *мооток* 'молоток', *пооина* 'половина', *пооса* 'полоса', *стоодёй* 'столовая', *шкоаё* 'в школу' и др.

Послелогии с основой *выв-* в неразрушенном виде в таких говорах встречаются очень редко. *В*-канье приводит к неблагозвучию, когда в пределах одного слова оказываются два *в*: *в* этимологическое и *в*, возникшее на месте древнего *л*. Носители диалекта устраняют такое неудобство в произношении, опуская одно из *в*. Так, из *вывын* получается *выын*, из *вывё* — *выё*, *вывись* — *выись*: *гор выын узны* 'спать на печке', *гор выё кайны* 'подняться на печку'; *гор выись веччыны* 'спуститься с печки', *му выётъ ветвётны* 'ходить по земле'.

Такие полуразрушенные формы еще сохраняют явные черты послелогов и связь с основой *выв-*. Однако они неудобны для общения, поскольку создается чуждое для коми языка соседство двух одинаковых гласных (зияние), которое устраняется, если опустить один из гласных. Получившиеся в результате такого процесса «осколки» *вын*, *вё*, *вьсь*, *вётъ*, *вёдз* уже полностью утрачивают связь с именем-послелогом *выв* и образовавшимися от него формами *вылын*, *вылё*, *вылись*, *вылёт*, *вылётдз*, созвучными со знаменательными словами-наречиями; ср. *кай вылё* 'поднимись наверх', *лэдзчы чожажык вылись* 'спустись скорее сверху', *пукав вылын* 'сиди наверху'.

Описанные процессы свидетельствуют о разрушении послелогов с основой *выв-* и превращении их в падежные окончания, образовании на их базе новых падежей, которые нами названы следующим образом: 1) внешнеместный падеж, указывающий на нахождение чего-либо на поверхности предмета: *пызанвын* 'на столе', *муввын* 'на земле'; 2) падеж со значением удаления с поверхности предмета: *пызанвьсь* 'со стола', *муввьсь* 'с земли'; 3) падеж со значением направленности на поверхность предмета: *пызанвё* 'на стол', *муввё* 'на землю'; 4) отдалительный со значением удаления от поверхности предмета: *пызанвьсянь* 'от поверхности стола', *муввьсянь* 'от поверхности земли'; 5) падеж предела на поверхности предмета: *пызанвёдз* 'до стола', *муввёдз* 'до поверхности земли'; 6) падеж перемещения по поверхности предмета: *пызанвётъ* 'по столу', *муввётъ* 'по земле'.³

Достигательный падеж на *-ва*, еще встречающийся в говорах первого типа, в одних случаях формально слился с дательным падежом (у слов, оканчивающихся на согласный): *муна няньвё* 'иду за хлебом', в других — (у существительных с гласным звуком в исходе) совпал со вступительным падежом: *пыра вад* 'захожу в воду' и *муна вад* 'иду за водой'.

Таким образом, в настоящее время в отдельных говорах кудымкарско-иньвенского диалекта нет четких границ между *в*-каньем и выпадением *в* между гласными в середине слова. Употребление звука *в* и нуль звука на месте этимологического *л* между гласными не является строгой закономерностью, а подчиняется, по нашему мнению, звуковым процессам позиционного и комбинаторного характера, возникающим в речи для устранения неудобств в произношении.

³ Кривощёкова-Гантман А. С. О некоторых особенностях иньвенского диалекта коми-пермяцкого языка // Уч. записки Пермского пединститута. Вып. 17. Пермь, 1957. С 125–133.

Звуковым процессам выпадения *в* между гласными не подчиняются следующие случаи: 1) сложные слова, сохраняющие *в* в начале второго компонента, например: *черива* 'уха', *таво* 'в этом году', *Кува*, *Сива* — названия рек; 2) формы приблизительного падежа на *-вань*: *керкувань* 'по направлению к дому'; *пувань* 'по направлению к дереву'; 3) изобразительные слова: *чивёсны* 'чирикнуть', *кавёсны* 'гавкнуть', *чавётны* 'трещать (например, о дровах)'; 4) в некоторых словах *в* появляется как эпентетический, вставочный, для устранения зияния: *юван* 'питье', *шувас* 'скажет', *нувас* 'унесет'.

Все сказанное об утрате *л* в говорах бассейна Иньвы хорошо иллюстрирует связь между структурными элементами системы языка, наглядно показывает, как чисто фонетическое явление вызвало значительные изменения в морфологическом строе диалекта.

Кроме *в*-канья, характерного в разной степени для всех говоров рассматриваемого диалекта, можно отметить и частные особенности. Они касаются главным образом фонетической системы и словарного состава, например: 1) во многих говорах Юсьвинского района звук *т* в показателе переходного падежа слышится мягко: *ыбвётъ* 'по полю', *вёрётъ* 'по лесу', *киётъ* 'за руку'; 2) в говорах, распространенных в бассейне верхней Иньвы, встречаются варианты окончания отдалительного падежа: *гортсинь*, *гортсянь*, *гортсень* 'из дома, от дому'; 3) звук *н* в суффиксе деепричастий на *-тён* часто слышится мягко: *уджавтёнъ* 'во время работы'; 4) в инфинитиве среднеиньвенских говоров (если перед суффиксом *-ны* стоит распространитель *-ы-*) конечный гласный нередко выпадает: *ветвын* (полная форма *ветвыны*) 'сходить', *миссьын* (*миссьыны*) 'умыться', *тырмын* (*тырмыны*) 'доставать, хватать'; 5) в глаголах настоящего времени множественного числа 3-го лица в среднеиньвенских говорах наряду с окончанием *-ёны* встречается *-ёнё*, *-ён*: *корёнё* и *корён* (вместо *корёны* 'просят'); *сетёнё* и *сетён* (вместо *сетёны* 'дают'); *пырёнё* и *пырён* (вместо *пырёны* 'входят'); *пуктёнё* и *пуктён* (вместо *пуктёны* 'класть').

Лексика кудымкарско-иньвенского диалекта легла в основу коми-пермяцкого литературного языка.

Нижнеиньвенский диалект

Нижнеиньвенский диалект распространен на территории пяти сельсоветов Юсьвинского района: Аксеновского, Доеговского, Крохалевского, Купросского и Тиминского.

С фонетической стороны этот диалект, как и кудымкарско-иньвенский, характеризуется отсутствием *л* (твердого). Вместо него местные жители употребляют фонему *в* и ее позиционные варианты, например: в начале слова: *вок* 'приходи', *вым* 'снег', *выс* 'хвоя'; в конце слова: *кыв* 'язык', *ныв* 'дочь'; в середине слова: *ковны* 'понадобиться', *повны* 'бояться'. Между гласными *в*, появившееся на месте этимологического *л*, выпадает, особенно в заударных позициях, например: *поёны* 'бояться', *вёён* 'на лошади', *уджайёны* 'работают', *ныён* 'у них' (в северных говорах *полёны*, *вёлён*, *уджалёны*, *нылён*). По сравнению с говорами верхней и средней Иньвы в нижнеиньвенских говорах интервокальное *в* выпадает чаще, например: *оам* 'живем', *курччаам* 'кусаем', *сетаам* 'даем'. Между гласными, в основном перед *и*, для устранения зияния иногда вставляется *й*: *суваййм* (сев. *сулаййм*) 'стояли', *казяййм* (*казяййм*) 'заметили'.

В говорах бассейна нижней Иньвы чаще, чем в остальных иньвенских говорах, происходит стяжение гласных, например: *са* из *сйа* 'он', *ня* из *нйа* 'они', *миан* из *мийан* 'наш', *тйан* из *тййан* 'ваш', *байтны* из *байтны* 'говорить'.

В отношении ударения, как показал В. И. Лыткин, нижнеиньвенский диалект занимает промежуточное место между кудымкарско-иньвенскими говорами и оньковским диалектом. Особенности нижнеиньвенского ударения сводятся к следующему: в глаголах с непроизводной основой, если в первом слоге стоят гласные верхнего подъема (*и*, *ы*, *у*),

ударение переносится на суффикс, например: *пыра* 'захожу', *пырасö* 'зайдут', *мунö* 'идет', *висьöны* 'болеют', *кывзисö* 'слушали'. В глаголах, не имеющих словообразовательного суффикса, ударение падает на корневые гласные нижнего и среднего подъема, то есть на *а*, *э*, *ö*, *о*, например: *пётны* 'выйти', *кórны* 'просить', *пóрны* 'свалиться'. В глаголах с производной основой ударение стоит на словообразовательном суффиксе, независимо от гласного в корне слова, например: *корáсьны* 'свататься', *куччíсьны* 'взяться, схватиться', *чышкíсьны* 'утираться'. В словах неглагольных категорий (имена, местоимения, наречия и др.) ударение такое же, как и в других иньвенских говорах, например: *рúчöс* 'лису', *кöчвöн* 'у зайца', *мóртвöн* 'у человека'.

Морфологические особенности. Послелого с основой *выв-* в нижнеиньвенском диалекте употребляются так же, как и в кудымкарско-иньвенских говорах. Различие лишь в том, что в неразрушенном или полуразрушенном виде они здесь встречаются еще реже. Эти послелого чаще выступают как окончания новой серии местных падежей, которая выработалась на базе послелогов на *выв-* и в кудымкарско-иньвенском диалекте и была уже рассмотрена [выше].

Специфическим для нижнеиньвенского диалекта является разрушение послелогов с основой *дын-*, когда они употребляются с местоимениями, например: *мийандö* (из *мийан дынö*) 'к нам', *мийандöдз* (из *мийан дынöдз*) 'до нас'. Гласный *ы* в притяжательных суффиксах рядов «твой» и «его» часто выпадает, например: *кагат* (из *кагаыт*) 'твой ребенок', *кагас* (из *кагаыс*) 'его ребенок'.

Вместо личных местоимений 1 и 2-го лица множественного числа нередко употребляются соответствующие местоимения единственного числа: *ме мунамö* (букв. 'я идем'), *тэ мунатö* ('ты идете'), в значении 'мы идем', 'вы идете'. Однако без глаголов местоимения единственного и множественного числа четко дифференцируются.

В притяжательном падеже у местоимений 1 и 2-го лица множественного числа появляются специфические окончания, например: *мианчиньм* (ср. в кудымкарско-иньвенском диалекте *мианвись*) 'у нас (например, взять что-либо)'; *тийанчиньт* (*тийанвись*) 'у вас (взять что-либо)'.

Вместо наречия места *сэтчин* употребляется *сьчаньын*, иногда *сяньын*: *са овис сьчаньын кык год* 'он прожил там два года'.

В отрицательном глаголе наблюдается *и*-овая огласовка в прошедшем очевидном времени: *иг* 'я не', *ин* 'ты не', *из* 'он не' (ср. в кудымкарско-иньвенском диалекте *эг*, *эн*, *эз*).

В значении послелого *йылись* 'о, об' в нижнеиньвенском диалекте употребляется также послелог *понда*: *мамö понда талун радио баитö* 'о моей маме сегодня говорит радио'.

Нердвинский диалект

Нердвинский диалект распространен на территории Ленинского сельсовета Кудымкарского района, в бассейне верхней Нердвы, левого притока Обвы, впадающей справа в Камское водохранилище.

Фонетические особенности. По употреблению *л* и *в* этот диалект не отличается от северных *л* говоров. Фонема *л* сохраняется во всех положениях, например: в начале древних основ: *лаб* 'слабый, не тугой', *лög* 'сердитый', *лок* 'приходи', *лонт* 'затопа (печь)', *лун* 'день', *лым* 'снег' и др. Она встречается в середине слова между гласными: *серала* 'смеюсь', *висьтала* 'скажу'. Фонема *л* устойчиво держится и в конце слова: *ныл* 'дочь', *кыл* 'язык', *пел* 'большой палец'. Замена *в* на *л* иногда происходит и в заимствованных словах: *подкол* 'подкова', *припел* 'припев', *прилод* 'привод', *руколодитны* 'руководить'.

Перед гласным *э* в некоторых словах *л* слышится полумягко, как и в коми-зырянских говорах, например: *леччыны* спуститься, *лептыны* поднять, *лебавны* летать.

Звук *о* в заимствованных словах, а иногда и в исконных, чаще, чем в кудымкарско-иньвенских говорах, переходит в *ö*, например: *дöмалны* 'связать', *дöмасьны* 'заниматься'.

вязкой снопов', *рöдитны* 'родить', *мöриччыны* 'проголодаться', *сапöг*, *öстатки*, *рöжень*, *кöчан*, *рöзбойник*, *Öгрöпена* 'Аграфена', *Öнисся* 'Анисья' (ср. диал. *Онисья*).

В конце сложных слов *о* переходит в *у*, например: *таву* (из *таво*) 'в этом году'.

В диалекте широко представлено чередование гласных как в первом, так и во втором слоге слова: а) чередование *ы* и *ö*: *öддöн* и *ыддöн* 'очень', *öшын* и *ышын* 'окно', *сэтöр* и *сэтыр* 'смородина'; б) *ö* и *э*: *посöдз* и *посэдз* 'крыльцо', *горöдз* и *горедз* 'шесток', *керöс* и *керес* 'гора'; *льöм* и *лем* 'ягоды черемухи', *льöмпу* и *лемпу* 'черемуха', *льöмьялны* и *лемьялны* 'собирать ягоды черемухи'; в) чередование *у* и *ы*: *пожум* и *пожым* 'сосна'; *гожум* и *гожым* 'лето'; *дждождул* и *дждождыл* 'подполье'.

В отличие от соседних иньвенских говоров шире встречается прогрессивная ассимиляция согласных, например: *пельянь* из *пельнянь* 'пельмень', *гыжжалны* из *гыжъялны* 'чесать'.

Мягкие согласные в заимствованных словах усваиваются значительно легче нердвинцами, чем носителями иньвенских говоров. Даже в речи старшего поколения встречаются *рь*, *вь*, *бь*, *мь*: *букварь*, *сентябрь*, *октябрь*, *ноябрь*, *семь*, *ребенок*, *морковь*.

Заемствованные слова с согласными *х*, *ф*, *ц* встречаются только в речи грамотной части колхозного крестьянства: *ферма*, *фартук*, *больница*, *мельница*, *характер*. Старшее поколение вместо указанных звуков произносит *к*, *п*, *ч*: *конеч*, *колодеч*, *порма*, *калат*.

В диалекте наблюдаются рефлексы закрытого гласного *ö*, наиболее четко произносимого в конце аффиксального слова, например: *мунамö* 'идем', *баитамö* 'говорим'. Гласный *ö* в этих словах напоминает звук верхне-среднего подъема, средне-заднего ряда.

Морфологические особенности. Наряду с послеложными конструкциями типа *гор вылын* 'на печке', *пызан вылö* 'на стол' сосуществуют падежные формы имен существительных с разрушившимися послелогоми в их исходе, например: *горлын* 'на печке', *пуллын* 'на дереве', *горлись* 'с печки', *пуллись* 'с дерева', *öшылö* 'на окне', *муллö* 'на землю'.

В этих случаях нельзя говорить о разрушении послелогов с основой *выл-*, так как для такого процесса в нердвинском диалекте нет языковых стимулов. Звук *л* между гласными здесь не выпадает. Нам представляется, что формы типа *пызанлын* 'на столе', *муллын* 'на земле' появились в диалекте под влиянием иньвенских говоров, в которых, как уже указывалось, они развились из послеложных конструкций вследствие выпадения губно-губного *в* между гласными в середине слова, в том числе послелогов.

Такое предположение подкрепляет и тот факт, что в «осколках» послелогов от основы *выл-*, когда они присоединяются к существительным с гласной основой, согласный удваивается точно так же, как в иньвенских говорах, например в нердвинских говорах *муллын*, *öшылын*, *туйлын*, *валлын*, в иньвенских — *мувын* 'на земле', *öшывын* 'на окне', *туйвын* 'на дороге', *вавын* 'на воде'. Иной точки зрения придерживается Р. М. Боталова. По ее мнению, нердвинские формы *öшылын*, *валлын* подчинены общей тенденции «к увеличению числа внешнеместных падежей»⁴.

Окончанием переходного падежа в большинстве случаев является *-öть*: *дждождöть* 'по полу', *киöть* 'за руку', *уличаöть* 'по улице', *вöрöть* 'по лесу', *муллöть* 'по земле'.

Окончание отдалительного падежа имеет варианты *-сянь*, *-синь*, *-сень*: *гортсиль* 'из дому, из деревни', *пызансянь* 'от стола', *вöрсень* 'из лесу'.

Достигательный падеж оканчивается на *-лö*: *муна тшаклö* 'иду за грибами' (ср. в северных говорах *-ла*: *муна тшакла*). Такое окончание, как и конструкции типа *горлын*, *пуллын*, о которых речь шла выше, отражает влияние соседних иньвенских говоров.

⁴ Боталова Р. М. Коми-пермяцкая диалектология. М.: Наука. 1975. С. 137.

В винительном падеже личных местоимений иногда появляется окончание *-õc*, вместо *-õ* в других говорах, например: *менõc* 'меня' (ср. *менõ*), *тэнõc* 'тебя' (ср. *тэнõ*), *сийõc* 'его' (ср. *сийõ*), *нийõc* 'их' (ср. *нийõ*).

Личные местоимения 3-го лица встречаются в стяженной форме: *са* (из *сийа*) 'он, она, оно', *на* (из *нийа*) 'они': *на кыкõн олõны* 'они живут, вдвоем'.

Личное местоимение *ме* может употребляться в значении множественного числа, например, *ме вõлим жõ собраннõлас* 'мы тоже были на собрании', *тэ вõлит жõ* 'вы тоже были'.

Конечный гласный в показателе неопределенной формы глагола часто выпадает, например: *ветлын* (вместо *ветлыны*) 'сходить'; *кошшын* (вместо *кошшыны*) 'искать'.

Наречия места, представляющие собой застывшую форму отдалительного падежа, имеют в исходе чаще *-синь*, *-сень*: *кысень* 'откуда', *сысень* 'оттуда', *сыбõрсинь* 'потом', *тасинь* 'отсюда'.

Словарный состав нердвинского диалекта, по сравнению с иньвенскими говорами, испытал более сильное влияние со стороны русского языка. Например, из исконных числительных встречаются только *õтик* 'один', *кык* 'два', *куим* 'три', редко *нõль* 'четыре' и *вит* 'пять'. Вместо коми слов, встречающихся в других диалектах, употребляются заимствования из русского языка: *сноп* (в других диалектах *кольта*), *шкучла* (*ан*) 'челюсть', *бырла* (*тырпез*) 'губы', *поле* (*ыб*) 'поле'.

Носители диалекта особенности своего произношения объясняют тем, что якобы первопоселенцами на занимаемой ими территории были коми-зыряне, в языке которых имеется звук *л*. В пользу такого предположения как будто бы говорят и некоторые факты самого диалекта, в частности, наличие слов, отсутствующих в других южных диалектах и в то же время имеющих аналогии в коми-зырянских говорах, например: *сям* 'умение, толк' (ср. коми-зырянское *сям* в том же значении; от данного корня образованы *сямтõм* 'бестолковый', *сяма* 'толковый, смышленный'); *синлап* (в других коми-пермяцких говорах *синлоп*, *синвоп*) 'глазное веко'; *удзõc*, *ыдзõc* (в коми-пермяцких диалектах, за исключением нижнеиньвенского и оньковского, *ыбõc*) 'дверь'.

Одной из причин устойчивости *л*, по-видимому, является еще и тот факт, что диалект находится под влиянием русских говоров бывшего Нердвинского района, в состав которого, кстати, до 1938 г. входил весь бассейн Нердвы.

Оньковский диалект

Оньковский диалект распространен на территории Оньковского сельсовета Юсьвинского района, в низовьях Иньвы. Он значительно отличается от соседних *в*-диалектов.

Фонетические особенности. Оньковский диалект относится к *л* диалектам. Фонема *л* в нем представлена в тех же позициях, что и в северных говорах и в нердвинском диалекте, например: *локти* 'пришел', *лõг* 'злой', *лõнь* 'тихий', *лõз* 'синий', *кылыны* 'слышать', *полны* 'бояться', *ныл* 'дочь', *кыл* 'язык', *тõл* 'зима, ветер', *олны* 'жить'.

Весьма своеобразно представлено в диалекте ударение, которое близко к коми-язьвинской системе ударения и названо В. И. Лыткиным качественно-вокальным⁵. Ударение падает на гласный нижнего и среднего подъема (*э*, *о*, *о*, *а*) корня слова, например: *кõйышта* 'плесну', *нõбõта* 'несу', *пõталны* 'выйти куда-либо на время', *кõрасьны* 'сватать', *вõшõта* 'прогоню'. Ударение может падать на суффиксальный слог, если в первом слоге имеется гласный верхнего подъема (*ы*, *и*, *у*), например: *пырã* 'вхожу', *гижã* 'пищу', *кисьтã* 'лью', *шыдõc* 'крупа', *шырõc* 'мышку', *кидõc* 'руку'. Если в глаголе есть суффиксы (*-ал-*, *-ась-*, *-õт-*, *-õрт-*, *-ась-*), то ударение падает на суффикс, например:

⁵ Лыткин В. И. Об ударении в коми-пермяцком языке // Труды Института языкознания АН СССР. Т. I. М., 1952. С. 107-119.

КОМИ-ПЕРМЯЦКИЙ ЯЗЫК И ЕГО ДИАЛЕКТЫ

вугр^асьны 'удить', *пук^алны* 'сидеть', *видз^отны* 'смотреть', *быдм^алны* 'наматывать нить на цевку'. В кудымкарско-иньвенском диалекте в этих случаях ударение не отличается.

В отрицательном спряжении прошедшего очевидного времени наблюдается *и*-овая огласовка отрицательного глагола: *иг мун* 'я не пошел', *тэ ин мун* 'ты не пошел', *са из мун* 'он не пошел'. Такая же огласовка и у ряда древних корней, например: *йим* 'игла', *вим* 'мозг', *чигны* 'сломать', *чир* 'топор'. Эти особенности сближают оньковский диалект с нижеиньвенским диалектом, а также с коми-язьвинским наречием.

Морфологические особенности. Вместо конструкций с послелогоми, имеющими основу *выл-*, в оньковском диалекте, как и в нижеиньвенском, могут употребляться формы имен существительных со слившимися остатками послелогов, например: *пызанлын* 'на столе', *пызанлö* 'на стол', *муллын* 'на земле'. Это явление, как нам представляется, отражает влияние смежных иньвенских говоров, в которых аналогичные послелогом упростили свое звучание в результате фонетических сдвигов [см. выше. — *Ö. Л.*].

В формировании оньковского диалекта определенную роль сыграли этнические смешения, имевшие место в прошлом в бассейне нижней Иньвы, а также влияние соседних говоров как русских, так и коми-пермяцких (бассейна средней Иньвы).

ЛЕКСИКА И ФРАЗЕОЛОГИЯ

ФРАЗЕОЛОГИЯ*

ПОНЯТИЕ О ФРАЗЕОЛОГИИ

В предложении слова обычно объединяются в словосочетания. Различаются свободные и устойчивые сочетания слов. Первые являются объектом изучения синтаксиса, вторые рассматриваются в лексикологии. Устойчивые сочетания слов иначе принято называть фразеологическими оборотами (или фразеологическими единицами).

Часть лексикологии, изучающая устойчивые сочетания слов, называется фразеологией. Термин «фразеология» применяется и для обозначения всего фразеологического состава языка. Различие между свободным сочетанием слов и фразеологическим оборотом легко обнаруживается при их сопоставлении. Возьмём два примера: *нянь вузавны* 'хлеб продавать' и *шонди вузавны* 'бездельничать' (буквально 'солнце продавать'). Первое словосочетание свободное. В нём все слова употребляются в прямом значении и понятны сами по себе. По мере необходимости в процессе общения они могут сочетаться и с другими словами, например, можно сказать, кроме *нянь вузавны*, *мёс вузавны* 'корову продать', *йёв вузавны* 'молоко продать' и т. д. Каждое слово свободного сочетания является членом предложения. Фразеологический же оборот *шонди вузавны* представляет собой устойчивое сочетание слов. Оно обозначает **одно понятие**, которое закреплено за ним исторически, и в предложении выступает в качестве одного его члена.

Фразеологические обороты не конструируются каждый раз заново. Они, будучи усвоенными, подобно тому как мы, овладевая языком, усваиваем новые слова, хранятся в нашей памяти как целостные лексические единицы и извлекаются из неё в процессе общения в каждый нужный момент, т. е. **воспроизводятся**. Так, например, фразеологический оборот *пытём емён вурны* 'обмануть' хранится в нашей памяти в готовом виде так же, как выражающее то же понятие слово *бёботны*. В момент речи он воспроизводится из памяти в готовом виде целиком так же, как не составляется нами из слагающих его морфем, а воспроизводится отдельное слово.

Поскольку фразеологические обороты обладают воспроизводимостью (в готовом виде всплывают в сознании говорящих целиком при первой необходимости), они представляют собой неоценимое богатство языка, дополняют и разнообразят его лексический фонд. Лучшие писатели умело используют их в своих художественных произведениях. В качестве примера приведём отрывок из повести М. П. Лихачёва «Менам зон» («Мой сын»):

Василь пырис баня передникас. От киас винтовкаыс, мёднас маласьё, кошшё ыбёс вугсё. Дзурк осьтис ыбёссё. Кыш-наш кинкё вёрзьётчис. А пытикас пемыт — кётъ синмё татикы. Сувтчыштис Василь секунда кежё ыбёс одзас, мелькнитис юрас дума: «Камгасё этчё мыйёнкё юр кузя, он ешты горётны Миковсё...» Но сы коста жё повтёг оськёвтис пытикас да пёдналис ыбёссё. Шоньт рудн вачкис нырас. Швырк кыскис

* В помощь учителю. Кудымкар, 1962. С. 3-31.

кармансис истöг коробка да чирк öзтис спичкасö. Нюлыштис югöрыс стеназсö. Василь казялис, кыдз лэбтыштисö юррезнысö нель морт. Перевод: 'Василь вошёл в предбанник. В одной руке винтовка, другой ищет ручку двери. Со скрипом открыл дверь. Кто-то завозился (издав шорох). А внутри темень — не видно ни зги (букв. 'хоть в глаз ткни'). Приостановился Василь на секунду у двери, мелькнула мысль в голове: «Стукнут чем-нибудь по голове, не успеешь крикнуть Микову...» В эту же минуту он смело шагнул вперёд и закрыл дверь. Тёплый воздух ударил в нос. Достал из кармана коробку и чиркнул спичкой. Лизнул свет стены. Василь заметил, как подняли головы четыре человека'.

В этом отрывке употреблены следующие устойчивые сочетания слов: *дзурк осьтис* 'со скрипом открыл', *кыш-паш вöрзöйтчис* 'завозился, зашуршал', *пемыт* — *кöть синмö татшкы* 'очень темно', *мелькнитис дума* 'мелькнула мысль', *вачкис нырас* 'ударил в нос (о воздухе)', *швырк кыскис* 'быстро достал', *чирк öзтис* 'чиркнул'. Благодаря перечисленным фразеологизмам описанная картина представляется живой, наглядной.

Воспроизводимость фразеологического оборота способствует закреплению за ним вполне определённого целостного значения. В этом значении фразеологический оборот живёт в продолжение веков и наследуется каждым новым поколением, как готовое выражение. Кроме того, значительная часть фразеологических оборотов имеет постоянную и неизменную лексическую структуру. В них невозможны как синонимические замены отдельных слов — компонентов, так и увеличение или сокращение их числа. Это также связано с воспроизводимостью фразеологических оборотов и главным образом относится к тем из них, в которых значение целого не связано со значением компонентов. Так, например, если в обороте *мус нимавны* 'голодать' (букв. 'печень сосать') мы заменим слово *нимавны* близким к нему по смыслу словом *везтыны*, то фразеологизм разрушится и полученное сочетание слов уже не будет ассоциироваться с вышеуказанным значением 'голодать'.

Обычно фразеологические обороты состоят из двух или более самостоятельных слов. Сочетания знаменательного слова с послелогоми типа *ме кодьöм* 'подобные мне', *тö кодьöм* 'подобные тебе' и т. д. не являются фразеологическими единицами.

Из всего сказанного видно, что фразеологический оборот — это воспроизводимая языковая единица, целостная по значению и состоящая не менее чем из двух знаменательных слов. В большинстве своём фразеологические обороты устойчивы в своём лексическом составе и грамматической структуре. Однако имеются случаи, когда тот или иной компонент фразеологизма меняет словоизменительные аффиксы в зависимости от контекста. Это прежде всего касается именных сочетаний (в них имя может выступать в различных притяжательных рядах) и глагольных (в них глагол может выступать в различных спрягаемых формах).

Фразеологические обороты можно подразделить на общенародные и ограниченные в употреблении. Подобно тому, как мы говорим о профессиональной лексике, можно говорить и о профессиональных фразеологизмах. Так, например, фразеологические обороты: *лым кодь чочком* 'белоснежный', *веськыт ки* 'правая рука', *кузь дун* 'целый день', *тöдвылö босьтны* 'запомнить', *ответ видзны* 'ответить', *кыв сетны* 'дать слово', *тыртны план* 'выполнить план', *судзöтны цель* 'достигнуть цели' и т. д. — ничем не ограничены в употреблении и встречаются во всех жанрах речи. Фразеологические же обороты — термины языкознания: *притяжательность мыччалан категория* 'категория притяжательности', *одушевлённость да неодушевлённость мыччалан категория* 'категория одушевлённости и неодушевлённости', *кыв состав* 'состав слова', *предложениё членнöz* 'члены предложения', *сёрни тор* 'часть речи' и др. — живут лишь в речи лингвистов; фразеологические обороты: *вöрзаптан пункт* 'лесозаготовительный пункт', *малöй комплекснöй бригада* 'малая комплексная бригада', *вöркылöтан пункт* 'сплавной пункт' — встречаются в речи лесозаготовителей.

В процессе языкового развития фразеологические обороты могут выйти из узких сфер употребления и получить общенародный характер. Так, например, фразеологический

ФРАЗЕОЛОГИЯ

8. Эмоционально-экспрессивные выражения.

9. Устойчивые гиперболы и литоты.

10. Архаические обороты.

11. Обороты, воспроизводимость которых вызывается наличием эквивалентного заимствованного слова.

Остановимся подробнее на каждой из перечисленных групп фразеологических оборотов.

1. Устойчивые метафорические сочетания

Устойчивые метафорические сочетания представляют собой составные названия, которые переносятся с одного предмета или явления на другой предмет или явление на основе сходства по какому-либо признаку, связи по смежности и т. д. В них все компоненты или часть из них употребляются в переносном, иносказательном значении. Такие сочетания слов в процессе исторического развития закрепляются за каким-либо предметом или явлением в качестве постоянных названий, иначе говоря, становятся воспроизводимыми. Так, например, неповоротливый человек получает название на основе внешнего сходства *турун мешо́к* (букв. 'мешок сена'); на этой же основе за трусливым человеком закрепляется название *куро́г сьдло́м* (букв. 'куриное сердце'); 'непутёвый человек' получает название *ныртём сизь* (букв. 'безносый дятел').

Подобно метафорам, устойчивые метафорические сочетания придают речи большую образность, наглядность, тем самым обогащают и оживляют её. Приведём некоторые примеры:

а) фразеологические обороты, представляющие собой метафорические сочетания, в которых все компоненты употребляются в переносном значении: *Юр соро́н мортчо́тчыны* (*мыйо́к*) 'очень увлечься' (каким-либо делом, букв. 'с головой уткнуться'); *мус нимавны* 'голодать', сравните «быть на пище святого Антония» (букв. 'печень сосать'); *кумач вузавны* 'стыдиться, покраснеть, как кумач' (букв. 'кумач продавать'); *пель садь быро́тны* 'одно и то же твердить' (букв. 'силу уха истратить'); *тараканнэз пысавлыны* 'бездельничать, выполнять ненужную работу' (букв. 'тараканов надевать на нитку'); *пысто́м емо́н вурсьыны* 'обманывать' (букв. 'шить иголкой без ушка'); *юр вылас сьло́ оз кай* (*мый-нибудь*) 'ему дела нет' (до чего-нибудь, букв. 'на голову ему не лезет' (что-нибудь)); *пель сайо́ каттыны* 'намотать на ус' (букв. 'за ухо намотать'); *чук нюжо́тны* 'рассердиться' (букв. 'вытянуть морду'); *нять суктыны* 'без дела ходить в грязную погоду' (букв. 'грязь густить').

б) фразеологические обороты, представляющие собой сочетания, в которых только один из компонентов употребляется в переносном значении: *син выло́ усьны* 'броситься в глаза'; *син вылын видзыны* 'не спускать с глаз'; *моросись кидтыны* 'отнять от груди'; *пизись оро́тчыны* 'не иметь муки' (букв. 'оторваться от муки'); *тыртны план* 'выполнять план'; *судзо́тны цель* 'достигнуть цели'; *син сайын баитны* 'говорить за глаза'; *лэбтыны шум* 'поднять шум'; *адззыны зон* 'родить сына, не имея мужа' (букв. 'найти сына').

2. Сочетания с изобразительными словами

В коми-пермяцком языке довольно богато представлены изобразительные слова, которые употребляются с различными знаменательными словами (с глаголами, с именами прилагательными). Специфическая семантическая особенность изобразительных слов — воспроизводить звучания, слышимые в окружающем мире, или передавать с помощью звуков двигательные и зрительные образы, движения, состояния, качества и т. д. — как бы прикрепляет их к определённым знаменательным словам и, следовательно, делает их несвободными в употреблении. Такие сочетания с изобразительными словами не

оборот *лыдтöм пасма* родился в речи домашних ткачей, где обозначал неправильный, путаный счёт на пасма¹. Впоследствии этот оборот расширил сферу употребления и утвердился в общенародном языке в значении 'бестолковый человек'. Фразеологический оборот *бöжтö кöтöтан, дак чери сёян*, соответствующий русскому 'без труда не вынешь и рыбки из пруда' (букв. 'хвост намочишь, так и рыбу съешь'), возник первоначально, по-видимому, в фольклоре. Фразеологический оборот *Кöр нинис кульсьö, сэк и куль*, соответствующий русскому 'Куй железо, пока горячо' (букв. 'Когда лыко сдирается, тогда и сдирай'), первоначально, по всей вероятности, употреблялся как свободная синтаксическая единица в разговорной речи коми-пермяков, главной обувью которых были лапти из лыка

Следует иметь в виду, что фразеология коми-пермяцкого языка, как и всякого другого языка, глубоко своеобразна и носит ярко выраженный национальный характер. В связи с этим в частности фразеологические обороты трудно переводимы на русский язык. Однако в значительной части случаев удаётся подобрать более или менее эквивалентный фразеологический оборот русского языка. Например, коми-пермяцкий фразеологизм *ййис гилялö* (букв. 'мясо его щекочется') приблизительно соответствует русскому 'от жиру бесится', *синнэзис би чеччö* (букв. 'из глаз огонь встаёт') — 'глаза искры мечут', *сылöн максимкоэс мунöмась тшаакъявны* (букв. 'его Максимки ушли за грибами') — 'у него не все дома', *волькыт идзас вылёт ыскöвтöтны* (букв. 'прокатить по гладкой соломинке') эквивалентно русскому 'обвести вокруг пальца', *öтик öмись горöтлыны* (букв. 'из одного рта кричать') — 'в один голос кричать', *кык кокйив сувтны* (букв. 'на две ноги встать') — 'встать на дыбы'. Если же при переводе равнозначное выражение отыскать невозможно, то смысл фразеологического оборота приходится передавать на другой язык описательно. Однако в этом случае выразительность ещё больше теряется. Так, например, коми-пермяцкий фразеологизм *кык тельшы оз кыв* (букв. 'два звона в ушах не слышны') в переводе на русский обозначает 'ничего не слышно', *öтик абу* (букв. 'одного нет') — 'нисколько нет', *дыш петö* (букв. 'лень выходит') — 'мне (ему, ей) лень'. В дальнейшем рассмотрении мы будем стремиться передавать значение коми-пермяцких фразеологических оборотов наиболее близкими к их значениям фразеологическими оборотами русского языка. Фразеологические обороты можно рассматривать с различных сторон: 1) с точки зрения выяснения причин воспроизводимости; 2) с точки зрения лексического состава; 3) с лексико-семантической стороны; 4) со стороны грамматической структуры; 5) с исторической точки зрения. Следует отметить, что ни в одном из перечисленных аспектов фразеологические обороты коми-пермяцкого языка до сих пор специально не изучались.

СОСТАВ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБОРОТОВ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПРИЧИН ВОСПРОИЗВОДИМОСТИ

Главной особенностью фразеологических оборотов, как мы уже видели, является воспроизводимость. Анализ состава коми-пермяцкой фразеологии показывает, что воспроизводимыми в процессе исторического развития языка стали следующие синтаксические единицы:

1. Устойчивые метафорические сочетания слов.
2. Сочетания с изобразительными словами.
3. Народные изречения и образные выражения с ценным жизненным обобщением.
4. Устойчивые сравнения.
5. Составные термины.
6. Постоянные эпитеты.
7. Эллиптические устойчивые сочетания слов.

¹ Часть мотка домашних ниток.

8. Эмоционально-экспрессивные выражения.

9. Устойчивые гиперболы и литоты.

10. Архаические обороты.

11. Обороты, воспроизводимость которых вызывается наличием эквивалентного заимствованного слова.

Остановимся подробнее на каждой из перечисленных групп фразеологических оборотов.

1. Устойчивые метафорические сочетания

Устойчивые метафорические сочетания представляют собой составные названия, которые переносятся с одного предмета или явления на другой предмет или явление на основе сходства по какому-либо признаку, связи по смежности и т. д. В них все компоненты или часть из них употребляются в переносном, иносказательном значении. Такие сочетания слов в процессе исторического развития закрепляются за каким-либо предметом или явлением в качестве постоянных названий, иначе говоря, становятся воспроизводимыми. Так, например, неповоротливый человек получает название на основе внешнего сходства *турун мешок* (букв. 'мешок сена'); на этой же основе за трусливым человеком закрепляется название *курёг съёлём* (букв. 'куриное сердце'); 'непутёвый человек' получает название *ныртём сизь* (букв. 'безносый дятел').

Подобно метафорам, устойчивые метафорические сочетания придают речи большую образность, наглядность, тем самым обогащают и оживляют её. Приведём некоторые примеры:

а) фразеологические обороты, представляющие собой метафорические сочетания, в которых все компоненты употребляются в переносном значении: *Юр сорён мёртчётчыны (мыйёкё)* 'очень увлечься' (каким-либо делом, букв. 'с головой уткнуться'); *мус нимавны* 'голодать', сравните «быть на пище святого Антония» (букв. 'печень сосать'); *кумач вузавны* 'стыдиться, покраснеть, как кумач' (букв. 'кумач продавать'); *пель садь бырётны* 'одно и то же твердить' (букв. 'силу уха истратить'); *тараканнэз пысавлыны* 'бездельничать, выполнять ненужную работу' (букв. 'тараканов надевать на нитку'); *пытём емён вурсьыны* 'обманывать' (букв. 'шить иглой без ушка'); *юр вылас сылё оз кай (мый-нибудь)* 'ему дела нет' (до чего-нибудь, букв. 'на голову ему не лезет' (что-нибудь)); *пель сайё каттыны* 'намотать на ус' (букв. 'за ухо намотать'); *чук нюжётны* 'рассердиться' (букв. 'вытянуть морду'); *нять суктыны* 'без дела ходить в грязную погоду' (букв. 'грязь густить').

б) фразеологические обороты, представляющие собой сочетания, в которых только один из компонентов употребляется в переносном значении: *син вылё усьны* 'броситься в глаза'; *син вылын видзы* 'не спускать с глаз'; *моросись кидтыны* 'отнять от груди'; *пизись орётчыны* 'не иметь муки' (букв. 'оторваться от муки'); *тыртны план* 'выполнять план'; *судзётны цель* 'достигнуть цели'; *син сайын баитны* 'говорить за глаза'; *лэбтыны шум* 'поднять шум'; *адззыны зон* 'родить сына, не имея мужа' (букв. 'найти сына').

2. Сочетания с изобразительными словами

В коми-пермяцком языке довольно богато представлены изобразительные слова, которые употребляются с различными знаменательными словами (с глаголами, с именами прилагательными). Специфическая семантическая особенность изобразительных слов — воспроизводить звучания, слышимые в окружающем мире, или передавать с помощью звуков двигательные и зрительные образы, движения, состояния, качества и т. д. — как бы прикрепляет их к определённым знаменательным словам и, следовательно, делает их несвободными в употреблении. Такие сочетания с изобразительными словами не

создаются в каждый данный момент, а усваиваются целиком, воспроизводятся. Они составляют неразложимую смысловую единицу и в предложении выступают в качестве одного его члена. Возьмём, например, сочетание *шув-нав пырны* 'неожиданно зайти'. Изобразительное слово *шув-нав* употребляется исключительно со словом *пырны*, так как может передавать только особенности действия *пырны* 'зайти неожиданно, быстро, стремительно, уверенно'. Изобразительные фразеологизмы имеют общенародный характер. В качестве примеров изобразительных фразеологизмов приведём следующие: *вак-вак серёмтчыны* 'громко засмеяться', *куж-каж тальны* 'с треском растоптать', *кож-кож киссьыны* 'с шумом литься', *гиль-голь киссьыны* 'с шумом рассыпаться', *сульк пымавны* 'сильно вспотеть', *тач-тач керны* 'затрещать (например, о половице)', *пурк лэбзыны* 'вспорхнуть', *чирк биасьны* 'чиркнуть спичкой', *тон-тон кын* 'очень мёрзлый', *шыльк ыскөвты* 'быстро прокатиться', *жшля-жоля öшын лэдзы* 'разбить окно'.

3. Народные изречения и выражения с ценным жизненным обобщением

Сюда относятся народные пословицы и поговорки, а также «крылатые выражения»: краткие цитаты, изречения исторических лиц и т. д., — вошедшие в нашу речь из литературных источников. Не останавливаясь на «крылатых выражениях», которые, как правило, вошли в коми-пермяцкий язык из русского языка или через него и не являются оригинальными, рассмотрим подробнее коми-пермяцкие пословицы и поговорки.

Коми-пермяцкий язык богат пословицами и поговорками². Они создавались народом в течение веков из конкретных наблюдений над окружающей жизнью и имеют ярко выраженную национальную окраску. Храня в себе, как правило, ценный жизненный опыт, пословицы и поговорки являются воспроизводимыми. Они усваиваются носителями языка от предшествующих поколений в готовом виде, как целостные единицы, и по мере надобности включаются в нашу речь.

Коми-пермяцкие пословицы и поговорки можно условно подразделить на два пласта: дореволюционные и относящиеся к послеоктябрьскому периоду.

Пословицы и поговорки дореволюционного периода преимущественно отражают старый крестьянский быт, служат обобщениями, извлечёнными из опыта жизни и трудовой деятельности коми-пермяков: земледелия, охоты, рыбной ловли, борьбы с суровой местной природой, социальных, семейных и других отношений. Приведём некоторые из них: *Пиньёла пу он веськөт, лөг мортёс он рамсьөт* 'Горбатого могила исправит' (букв. 'Кривое дерево не выпрямишь, злого человека не раздобришь'); *Бадь вылө кдз оз быдмы* 'Яблоко от яблони недалеко падает' (букв. 'На иву ель не растёт'); *Лөг мортлө каньөн синмас он чеччөвт* 'Со злым человеком ничего не сделаешь' (букв. 'Злому человеку кошкой в глаза не прыгнешь'); *Тшыг мортлөн тдввылас нянь овлө* 'Голодной куме хлеб на уме' (букв. 'У голодного человека хлеб на уме'); *Чочком киоккез чужой удж любитёны* 'Белые ручки чужой труд любят'; *Орёмсө бөр он йит* 'Треснувшее целым не сделаешь (напр., о семейном разладе)' (букв. 'Порванное снова не свяжешь'); *Лундөн оджжык кдзан, неделяён оджжык вундан* 'На день раньше посеешь, на неделю раньше пожнёшь'; *Ачыт бур, дак и отырыс бурөсь* 'Сам хорош, так и люди хороши'; *Көр ниньс кульсьө, сэк и куль* 'Куй железо, пока горячо' (букв. 'Когда лыко сдирается, тогда и сдирай'); *Көр лыис усё, сэк и лиась* 'Куй железо, пока горячо' (букв. 'Когда сок падает, тогда и собирай').

Коренные изменения, происшедшие в жизни коми-пермяков в годы Советской власти, не могли не отразиться и на характере пословиц и поговорок. Сохранив ценные жизненные обобщения, выработанные в период до Великой Октябрьской революции, коми-пермяцкий народ в новых условиях создал новые пословицы и поговорки, отражающие новые, социалистические отношения, новый моральный облик советских

² К сожалению, коми-пермяцкие пословицы и поговорки до сих пор не собраны.

людей. Коми-пермяки построили социализм и строят коммунизм в братской семье народов нашей страны при бескорыстной помощи прежде всего русского народа. Поэтому естественно, что многие из послеоктябрьских пословиц и поговорок являются кальками с русского языка. Приведём примеры: *Ötikön oli — dömassözön vetlöti, kolхозö lokti — zipun adzzi* 'Один жил — в заплатах ходил, в колхоз пришёл — пальто нашёл'; *Sia kolхозыс богат, köдаын лад* 'Тот колхоз богат, в котором лад'; *Унажык уджав, етшажык оишась* 'Больше работай, меньше болтай'; *Кык көч съөрö вöтчан, ötikö он кут* 'За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь'.

4. Устойчивые сравнения

Познавая окружающий мир, каждый народ, чтобы полнее отразить сущность явлений и вещей, сравнивает их между собой. Этот способ познания действительности находит отражение в языке — в нём создаются сравнительные обороты. Удачно составленные сравнительные обороты начинают усваиваться и хранятся в памяти людей наряду с отдельными словами. По мере надобности они начинают воспроизводиться в виде готовых выражений, обозначающих то или иное понятие. Так создаются фразеологические обороты, представляющие собой устойчивые сравнения.

Устойчивые сравнения широко используются как в разговорной, так и в литературной речи и помогают нам путём уподобления одного предмета или явления другому предмету или явлению в яркой, красочной форме представить окружающую действительность. К числу устойчивых сравнений относятся, например: *синва кодь сöдз* 'очень чистый' (букв. 'чистый, как слеза'); *кань моз ветлötны* 'ходить крадучись, тихо, беззвучно' (букв. 'ходить, как кошка'); *басни ны коласын кызд тшакыль пушало* 'разговор между ними ладится' (букв. 'разговор как клубок разматывается'); *звар кодь шöма* 'очень кислый' (букв. 'кислый, как зварь'); *кызд лым юр вылö усьны* 'неожиданно появиться' (букв. 'как снег на голову упасть'); *мöс моз сёйны* 'неряшливо кушать' (букв. 'есть, как корова'); *керöс кодь ыджыт* 'очень большой' (букв. 'большой, как гора'); *тупыль моз тарöвтчыны-мунны* 'идти мелкими шагами, идти-катиться'; *кызд он вылсь саймыны* 'вдруг догадаться, становиться ясным' (кому-либо что-нибудь, букв. 'как со сна пробудиться'); *мыр моз пукавны* 'сидеть безмолвно, неподвижно' (букв. 'сидеть, как пень'); *кульöм ур кодь* 'очень худой (о человеке)' (букв. 'как ободранная белка'); *кызд майöг сулавны* 'стоять неподвижно', сравните русское: «аршин проглотить» (букв. 'стоять, как кол'); *отырыс кызд öвинö шöтöм* 'очень много народу', сравните «как селёдка в бочке» (букв. 'людей, как в овине снопы расставлены'); *лым кодь чочком* 'белоснежный' (букв. 'белый, как снег'); *йймек кодь ён* 'очень полный (человек)'.

5. Составные термины

В состав фразеологии входят и составные термины, представляющие собой неразложимые смысловые единства и обладающие точностью значения. Как правило, все они вошли в коми-пермяцкий язык из русского языка или через русский язык: *абсолютной истина, субъективной фактор, самоходной комбайн, социалистической реализм, лёгкой атлетика, штатной единица, Верховной Совет, Советской Союз, Советской Армия* и т. д.

Значительное количество составных терминов являются кальками с русского языка, т. е. буквальными переводами соответствующего русского терминологического фразеологизма: *бöрьян участок* 'избирательный участок', *порсь ферма* 'свиноводческая ферма', *вöв ферма* 'конеvodческая ферма', *мöс ферма* 'молочно-товарная ферма', *сёрни тор* 'часть речи', *чулалöм кад* 'прошедшее время', *лоан кад* 'будущее время', *шоччисян лун* 'выходной день', *Ильичлön лампочка* 'лампочка Ильича'.

Некоторые составные термины, отражающие социалистическую культуру, заимствуются из русского языка в готовом виде, без всякого изменения, например: *Академия Наук, Дом культуры, Дом отдыха, Дом Советов* и т. д.

6. Постоянные эпитеты

Некоторые развёрнутые эпитеты, если они удачно подчёркивают ту или иную сторону описываемого предмета или явления, становятся воспроизводимыми и начинают передаваться из уст в уста. Так создаются в языке постоянные эпитеты, придающие речи образность и эмоциональность, например *ягбд тусь тэ менам* 'ягодка ты моя'; *сэтёр сина нывка* 'черноглазая девушка' (букв. 'девушка с глазами смородины'); *кузь кока зонка* 'парень-бегун' (букв. 'парень с длинными ногами'); *ыджыт мыгёра морт* 'человек большого роста'; *югыт вира морт* 'человек со светлой пигментацией'; *сьёлём шог тэ менам* 'предмет моей печали ты' (букв. 'болезнь сердца ты моя').

7. Эллиптические устойчивые сочетания слов

Во фразеологическом составе коми-пермяцкого языка встречается немало выражений с эллипсами (опущением каких-либо членов). Такие обороты стали устойчивыми, по-видимому, по той причине, что благодаря своей краткости являются средствами лаконизации речи. Эллиптические сочетания имеют разнообразную грамматическую структуру.

1) сочетания форм исходного и вступительного падежей, употребляемые для обозначения временных отношений: *лунись лунё* 'изо дня в день', *годись годё* 'из года в год', *минутаись минутаё* 'из минуты в минуту'.

2) сочинительные сочетания слов: *спасибо не прощай эз висьтав* 'ничего не сказал' (букв. 'ни спасибо ни прощай не сказал'); *сия не сия* 'цены себе не знает' (букв. 'он не он'); *шогались да челядь* 'больной, что ребёнок'.

3) различные сочетания глаголов с местоимениями: *мымда эз лэдз (менё)* 'очень не хотел отпускать (меня)' (букв. 'сколько не отпускал'); *мымда баитлис* 'сколько раз говорил'; *мыйён төдан* 'как знать' (букв. 'чем знать'); *сымда и вёли* 'был таков' (букв. 'столько и было'); *сымда и адззылим* 'столько и видели'.

4) сочетание существительного с местоимениями: *толкыс мый* 'что толку', *мыйись мый* 'в случае чего'.

5) вводные сочетания слов: *не весь шуёны* 'не зря говорят'; *кыз шуёны* 'как говорят'; *веськыта висьтавны* 'прямо сказать'; *мёднёж шуны* 'иначе говоря'; *өтік кылён висьтавны* 'коротко говоря' (букв. 'одним словом говоря'); *сидзкё петё* 'следовательно' (букв. 'так-то выходит').

8. Эмоционально-экспрессивные выражения

В процессе исторического развития языка стали устойчивыми и поэтому воспроизводимыми многие выражения, имеющие эмоционально-экспрессивный характер: приветствия, пожелания, обороты, являющиеся постоянными выразителями различных эмоций, бранная лексика и т. д. Эмоционально-экспрессивные выражения являются достоянием разговорной, диалогической речи. Примеры: *Здорово тиянлё!* 'Здравствуйте!' (приветствие, букв. 'Здорово вам'); *Локтан здорово!* (ответ на приветствие, букв. 'Приходишь здорово'); *спорина тэныт, тырдоз тэныт* — благожелательное напутствие (сравните с русским: 'ни пуху ни пера') букв. 'полная посудина тебе'; *бур туй!* или *волькыт туй!* 'хорошей' или 'гладкой дороги' (благожелательное напутствие); *ен тэжёт* 'бог с тобой' (выражает предостережение, напутствие); *кытшём шум* 'что за шум' (выражение раздражения); *кляп тэныт* 'чтоб тебе пусто' (выражение раздражения); *тэ*

мый? ‘ты что?’ (выражение негодования, изумления); *вот кыз!* ‘вот как!’ (выражение досады, удивления); *мед местаам кынми* ‘чтобы я с места не сошёл’ (букв. ‘пусть я на месте застыну’), употребляется в качестве клятвы; *тартарыё тарёвты* ‘ко всем чертям катись’; *лешак пиян* ‘чертёнок’ (букв. ‘лешачонок’), употребляется в качестве бранного выражения.

9. Устойчивые гиперболы и литоты

В составе фразеологии нередко выделяются образные выражения, содержащие преувеличение (гипербола) или преуменьшение (литота) какого-либо признака описываемого явления или предмета. Гипербола и литота чаще всего встречаются в устном творчестве и разговорной речи. Приведём примеры: *чир абу, воть абу* ‘несколько нет’ (букв. ‘капли нет’); *сімём грош оз сулав* ‘ломаного гроша не стоит’ (букв. ‘ржавого гроша не стоит’); *сьёлёмё кокнятаёдз лэдзчыліс* ‘душа в пятки уходила’ (букв. ‘до пят опускалось сердце’); *сьёлёмё ёмёттям чуть эз пет, сідз повзи* ‘сердце чуть не выскочило, так испугался’ (букв. ‘сердце через рот чуть не вышло, так испугался’); *сы дырна, мымда катша майёг вылын пукалё* ‘очень быстро что-нибудь делать’ (букв. ‘столько времени, сколько сорока на коле сидит’); *кучикись петны уджавны* ‘очень усердно работать’ (букв. ‘работать, из кожи вылезая’); *ныр вылё усьтёдз уджавны* ‘работать до упаду’ (букв. ‘работать до падения на нос’); *коккес му бердас оз навкалё, сідз котёртё* ‘быстро, легко бежит’, ср. русское: ‘бежать, не чуя под собой ног’ (букв. ‘бежит так, что ноги земли не касаются’).

10. Архаические обороты речи

В процессе исторического развития языка некоторые свободные сочетания слов застывают в неизменной форме и начинают употребляться для обозначения одного понятия. Так было, по-видимому, со словосочетаниями, в которых одним из компонентов являлось слово *петны* ‘выйти’. В старину было обычным употребление словосочетаний *он петё* (букв. ‘сон выходит’), *лёг петё* (букв. ‘зло выходит’), *дыш петё* (букв. ‘лень выходит’) и т. д., так как сон, зло, лень и т. д. являлись в примитивном представлении древних проявлениями деятельности души. Если в состоянии усталости человек чувствовал, что его клонит ко сну (одолевает зевота), у него складывалось представление о том, что ‘сон выходит’ (*он петё*), лень одолевает — ‘лень выходит’ (*дыш петё*) и т. д. С течением времени эти примитивные представления забылись, а оставшиеся сочетания слов с глаголом *петны* стали устойчивыми и, таким образом, воспроизводимыми.

11. Обороты, воспроизводимость которых вызывается наличием эквивалентного заимствованного слова

В коми-пермяцком языке для передачи того или иного понятия нередко употребляются словосочетания, состоящие из слов со свободными значениями. Общее значение этих сочетаний непосредственно складывается из значений компонентов. Однако, в отличие от свободных сочетаний, они в процессе общения не создаются вновь, а воспроизводятся как готовые лексические единицы.

Подобного рода устойчивые сочетания слов очень часто создаются для передачи на коми-пермяцком языке значения какого-либо заимствованного слова. В этом случае причиной воспроизводимости выступает наличие русского эквивалента, представляющего собой чаще всего одно слово. Так, например, значение русского слова ‘дальнозоркий’ переводится сочетанием *ылё адззись* (букв. ‘далеко видящий’); ‘единомышленник’ *отвыв керись* (букв. ‘заодно делающий’); ‘болтун’ *унабаитись* ‘много говорящий’; ‘заносчивый’ *ас йылись уна думайтись* (букв. ‘о себе много думающий’); ‘передовик’ *одзынмунись*

(букв. 'впереди идущий'); 'благодетель' *бурё керись* (букв. 'хорошее делающий'); 'словообразование' *кыв аркмём* (букв. 'образование слова'); 'отличник' *медбура велётчись* (букв. 'лучше всех учащийся'); 'безнравственный' *асьсё умöля видзись* (букв. 'себя плохо держащий'); 'отстающий' *бёрё кольччись* (букв. 'позади оставшийся'); 'двуспальная кровать' *кык мортлö узьлыны тöран кровать* (букв. 'двух человек спать вмещающая кровать'); 'жатка' *вундан машина* (букв. 'жнущая машина'); 'сеялка' *көдзан машина* (букв. 'сеющая машина').

Следует сказать, что описанная выше группа фразеологизмов имеет тенденцию к сокращению. Отдельные многословные и поэтому неудобные обороты выходят из употребления, уступая место равнозначным им русским заимствованным словам, которые в своё время явились побудительной причиной возникновения данного фразеологизма.

ТИПЫ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБОРОТОВ ПО ЛЕКСИЧЕСКОМУ СОСТАВУ

По лексическому составу фразеологические единицы подразделяются на две неравные по объёму группы.

Первую, гораздо более многочисленную, составляют фразеологические обороты, куда входят слова из активной лексики коми-пермяцкого языка. Составные части таких оборотов связаны между собой по нормам современной грамматики и в других синтаксических конструкциях имеют свободное употребление. Например: *синнас оз адззы* как устойчивый оборот означает 'ненавидеть', как свободное сочетание — 'глазом не видит'; сочетание *тырпез нюжötны* как фразеологический оборот означает 'надуться, рассердиться', как свободное сочетание — 'губы вытянуть'; сочетание *синнэз гусявны* как фразеологизм означает 'ослеплять (блеском предмета)', буквально: 'глаза красть'; *öм паськалö* 'спать хочется' как свободное сочетание обозначает 'рот расширяется'; *адззыны зон* 'родить сына, не имея мужа' как свободное сочетание обозначает 'найти сына' и т. д. Свободное или связанное употребление слов активной лексики всегда видно из контекста.

Вторую группу, сравнительно немногочисленную, составляют фразеологические обороты, куда входят слова, встречающиеся только во фразеологизмах или являющиеся необычными с точки зрения современной грамматики формами. Как известно, словарный состав языка находится в непрерывном развитии. Одни слова отмирают, другие вновь возникают. Но уходящие из языка элементы не сразу исчезают бесследно. Некоторые из них как пережиточные формы сохраняются очень долго в устойчивых сочетаниях слов (в сращениях).

Фразеологические обороты, содержащие архаизмы и необычные для современного коми-пермяцкого языка формы слов, подразделяются на несколько групп.

а) обороты, в которых сохранились пережиточно слова, вне фразеологизма уже не употребляющиеся, например: *слепöй тамыш* 'плохо видящий человек' (слово *тамыш* вне данного фразеологизма не встречается. Оно известно в некоторых коми-зырянских говорах, сравните: в сыктывкарском говоре *тамыш* — 'очень близорукий'); *тöдвылын видзны* 'помнить' (слово *тöд* свободно уже не употребляется, но сохранилось в удмуртском языке в виде *тод*, что означает 'память', следовательно, коми *тöдвылын видзны* букв. обозначает 'держат в памяти'); *лыдтём пасма* 'бестолковый' (в этом фразеологизме пережиточно сохранилось слово *лыдтём* 'бессчётный'); *кынём сималö* 'есть хочется' (*сималö* в коми-пермяцком языке вне данного фразеологизма не употребляется, но встречается в удмуртском *сюманы* 'проголодаться'); *нильöп керны* 'уничтожить, сравнять' (*нильöп*, по-видимому, этимологически восходит к *нильдыны* 'скользить'); *кузь верзень* 'верзила, высокий человек' (слово *верзень* вне фразеологизма не встречается); *кыккусинь көстыны* 'согнуть в три погибели' (букв. 'в два изгиба согнуть') (слово *кусинь* известно в коми-зырянском языке в виде *кусынь* 'стиг, изгиб, складка'); *учкись моз вöйсасыны* 'пугливо озираться' (*учкись* — ласка, небольшое хищное животное из семейства куниц); *звар кодь шöма* 'очень кислый' (букв. 'кислый, как зварь'),

зварь — сусло, вскипячённое с мёдом, перцем, сухой малиной (см. В. Даль. Толковый словарь); *абыз кодь ён* ‘очень полный’ (*абыз*, сравните татарское *абыз* ‘мулла’); *зника оз сет* ‘покою не даёт’ (сравните северно-русское *зника* ‘покой, отдых’); *худоба чапкало* ‘припадки бывают (у кого-нибудь)’ (см. В. Даль. Толковый словарь: *худобище* — ‘падучая, судороги’).

б) обороты со словами, представляющими собой пережиточные грамматические формы: *синмё чеччыны* ‘взор миловать’ (форма *синмё* сохраняет звук древней основы *м* и встречается лишь в устойчивых сочетаниях); *коскё пуктыны* ‘подпоясать’ (форма *коскё* сохраняет звук древней основы *к*).

в) обороты, в которых встречаются послелого в необычном значении: *Кыв йылын бергалё, да оз вермы тёдвылё уськётны* ‘На языке вертится, но не могу вспомнить’; *Кок йылын оз ёшы* ‘На ногах не удержится’. С точки зрения современного языка в приведённых конструкциях вместо послелога *йылын* закономерен послелог *вылын* ‘на’.

г) обороты, куда входят заимствованные слова с необычными для коми-пермяцкого языка формами: *снитки виль* ‘с ниточки новый’; *сквозь землю мун* ‘проваливай’; *вакрамеш мун* ‘к чёрту уходи’ (*вакрамеш* — из русского ‘ад кромешный’); *белой день* ‘прогул’ (букв. ‘белый день’); *два не полтора* ‘ни два ни полтора’.

д) особо следует выделить фразеологизмы, заимствованные из русского языка в русской грамматической форме: *Дом Советов, Дом культуры, Дом отдыха, Академия Наук* и т. д.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБОРОТОВ

В основе лексико-семантической классификации фразеологических оборотов лежит их семантическая характеристика: характер связи значения целого оборота с прямым значением его компонентов, степень семантической слитности компонентов. Значение фразеологизма в целом обнаруживает неодинаковую связь со значением составляющих компонентов. Общий смысл одних фразеологических оборотов непосредственно связан со значением его компонентов и как бы складывается из суммы этих значений.

Значения других фразеологических оборотов переосмыслены и труднее выводимы из суммы значений компонентов.

Значения третьих совершенно не выводимы из суммы значений компонентов.

В связи с этим все фразеологические обороты можно подразделить на четыре типа:

- 1) фразеологические сращения;
- 2) фразеологические единства;
- 3) фразеологические сочетания;
- 4) фразеологические выражения.

Фразеологические сращения

Фразеологическими сращениями называют фразеологизмы, общее значение которых абсолютно не связано, не выводимо из значений его компонентов. Так, например, общее значение фразеологизма *пеллез адззыны* ‘радоваться’ не выводится из значений компонентов ‘уши видеть’. Часто во фразеологических сращениях могут встретиться устаревшие слова или пережиточные формы слов, например: *кынём сималё* ‘есть хочется’ (значение слова *сималё* с точки зрения современного языка не ясно); *синмё чеччыны* ‘взор милуют’ (форма *синмё* обнаруживает древнюю форму с основой на *м*). Во многих фразеологических сращениях отражены отжившие представления о явлениях и вещах объективной действительности. Так, например, фразеологизмы со словом *лов* ‘душа’ свидетельствуют об устаревших представлениях человека о вечной жизни души, сначала

в самом человеке, а после его смерти вне его тела. В связи с этим смерть представлялась лишь актом выхода из тела человека души: *лолыс петис* 'умер' (букв. 'душа его вышла'); *лов петкӧтны* 'присутствовать при смерти' (букв. 'помогать выходу души из тела'); *лов босьтны* 'убить' (букв. 'взять душу'); *лов пуктыны* 'отдать жизнь' (букв. 'душу положить'); *лолыс абу* 'мёртв' (букв. 'души нет'). В настоящее время в перечисленных фразеологических оборотах полностью утрачена связь общего значения с первоначальными значениями слагающих их компонентов.

Фразеологических сращений в коми-пермяцком языке сравнительно немного. Они постепенно выходят из употребления, забываются или продолжают оставаться лишь достоянием разговорного языка.

Таким образом, главной особенностью фразеологического сращения является то, что его общее значение не выводимо из значений слов — компонентов в современном состоянии языка.

Фразеологические единства

Фразеологическими единствами называются фразеологические обороты, общее значение которых связано со значением компонентов не прямо, а через посредствующее образное представление.

Главное отличие фразеологических единств от фразеологических сращений заключается в том, что их общее значение понятно. Оно выводится из значений компонентов, хотя и не прямо, а через промежуточное образное представление. Так, общее значение фразеологического единства *ёдӱз кыйны* 'дремать, клевать носом' связывается с ярким представлением 'ловить лещей' (буквальное значение фразеологизма). При этом лещи, как правило, в малых реках редко клюют, и рыболов часто дремлет. Отсюда значение 'дремать' стало общим значением фразеологического единства *ёдӱз кыйны*. Общее значение фразеологического оборота *ва ньылат кывтны* 'пассивно подчиняться текущим обстоятельствам' выводится из значений компонентов *ва ньылат* 'вниз по воде' и *кывтны* 'плыть' через промежуточное представление о предмете, плывущем по течению. Значение фразеологизма *паськӧмыс вывтас чегӧ* 'одет с иголки' (букв. 'одежда на нём ломается') может быть выведено из образного представления о хорошо выглаженной, новой и потому не измятой одежде.

Фразеологических единств в коми-пермяцком языке очень много, они исчисляются сотнями. В них отражены представления коми-пермяков о явлениях окружающего мира и их взаимосвязях.

К фразеологическим единствам относятся обороты с переносным значением (устойчивые метафорические сочетания), а также устойчивые сравнения, устойчивые эпитеты и устойчивые сочетания с опущениями (эллипсы). К ним относятся и большая часть пословиц и поговорок.

Примеры фразеологических оборотов с переносным значением: *юр суйлыны* 'совать голову'; *тӧв чужъявны* 'бездельничать' (букв. 'ветер пинать'); *ки нюжӧтны* 'помочь' (букв. 'протянуть руку'); *турун мешӧк* 'необтёсанный, неповоротливый'; *ныртӧм сизь* 'непутёвый' (букв. 'безносый дятел'); *тури голя* 'длинношей' (букв. 'шея журавля'); *кучикись петны (уджавны)* 'очень усердно, старательно (работать)' (букв. 'из кожи вылезать'); *пинь оз мӧртчы* 'очень чёрствый, не по зубам' (букв. 'зуб не входит'); *первой петухкӧт чеччыны* 'встать очень рано' (букв. 'встать с первым петухом'); *пеллез чанӧтны* 'заглушить (сильным шумом)'; *гӧгыс оз писъты* 'ничего с ним не будет' (по адресу капризных детей, букв. 'пуп не прорвётся'); *сывны местын* 'растаять (о человеке)' (букв. 'растаять на месте'); *пиннез йирны* 'зубы точить' (букв. 'зубы грызть'); *пеллез ӧшӧтны* 'прислушаться' (букв. 'уши развесить'); *юр босьтны* 'убить' (букв. 'голову взять'); *пиннез тув вылӧ ӧшӧтны* 'зубы на полку положить' (букв. 'зубы на гвоздь повесить'); *ваись кӧсӧн петны* 'из воды сухим выйти'; *пель сайӧ каттыны*

‘намотать на ус’ (букв. ‘намотать за ухо’); *сьёлём вылын каннез гыжъясьёны* ‘не спокойно на сердце’, ‘кошки скребутся на сердце’; *ёт кокыс гуяма дорас сулалё ни* ‘ему недалеко до смерти уже’ (букв. ‘одна нога его у могилы уже стоит’); *ассис карман тыртны* ‘свой карман набивать’.

Примеры устойчивых сравнений: *пистик кодь мортюк* ‘очень маленький человек’ (букв. ‘человек, как хвощ’); *руч кодь лукав* ‘очень хитрый’ (букв. ‘хитрый, как лиса’); *смоль кодь съёд* ‘очень чёрный’ (букв. ‘чёрный, как смоль’); *кыз ва ёманыс босьтёмась пукалёны* ‘сидят безмолвно’ (букв. ‘сидят точно воды в рот набрали’); *кыз пуртён орётис нылись дружбаё* ‘перестали дружить’ (букв. ‘как ножом их дружбу отрезало’); *овны, кыз виа блин сковорода вылын* ‘жить, как сыр в масле кататься’ (букв. ‘жить как масляный блин на сковороде’); *из кодь съёкыт* ‘очень тяжёлый’ (букв. ‘тяжёлый, как камень’); *кымёрён видзётны* ‘смотреть хмуро’ (букв. ‘облаком смотреть’); *гусь понён ветлётны* ‘крадучись ходить’ (букв. ‘ходить, как лукавая собака’); *кыз кий пуктис, быдёс висьталис* ‘всё правильно предсказал’ (букв. ‘точно в руку положил, всё рассказал’).

Примеры устойчивых эпитетов: *югыт вира морт* ‘человек со светлой пигментацией’, *сьёд вира морт* ‘человек с тёмной пигментацией’, *учёт мыгёра зонка* ‘низкорослый мальчик’, *кокнит мывкыда нывка* ‘легкомысленная девушка’.

Примеры фразеологических оборотов с опущениями: *мыйись мый* ‘в случае чего’, *мыйись вермыны* ‘изо всех сил’, *лунись лун* ‘ежедневно, изо дня в день’, *кадись кадё* ‘время от времени’, *кытчё тэ* ‘куда там’, *мун-ко тэ* ‘ишь ты’ (букв. ‘поди-ка ты’).

Таким образом, главная особенность фразеологического единства состоит в том, что его общее значение выводимо из значения компонентов, но эта выводимость не прямая, а опосредованная (через образное представление, на основе которого возникло переносное значение компонентов).

Фразеологические сочетания

Фразеологическими сочетаниями называются такие фразеологизмы, в которых имеются компоненты как со свободным употреблением, так и со связанным. Обычно фразеологические сочетания состоят из двух слов, одно из которых употребляется в переносном значении, чем и осложняет выводимость общего значения. Возьмём, например, фразеологизм *кыз он* ‘глубокий сон’ (букв. ‘толстый сон’). В этом обороте слово *он* ‘сон’ употребляется в прямом значении и в данном значении оно может сочетаться с другими прилагательными: *интересной он* ‘интересный сон’, *съёкыт он* ‘тяжёлый сон’, *умаль он* ‘плохой сон’ и т. д. Слово же *кыз* ‘толстый’ в рассматриваемом сочетании употреблено в необычном значении (в смысле ‘глубокий’) и, таким образом, как бы прикреплено к слову *он*, т. е. несвободно в своём употреблении.

К этому же типу фразеологических оборотов относятся: *кыз работа* ‘основная часть работы’ (букв. ‘толстая работа’); *кыз голос* ‘бас, низкий голос’ (букв. ‘толстый голос’); *кузь лун* ‘целый день’ (букв. ‘длинный день’); *кузь гожум* ‘целое лето’ (букв. ‘длинное лето’); *кыв сетны* ‘дать слово’; *шы сетны* ‘откликнуться’ (букв. ‘звук дать’); *стыд тёттём* ‘бесстыдный’ (букв. ‘незнающий стыда’); *честь тёттём* ‘неблагодарный’ (букв. ‘незнающий чести’); *сиу сайын баитны* ‘говорить за глаза’; *асьё умёля видзё* ‘плохо ведёт себя’ (букв. ‘себя плохо держит’); *аслыс баитны* ‘бредить’ (букв. ‘себе говорить’); *тшакыльён-тшакыльён петны* ‘клубиться’ (букв. ‘клубком-клубком выходить’); *быдса нывка* ‘взрослая девушка’ (букв. ‘целая девушка’); *бёрын муниё* ‘отстающий’ (букв. ‘сзади идущий’); *нем туйё пуктыны* ‘недооценивать кого-либо’ (букв. ‘вместо ничто ставить’); *кок пиньётны* ‘вывихнуть ногу’ (букв. ‘ногу загнуть’); *запон пуктыны* ‘надеть фартук’ (букв. ‘фартук положить’); *кага вайны* ‘родить ребёнка’ (букв. ‘ребёнка принести’); *деньга берётны* ‘удержать деньги за что-нибудь’; *тальсьыны ётик местын* ‘топтаться на одном месте’; *нимлун порйётны* ‘отметить день рождения’.

(букв. 'именины проводить'); шум керны 'поднять скандал'; весь овны 'бездельничать' (букв. 'зря жить').

К фразеологическим же сочетаниям следует отнести сочетания слов с изобразительными словами — изобразительные фразеологизмы: *тон-тон кынмыны* 'сильно замёрзнуть'; *сульк пымавыны* 'сильно вспотеть'; *ышки-пойки чушыктыны* 'тяжело дышать'; *му-му керлыны* 'мычать'; *зэрк сёйны* 'переесть'. В изобразительных фразеологизмах, как правило, слова употребляются в обычном значении: изобразительная часть воспроизводит, насколько позволяет артикуляционная база, слышимое природное звучание или изображает с помощью слов движение, состояние, признак предмета, она не свободна в употреблении и прикрепляется чаще всего к глаголу. Неизобразительная же часть никогда не переосмысливается. В целом общее значение изобразительного фразеологизма очень легко выводимо из суммы значений компонентов. Так, значение *чив-чив сывны* 'чирикать' складывается из *сывны* 'петь' и звукового воспроизведения чирикания воробья *чив-чив*.

Таким образом, специфика фразеологических сочетаний состоит в том, что их общее значение тесно связано с суммой значений компонентов, но выводимость этого значения в той или иной степени осложнена необычным употреблением одного из компонентов.

Фразеологические выражения

Фразеологическими выражениями называются такие устойчивые сочетания, которые состоят только из слов со свободным употреблением и в которых общее значение прямо вытекает из значений компонентов.

От синтаксических свободных сочетаний фразеологические выражения отличаются тем, что в процессе общения они не создаются в каждый данный момент, а воспроизводятся из памяти в качестве готовых, ранее усвоенных лексических единиц.

К фразеологическим выражениям относятся некоторые пословицы и поговорки, крылатые выражения, а также составные термины: *унажык уджав, етшажык оишась* 'больше работай, меньше хвались'; *өтік балалысь кык кучик оз кульлө* 'с одного вола семь шкур не снимают' (букв. 'с одной овцы семь шкур не снимают'); *киссьём васё он курав* 'что с возу упало, то пропало'; *Советской Союз, Коммунистической партия, семилетний план, устной творчество, вурсян машина* 'швейная машина', *көдзан машина* 'сеялка', *төлөтчан машина* 'веялка', *социалистической соревнованне, самоходной комбайн* 'самоходный комбайн', *йёла сёян* 'молочная пища'.

Сюда же относятся и обороты, возникшие для передачи значений заимствованных слов типа *одзын муись* 'передовик', *вундан машина* 'жнейка' и т. д.

ТИПЫ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБОРОТОВ ПО СТРУКТУРЕ

По своей грамматической структуре фразеологические обороты подразделяются на две группы: 1) фразеологические обороты, выступающие в форме предложений; 2) фразеологические обороты, представляющие собой словосочетания.

К фразеологическим оборотам первой группы относятся: *лөг петё* 'зло берёт' (букв. 'зло выходит'); *сьёлём оз кыскы* 'душа не лежит' (букв. 'сердце не тянет'); *сёныс потис* 'терпенье лопнуло' (букв. 'жёлчный пузырь лопнул'); *бёжыс нятьёсь* 'рыльце в пуху' (букв. 'хвост в грязи'); *ачыс ыджыт и учёт* 'сам хозяин' (букв. 'сам он большой и маленький'); *битёг тшын оз овлы* 'дыма без огня не бывает'; *киэт разь лудёны* 'руки твои разве чешутся'; *мый лоас ло* 'была не была' (букв. 'что будет будь'); *синнэзись би чеччё* 'глаза искры мечут' (букв. 'из глаз огонь встаёт'); *ййыс гиялө* 'от жиру бесится' (букв. 'мясо щекоchetся'); *кыв оз тёр (кинлөкө)* 'не слушается' (букв. 'слово не влезает'); *сьёлём гудрасьё* 'мутит, тошнит' (букв. 'сердце мутится'); *горшыс веськалис* 'напился,

утолил жажду' (букв. 'горло выпрямилось'); *пиннез йөрмисё* 'набил оскомину' (букв. 'зубы попали в изгородь'); *сьёлём местаын оз ёшшы* 'сердце очень беспокоится' (букв. 'сердце на месте не удержится').

Как видно из примеров, фразеологические обороты этого типа чаще всего встречаются в форме простого предложения. Это объясняется тем, что коми-пермяцкий язык вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции оставался разговорно-бытовым.

Фразеологические обороты, совпадающие по грамматической структуре со сложным предложением, как правило, недавнего происхождения. Большинство из них представляет собой кальки русских пословиц и поговорок.

Среди фразеологических оборотов, сходных по структуре со сложным предложением, выделяются следующие типы:

1) фразеологические обороты, выступающие в форме сложносочинённого предложения: *Эн лэдз ворёс додь дынё, а кулакёс — колхоз дынё* 'Не пускай вора к возу, а кулака — к колхозу'; *Кык смертьлө не вёвны, а отікись нем повны* 'Двум смертям не бывать, а одной не миновать'.

2) фразеологические обороты, выступающие в форме сложноподчинённого предложения: *Кыт вёсни, сэт и орё* 'Где тонко, там и рвётся'; *Кытчө емыс, сэтчө и сунисыс* 'Где голова, там и хвост' (букв. 'Куда игла, туда и нитка'); *Көр лыыс усё, сэк и лиась* 'Куй железо, пока горячо' (букв. 'Когда сок течёт, тогда и собирай его').

3) фразеологические обороты, выступающие в форме бессоюзных сложных конструкций: *Ылөжык пуктан — матісьжык босьтан* 'Дальше положишь — ближе возьмёшь'; *Кык көч сьөрё вётчан, отікө он кут* 'За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь'; *Пёртчин грибё — пыр зобняё* 'Назвался грибом — полезай в кузов'; *Мусё бура уджалан, бур урожай дзимлялан* 'Землю хорошо обрабатываешь, хороший урожай соберёшь'; *Пиньёла пу он веськөт, лөг мортёс он рамсьот* 'Горбатого могила исправит' (букв. 'Кривое дерево не выпрямишь, злого человека не раздобришь').

Особо стоят фразеологические обороты, выступающие в форме придаточных предложений с союзами *кыдз* 'как' и *көть* 'хоть': *көть синмё чурскы — немыт* 'очень темно' (букв. 'хоть в глаз ткни — темно'); *көть мый кер* 'положение безвыходное' (букв. 'хоть что делай'); *көть юр вылас майёг лёсийы* 'хоть кол теши на голове'; *көть пруд прудит* 'хоть пруд пруди'; *кыдз кульём ур* 'очень худой человек' — имеет отрицательный смысл (букв. 'как ободранная белка'); *кыдз селёдкаэз бочкаын* 'как селёдки в бочке'; *көть росён чышкы* 'пусто, например, в амбаре, хоть шаром покати' (букв. 'хоть метлой мети'); *кыдз юр вылө лым усис* 'как снег на голову'; *көть зырөн зырт (ягёдсё)* 'очень много ягод' (букв. 'хоть лопатой гребь'); *көть юр орёт (ог кер)* 'ни за что (не сделаю)' (букв. 'хоть голову отрежь (не сделаю)' — об упрямом человеке).

Являясь по структурным особенностям предложением, не все фразеологические обороты этой группы выражают законченную мысль.

Одни из них выражают законченную мысль и в речи употребляются самостоятельно или входят в сложное предложение в качестве составной его части, например: *мый лоас ло* 'была не была' (букв. 'что будет будь'); *битёг тшыын оз овлы* 'нет дыма без огня'; *кышёнён сувтё юрси* 'волосы дыбом встают'; *көдзыт ваён вывтыр кузя кисьтё* 'дрожь по телу пробегает'; *вёв нель кока и то джёмдалё* 'конь о четырёх ногах и то спотыкается'.

Другие фразеологические обороты могут выражать лишь одно понятие и выступают в качестве членов предложения, например: *сьёлём гудрасё* по смыслу равняется *недолыт* 'не по себе' (букв. 'сердце мутится'); *лөгыс нетё — лөгалё* 'сердится' (букв. 'зло выходит'); *шы оз сет — чөлё* 'молчит' (букв. 'звука не подаёт'); *мыччавны ошнямыррез — вартлыны* 'избить'; *стыд төдтём — стыдтём* 'бесстыдный'; *төдвылын видзны — помнитны* 'помнить'.

Фразеологические обороты, совпадающие по структуре со словосочетанием, представлены в коми-пермяцком языке весьма богато. Они могут быть подразделены на следующие подгруппы:

1) фразеологические обороты, состоящие из сочетания прилагательного с существительным: *веськыт ки* 'правая рука' (букв. 'прямая рука'); *кузь лун* 'целый день' (букв. 'длинный день'); *сюра мӧс* 'неуживчивый человек' (букв. 'рогатая корова'); *кын курӧг* 'непутёвый, непрактичный' (букв. 'мёрзлая курица'); *юртӧм петух* 'беспамятный' (букв. 'безголовый петух'); *дыш кучик* 'лодырь' (букв. 'ленивая шкура'); *пельтӧм Еким* 'глухая тетеря' (букв. 'безухий Яким'); *ныртӧм сизь* 'непутёвый' (букв. 'безносый дятел'); *сьӧд чуман* 'грязнуля' (букв. 'чёрная берестяная коробка'); *осьта ѓм* 'болтун, ротозей'.

2) фразеологические обороты, представляющие собой сочетание двух прилагательных, из которых первое — качественное прилагательное, второе — относительное с суффиксом *-а*: *паськыт ѓма* 'болтливый, громко говорящий' (букв. 'имеющий широкий рот'); *кокнит мывкыда* 'легкомысленный', *ыджыт мыгӧра* 'рослый, большого роста'; *кузь киа* 'склонный к воровству' (букв. 'с длинной рукой'); *кузь кока* 'бегун, способный быстро бегать' (букв. 'с длинной ногой'); *кокнит киа* (1) 'с лёгкой рукой' (букв. 'счастлиное начало'); (2) 'с лёгкой рукой' — о человеке, у которого рука легко поднимается на хулиганство; *кузь кыла* 'болтун, сплетник' (букв. 'с длинным языком'); *пым вира* 'энергичный' (букв. 'имеющий горячую кровь'); *югыт сьӧлӧма* 'чистосердечный' (букв. 'имеющий светлое сердце'); *кузь проглаза* 'протяжная (песня)'; *ош мыгӧра* 'богатырского телосложения' (букв. 'медвежьего роста').

3) фразеологические обороты, состоящие из сочетания глагола с именем существительным (с послелогом или без него): *туризз лыддъыны* 'бездельничать' (букв. 'журавлей считать'); *пельбокӧ сӧтны* 'дать по уху'; *чуньӧн вӧрзьӧтны* 'пальцем тронуть'; *горш тыртны* 'горло наполнять (о жадном человеке)'; *тӧв чужсьявны* 'лодыря гонять' (букв. 'ветер пинать'); *юр суйны* 'голову совать'; *юр ӧшӧтны* 'голову повесить'; *тараканнӧз тысавлыны* 'бездельничать' (букв. 'тараканов на нитку надевать'); *лӧшшезӧн вердны* 'избить, дать по уху' (букв. 'лещами накормить'); *ѓмӧн уджавны* 'болтать, работать языком' (букв. 'ртом работать'); *ѓм тупкыны* 'заставить замолчать' (букв. 'рот закупорить'); *бӧж вылӧ тальччыны* 'наступить на хвост'; *син вылӧ усьны* 'бросаться в глаза'; *синкыммез увтӧт видзӧтны* 'смотреть исподлобья' (букв. 'смотреть из-под бровей').

4) фразеологические обороты, состоящие из сочетания глагола с местоимением: *асьсӧ чегӧ* 'ломается' (букв. 'себя ломает'); *асьсӧ вышитӧ* 'задаётся' (букв. 'себя выставляет'); *асьсӧ оз тӧд* 'очень высоко себя ставит' (букв. 'себя не знает'); *астӧг гӧтравны* 'без меня меня женить'; *асланьӧ кӧстыны* 'настаивать на своём' (букв. 'на свою сторону гнёт'); *ас вылат видзӧт* 'на себя посмотри, будь самокритичным'; *аслыс навкис* 'самому попало'; *аслыс баитны*, 'бредить'.

Осложнённым видом этого типа фразеологических оборотов являются: *ыджытжыкӧ асьсӧ пуктыны* 'считать себя выше всех' (букв. 'в старшие себя класть'); *босьтны асьтӧ киӧ* 'взять себя в руки'; *аслыс не рад (лоис)* 'сам себе не рад (стал)'; *асьсӧ умӧля видзны* 'плохо вести себя'; *ас йылӧсь уна думайтны* 'много думать о себе'.

5) фразеологические обороты, представляющие собой сочетание глагола с наречием: *юрӧн овны* 'иметь голову на плечах' (букв. 'жить с головой'); *ньӧвьӧсьӧн котӧртны* 'промчаться стрелой'; *ныргорӧн усьны* 'спать с храпом' (букв. 'спать со звучанием носа'); *кышӧпӧн сувтны (юрсилӧ)* 'встать дыбом (о волосах, шерсти)'; *ульӧн сӧйны* 'живьём съесть' (букв. 'сырым съесть'); *насмех керны* 'сделать плохо, назло' (букв. 'насмех сделать'); *насмех лэбтыны* 'поднять насмех'; *насмех босьтны* 'поднять насмех' (букв. 'насмех взять'); *сорти-кості тэчны* 'класть, ставить что-нибудь вперемешку'; *весь овны* 'бездельничать' (букв. 'зря, даром жить'); *гатши пӧрны* 'удивиться' (букв. 'навзничь упасть'); *насмех видзны* 'издеваться, насмехаться'; *шучкӧн мунны* 'проваливать' (букв. 'сквозь идти').

6) фразеологические обороты, состоящие из сочетания причастия с именем существительным: *бырём вешьян* 'оборвыш, оборванец' (букв. 'разорванные штаны'); *гөжём рака* 'мокрая курица' (букв. 'замёрзшая ворона'); *тёртём мөс* 'неуживчивый человек' (букв. 'невмещающая корова'); *измём сьёлём* 'каменное сердце' (букв. 'окаменевшее сердце'); *ёрдём коска* 'проклятый' (букв. 'проклятая кость'); *мисьтём чужём* 'неряха' (букв. 'неумытое лицо'); *пашмём юр* 'неаккуратно причёсанный' (букв. 'растрёпанная голова').

7) фразеологические обороты, состоящие из сочетания двух существительных в форме именительного падежа, из которых первый употребляется в определительном значении: *капуста гаг* 'любитель покушать капусту' (букв. 'капустный червь'); *вина гаг* 'любитель выпить' (букв. 'винный червь'); *курёг сьёлём* 'трусливый' (букв. 'куриное сердце'); *зырым бедь* (ругательное) 'молокосос', 'от горшка два вершка' (букв. 'сопельная палка'); *тури голя* 'длинношей человек' (букв. 'журавль шея'); *турун мешёк* 'неуклюжий' (букв. 'сено мешок'); *тшын мороз* 'трескучий мороз' (букв. 'дым мороз'); *чёрс кок* 'тонконогий' (букв. 'веретено нога'); *каб юр* 'большеголовый' (букв. 'колодка для плетения лаптей – голова'); *чер петух* 'отчаянный' (букв. 'топор петух').

8) фразеологические обороты, состоящие из сочетания имени существительного в исходном падеже с существительным во вступительном падеже: *годись годё* 'из года в год, каждый год'; *неделяись неделяё* 'из недели в неделю, в каждую неделю'; *лунись лунё* 'изо дня в день, каждый день'; *минутаись минутаё* 'из минуты в минуту'; *кадись кадё* 'время от времени'; *кокись кокё* 'нога в ногу'; *кииись киё* 'рука в руку (взяться)'; *местаись местаё* 'с одного места на другое (перейти)'; *керкуись керкуё* 'из одного дома в другой'.

9) фразеологические обороты, представляющие собой сочетание изобразительного слова с глаголом: *чурс сьёвзыны* 'звучно плюнуть'; *марс-марс сёйны* 'есть с хрустом'; *пурк лэбзыны* 'вспорхнуть'; *чирк озтыны* 'чиркнуть спичку'; *гёрд видзыны* 'краснеть'; *дзурк осьтны* 'открыть со скрипом'; *тшек чеччөвтны* 'легко прыгнуть (напр., о воробье)'; *скок-скок чеччавны* 'скакать'; *шай-пай лоны* 'растеряться'.

10) фразеологические обороты, состоящие из сочетания изобразительного слова с прилагательным: *тон-тон кын* 'очень мёрзлый'; *дрин пёт* 'предельно сыт'; *люзь ва* 'насквозь мокрый'.

Особое место по структуре занимают конструкции с союзом *не*, который имеет сочинительное значение: *шы не төв* 'тишина' (букв. 'ни звука ни ветра'); *сун не бан оз тыдав* 'ни зги не видно' (букв. 'ни глаза ни лица не видно'); *кулём не ловья* 'ни жив ни мёртв'; *не öтыс не мөдыс* 'ни тот ни другой' (букв. 'ни один ни второй'); *не уна не етша* 'ни много ни мало'; *не ойён не лунён* 'ни ночью ни днём'; *не кокён не киён* 'ни ногой ни рукой'; *көр не көр* 'когда-нибудь' (букв. 'когда никогда'); *спасибо не прощай эз висьтав* 'ничего не сказал (о неблагодарном человеке)' (букв. 'ни спасибо ни прощай не сказал').

Выделяются по структуре и фразеологические обороты, представляющие собой конструкции со сравнительными послелогоми *кодь*, *моз*, *кузя* и др., например: *чунь кузя мыгёрнас* 'ростом с палец'; *звар кодь шёма* 'очень кислый' (букв. 'кислый, как зварь'); *идзас кольта кодь кокнит* 'очень лёгкий' (букв. 'лёгкий, как сноп соломы'); *мөс моз ветлётны* 'ходить небрежно' (букв. 'ходить, как корова'); *быднёж вежмасьны* 'повсякому представляться'; *учкись моз вöйсасьны* 'пугливо озираться'; *ош моз уджавны* 'хорошо работать, работать, не жалея сил' (букв. 'работать, как медведь'); *яймек кодь ён* 'очень полный (о человеке)'; *лым кодь чочком* 'белоснежный' (букв. 'белый, как снег').

СОСТАВ ФРАЗЕОЛОГИИ С ИСТОРИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

С исторической точки зрения фразеологические обороты, подобно словам, подразделяются на исконно коми-пермяцкие и заимствованные.

Исконно коми-пермяцкие фразеологические обороты имеют главным образом бытовой характер. Значительная часть из них сформировалась ещё в дописьменный

период. По времени возникновения их можно подразделить на общепермские, общекоми и собственно коми-пермяцкие.

Труднее всего выявить общепермский фразеологический фонд, так как фразеология пермских языков в сравнительном плане ещё не изучалась. По всей вероятности, общепермских фразеологизмов не так уж много. Следующие фразеологические обороты являются, по-видимому, очень древними, так как встречаются и в коми-пермяцком и в удмуртском языках: *кык ош öтiк ямаö оз тöрö* (ср. удм. *кык гондыр одiг гуэ уз тэры*) 'два медведя в одной берлоге не уживутся'; *юр кышöт* (ср. удм. *йыр кышет*) 'головной платок'; *он петö* (ср. удм. *ум потэ*) 'спать хочется'; *лов петны* (ср. удм. *луд потыны*) 'умереть'; *лэчыт синма* (ср. удм. *лэчыт синмо*) 'хорошо видящий, дальновидный'; *киись киö* (удм. *кыись кизэ*) 'из рук в руки'; *öмись öмö* (удм. *ымысь ымэ*) 'из уст в уста'.

Значительно большее количество фразеологических оборотов является общим как для коми-зырянского, так и для коми-пермяцкого языков. Приведём некоторые из них³: *горш косьмö* 'пить хочется'; *горш веськöтны* (зыр. *горш веськöдны*) 'утолить жажду'; *гозъя коласö пырны* (зыр. *гозъя костö пырны*) 'расстраивать семейную жизнь'; *сьöлöм оз кыскы* 'душа не лежит'; *нять суктыны* 'грязь месить'; *пиннез пыр кыввез сöдзöтны* (зыр. *пинь пырыс сöдзöдö кывъяссö*) 'сквозь зубы слова процеживать'; *паськыт öма* (зыр. *паськыд вома*) 'много говорящий, не умеющий держать язык за зубами'; *пеллез чаналисö* (ср. зыр. *пель чунавны*) 'оглох на время от резкого шума' (букв. 'уши звоном наполнились'); *синваöн миссьыны* 'слезами умываться'; *юрпöв петалö* 'в висках стучит'; *дыш мортлөн узьöмас и олöмыс* 'ленивого жизнь заключается в сне'; *ойтöв кыскöм* 'судороги' (ср. зыр. *войтöв кыскöм*); *нинсö куль, көр сiя кульсьö* 'куй железо, пока горячо' (ср. зыр. *нинтö куль, көр сiйö кульсьö*); *киэс сьлөн лудöны* 'руки у него чешутся' (ср. зыр. *кыис сьлөн лудö*); *асьсö оз тöд* 'не знает себе цены'; *гöгыс оз ни письты* 'пуп уже не прорвётся' (ср. зыр. *гöгыс оз нин письты*); *ньöвьёсьöн мунiс* 'стрелой промчался' (ср. зыр. *ньöв моз мунiс*); *нянь-сов тiянлö* 'хлеб-соль вам' (ср. зыр. *нянь да сов тiянлы*); *пуыс басöк, да сьöлöмöсыс сiсь* 'снаружи мило, да внутри гнило' (ср. зыр. *пуыс мича, да сьöвмöсыс сiсь*).

Много фразеологических оборотов возникло в последний период и является, по-видимому, собственно коми-пермяцким фразеологическим фондом⁴. Примеры: *туриэз лыддьыны* 'ворон считать' (букв. 'журавлей считать'); *тараканнэз пысавлыны* 'бездельничать' (букв. 'тараканов на нитку надевать'); *веськыт идзас вылöt ыскöвтöтны* 'обвести вокруг пальца' (букв. 'по прямой соломинке прокатить'); *пыстöм емöн вурсьыны* 'обманывать' (букв. 'иглой без ушка шить'); *тури голя* 'длинношей' (букв. 'журавлиная шея'); *нёштöм куль* 'безобразный' (букв. 'некрасивый чертёнок'); *рам ручыс личкö* 'сон одолевает' (букв. 'добрая лиса давит'); *Тикöныс голя вылас вожасис* 'устал' (букв. 'Тихон на шею сел'); *ад летны* 'неистово кричать' (букв. 'хайло драть'); *кын курöг* 'мокрая курица' (букв. 'мёрзлая курица'); *кумач вузавны* 'краснеть' (букв. 'кумач продавать'); *синнэз гусявны* 'ослеплять' (букв. 'глаза красть'); *ныртöм сизь* 'непутёвый' (букв. 'безносый дятел'); *ки долонь вылö кызд пуктiс* 'всё сбылось' (букв. 'как на ладонь всё положило'); *одзас не бöрас оз видзöт* 'поступает необдуманно' (букв. 'ни вперёд ни назад не посмотрит'); *тусь масьтыны* 'сыпать мелкой дробью (плясать)' (букв. 'крупу толочь'); *нырöн тюкöтны* 'носом ткнуть' (букв. 'носом заставить макнуть'); *сийöсыс гатш кыскö* 'лень одолевает' (букв. 'хомут назад тянет'); *шöма пель* 'плохо слышащий' (букв. 'кислое ухо'); *куим шондi оз пет (кинлökö)* 'не будет лучше (кому-либо)' (букв. 'три солнца не выйдет'); *юрсыыс кышöпöн сувтiс* 'испугался' (букв. 'волосы дыбом встали'); *рожжа кульны* 'позорить' (букв. 'лицо драть'); *весь висьтавны* 'оклеветать' (букв. 'зря насказать'); *тыр висьтавны* 'ни пуху ни пера желать' (букв. 'полно предсказать'); *кöс*

³ Фразеологические обороты коми-зырянского языка приводятся из «Краткого коми-русского фразеологического словаря», составленного И. И. Тарабукиным. Коми книжное издательство, 1959.

⁴ Их нет в кратком коми-русском фразеологическом словаре И. И. Тарабукина.

керны 'опустошить, ограбить' (букв. 'сухо сделать'); *юр шуикö* 'голова кружится' (букв. 'голову бросает'); *ончир эз кер* 'ни на минуту не заснул' (букв. 'ни малейшей частицы сна не сделал'); *мөдөрö кöстыны* 'в другую сторону гнуть'; *лешакыс кыскалö* 'чёрт носит' (букв. 'леший таскает'); *кляп тэныт* 'чтоб тебе пусто' (букв. 'кляп тебе'); *охота лoис* 'захотелось' (букв. 'охота стало'); *куш вир* 'весь в крови' (букв. 'голая кровь'); *кузь рыт* 'весь вечер' (букв. 'длинный вечер'); *менö эн каттыы* 'меня не впутывай' (букв. 'меня не заворачивай'); *бöжөн öтмөдөрö öвтны* 'вертеть хвостом' (букв. 'хвостом в разные стороны махать'); *басныыс сы сьöртi* 'разговор ему нравится' (букв. 'разговор по нему'); *мыла оз судз* 'силы не хватает'; *вир кустöдз лöгасьны* 'сильно рассердиться' (букв. 'до угасания крови рассердиться'); *чер петух* 'задира, драчун' (букв. 'топор петух'); *ад летны* 'кричать' (букв. 'хайло драть'); *пыжтöг вуджöтны* 'обмануть' (букв. 'без лодки перевезти'); *юр пиньöвтны* 'в сторону улизнуть' (букв. 'голову искривить'); *сьöлöмö потiс* 'сильно испугался' (букв. 'сердце лопнуло'); *заодно керны* 'быть единомышленником'; *смехыт медбы мөдөрö эз пет* 'смеётся тот, кто смеётся последний' (букв. 'чтобы смех твой в другую сторону не повернулся'); *лöгсö öштныны* (*кинкö вылö*) 'злость перевести (на кого-либо)'; *кок пятаэз нювны* 'подлизываться' (букв. 'пятки лизать'); *нетыр мывкыда* 'полоумный'; *жöник сайö* (*петны*) 'выйти замуж'; *син вылiсь öштныны* 'потерять из поля зрения'; *уджын мылькiён кайны* 'быть усердным в работе' (букв. 'в работе холмиком подниматься'); *кымöсö некин нöшöн оз вачкы* 'никто по лбу не даст' (букв. 'в лоб никто колотушкой не ударит'); *мыйöн петны мöдан* (*мыйись-нибудь*) 'чем оправдываться будешь' (букв. 'чем выходить будешь'). Фразеология коми-пермяцкого языка, как и словарный состав языка в целом, непрерывно развивается. Это развитие идёт прежде всего по линии обновления фразеологического состава новыми оборотами, возникающими в связи с происходящими изменениями в жизни коми-пермяцкого народа. Кроме того, фразеологические обороты, обозначающие устаревшие или устаревающие понятия, явления, постепенно уходят из активного запаса и в конце концов вовсе забываются. К числу устаревших или устаревающих фразеологических оборотов относятся такие, которые обозначают отжившие представления о вещах и явлениях окружающего мира. Например: *пернапассэз тэчны* 'креститься' (букв. 'кресты класть'), *лов петны* 'умереть', *лов пöдтö* 'одышка мучает'.

Как правило, новых фразеологических оборотов появляется больше, чем уходит из языка устаревших или устаревающих. В этом обнаруживается прогрессивное развитие языка в целом. За годы советской власти фразеологический состав коми-пермяцкого языка пополнился значительным количеством фразеологизмов, отражающих коренные изменения в экономической и культурной жизни коми-пермяков. Приведём некоторые из них: *Советскöй Союз*, *Верховнöй Совет*, *Ильичлөн лампочка*, *художественнöй самодетельность*, *босьтны учёт вылö* 'взять на учёт', *сувтöтны план* 'составить план', *чулöтны беседа* 'провести беседу', *подьёмнöй кран*, *шагающöй экскаватор*, *шоччисян дун* 'выходной день', *малöй комплекснöй бригада*, *поточно-комплекснöй бригада*, *сплавнöй рейд*, *Дом отдыха*, *Дом культуры*, *бöрьян участок* 'избирательный участок', *пыртны оланö* 'претворить в жизнь', *тыртны план* 'выполнить план', *видзны курс* 'держат курс', *почётнöй грамота*, *сувтöтны задача* 'поставить задачу' *комсомольско-молодёжнöй бригада*, *коммунистическöй удж бригада* 'бригада коммунистического труда', *драматическöй театр*, *педагогическöй училище*, *лекторскöй группа*.

Как видно из приведённых примеров, большая часть новых фразеологических оборотов представляет собой заимствования из русского языка. Таким образом, фразеология коми-пермяцкого языка, как и словарный состав, развивается под серьёзным влиянием русского языка, являющегося вторым родным языком для коми-пермяцкого народа. Став в значительной степени двуязычными, коми-пермяки легко усваивают новые слова и фразеологические обороты из русского языка и вносят их в свой язык.

ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗАЫН ФРАЗЕОЛОГИЯ ИСПОЛЬЗУЙТОМ ЙЫЛІСЬ *

Быд кылын, кытшом бы сія эз вөв, богатой либо бедной, развитой либо нежык развитой, эмось кыв сочетаннээз, кодна быдсон усваивайтсьоны и видзсьоны памятьын кызд готовой кыв единицаз. Сэтшом кыв сочетаннээсö шуоны устойчивойезон, либо фразеологической обороттэзон. Нія баитікө босьтсьоны памятись быдсон и пыртсьоны миян сёрниö готовойезон быд колан моментö. Например, фразеологической оборот *пеллез адззыны* видзсьö миян памятьын сідз жö, кызд эта жö значеннёа кыв *радуйтчыны*. Баитікө сія пыртсьö сёрниö кызд готовой кыв единица сідз жö, кызд оз составляйтсьы торья морфемаззісь любöй кыв.

Сідз кызд фразеологической обороттэз пыртсьоны миян сёрниö быдсон, торья кыввез моз, нія видзöны кыв понда ыджыт значеннё, богатсьöтöны и быдкодьсьöтöны сылїсь словарной составсö.

Öддьонжыксö фразеологической обороттэс донаöсь кылыс понда сійон, что нія самобытнйось и нылön эм бура тыдалан национальной характер. Ныын мыччассьö думаэсö выражайтöмын своеобразиес, мыччассьö, кызд öтїк и сія жö мысль быдкодь народдэзлön ас мознас сетсьö кыв средствоззон. Этаянь фразеологической обороттэс буквальнöя озö вуджötсьö мöдїк кыввез вылö. Медбы мыччавны фразеологической обороттэзлїсь значеннёнысö, например, роч кыв вылын, колö адззыны роч кылїсь эквивалентной фразеологической оборот, например: *яйыс гилялö* (кинлönкö) приблизительно соответствуйтö роч кылїсь фразеологизмлö *от жиру бесится*; *сылön максимкас мунöмась тшакъявны* — *у него не все дома*; *волькыт идзас вылöt ыскöвтötны* — *обвести вокруг пальца*; *пиннез тув вылö öшötны* — *зубы на полку положить* и сідз одзлань.

Сэк жö, көр вуджötікö эквивалентной оборот роч кылїсь оз адззись, колö фразеологической оборотлїсь смыслсö сетны описательнöя, приблизительно вуджötöмön. Но эта коста öшö сія выразительностьыс, кодö сетö фразеологической оборотыс родной кылас. Сідз, например, коми-пермяцкой *кык пельшы оз кыв* позьö вуджötны роч кыв вылö простой синтаксической сочетаннёон *ничего не слышно*.

Фразеологической обороттэслön вылын мыччалом признакес керöны нійö öддьон вына, басöк, образной изобразительно-выразительной средствоон художественной литературыын. Поэттэз и писателлез кужöмön нійö используйтöны асланыс художественной произведеннёзын и этон ёна бурсьöтöны нылїсь кывсö, содтöны сылїсь выразительной вынсö, керöны сійö сэтшом богатойон да образнойон, что лыддьötісьыс кызд бы нагляднöя адззö одзас и кылö пеллезнас, мый йылїсь произведеннёас гижсьö.

Асланым неыджыт статьяын мийö первуись мöдам мыччавны, кытшом значеннё видзöны коми-пермяцкой художественной прозаын фразеологической обороттэз, пословицаз да поговорказ, а сідзжö парной кыввез.

М. П. Лихачёв, С. Можаяев, Л. Нилогов, В. Климов, В. Боталов и мöдїк прозаиккес паськыта используйтöны нійö асланыс произведеннёзын.

Медыджыт прозаической произведеннёз гижис коми-пермяцкой литературалön основоположник М. П. Лихачёв. Этаянь медперво мийö и сувтчам сы произведеннёз вылын. Перво кажитчö, что фразеологической обороттэс сы произведеннёзын вывті ни уна. Но лыддьötан кө Лихачёвöс думайтöмön, то казялан, что М. П. Лихачёв эз думайт натодиль керны кывсö напыщеннойон, эз сүй, кытчö колö и оз ков, изобразительной

* Иньва. Литературно-художественной сборник. Кудымкар. 1961. С. 113–116. Статья на коми-пермяцком языке.

ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗАЫН ФРАЗЕОЛОГИЯ ИСПОЛЬЗУЙТОМ ЙЫЛІСЬ

кыввез, искусственной сравненнээз, метафорической выраженнээз да модік изобразительно-выразительной средствооз.

М. П. Лихачёв босьтө фразеологической обороттэсө народной коми-пермяцкой кылісь, кода нійон оддён богат. Сія используйте нійо аслас художественной произведеннээзын сы понда, медбы буржыка мыччавны геройезлісь портреттэз, создайтны яркой художественной образзэз, вынөнжыка висьтавны геройезлөн социальной происхожденнэ йылісь, осьтны нылісь мировоззреннэ. Сідз, например, устойчивой метафорической сочетаннэ *кок чуннез вылын котрасьны* (повесть «Менам зон») М. П. Лихачёв оддён удачноя употребляйтө, медбы мыччавны старшиналісь, писарьлісь да урядниклісь угодничество ыджытжык начальство одзын: «Кок чуннез вылын талун котрасисө и старшина, и писарь, и урядник. Асывсянь быдөнныс волостнойын: кин бумагаэзын гуддисьсө, кин визитка киззесө весөтө, кин медальсө» (С. 104).

Ыджыт выразительность пыртөны авторской кыввезө, коднаон сетсьо характеристика бедняк Ефремлө, сэтшөм устойчивой сочетаннээз: *куш киён кошшыны правдасө, пыдынжыка уявны оланас*. «Сэксянь ни сылөн (Ефремлөн) чорыта да пыдына бытшкасис юр вемас дума: сьокыт кошшыны правдасө куш киён гов мортлө, вынаыс кужожык овны, пыдынжыка уявны оланас» (105).

Сибирьө мунісь Илья Васькалөн (рассказ «Виль туйөт») оддён песьсьома сьолөмыс, сідз кызд сія оз төд, кытөн лоас буржык, гортас али Сибиряс. Этө сьлісь настроеннэсө автор мыччалө дженыта, но пыдына то кытшөм кыввезөн, коднө баитө ачыс геройыс: «Өтік берегись мода орөтчыны, а кин төдас, чожа я не я сюра модөрас» (45), «...Каннез жө гыжьясьоны сьолөм вылам да, мый ни керан, бөр эд он берт» (47).

М. П. Лихачёв бура төдө народной кылісь пословицаэз да поговоркаэз и, көр колө, удачноя пыртө нійо художественной произведеннээзө, медбы лаконизируйтны сёрнисө, керны сійө меткойөн. Мукөдпырся пословицаэсө да поговоркаэсө автор пыртө геройез сёрниө, медбы мыччавны нылісь классовой позициясө, социальной положеннэнысө.

Вот кызд богатей-эксплуататор Яран Гаврил одззөтө уджавны ассис мыдзөм учөтик строшнойөс-вундисьсө: «Мирош, эн кольчы; Мирош, постать дорас эд ужиныс...» (103).

Яран Гавриллісь жө крестьянакөт баитікө лукавитөмсө писатель характеризуйтө кыввезөн: «... виа бордөн кызд малыштис — шуис...» (101).

Отирлөн земской начальник одзын өшөм йылісь автор гижө: «кызд воробейез кайварыш одзын паймыштисө отир» (106).

Учөтик Мирошлөн сьолөм кылө, что земской начальник лөг морт. М. П. Лихачёв мыччалө сьлісь чувство устойчивой сравнительной оборотөн: «И был — киө кызд лякөтисө-пуктисө Мирошлөн думаэс» (108). «Мед пөт вөлі дзез, вынтө буражык пес...» — миритчө аслас положеннөон крестьянин Гунда Ваврей (91).

Немись и некинлісь не полісь Мирош отвечайтө Вильбатин деревняын сылө угрожайтись кулаккелө простой, но мудрой народной пословицаөн: «Кык смертьлө не лоны, а өтіксянь нем повны!» (185).

Временной правительство вылын бедной коми крестьяна лөгөн сералөны: «Свобода для народа, вай воттэсө за три года...» (161).

А кытшөм бура, дженыта, изобразительной кыввеза фразеологизмез мыччалөны дейстуйтись лицөзлісь характер, нылісь думаэз! Мося Мишкаөс (рассказ «Виль туйөт») оддөн радуйтис зловецой план, кызд босьтны лов том коммунист Рыжиклісь, кода быдөс ассис вынсө пуктө родной колхоз строитөм вылө. Мося Мишкалөн эта настроеннэыс бура сетсьо кыввезөн: «Одз талун чеччис Мося Мишка. Только ештис осьтны синнэсө, лөгөнмоз пильс серөмтчис, сьолөмыс радувьяс ёткөп муніс: быдөс ни сылөн керөм, лөсьөтөм, кытчө колө пружинаэз нырыштөм» (64). Эстөн изобразительной фразеологизм (*пильс серөмтчис* — этө сдержанной смех, характеризуйтө хитрой мортөс, кодалөн юрас ветлөны умоль думаэз).

Көр гөрддэзлө адззисис кад шоччисьны («Менам зон»), ния гажөн и горөн, сьёлөмсянь, умөль думаэзтөг гажөтчисө-шутитисө: «...быдөнныс вак-ва-ак да вак-ва-ак пондисө серавны» отрядник Калю Сергалөн интересной висьтасьом вылын (178). (Эстөн изобразительной фразеологизм *вак-ва-ак да вак-ва-ак серавны* мыччалө сьёлөмсянь сералөм.)

Көр, эшө строкин овтөн, Мирошөс мамыс велөтис, кызд колө овны кужны, Мирош мамыслө добродушной и непосредственной «шынь серөмтчис»: «Шынь серөмтчис Мирош, вунөтис эта минутаө быдөс лөксө да сьөкытсө...» (112). (Эстөн изобразительной фразеологизм *шынь серөмтчис* мыччалө челядльись непосредственной смех.)

Мукөдлаын фразеологической обороттэс отсалоны мыччавны герой дынө сэтшөм отношеннө, кода колө гижисьлө. Сидз, например, устойчивой сравненнээз *читкыля кыздок, акань кодь и эм, ловья акань* употребляйтчоны положительной героиняөс характеризуйтөм понда (Мариш «Менам зонись»). А богатыня Чебрень Егорлись сы кодь жө богатой невестасө автор шуө «*яймек кодь ён* нывкаөн» (80). Старшиналө Пасьторов Елялө повестын сетсьө то кытшөм портрет: «Пеллесис и нырсис сьлөн *чур видзёны гөннээз*, кызд резьдөм подушкаись» (94). Калю Серга чеччөтө бы инькаөс, кода лэдзчисьом шогавны да «*швапкисьом-пуксьом*» золотоа джек вылө, медбы золотосө эз мырддьө, сэтшөм кыввезөн: «Чеччы, висьталі! Он кө чеччы, дак тэнат не только шогөтыт, но и сьёлөмыт *швыльк только нетас!*...» (179). Обьездчик Сисьпелёвөс автор шуө «*пон гөнөн*» (142).

Өддьөн часто М. П. Лихачёв используйтө фразеологической обороттэз сы понда, медбы образной гижны природа йылись, событиеэз йылись. Сия бура вежөртө выразительной вынсө быдкодь изобразительной кыввезлись и лэдзө нийө аслас художественной произведеннээзө ыджыт потокөн, медбы аркмөтны дыр кежө запоминайтчан картинаэз, описаннээз. Вот кызд, например, мыччасьө «Менам зон» произведеннөын большевик Васильлөн «зі позө» — баяын сайласись предателлез дынө пырөм: «Василь пырис баня передникас. От киас винтовкаыс, мөднас маласьө, кошшө ыбөс вугсө. Дзурк осьтис ыбөссө. Кыш-паш кинкө вөрзьөтчис. А пытшкас пемыт — көть синмө татшкы. Сувтчыштіс Василь секунда кежө ыбөс одзас, мелькнитис юрас дума: «Камгасө этчө мыйөнкө юр кузя, он ешты горөтны Миковсө...» Но сы коста жө повтөг оськөвтис пытшкас да пөдналис ыбөссө. Шоныт руөн вачкис нырас. Швырк кыкис кармансис истөг коробка да чирк өзтис спичасө. Нюлыштіс югөрыс стенаэсө. Василь казялис, кызд лэбтыштісө юррезнысө нель морт» (195). Вайөтөм отрывокын сэтшөм наглядной, образной мыччасьө повтөм большевиклөн Васильлөн чочкоммес дынө пырөмыс, что лыддьөтись невольной ськөт переживайтө өтлаын. Вот *дзурк осьтис* баня ыбөс, *кыш-паш* кинкө вөрзьөтчис. Эта настораживайтө геройөс. Но оз сет Василь аслас полөмлө воля. Сы решительность йылись байтөны изобразительной кыввез *швырк кыкис* истөг коробка, *чирк өзтис* спичасө. Изобразительной кыввез керөны сёрнисө сэтшөм образнойөн, что лыддьөтись кызд бы кылө ас гөгөрас нийө шыэсө, көдналө подражайтөны звукоподражательной изобразительной кыввез, и представляйтө, адззө движеннээзлись да состояннээзлись нийө образзэсө, көднө мыччалөны образно-изобразительной кыввез. Сидз, например, төлись петөм йылись автор байтө: «чочком сюрөн *быз-быз*, кызд видзчисьтөм гөсь, мыччисис төлись» (84); нывкаэз йылись, көдна петөны кругө йөктыны троица лунө — «кытшыс паськыт, уйөны сы кузя, кызд уткаэз ва кузя, чатыртыштасө юрнысө, чеччөвтыштасө, шовкнитыштасө, *чывк бергөтчыштасө* да бөра одзлань» (84); Окульөс родной аймамөн тойлалөм йылись — «*Тирки-торки лэдзчис* улөдз поссез кузя Окуль» (88); советской властьлөн первой луннээзө свободной вөр пөрөтөм йылись — «Ловзис эта төлө вөрыс: *ризя-вопка пөрисө* пуэз, камөтисө өтмөдөрын черрез, чижгисө, сөйисө пу сьёлөмсө пилаэз» (161).

Өддьөн точной да меткөя отмечайтөны понятиеэзлись быдкодь оттеноккез парной кыввез, көдна көть и формальной озө пырө фразеологической составө, но матынөсь фразеология дынө, сидз кызд тожө нуөтөны образно-выразительной функция. Этө жө

функциясо нуотоны и изобразительной кыввезись аркмём глаголлэз. Вайотам характеристика важся пемыт дореволюционной деревнян прикамской арло (повесть «Менам зон»): «Нятя ар... Сера, бусось онон моз вевттьомась кыморрез небосо... Часто пожналё-зэрё, гизьгё, ёркотчё зэрыс ойтөв сорөн ошыно, кышөптё, малась керку стенаэз бердө... Патькё-визывтө вотьваыс керкуоррез вылись, кизертё зэрыс туйез вылись нятьсё, зільк видзё гөппезын гудыра ваыс... Дыш петё эттшөм погоддяас өтөрө петны: кодзыт, зэрё, гөгөр ва да нять... А рыттэз, кыз са — дзирс пемытөсь, воть эд и воть нем оз тыдав, коть синмё татшкы» (147). Этö описаннөсö лыддьөтөм бөрын сразу ас кежат шуан: «Сідз и эм. Эта именно миян, а не кытшөм-нибудь мөдик мөстайсь ар». И мийө төдамө ассиным арсө не только удачноя босьтөм приметаэз сьөрти (арөн зэрасьö; небоыс сера, бусось; глинаа му кизертчөмсянь нять), но и сийөн, что комиөн сідз наглядноя висьталөма эна приметаэз йылись, что сразу воображайтан, кыз арөн *пожналё-зэрё, гизьгё; патькё-визывтө вотьваыс, зільк видзё* гөппезын гудыра ваыс...; рыттэз *дзирс пемытөсь, коть синмё татшкы*. Если бы эз вөлө эна кыв средствоэс, то кылыслөн бы эз вөв сия выныс. кода тшөктис, шуам, кабинетын пукавтөн мортлө представитны этö картинасö.

Босьтам мөдик кад — гожумся ой (рассказ «Виль туйот». С. 64): «Узьö эд бытьтö быдöс, а видзөтан кө лэчытжыка, чожа казялан, кыз мукөдтор вөрөтчө, олө сідз жö, кыз и луннас. То видзөт — сэтөн бокаг ключыс булюкөн кайö, өксыштөма өрокö, абу төрөм да визыла булькөтөмөн котөртö. Кысянькө дбруньгаг лэбзьö. Казявтөг татшкисис тэнат юрö, таралис-усис му вылө, мошкоритчө-кайö му комок вылө, лөсьөтö борддэсö, бөра мөдö лэбзьыны. Чу... шурнитис-лэбзис, кыз вирдыштис, кушборд — ойся вөрались. Сыбөрсянь нырйышсис-лэбзис тупка, только казялан вуджөрсö. Кытөнкө ойся каек питиривайтө-сыллө...» Парной да звукоподражательной глаголлэз эта описаннөын сэтшөм бура мыччалөны гожумся ойсö, что бытьтö былись кылан ключлис гусьоника булькөтөмсö, дбруньгаглись лэбалөмсö, ойся каеклись сылөмсö и сідз одзлань.

М. П. Лихачёв произведеннөзлөн кыв — этö бур пример, кыз колö пользуетчыны народной коми-пермяцкой кывлөн языковой средствозөн писательской уджын.

Өнняя том коми-пермяцкой писателлэз, көдна эзö эшö ештö гижны ыджыт художественной произведеннөз, правильная вежөртөны соотношеннөсö литературной да народной кыв коласын. Ния старайтчөны используютны общенародной кывсис фразеологиясö. И если мийө ыджыт увлеченнөн лыддьөтам мукөд рассказзэсö Л. Нилоговлис, В. Климовлис, С. Можавелис, В. Боталовлис, то этö сийөн, что нын кужөмөн употребляйтчөны, ордчөн мөдик художественной средствозкөт, фразеологической выраженнөз, меткой сравненнөз, парной кыввез.

Өддьөн живой оригинальной кылөн гижö учөтик юмористической рассказзэс Л. Нилогов. Сы рассказзэс кылын неетша и фразеологической обороттэз. Сідз, например, «Пөрись друггез»¹ рассказын главной геройез — кык добродушной старик. Ния пыр өтамөдныс вылын сералөны, шутитөны, дружескөя исправляйтөны недостатөккөзнысö. Действуйтись лицөзлөн басниын и авторской сөрниын уна устойчивой выраженнөз: *сапогыс пирөг корö, мый өмтö осьтөн видзан, увья пиня, сюра мөс, юрөс серавны, сьөд кань ны коласөт котөртис, стариккөсö курорт вылас вежөмась* и сідз одзлань. Быдöс эна фразеологической выраженнөэс вынсьөтөны рассказыслис юмористической характерсö.

Богатой разнообразной кылөн гижөм С. Можавелөн рассказ «Аннушка»². И бөра жö кылыслис выразительностьсö өддьөн вынсьөтөны изобразительной фразеологизмез да парной глаголлэз: «Кинкө *гым-ёрк керис ыбөсөн*», «Ачыс *чуп да чуп окалис* нывсö, а сьибөрын...», *чирзис-чеччалис, нюжөтчис-сувтис*.

Ыджыт интересөн лыддьөтсөны рассказзэс и В. Климовлөн. Ния гижөмөсь богатой народной кылөн, көдалө точностьсö сетөны парной кыввез, а образность да наглядность — быдкодь фразеологической обороттэз. Нылөн выразительной выныс бура тыдалө, если нийö сравнитны прямой значеннөа сочетаннөзөн. Сідз, мужиклөн мыдзөм (рассказ

¹ Сборник «Иньва». Кудымкар, 1958.

² Сборник «Иньва». Кудымкар, 1958.

ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗАЫН ФРАЗЕОЛОГИЯ ИСПОЛЬЗУЙТОМ ЙЫЛІСЬ

«Счастье понда») мыччассьö кыввезöн «кикокакыс сырлель лоис», полісь, нерешительной Петра Старцевос автор шуö *гöжöм ракаён*, сьöкыт инька туйö употребляйтчö образной выразеннё *дженыт кока*, *вачкис* туйö — *шонтіс* пельбокас и сідз одзлань. Оддьон точнойсьötöны да лаконизируйтöны повествованнёсö парной кыввез: «Дёма *кавöстис-ойнитіс* пон моз...», «А лөнсьöм лог сайын *унняліс-горзіс* Дёмаха...», «...эта кадö занавеска сайсянь *кожгис-луйис* пишаль», «Дждж шöрас *увсьöн-вевсьöн* узисö код мужиккез».

Но том гижиссез коласісь не быдöнныс изобразительно-выразительной средствоэсö кошшöны народной коми-пермяцкой кылісь. Мукöдыс нійö заимствуйтöны роч кылісь и буквальнöя вуджötöны коми-пермяцкой кыв вылö. Этасянь нія лоöны сьöкыта вежöртанаось, öштöны выразительностьнысö и нылöн абу некытшöм художественной ценность. Сідз, например, П. Златин повестьын «Данило Нешатаев» (литературной обработка И. Шадринлөн)³ пантасьлöны то кытшöм выразеннёз, кодна несвойственнойось народной коми-пермяцкой сёрнилö: «Не сідз тэ думайтан, кызд петö дело вылас» (С. 7). «Висян юр вылісь здоровой вылö» (12). «Нервез слабйöсь» (16). «Только кыв видзны пиннез сайын» (19). «Сылön горе öтлаасис радостькöt» (14). «Ой, кинöс ме адзза! Бабинцев курччаліс тырппесö, терпеннёись петіс да горötіс» (12). «Тэ вöлін прав, Василий Тимофеевич; отирös корис чöвны, кывзыны докладчиксö» (12). «Кызд делозз? — юаліс сылісь Бабинцев. Делозз умольösь» (17). Сетöм примеррез коласісь мукöддз туйö кокнита позис адззыны общенародной коми-пермяцкой кылісь заменаз. Например, *кыв видзны пиннез сайын* туйö позис висьтавны öм *видзны иганön*, *петіс терпеннёись* — *сылön терпеннёись бырис* и сідз одзлань. Конечно, миян кылын эмösь фразеологической кальказз, мöднёж шуны, сэтшöм переводдз, көр роч кылісь фразеологизмез вуджötсьöны буквальнöя, торья кыввез сьöрті да грамматической формааз сьöрті. Но эттшöм кальказз аркмöны сэк, көр роч фразеологической оборотыслөн первоначальной образной представленнёис матын и вежöртана коми-пермяккес понда, например: *пукавны, кызд öмö ва босьтны* (рочön *сидеть, воды в рот набравши*), *кösön ваись петны* (рочön *сухим выйти из воды*, т. е. выйти из трудного положения незапятнанным) и сідз одзлань. Эна и сэтшöм жö уна фразеологической обороттэз пырисö важын ни народной кылö и паськыта употребляйтчöны художественной литератураын ордчөн коми-пермяцкой фразеологической обороттэзкöt.

Коми-пермяцкой писателлез одзын сулалö задача — совершенствуйтны ассиныс художественной мастерство. Эталö сетас ыджыт отсöt, кызд ми вылын старайтчим мыччавны, общенародной кылісь фразеологической обороттэз, пословицааз да поговоркааз, изобразительной да парной кыввез кужöмön бöрийöм да нійö использоватьöм.

³ Сборник «Иньва». Кудымкар. 1958.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КОМИ-ПЕРМЯЦКИХ И РУССКИХ ГОВОРОВ ВЕРХНЕГО ПРИКАМЬЯ В СФЕРЕ ФРАЗЕОЛОГИИ *

Прямые предки коми-пермяков — носители так называемой родановской археологической культуры (IX–XV вв.) — в прошлом занимали более широкую территорию, чем в настоящее время: все Северное Прикамье от р. Молог, правого притока Березовки на севере до нижнего течения Чусовой на юге, от верхнего течения Южной Кельтмы и Лупьи на западе до верхнего течения Колвы и среднего течения Вишеры на востоке¹. Историческое развитие привело к тому, что коми-пермяцкий язык дожил до Великой Октябрьской социалистической революции лишь на части указанной территории — в северной излучине Камы (Коми-Пермяцкий национальный округ). Здесь в годы Советской власти он обрел литературную форму и переживает теперь эпоху своего расцвета. На остальной же территории коми-пермяцкий язык был ассимилирован русским в основном ещё до XIX в. В русских говорах этой территории явления коми-пермяцкого языка представляют собой значительный субстрат, который был включён обрусевшим населением в русскую речь со всеми характерными для периода обрусения особенностями.

Интенсивное взаимодействие между коми-пермяцким и русским языком наблюдается и в наши дни. Коми-пермяцкий литературный язык и народные говоры заимствуют из русского языка не только отдельные слова, но и элементы грамматического строя и фонетической системы. Со своей стороны пограничные русские говоры тоже не остаются абсолютно пассивными.

В предлагаемой работе рассматриваются взаимоотношения коми-пермяцких и русских говоров Верхнего Прикамья в области фразеологии. При этом фразеологические единицы исследуются только в плане их структурного освоения языком-приёмником².

Фразеологическое богатство русских говоров в коми-пермяцком языке используется двумя путями: 1) путём прямого заимствования готовых фразеологических единиц без перевода компонентов и 2) путём перевода фразеологических оборотов по частям, или калькирования.

Среди фразеологизмов первой группы различаются: 1) обороты, вставляемые в коми-пермяцкую речь без каких-либо языковых изменений, например: *скупа чечуля* 'скупой, жадный человек' (в русских говорах *чечуля* 'большой ломоть хлеба'), *стара дева* 'старая дева': *Дзёт жё мымда сетыштис скупа чечуляыс*. 'Ишь как мало дал скупа чечуля-та'. *Эз сия петав айка саяс, стара дева сия*. 'Не выходила она замуж, стара дева она'. *Умöля адззö, курича слепота сийö видзö*. 'Плохо видит, у него куричья слепота'. 2) обороты, в которых заимствованные компоненты, чаще один, в какой-то степени освоены фонетически и морфологически, например: *большой милостина* (У слова 'большой' утрачена категория рода и фактически отсутствует окончание): *Тэныт, большой милостиналö, сё етиша*. 'Тебе, большой милостине (о человеке, требующем многого, например, в еде), все мало'. *Эз и шогав, скорнойö смерт локтис и кулис*. 'Не болел, скоропостижно умер' (в говорах *скорная смерт* 'скоропостижная смерт').

* Вопросы финно-угроведения. Вып. VI. Саранск, 1975. С. 102–107.

¹ Оборин В. А. и Балащенко Л. А. Итоги изучения памятников позднего железного века и русской колонизации Верхнего Прикамья // Труды Камской археологической экспедиции. Пермь, 1968. (Уч. зап. Пермского гос. ун-та. № 191). С. 31–32.

² Фразеологию мы понимаем в широком смысле, включая в неё не только экспрессивно-образные сочетания, но и терминологическую, эллиптическую, афористическую фразеологию, а также идиомы и сочетания со словами, фразеологически ограниченными.

Сфера употребления рассмотренных фразеологизмов — разговорно-бытовая речь. По мере усиления роли литературного языка они постепенно вытесняются.

Фразеологические обороты, представляющие собой кальки, могут быть подразделены на полные кальки и полукальки. В полных кальках все слова переведены на коми-пермяцкий язык. Особенно легко и часто калькируются пословицы и поговорки. Этому способствует их основная функция — в краткой и образной форме передать какое-либо жизненно важное обобщение, опыт познавательной деятельности людей, например: *Кык кӧч сьӧрӧ вӧтчан — ӧтикӧ он кут*. 'За двумя зайцами погонишься — ни одного не поймаешь'. *Ӧтикӧн олі — дӧмассэзӧн ветлӧті, колхозӧ пыри — зипун адззи*. 'Один жил — в заплатах ходил, в колхоз пришёл — пальто нашёл'.

Общение с духовной культурой русского народа привело к заимствованию многих русских обрядов. Последнее вызвало и калькирование фольклорных фразеологизмов: *тын кутавны* 'тын имать' (один из видов святочных гаданий), *кашниккез кыминявны* 'опрокидывать горшки' (тоже один из видов святочного гадания), *туй гусявны* 'украсть дорогу' (в смысле 'сбиться с пути, по суеверным представлениям, якобы по причине злого наговора').

Буквальные переводы с русского языка или полукальки представляют собой и названия христианских праздников, элементов христианского календаря: *ыджыт видз* 'великий пост', *сята вода* 'святая вода', *сорок сятык* 'сорок святых', *василей вечер* 'Васильев вечер', *сето ассей* 'святой власий' и т. д.

В полукальках обычно какое-либо слово остаётся без перевода: *зника оз сет* 'знику (покою) не даёт', *снитки виль* 'совершенно (с ниточки) новый', *насмек керны* 'навредить, выставить кого-либо на посмешище'.

От калек следует отличать фразеологические обороты с одинаковой внутренней формой, которые вызваны в разных языках общими естественно-географическими условиями, единством законов мышления разноязычных народов, находящихся в тесных контактах. Например, *ыджыт ва* 'большая вода (о половодье)', *чочком му* 'белая земля (белая глина)', *гӧрд му* 'красная земля (красная глина)', *сьӧд му* 'чёрная земля (чернозём)' — вызваны к жизни общими естественно-географическими условиями. Пройденная разными народами ступень, когда люди верили в существование души, породила десятки фразеологизмов со словом 'душа', коми-пермяцкое *лов*: *лов пуктыны* 'положить душу' (умереть), *лов петис* 'душа вышла' (умер).

В русских говорах, сформировавшихся на территории бывшего проживания коми-пермяков, также прослеживается влияние фразеологии коми-пермяцкого языка. Правда, вопрос о том, кто на кого влиял, кто у кого взял и перевёл, по отношению к русским говорам более сложный. Решить его в одном месте часто нельзя. Окончательные выводы будут возможны лишь после опубликования более или менее полных материалов по фразеологии других говоров. Поэтому в данной работе мы ограничимся лишь некоторыми предварительными замечаниями.

Длительное коми-русское двуязычие в Верхнем Прикамье способствовало образованию фразеологических калек и полукалек и в русских говорах. Фразеологическую кальку, по нашему мнению, например, представляет оборот *в шай впасть* 'прийти в замешательство', ср. в коми-пермяцком *шай-пай лоны* 'растеряться, прийти в замешательство', где *шай* — общепермское слово³. Очевидно, не без влияния коми-пермяцкого языка обошлось и в таких случаях, как: *кормить голову* 'обеспечить себе средства существования', ср. лит. *прокормить голову*. Отсутствие приставки объясняется наличием бесприставочного коми оборота *юр вердны*, букв. 'кормить голову'. Этим же, возможно, объясняется и употребление именительного объекта в такой пословице, как: *Век жить — не река брести, не котомы нести*, соотв. 'Жизнь пережить — не поле перейти', 'век пережить — не поле переехать'. В русских говорах можно

³ Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. М.: Наука, 1970. С. 316.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КОМИ-ПЕРМЯЦКИХ И РУССКИХ ГОВОРОВ ВЕРХНЕГО ПРИКАМЬЯ В СФЕРЕ ФРАЗЕОЛОГИИ

встретить немало изобразительных фразеологизмов, подчас полностью копирующих соответствующие обороты коми-пермяцкого языка: *торс-торс постучать* (например, в окно), *люпки-ляпки сделать* 'сделать что-либо небрежно'.

Особо следует остановиться на случаях, когда во фразеологизме существительное-определение лексически опустошается и усваивает функцию словообразовательного суффикса с отвлечённым значением: *В леспромхозах товару много, в магазинах сяко место продают, да ведь кажно место не купишь, деньги абы*. В этих примерах слово *место* выступает как агглютинирующий суффикс, сходный по значению с коми-пермяцким суффиксом *-ин*, образующим имена существительные с отвлечённым значением и восходящим к самостоятельному слову *ин* 'место': *волькытин* 'равнина', букв. 'ровное место', *вилин* 'новина, новое место', в словаре Н. Рогова, *вериттöмин* 'безверие', *нёштöмин* 'безобразие'⁴, в вычегодских говорах коми языка *куланін* 'смерть', *гогин* 'скобель'⁵.

Обращают на себя также внимание коми-пермяцкие и русские диалектные названия трав, имеющие совершенно сходную структуру: словосочетание со вторым компонентом *трава*, в коми-пермяцком *турун*. Например, в русских говорах: *запарна трава, порезна трава, насадна трава, пояснична трава, сердешна трава, урошна трава, бессмертна трава, грыжна трава, золотушна трава, жёлтушна трава*; в коми-пермяцком: *вöй турун, пöд турун, си турун, каттисян турун, съöктан турун, чаньпöд турун, жыла турун, дзурк турун*.

В русских говорах Верхнего Прикамья большую группу составляют топонимические фразеологизмы коми-пермяцкого происхождения. Они обычно относятся к микротопонимии, служа названиями полей, лугов, озер и т. д. Приведём примеры из микротопонимии Чердынского района. Названия полей⁶: *Мань-Горт* 'деревня, дом Маня', *Лаб-Горт* 'дом Лаба', *Козь-Горт* 'дом Козя', *Матын-Ыб* 'близкое поле', *Ныр-Ыб* 'поле Носа'. Названия ручьёв: *Ват-Чер* 'Озёрная протока', *Шавель-Шор*, букв. 'ручей Шавеля', *Еграм-Шор* 'ручей Еграма', *Кузь-Вись* луг, букв. 'длинный луг' и т. д. Иногда возникают топонимические кальки, например: *Макся-Ыб* в Бондюжском с/с называется ещё *Максимо поле*. Но таких случаев немного: потребности общения требуют установления единого названия.

Таким образом, в области фразеологии коми-пермяцких и русских говоров Верхнего Прикамья выработалось немало общих черт. Общий фразеологический фонд продолжает укрепляться и в наши дни. Важнейшая роль в этом процессе принадлежит русскому языку. Из него через литературный язык и говоры проникают составные термины всех областей знаний, в том числе научно-технические и общественно-политические термины, а также фразеологические обороты, отражающие все стороны новой жизни города и села. Новые фразеологизмы включаются в лексическую систему коми-пермяцкого языка также в виде калек (*босьтны учёт вылö* 'взять на учёт', *сувтöтны план* 'составить план', *коммунистическöй удж бригада* 'бригада коммунистического труда', *Ленин Орден* 'Орден Ленина', *Советскöй Союзлöн Герой, Ильичлöн лампочка*) и в готовом виде с незначительной переработкой компонентов (*Великöй Октябрьскöй социалистическöй революция, Великöй Отечественнöй война, Советскöй Союз, Верховнöй Совет, художественнöй самодеятельность, драматическöй театр, педагогическöй училище, главнöй инженер, подъёмнöй кран, почётнöй грамота*).

Иногда в речь двуязычного населения русские сочетания слов вставляются без всякой языковой обработки: *Колхозниккез шоччисьöны дом культурыын* 'Колхозники

⁴ Рогов Н. Пермьяцко-русский и русско-пермьяцкий словарь. СПб., 1869. С. 18, 105.

⁵ Сорвачева В. А., Сахарова М. А., Гуляев Е. С. Верхневычегодский диалект коми языка. Сыктывкар, 1966. С. 80–82.

⁶ Субстратные топонимы пишутся, как и все иноязычные названия, через дефис, что делает прозрачными границы компонентов.

АНТОНИНА СЕМЁНОВНА КРИВОЩЁКОВА-ГАНТМАН

отдыхают в доме культуры'; *Дом отдыха сулалё гажя местаын* 'Дом отдыха стоит на весёлом месте'; *Зоныс олё Москваын, уджалё Академия Наукин* 'Сын его живёт в Москве, работает в Академии наук'.

Нередко новый фразеологизм в речи двуязычного населения возникает под влиянием заимствованного слова с эквивалентным значением, например: *одзын мунісь* 'передовик', букв. 'впереди идущий', *медбура велётчись* 'отличник', *вундан машина* 'жатка, жнущая машина', *тёлётчан машина* 'веялка, веющая машина'.

Почти исключительно на базе русских слов в русском грамматическом оформлении создаются в настоящее время названия учреждений, предприятий, колхозов в Коми-Пермяцком округе. Примеры названий колхозов: *Красное знамя, Светлый путь, Заря будущего, имени Дзержинского, имени В. И. Ленина*. Примеры названий предприятий: *Красный Октябрь, Красный молот, имени 50-летия Октября*.

Всё сказанное свидетельствует о том, что фразеология народных говоров Верхнего Прикамья, как коми-пермяцких, так и русских, развивалась и продолжает развиваться в тесном взаимодействии. Этот процесс не был односторонним, но влияние русского языка всегда превосходило влияние коми-пермяцкого языка на русские говоры. Ведущая роль русского языка особенно ярко выступает в годы коммунистического строительства, когда формируется общий фразеологический фонд языков народов СССР. В развитии фразеологии народных говоров отмечается также сильная тенденция сближения её с фразеологией литературных языков, в чём находит отражение общая закономерность сглаживания диалектных различий в эпоху социализма.

КОМИ-ПЕРМЯЦКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В РУССКИХ ГОВОРАХ ВЕРХНЕГО ПРИКАМЬЯ *

Проблема взаимодействия русского языка с языками народов СССР в советском языкознании является одной из наиболее актуальных. Многими исследователями показано благотворное влияние русского языка на языки народов СССР. Однако известно, что языковое взаимодействие — процесс двусторонний. Он обуславливает обогащение не только национальных языков, но и русского. Еще Маркс подчеркивал, что «всякая нация может и должна учиться у других»¹. Даже язык такого небольшого народа, как камские коми (коми-пермяцкий), оказал определенное влияние на русский язык, главным образом, на его говоры.

Коми-пермяки встретились с русскими гораздо раньше того времени, когда Пермь Великая (границы которой приблизительно совпадали с Верхним Прикамьем) была присоединена к Русскому государству, т. е. до 1472 г. Уже в XI–XII вв. камские коми вели торговлю с русскими. С XIII в. в Верхнее Прикамье прибывает большое количество крестьян из северных провинций Русского государства. Пришельцы надеялись здесь укрыться от угнетателей и обзавестись на свободных землях, богатых рыбой и зверем, своим хозяйством².

Так было положено начало тесным экономическим и культурным контактам между русскими и коми на территории Верхнего Прикамья. От русских коми-пермяки восприняли более высокий уровень хозяйства и быта: усовершенствовали жилище, улучшили одежду, подняли культуру земледелия, усвоили обряды и песни. Все это обогатило их язык многочисленными заимствованиями. Например, только русских слов, связанных со строительством жилища, в коми-пермяцком языке насчитывается несколько десятков.

В то же время словарный состав русских говоров Верхнего Прикамья свидетельствует об определенном воздействии материальной и производственной культуры коми-пермяков на развитие отдельных отраслей хозяйства русского населения³. Из коми-пермяцкого языка воспринимались слова, которые нужны были русским крестьянам для обозначения новых для них понятий, отражающих отдельные детали окружающей местности, особенности флоры и фауны, одежды и обуви, посуды и т. д.

Весьма важными словами для русских были также различные географические названия (рек, озер, поселений, гор, возвышенностей, лесов, дорог и др.). Известный специалист по истории Прикамья В. А. Оборин убедительно доказал, что до прихода русских большинство крупных физико-географических объектов было уже названо⁴. Пришельцам, особенно интенсивно заселявшим Верхнее Прикамье в XVI–XVII вв., оставалось только освоить готовые топонимы, приспособив их к своему языку так, чтобы удобно было ими пользоваться. Заимствование готовых слов из языка своих предшественников явилось наиболее легким и экономным путем наименования новых

* Этимологические исследования. Свердловск. 1981. С. 46–62.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 10.

² Оборин В. А. Первобытнообщинный строй у предков коми-пермяков // Коми-пермяцкий национальный округ. Пермь, 1977. С. 21.

³ Матвеев А. К. Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала. Свердловск, 1959. С. 8.

⁴ Оборин В. А. Русская топонимия писцовых книг Прикамья XVI–XVII вв. // Географические названия Прикамья. Пермь, 1968. С. 63–79.

реалий. Однако вопрос об освоении топонимии коми-пермяцкого происхождения в Верхнем Прикамье русскими особый, и в данной статье мы на нем не останавливаемся⁵.

В предлагаемой работе анализируются нарицательные слова коми-пермяцкого происхождения (в том числе и географические термины в топонимическом употреблении) в русских говорах Верхнего Прикамья, на территории которого в IX–XV вв. была распространена так называемая родановская археологическая культура, оставленная, по историческим данным, непосредственными предками современных коми-пермяков⁶.

Вопрос о коми заимствованиях в науке не новый. Он привлекал внимание ряда отечественных и зарубежных лингвистов. Результаты изучения коми заимствований обобщены в фундаментальной работе А. К. Матвеева «Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала» (1959). Выявив коми заимствования во всех доступных ему источниках (всего 69), А. К. Матвеев подверг их тщательному анализу с точки зрения направления заимствования, распространения в русских говорах Северного Урала, семантического и фонетического освоения.

Со времени выхода в свет труда А.К.Матвеева прошло два десятилетия. За этот период пермскими диалектологами проделана значительная работа по сбору и упорядочению диалектной лексики. В 1973 г. кафедра русского языка Пермского педагогического института выпустила «Словарь говоров Соликамского района Пермской области» (составитель О. П. Беляева). Годом раньше опубликованы «Материалы для фразеологического словаря говоров Северного Прикамья» (составитель К. Н. Прокошева). Диалектологи Пермского университета под руководством Ф. Л. Скитовой готовят к опубликованию «Словарь говора д. Акчим Мутихинского сельсовета Красновишерского района Пермской области». Проведен также ряд экспедиций по изучению усольских, чердынских, обвинских и других говоров. Таким образом, в научный оборот вошел большой материал, позволяющий выявить новые коми-пермяцкие заимствования в русских говорах Пермской области, в частности Верхнего Прикамья.

Переходим к анализу коми-пермяцких заимствований, выявленных нами в различных материалах по русским говорам Верхнего Прикамья.

Все заимствования разделены на лексико-грамматические группы, внутри которых они располагаются в алфавитном порядке. Словарная статья состоит из заимствованного заглавного слова, грамматических помет к нему, указания на его распространение и употребление. Значение заимствования во многих случаях иллюстрируется примерами в виде типичного словосочетания или краткого предложения. В конце статьи приводится соответствующее коми-пермяцкое слово, к которому действительно или предположительно восходит рассматриваемое заимствование.

Термины географии и метеорологии

ВАДЬЯ. Так называется озеро у с. Искор (Черд.). В нарицательном значении встречается в вологодских говорах — ‘небольшое озеро среди топи’ (Даль I, 160). Связано с общекоми словом *вад* ‘лесное непроточное озеро с топкими берегами’. *Вадья* первоначально ‘топкое место с небольшими озерами’ (КЭСК, 46; Фасмер I, 266; SLR, 18).

ВЕТЛАН или **ВЕТЛАННЫЙ КАМЕНЬ** (Красновиш.)⁷ — название камня на левом берегу Вишеры. Под Ветланом издавна шла дорога в Сибирь; ср. к-перм. *ветлан* ‘дорога, тропинка, чаще лесная, в труднопроходимом месте’.

⁵ См.: Кривощёкова-Гантман А. С. Адаптация русским языком коми-пермяцких гидронимов в Прикамье // Учен. зап. Перм. пед. ин-та. 1966. Вып. 34. С. 87–105.

⁶ Оборин В. А., Балащенко Л. А. Итоги изучения памятников позднего железного века и русской колонизации Верхнего Прикамья // Учен. зап. Перм. ун-та. 1968. № 191. С. 33–34.

⁷ Материалы с пометой Красновиш. извлечены из картотеки Акчимского словаря, хранящегося в словарном кабинете Пермского университета.

ГУРГАН. Так в говорах Верхнего Прикамья (Кун., Добр.) называют место карстового провала, яму, рытвину; ср. к-перм., к-зыр. *гуран* 'ямка, рытвина, низина, впадина, овраг, углубление' (КЭСК, 83). Корень *гур-* звукоподражательного характера, имитирует гул, сопровождающий провал, как процесс.

КЕРОС (Ил., Кар., Черд.) 'поляна в лесу на месте вырубки'. *Иди прямо, керос пройдёшь, поверни направо.* Общекоми *керас* 'вырубка'. Очевидно, такого же происхождения *керес* в словосочетании *вилыс керес*, приводимом в «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера (I, 315) со ссылкой на «Словарь областного архангельского наречия» А. Подвысоцкого. Это словосочетание неточно переведено как 'пахотное поле на возвышенном месте'. Более правильно было бы объяснение этого словосочетания с помощью коми *вилыс* 'верхний' и *керас* 'вырубка, росчисть, поляна', т. е. 'верхняя вырубка'.

НОРОС (Ил., Кар.) 'изгиб реки, обычно длинный'. *Сёдни фсе косят на норосе.* К-перм., к-зыр. *нёрёс, нёрыс* 'холм, бугорок, пригорок, возвышенность, кряж'. Слово общепермское (КЭСК, 195). Встречается в микропонимии Коми-Пермяцкого национального округа; ср. *Изьюр нёрыс* — название крутого левого берега Кувы, на котором расположено Кудымкарское городище.

НЯША (Ил., Кар., Сол.) 'сырое, топкое место, грязь' (Беляева, 371); ср. также д. *Няшино* в 13 км от г. Перми. Слово общекоми: к-перм., к-зыр. 'вязкий низинный луг с илистыми отложениями'. В русские говоры попало из коми языка (КЭСК, 202; ФУЗ, 31). Но есть и саамская этимология этого слова (см. SLR, 65).

ПАРМА (Ил., Кар., Красновиш., Сол., Ус., Черд.) 'возвышенное место, покрытое глухим лесом'; *парма* (Даль III, 19) 'лесистый кряж на Урале'; ср. к-перм., к-зыр. *парма* 'возвышенное место, поросшее еловым лесом' (SLR, 35). Это слово нередко входит в названия невысоких плосковершинных останцевых возвышенностей и хребтов, напр.: *Парма* — названия нескольких населенных пунктов в Коми-Пермяцком национальном округе и в районах с русским населением Верхнего Прикамья; ср. *Парма* в черте г. Губаха, пос. Парма (Красновиш.), *Пармайлово* [*Пармайыл*] буквально 'вершина пармы' д. Коч. Все перечисленные поселения находятся на возвышенностях. Кроме того, это слово встречается в оронимах типа *Ямжачная Парма, Высокая Парма* (Черд.). Распространение его убедительно говорит о местном происхождении (см. также Фасмер III, 208; ФУЗ, 32).

ЧАРОМ (Красновиш., Черд.) 'легкий наст, обледеневшая корка на снегу'. Слово общекоми: к-перм., кя., к-зыр. *чарём* 'то же'. По мнению авторов «Краткого этимологического словаря коми языка», это слово вошло в русские говоры из коми источника, однако языковая принадлежность его неясна (КЭСК, 302).

ЧУМКАС в названиях: д. *Верх-Чумкасная* на р. *Чумкасной* (Ос.), д. *Чемкосаино* (Гайн.). В основе этих названий устаревшее слово *чомкост* 'расстояние между двумя шалашами; расстояние в 5-7 км в лесу' (КЭСК, 309).

ЧУРК, ЧУРОК (Красновиш., Черд.) 'гора, бугор, возвышенность'. Общекоми *чурк* 'бугор, возвышенность, неровное место' (КЭСК, 314). С этим словом связаны к-перм. *чур-чуркья-баркья* 'неровный, с выступами (о дороге)', а также выражения *чур видзны* 'торчать, выступать', *чур керсьыны* 'выставляться'.

Слова, относящиеся к местной фауне

БАЛЯ, БАЛЬКА, БАЛЕЧКА, БАЛЮШКА (Ил., Вер., Красновиш., Сол., Ус., Черд.). 1. Овца. *У балек снимают зимнину и веснину.* 2. Ягненок (Черд. — часто, Ил., Вер. — реже); ср. к-зыр. *баля* 'овца, ягненок'; к-перм. *баля* 'овца'; кя. *баля* 'овца' (SLR, 15), но чаще в этом значении *эж*. Вопрос о направлении заимствования спорен. В. И. Лыткин допускает, что в русские говоры это слово могло попасть из коми языка (КЭСК, 36–37). А. К. Матвеев финно-угорское происхождение этого слова берет под сомнение и обращает внимание на его звукоподражательный характер (ФУЗ, 22). Весьма

вероятно, что он прав. Однако коми-пермяки в блянии овцы слышат *ба(ль)-ба(ль)*, по коми-пермяцки *бая баксö* 'овца блеет'. Русские же блянию овец подражают с помощью звуков *бе-е*.

ЗЕЛЬКА (Ил., Кар.) 'ягненок, молодая овца'. Даль (I, 676) дает это слово с пометой перм. *К празднику надо зарезать зельку* (старшее поколение скажет *дзельку*, т. е. сохранит аффрикату). Слово происходит от коми *дзель* 'ягненок, молодая овца' (Фасмер II, 93).

ЗЮЛЁК, ДЖУЛЁК, ДЗУЛЁК (Красновиш., Черд.) 'желудок птицы'. *Этот зюлёк у нас едят*. Слово связано с общекоми *чуть* 'желудок птицы'. При заимствовании в русских говорах сначала произошло озвончение аффрикаты, а затем деаффрикатизация.

КЫЧАН (Ил., Кар., Сив., Ус., Черд.), **КЫЧКА** (Красновиш.) 'собака', перен. 'сердитый человек'. *Вот кычан-то залаял опеть*. Через прозвище вошло в антропонимию и топонимию Верхнего Прикамья; ср. фамилия *Кичанов* (Черд.); д. *Кичанова* (Сив.), *Кичаново* (Перм), *Киченята* (Кар.). Жители этих населенных пунктов еще четко осознают внутреннюю форму ойконимов и часто иронически называют свои деревни *Собачьи*. Слово общекоми: к-перм., к-зыр. *кычан* 'шенок'; удм. *кучани* 'то же' (КЭСК, 155). См. еще SLR, 30.

ЛЯПА (Ил., Кар.) 'мелкая рыба, обитающая в небольших водоемах'; перен. 'неопрятная женщина'. *Ляпу йидят, но голову выбрасывают*. Ср. к-зыр. *ляпа пи* 'подлещ, подлещик'.

ПЕРШУК. От общекоми *перк* 'вид птицы (кедровка)'. В этом же значении заимствованное *першаук* встречается в говорах д. Акчим и Романиха Красновишерского района, а также в говорах Чердынского района.

ТУПКА 'сыч, сова'. Встречается в говорах Соликамского района (Старцева, 36). К-перм. *тупка* 'то же' (КЭСК, 286–287).

Слова, обозначающие различные бытовые понятия

БУЗ, БУС (Ил., Кар., Красновиш., Сол., Ус., Черд.). 1. 'пыль' (например, в воздухе); 2. 'мучная пыль'. Общекоми *бус* 'то же'. По предположению В. И. Лыткина, заимствовано в общепермское время из древнечувашского. В севернорусские говоры попало через пермские языки. Правда, Калима считает, что направление заимствования было обратным (SLR, 17).

БЫГАТЬ (Ил., Кар., Ос., Сол., Ус., Черд.) 'выцвести от солнца, воды, ветра; стать сухим на холодном, морозном ветру'. Производные: **выбыгать** 'то же', **выбыгивать** 'становиться сухим на ветру'. *Мясо тоже выбыгиват, выдует соку дак. быглый* 'выцветший, вылинялый'. Возможна связь с коми *быг* 'пена', *быгавны* первоначально 'потерять свежесть, блекнуть, приобрести цвет пены' (КЭСК, 43; SLR, 17–18).

ВОПОЛЬ (Ил., Кар.) 'большая мозоль; водяной пузырь'. *На ногах вополи намозолило; я натёр себе вополь*. К-перм. *ва поль* 'водяная мозоль', где *ва* 'вода', *поль* 'пузырь'.

ГЫЖГАТЬСЯ (Ил., Кар.) 'царапаться'. *Кошка шыпко гыжгатса*. Ср. к-перм., к-зыр. *гыж* 'ноготь', *гыжъясьны* 'чесаться, царапаться'.

КАГА (Вер., Ил., Кар., Красновиш., Сел., Ус., Черд.) 'маленький ребенок'. При ласкательном обращении **кагонька, кагочка, кагушка**. К-перм., к-зыр. *кага* 'то же' (Фасмер II, 155; ФУЗ, 25; SLR, 23–24).

ПЫЖЬЯН (Ил., Кар.) 'большое шило'. К-перм. *пыжььян* 'то же'.

ШАТИНА (Ил., Кар., Черд.) 'прут, кол, жердь'. *Весной вел меня лесной с огорода шатиной*. Эта поговорка употребляется в качестве вывода о чем-либо неудавшемся, например, о неудачном замужестве (Прокошева, 112). В коми-пермяцком *шати* 'прут, вица', *шаття* 'мелкий лес', *шатиннэз* мн. 'толстые и длинные прутья, которыми

укрепляется верх стога сена и на которые ставят копны, чтобы легче было их везти к стогу' (Фасмер IV, 413; ФУЗ, 39; SLR, 47–48).

Слова, относящиеся к охоте и рыбной ловле

КОЙ, КОЁК (Красновиш.) 'широкая охотничья лопата с длинным черенком, ею достают из норы, например, куницу; охотничий посох с железным наконечником на одном конце и с лопаткой на другом' (ФУЗ, 25). В коми-язьвинском диалекте *кой, коёк* 'то же' (КЯД, 130).

КУЛЁМА 1. (Сол.) 'ловушка на зайца' (Беляева, 268). 2. (Красновиш.) 'человек со всякими недостатками: неряха, обжора, увалень'. *Вот така кулёма, ем, ем, опять есть хочу. Ничо не вижу, слепа кулёма.* Возможна связь с коми *кулём* 'ставная сеть' (SLR, 27); см. также ФУЗ, 26.

КЫС (Красновиш., Сол., Ус., Черд.) 'шкурка с голени животного, которой подбивают нижнюю сторону охотничьих лыж'. **КЫСОВЫЕ ЛЫЖИ** 'охотничьи лыжи, обтянутые шкуркой животного'. **КЫСОВИКИ, КЫСОВКИ** 'меховые сапоги; рукавицы шерстью наружу'. К-перм. (сев.), кя., к-зыр. *кыс* 'шкурка с ног животного' (Фасмер II, 239; КЭСК, 154).

ПЕШ (Красновиш., Черд.) 'колья, скрепляющие бревна, которые составляют нодью (костер, устраиваемый для ночлега в лесу в холодное время)'. А. К. Матвеев сопоставляет это слово с к-зыр. *пеш, пеша* 'светец, подставка для лучины' на основе общности функций этих приспособлений — служить для того, чтобы скреплять что-либо, держать какой-либо предмет (ФУЗ, 33, 34; КЭСК, 221).

ПЫРОМ (Красновиш.) 'место под пнем или под деревом в снегу, где сидит соболь'. *В пыром полезли.* Ср. кя. *пөрнө* 'проникнуть, зайти куда-либо'.

ЧАГ (Красновиш.) 'приспособление для ловли рыбы зимой'. *Зделают из елочки палки, огородают, это чаг называется.* Слово **ЧАГ** приводится также А. К. Матвеевым в значении 'длинная крупная дранка, употребляемая для устройства рыболовных запоров, особенно на глубоких местах' (ФУЗ, 36). В коми диалектах *чаг* 'щепка'.

ЧАМЬЯ, ЧЕМЬЯ. Повсеместно в Верхнем Прикамье и Приуралье: 'лесной амбарчик на высоких столбах, в который во время промысла складывают добычу'. Приводится в «Толковом словаре» В. Даля с пометой перм. (IV, 589). Встречается в топонимии; ср. *Шамья* — д. в Большесосновском районе Пермской области. В коми языках *тшамья* в том же значении (SLR, 43). По мнению авторов «Краткого этимологического словаря коми языка», это слово попало в уральские говоры из коми языка. Однако происхождение его окончательно не выяснено (КЭСК, 289).

Слова, относящиеся к местным разновидностям флоры

БАКА (Ил., Кар., Сол.) 'гриб, паразитирующий на деревьях, трутовик'. *Бака, она боле на берёзе да на осине растёт.* К-перм. (сев), к-зыр. *бака* 'гриб-трутовик, древесная губка'. В. И. Лыткин считает, что это слово прибалтийско-финского происхождения, но в русские говоры оно попало через коми язык (КЭСК, 36). См. также SLR, 15.

ИЖМАН, иногда **ИЖУМАН** (Ил., Кар.) 'жимолость голубая'. *Я ем ижуман, в нём митаминьы есть.* К-перм. иньв, к-зыр. вв. лл., печ., скр., сс. *ыжман*; вв., иж., сс. *ыжмалъ*; зюзд. *узьнень*. В обвинские говоры это слово попало из иньвенского диалекта коми-пермяцкого языка; см. также КЭСК, 328–329.

ЛЫЧ (Сол.) 'стебли корнеплодов'. *Лыч картовной бывает, когда картошка растёт дак.* Ср.: к-перм. (сев) *лыч*, куд. *выч* 'ботва картофеля, репы, брюквы'; к-зыр. диал. *лыч* 'то же'. Направление заимствования неясно.

ЧАГА (Ил., Кар., Сол., Черд.) 'гриб-трутовик, вырастающий на стволе березы'. По распространенному мнению, связано с коми *тшак* 'гриб' (SLR, 41; Фасмер IV, 310;

ФУЗ, 3?). Нам представляется, что ближе всего к русскому чага к-перм. юсьв. *тиака* 'березовый гриб, гриб-трутовик'.

Слова, относящиеся к одежде и обуви

КОТЫ (Красновиш., Сол., Ус., Черд.) 'легкая, без каблуков, кожаная, преимущественно женская обувь, обычно с красными суконными опушками. Носят ее главным образом пожилые люди'. К-перм. *кӧм-кӧт*, к-зыр. *кӧм-кот* 'обувь всякая'; диал. *кот* 'погребальная кожаная обувь, надеваемая на ноги покойника' (ССКЗД, 167). Впрочем, Калима считает, что коми слова заимствованы из русского языка (SLR, 65).

ЛУЗАН, ЛЫЗАН (Красновиш., Черд.) 'теплая рубашка без рукавов из домотканного сукна, часто в полоску, которую носили охотники'. *Лызан надевали охотники, дак ззаде корман, туда клали фсяку дичь*. Ср. иж. *luzan* 'накидка охотников' (SLR, 31); см. также ФУЗ, 30.

ШАБУР (Ил., Кар., Сол., Ус., Черд.) 'старинная верхняя одежда, сшитая из грубого холста с обтянутой талией и с частыми бориками'. Язык-источник этого слова — древнечувашский, но в русские говоры оно могло войти через коми язык (КЭСК, 316). Впрочем, Калима не сомневается, что коми слово заимствовано из русского языка, где широко представлено (SLR, 136). Встречается в топонимии Пермской области; ср. д. *Шабурова* (Куд.), *Шабурь* (Бард., Част.), *Нижние Шабурь*, *Верхние Шабурь* (Вер.). В основах этих названий чаще прозвища.

ШУЛЬ, ШУЛЁК (Сол., Ус.) 'узкая полоска лыка, бересты, служащая для плетения лаптей, корзин'. Заимствовано из коми; ср. к-перм., к-зыр. *шуйль*, удм. *шилъя* 'то же' (КЭСК, 324).

Слова, относящиеся к посуде

ТУЕС, ТУЕСОК, ТУСОК (Ил., Кар., Сол., Красновиш., Черд.) 'берестяная посуда цилиндрической формы с плотно пригнанной крышкой и дужкой к ней. Служит для хранения питья на поле, покосе, для сбора ягод'. Ср. к-перм., к-зыр. *туйис*, *туис*; кя. *туйис* 'то же' (SLR, 39).

ЧЁЛЫШ, ЧЁЛЫШКА (Ил., Кар., Красновиш., Сол.) 'шумовка, поварешка'. *Чёлышом пельмяни достают*. Корень *чёл-* представлен в коми глаголе *чӧвтны*, *чӧлтны* 'наложить, накладывать, разливать что-либо, например, на тарелку'. *Чёлыш* первоначально, возможно, 'разливательная ложка' (Беляева, 676).

ЧУМАН (Вер., Ил., Кар., Сол., Черд.) 'берестяная посуда обычно четырехугольной формы в виде салатницы'. **ЧУМАНОК** уменьш. к *чуман*. Слово общепермское, к-перм., кя., к-зыр. *чуман*, удм. *чумон* 'то же'. Чуманы делают в лесу из свежей бересты, когда захотят пить из лесного ручья. Используют их также в качестве набирушки при сборе ягод. Общепермское *чуман* древнечувашского происхождения. В русские говоры Верхнего Прикамья оно попало через язык камских коми (КЭСК, 313).

Слово *чуман* представлено в топонимии: д. *Чуманы* (Вер., Ил.). В основе таких ойконимов прозвища: 1. *чуман* или *чуман ѓм* 'со ртом в форме чумана, криворотый, большеротый'. 2. *чуман*, *сьӧд чуман* 'черномазый, грязный, чумазый'. Последнее от слова *чуман* (к-перм.) 'чело русской печи'.

Слова, передающие особенности в характере, поведении

АРТ. Встречается в «Толковом словаре» В. Даля с пометой перм. в значении 'толк, лад, смысл, умение'; см. также КЭСК, 34. В русские говоры Пермской области попало из коми языка; ср. к-перм., к-зыр. диал. *арт* 'лад, толк, порядок'; *арта* 'умный, толковый,

умелый, смысленный'; *арттём* 'неумный, бестолковый, неладный'; *артавны* 'понимать, разуметь'; *артмыны* 'удаваться, получитьсь'.

ЛАЧА (Сол., Ус.) 'способ, манера, образец; лад' (Беляева, 277). В современных коми-пермяцких говорах это слово не обнаружено, в к-зыр. *лача* 'надежда' (SLR, 30). М. Фасмер русское *лача*, встречающееся, кроме пермских, в сибирских, псковских говорах, считает коми заимствованием (II, 468). В. И. Лыткин с осторожностью сближает это слово с коми-язьвинским *ладз-* 'опадать, убивать (об опухоли, тесте, воде)', т. е. 'приходить в норму' (КЭСК, 158).

НЯТЯ (Ил., Кар.) 'талый, вялый, как кисель или грязь'. *Чо ты как нятя сидишь?* Коми *нять* 'грязь на земле'.

СЯМ (Ил., Кар.) 'толк, умение'. *У него нету сям, он бессямной* 'он неумен, он бестолков'. К-перм. диал. нерд. *сям* 'то же'; *сяма* 'умелый, толковый', *сямтём* 'бестолковый'.

СЯМАТЬ. Этот глагол приводится в «Толковом словаре» В. Даля с пометой влгд. в значении 'понимать, разуметь, постигать'. В таком же значении он встречается в обвинских говорах, в частности в карагайском. Ср. иж. печ. вычег. *sammjnj* 'то же' (SLR, 38).

Слова, отражающие суеверные представления, верования

КУЛАН (Красновиш.) 'смертный; смертельно больной человек'. *Кулан — это тот, который болеет и не выживет, умрёт*. Ср. к-перм. *кулан* 'то же'.

ЧЕМЁР (Красновиш., Сол.) 'головная боль; сверхъестественная сила, которая, по суеверным представлениям, забирается в голову и вызывает головную боль'. *Волосы подёргают, подерут чемёр-от, лучше быват*. См. также Беляева, 676.

ЧОМОР (Ил., Кар., Сол., Ус., Черд.) 'черт, бес, дьявол'. Встречается в выражениях: *чомор знат, подь ты к чомору*, в смысле 'подь ты к дьяволу'. Севернорусское *чомор* В. И. Лыткин выводит из коми *чомор*, исходным значением которого, как он полагает, было 'дух, бог хозяйства, бог урожая, земледелия, семейного благополучия'. Значение 'черт, дьявол', по его мнению, вторичное (КЭСК, 309).

ШАЙ входит во фразеологизм в **ШАЙ ВПАСТЬ** (Ил., Кар., Сол., Ус., Черд.). Значение его — 'прийти в уныние, впасть в отчаяние'. *Совсем я в шай впала, когда узнала, что дед умер* (Прокошева, 73). В близком значении употребляется коми-пермяцкий фразеологизм *шай-пай лоны* или *шай-пай мунны* 'прийти в замешательство'. В сходном значении встречается фразеологизм в коми-зырянском *шай-паймунны* 'опешить, растеряться, прийти в замешательство, удивиться'. Слово, видимо, древнее. В. И. Лыткин восстанавливает для него архетип *шай* (КЭСК, 316).

ШИЛИКУН, ШУЛИКАН, ШУЛИКУН (Ил., Кар., Сол.) 'тот, кто наряжается в кого-либо во время святок'. *Шуликаны бегают переодетыми в рождество*. Происхождение слова неясно. Обращает на себя внимание к-перм. *кулюшун* 'водяной дух'. По суеверным представлениям, во время святок особую активность проявляют чуды — родственные *кулюшунам* существа. Они забираются в дома, оскверняют питье, продукты, всячески вредят людям, могут даже затащить их в прорубь. Возможно, что *шуликан* — видоизмененное *кулюшун*. При заимствовании могла произойти метатеза, а также диссимиляция гласных, что изменило *кулюшун* в *шуликун*. На такую мысль наводят такие выражения, встречающиеся в коми-пермяцких говорах, как: *эн лэдзчы вадёрас, шуликунинэс кыскасё* 'не ходи к реке, шуликуны потянут в воду'.

Слова, относящиеся к земледелию

КУШТАН (Ил., Кар., Красновиш., Сол., Ус., Черд.) 'орудие обработки земли типа мотыги с короткой рукояткой и с массивной железной частью'. *Если земля твердая, ее разрыхляют куштаном*. См. также Даль II, 224. Ср. к-перм. *куштан* 'то же' (SLR, 29).

ШОРОМ (Ил., Кар., Сол.) 'большая укладка небомолоченного хлеба, иногда гороха'. В. И. Лыткин это слово считает коми заимствованием. Он сопоставляет *шором* с коми *сёрём* 'скирда', которое производит от *сёр* 'перекладина' или *сёрйыны* 'складывать', первоначально 'кладь, кладуха' (КЭСК, 254). Современное коми *шором* рассматривается как обратное заимствование из севернорусских говоров (SLR, 50).

ШУТЁМ (Вер., Ил., Кар., Краоновиш., Сол., Черд.) 'заброшенное поле, пустошь, редкий лес на месте бывшего поля'. **ШУТЁМИНА, ШУТЁМНЫЙ** 'относящийся к шутёму'; **ШУТЁМНАЯ ТРАВА** 'трава, выросшая на месте шутёма'. Коми-пермяцкое *шутём*, сев. *шотём* 'то же'. Происхождение слова и направление заимствования не совсем ясны. Имеется возможность объяснить с помощью коми *сютём*. Вопреки М. Фасмеру (IV, 492), коми-пермяцкое *сютём* употребляется не только в значении 'не имеющий зерна, хлеба', но и в значении 'незасеваемое место'. Такие незасеваемые, невозделанные поля неизбежно возникала при подсечном земледелии: истощенная земля временно забрасывалась, превращалась в *шутём*, т. е. в *сютём ин*, буквально 'место без хлебов на корню'. Современные коми-пермяцкие формы *шотём*, *шутём* представляются обратными заимствованиями (SLR, 50–51).

Слова, относящиеся к пище

ДЗАС (Красновиш.) 'гуща чего-либо, чаще пива'. Возможна связь этого слова с коми *идзас* 'солома'. Такое значение *идзас* могло получить в результате метонимического переноса: первоначально обозначало только то, что находится под непроцеженным пивом (на дно корчаги с замешанным пивом коми-пермяки кладут солому, чтобы сусло лучше стекало в подставляемый сосуд), затем *идзас* расширило значение, стало обозначать все, что оседает на дно чего-либо, т. е. гушу.

КАЧ (Ил., Кар., Сол.) 'пихтовая кора вместе с подкорьем'. В голодные годы в сушеном виде с примесью муки или крупы она употреблялась в пищу. **КАЧКА** (Красновиш.) 'то же'. Ср. к-перм., к-зыр. *кач* 'кора деревьев, преимущественно пихтовая, которая в бедных крестьянских семьях нередко шла в хлеб, в похлебку' (SLR, 24).

НЯНЬ, НЯНЬКА (Ил., Кар., Черд.) 'маленький кусочек хлеба, который дают детям (чаще употребляется в речи с детьми)'. *На, поешь маленько вот этот нянь*. Ср. коми *нянь* 'печеный хлеб'; см. также ФУЗ, 31.

ПЕЛЬМЕНИ, ПЕЛЬМЕНЬ (лит.). В говорах Верхнего Прикамья встречается в разных формах: *пелян, пеллян, пелянка, пельмян, пермень, пермян* ед.; *пеляны, пельяны, пелляны, пельмяны, пермени* мн.; ср. коми, удм. *пельнянь* буквально 'ухо-хлеб'; пельмени представляют собой маленькие пирожки в форме уха, сделанные из пресного теста с мясной начинкой и отваренные в крутом кипятке. Слово попало в русские говоры, возможно, еще в общекоми период. В русский литературный язык вошло через севернорусскую среду; см. Фасмер III, 230; КЭСК, 219; ФУЗ, 33.

Слова, обозначающие части тела

ЧАЛЬПА (Красновиш.) 'конечности (руки, ноги)' *Куда чальпы-те поволокла?*, в смысле: 'куда направилась?' В коми-пермяцком *чальпа* 1. 'долька, зубок луковицы'; 2. 'ответвление', например, лога; ср. к-зыр. *чальёг* 'приток ручья'.

Названия украшений

БАСА (Ил., Кар., Красновиш., Сол.) ‘красота, украшение; то, что нравится’.
БАСЁНА ‘человек, любящий наряжаться; шеголь, франт’.

БАСИТЬСЯ ‘прихорашиваться’. **БАСКОЙ, БАСЕНЬКОЙ, БАСКОНЬКОЙ** ‘красивый, красивенький, привлекательный’. **БАСКО** ‘красиво’. К-зыр. *бас* ‘украшение’; к-перм., к-зыр. *басок* ‘красивый, красиво’; к-зыр., *баситны* ‘украшать’; *баситчины* ‘наряжаться, прихорашиваться’. Заимствовано из русского языка (SLR, 16).

Слово *баса* принято считать севернорусским заимствованием. В. И. Лыткин, основываясь на распространении слова только на севере Европейской части России и на том факте, что в других славянских языках оно не встречается, а также принимая во внимание сопоставление севернорусского *баса* М. Фасмером с древнеиндийским *bhās, bhāsas* ‘свет, блеск’, высказывает предположение, что в коми язык это слово попало не из русского, а из иранского источника. Коми его передали русским. Коми производные слова с элементами *-к-, -ит-* представляют собой обратные заимствования (КЭСК, 37).

ПЕЛЬКЕШИ, ПЕЛЬКЕШИЙ (Красновиш.) ‘серьги’. Ср. коми *пелькытши* ‘то же’. Состоит из двух компонентов: *пель* ‘ухо’ и *кытши* ‘кольцо, шар, круг’.

Служебные слова

АБА, АБУ, АБЫ (Ил., Кар., Красновиш., Сол., Черд.) ‘нет, не имеется, не’. *Повидла абу, дак мы ягоды кладём на тесто* (Беляева, 23). *Деньги абу больше. У него жена абы, померла недавно*. Коми *абу* — частица отрицания.

ТАЙ, частица ‘оказывается’. Встречается только на границе с Коми-Пермяцким автономным округом, например, в нердвинских говорах. *Трактор-от роботат тай уже*. Коми *тай* ‘оказывается’.

Особо следует остановиться на звукоподражательных или оноματοпоэтических словах. Они воспроизводят (условно) различного рода природные и другие звучания, копируя их с помощью звуков речи на основе слухового восприятия. В коми языке, как и в других языках Волго-Камья, звукоподражания представлены весьма богато. Это объясняется тем, что язык вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции оставался разговорно-бытовым, обслуживал быт крестьян, трудовая деятельность которых проходила почти исключительно среди природы. Например, только условных изображений текущей жидкости в коми языке насчитывается более десяти.

Звукоподражания, а также образоподражательные слова коми-пермяцкого языка, объединенные под общим названием «изобразительные слова», проанализированы нами в ряде работ⁸.

Языковые (фонетические) особенности накладывают на слуховое восприятие известный отпечаток. Именно этим обусловлен тот факт, что одинаковые звуки у разных народов часто передаются различным образом в языках. Так, в звоне колокольчика русский слышит *динь-динь-динь*, а коми-пермяки звуки такого же колокольчика воспроизводят как *силь-силь-силь*, отсюда имя существительное *силькан* ‘колокольчик’. В мяуканьи кошки русские Верхнего Прикамья улавливают *мяв-мяв*, отсюда *мявкать* ‘мяукать’, коми-пермяки — *няв-няв*. Особенности их языка (отсутствие мягкой фонемы [м']) не позволяют копировать кошачье мяуканье как *мяв-мяв*, а звуковой комплекс *мяв-мяв*, по их представлениям, менее соответствует для этой цели, чем *няв-няв*.

⁸ Кривошецова-Гантман А. С. Изобразительные слова // Коми-пермяцкий язык. Кудымкар. 1962. С. 319–322; Она же. Место изобразительных слов в системе частей речи коми-пермяцкого языка // Вопросы финно-угорского языкознания. Грамматика и лексикология. М.–Л., 1964. С. 112–121.

В условиях интенсивных этнических контактов звукоподражания не могут быть свободны и от внешних влияний. Нам представляется, что среди созвучных ономастопоэтических слов имеется немало заимствований, как коми-пермяцких в русских говорах, так и русских в коми-пермяцких диалектах. Процессы заимствования задевают также производные от звукоподражательных основ слова. Бесспорными заимствованиями из коми-пермяцкого языка, по нашему мнению, являются следующие звукоподражательные слова.

ГЫЖИ-ГАЖИ (Ил., Кар.) 'подражание звукам царапанья, чесания', отсюда **ГЫЖГАТЬСЯ** 'чесаться, царапаться'; к-перм. *гыжъясьны* 'то же'; *гыжъявны* 'сцарапать, расцарапать, чесать'. В основе перечисленных слов коми *гыж* 'ноготь, коготь, копыто'; ср. удм. *гижы* 'то же'.

ГЫРЗ-ГЫРЗ или **ГЫРС-ГЫРС** (Ил., Кар., Красновиш., Сол.) подражание скрежету зубами. К-перм. *гырс-гырс* 'то же'. От этого звукоподражательного комплекса **ГЫРСКАТЬ** 'издавать скрежет зубами; **ГЫРСКАТЬСЯ** 'скрежетать'; ср. к-перм. *гырскыны* 'то же', кя. *гәрскинө* 'грызть (например сухари)'.
ДЗИЛИ-ДЗОЛИ (Ил., Кар.) — подражание течению жидкости. **ДЗОЛЬКАТЬ** 'журчать, течь тонкой струей в сосуд или выливаться из него'. *Дзили-дзоли течет молоко в подошницу*. «Дзили-дзоли дай поболе» (поговорка). Ср. к-перм. *дзиль-дзоль*, *дзили-дзоли лэдзчыны* или *дзольгыны-лэдзчыны* 'то же'.

ИВГАТЬ, ИВКАТЬ (Ил., Кар., Красновиш., Ус., Сол., Черд.) 'визгливо, громко хохотать'. В основе подражание коми-пермяков ржанию лошади, в котором они слышат *и-ив*. Ср. русск. *и-го-го*. Отсюда коми-пермяцкое *и-ив керлыны* или *ивгыны, ивзыны* 'ржать', перен. 'громко, нахально хохотать'. В русских говорах рассматриваемый глагол чаще встречается с переносным значением.

ПУРСКАТЬ (Черд.) 'брести по затвердевшему снегу'. Ср. к-перм. *пурскыны* 'то же'; к-зыр. *пурскыны* 'упасть, ввалиться во что-либо рыхлое, мягкое, например в снег'.

РУЗЫ-РАЗЫ (Ил., Кар.) 'подражание треску, хрусту (например, падающего дерева)'. К-перм. *ризь-разь, ризья-разья* 'то же'; к-зыр. диал. *руз-раз муины* 'хрустнуть, раздавиться с хрустом'.

ЧУРСКАТЬ (Сол.) 'пить небольшими глотками'. **ЧУРСКНУТЬ** или **ОТЧУРСКНУТЬ** 'выпить немного, глотнуть, отпить'. Ср. к-перм. *чурс* или *чурс-чурс керны* 'то же'; *чурснитны* 'отпить, глотнуть'; *чурскыны* 'пить с характерным звуком'.

Мы привели около 70 коми заимствований, которые бытуют в русских говорах Верхнего Прикамья (Верещагинского, Добрянского, Ильинского, Карагайского, Красновишерского, Кунгурского, Осинского, Пермского, Сивинского, Усольского, Соликамского, Чердынского районов). Происхождение большинства из них из коми языка бесспорно. Многие коми заимствования анализируются впервые, например: *вополь, зюлёк, ижман, калтык, курка, норос, нятя, пелькеши, пыром, тупка, шуль*.

Распространение коми заимствований происходило постепенно. Сначала они проникали в отдельные говоры, из них переносились на более широкую территорию. Некоторые, например *пельмень*, нашли прочное место в русском литературном языке.

Выявление коми-пермяцких заимствований этой работой не завершается. В процессе дальнейших поисков их список будет пополняться. Надо полагать, немало их обнаружится в зонах непосредственных контактов коми-пермяков и русских.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКА

ВОЗРОЖДЕННЫЙ ОКТЯБРЕМ ЯЗЫК *

Важным результатом успешного решения национального вопроса в нашей стране является всестороннее развитие языков всех социалистических наций и народностей Советского Союза.

*Из Постановления ЦК КПСС
«О подготовке к 50-летию образования СССР»*

В мире существует около трех тысяч языков. Среди них выделяются родственные группы, получившие название языковых семей. Они возникли и сформировались благодаря тому, что на ранних стадиях развития языки непрерывно дробились. Сравнительно-историческое языкознание в настоящее время насчитывает более двадцати языковых семей. В их числе имеется и финно-угорская, куда входит небольшой язык Верхнего Прикамья — коми-пермяцкий. О его новой жизни, возрождении за годы Советской власти и пойдет речь в этой статье.

Совместными усилиями ученых (языковедов, археологов, этнографов) установлена прародина финно-угорских языков — лесистая полоса Волго-Камья и западного Приуралья. Именно здесь, поблизости от индоевропейских (в частности, иранских) языков была распространена группа родственных диалектов, условно называемых в науке финно-угорским языком-основой, или праязыком. Определено и приблизительное время существования более тесного финно-угорского единства — эпоха неолита (третье тысячелетие до новой эры), а может быть и раньше.

На основе анализа общего для всех финно-угорских языков словарного фонда ученые не раз пытались воссоздать картину жизни неолитических племен северо-востока Европы, говоривших на диалектах финно-угорского языка-основы. Например, В. И. Лыткин, ссылаясь на венгерского учёного М. Жираи, отмечает, что финно-угорский пранарод переживал стадию матриархально-родового строя. Основным занятием его были охота и рыбная ловля. В какой-то мере ему были известны скотоводство и земледелие. Прафинно-угры знали тёплое жилище, некоторые металлы, например, золото и серебро, использовавшиеся в качестве украшений, орудия труда, изготавливаемые из камня и кости. Древние охотники и рыболовы имели прирученных животных, например собаку. Одежду шили из шкур и кож костяной иглой, посуду делали из дерева и глины. Они знали какое-то волокнистое растение и шерсть, умели прясть, ткать. Средствами передвижения для них были сани и лыжи зимой, лодка — летом¹.

Под влиянием каких-то факторов, быть может, изменения климата, передвижений народов, роста населения связи между отдельными группами финно-угров, расселявшихся на огромных пространствах, стали слабеть, а то и вовсе прекращаться. Первоначально близкие диалекты все более обособлялись, расходились. Это в конце концов привело к распаду былого единства.

* Языки и ономастика Прикамья. Пермь, 1973. С. 6–14.

¹ Коми-пермяцкий язык. Кудымкар, 1962. С. 21.

Прежде всего отделились угры — далёкие предки современных венгров (перекочевавших в Западную Европу во второй половине 1-го тысячелетия нашей эры), хантов и манси. Во II–I тысячелетии до новой эры от оставшейся части пранарода отпочковалась пермская ветвь, занявшая бассейны Камы и Вятки. Общепермская эпоха длилась около двух тысяч лет. В этот период появилось много общих для пермских языков явлений как в грамматическом строе, так и в словарном составе. В первом тысячелетии нашей эры общепермский язык распадается на удмуртский и коми. Формируется коми общность, просуществовавшая несколько столетий. Коми-пермяцкие и коми-зырянские языковые особенности ко времени существования Перми Великой на Каме и Малой Перми на Вычегде учёные считают уже окончательно сложившимися.

Коми-пермяцкий язык, как и другие финно-угорские языки, унаследовал от праязыка через общекоми и пермское единства ядро словарного состава и основы грамматического строя.

В течение веков постепенно повышалась материальная и духовная культура автохтонного населения Верхнего Прикамья. «Учёные доказали существование довольно высокого уровня развития сельского хозяйства, выделение ремесла (прежде всего металлургии и металлообработки) и на их основе развитие процесса разложения родового строя и начало формирования феодальных отношений еще в период существования Перми Великой»².

Важным событием, происшедшим полтысячелетия тому назад, было присоединение в 1472 году Перми Великой к Московскому государству. Установившиеся тесные контакты местного населения с русскими способствовали проникновению многих прогрессивных элементов в жизнь коми-пермяцкого народа. Коми-пермяки восприняли от русских более высокий бытовой уровень. Под их влиянием усовершенствовались жилище, улучшили одежду, подняли культуру земледелия. От русских усвоили обряды и песни. Всё это существенно обогатило и коми-пермяцкий язык. В него вошли такие слова, как: *голбеч* *, *западня*, *линивка*, *матича*, *полать* *, *назём*, *межа*, *полоса*, *загон*, *лён*, *деревня*, *улица*, *мельница*, *овчина* *, *сапог*, *родня*, *тесть*, *гость* *, *сват*, *сватья*, *жённик*, *дед*, *баб*, *дова* *, *зять*, *нучок*, *нучатка* и другие.

Вместе с тем проводившаяся царизмом политика насильственной ассимиляции сдерживала экономическое и культурное развитие коми-пермяков. Коми край был отсталым захолустьем России, источником дешёвого сырья промышленников и капиталистов, местом ссылки политически «неблагонадёжных». Неприкрашенную правду о жизни коми-пермяков бывшего Чердынского уезда при царизме поведал писатель-демократ XIX в. Ф. М. Решетников в известной повести «Подлиповцы». Её герои — обездоленные труженики, и жизнь их безысходна, а самому народу Пилы и Сысойки угрожает вымирание.

Язык коми-пермяков также испытал гнёт царизма. Он оставался бесправным, не знал письменности, имел бедный, однобокий словарь. Обслуживал лишь семью да хозяйственную жизнь деревни. Являлся средством общения для носителей разных говоров, был языком фольклора народа. Вполне понятно, что до революции он не мог развить многие общественные функции.

К XIX в. полностью обрусели пермяки, проживавшие в северо-восточной и южной частях территории распространения так называемой родановской археологической культуры (современные Чердынский, Соликамский, Усольский, Ильинский, Карагайский, Сивинский, Верещагинский и другие районы). Были ассимилированы и диалекты, на которых общались исчезнувшие группы коми-пермяков. Теперь о былых обитателях напоминают лишь необычные для русского языка названия рек, ручьёв и населённых пунктов (*Обва*, *Кизьва*, *Колва*, *Чердынь*, *Кизел*, *Вильгорт*), а также фамилии (*Куимов*,

² *Оборин В. А.* Некоторые вопросы этногенеза коми-пермяков // Вопросы марксистско-ленинской теории нации и национальных отношений. Пермь, 1972. С. 125.

* [Так в тексте. — Ö. Л.]

Сизимов, Юсев, Дозморов, Сюзёв, Волегов, Колегов, Лунегов, Ратегов, Кочев, Кучков, Кучев, Ошев, Ябуров, Пыстогов, Порсев, Кынкурогов, Сизёв, Кычанов, Кушпелев, Чалин, Мичин, Мичков, Мичкин, Нилогов, Седегов, Ужесгов).

Коми-пермяцкий язык продолжал звучать в северной излучине Камы, в бассейнах её притоков Иньвы и Косы. В XIX в. быт и язык иньвенских пермяков был изучен лесничим Иньвенской дачи имения Строгановых Н. А. Роговым, оставившим грамматику и словарь. Это наиболее полные памятники о коми-пермяцком языке дореволюционного периода. В предисловии к словарю Н. А. Рогов, по-видимому, не без основания заметил, что иньвенские пермяки заметно русеют, их «природный» язык начинает заменяться русским. «Такое положение пермяков и пермяцкого языка подали мне повод думать, — писал Н. Рогов, — что пермяцкий язык со временем вовсе выйдет из употребления и потеряется. Чтобы сохранить памятник этого языка, я в 1849 г. счёл нужным составить полный пермяцкий словарь»³.

Прошло приблизительно полстолетия... Грянул гром Великого Октября! В жизни всех народов России началась новая эпоха. С этого времени нисходящая линия развития коми-пермяцкого народа и его языка сменилась восходящей. В «Декларации прав народов России», опубликованной Советом Народных Комиссаров 2 ноября 1917 года, провозглашались равенство и суверенитет народов России, отмена всех национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений, свободное развитие всех национальных меньшинств и этнических групп, населяющих страну. В. И. Ленин писал: «Мы хотим добровольного союза наций, — такого союза, который не допускал бы никакого насилия одной нации над другой, — такого союза, который был бы основан на полном доверии...»⁴. Этот союз равноправных народов был создан 30 декабря 1922 года. 1-й Всесоюзный съезд Советов, принял Декларацию и Договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик.

За годы Советской власти на основе ленинской национальной политики добровольный союз народов упрочивался и развивался. Соответствующее место в нём заняли и коми-пермяки. Политическое развитие возрождённого Октябрьской революцией народа нашло своё отражение в образовании в 1925 году Коми-Пермяцкого национального округа, который объединил коми-пермяков бассейнов Иньвы и Косы. Вне округа остались лишь небольшие группы сильно отдалённых от основной массы коми-пермяков верх-язвинские коми, а также затерявшиеся среди лесов в истоках Камы мелкие группы так называемых зюздинских пермяков бывшего Глазовского уезда Вятской губернии, ныне входящих в Кировскую область. Коми-пермяцкий народ при братской помощи других народов Советского Союза, и прежде всего великого русского народа, включился как равный среди равных в социалистическое строительство. Ленинский план построения социализма, предусматривавший кооперирование сельского хозяйства, индустриализацию страны, осуществление культурной революции, был претворен в жизнь многонациональным советским народом, возглавляемым Коммунистической партией. Это привело к всестороннему развитию и обогащению языков народов СССР, в том числе и коми-пермяцкого. Отражая все изменения в жизни народа, этот, в прошлом бесписьменный, обречённый на вымирание, язык стал развиваться ускоренными темпами. Особенно чутко реагировал на все перемены словарный состав. Его интенсивное обогащение шло двумя путями. Один из них — создание новых слов из ресурсов самого коми-пермяцкого языка. Этим путём возникли, например, многочисленные слова, обозначающие различные абстрактные понятия (*вылына* 'высота', *сьдыкта* 'вес, тяжесть', *бöрийм* 'выборы'). Слова с более конкретным значением стали употребляться в абстрактном значении. Например, *бöрийыны* означало только 'выбирать', скажем, картошку, теперь — 'выбирать должностное лицо, участвовать в выборах'. *Жугдыны* раньше — 'разбить что-либо материальное (посуду)', теперь приобрело также значение

³ Рогов Н. А. Пермяцко-русский и русско-пермяцкий словарь. СПб. 1869.

⁴ Ленин В. И. Полное собр. соч. Том 40. С. 43.

‘разрушить общественный строй, старый порядок’. *Пыртны* раньше только: ‘занести что-либо’, например, в помещение, ‘завести кого-либо’, теперь и ‘претворить’ (ср. *пыртны оланö* ‘претворить в жизнь’). *Велöтчыны* раньше — ‘учиться чему-либо’, теперь — ‘учиться по определённой программе в школе, в вузе’.

Таким же образом были созданы некоторые термины и профессиональная лексика, например: *няньпöжались* ‘пекарь’, *увсуййись* ‘сучкоруб’, *подавöдитись* ‘скотовод’, *мöсвысьтись* ‘доярка’, *содтöм* ‘прибавление’, *чинтöм* ‘вычитание’, *сёрни тор* ‘часть речи’, *аскоддялöм* ‘ассимиляция’ и т. д.

Другой путь — очень продуктивный для бесписьменного языка — использование лексического богатства русского языка. Особое положение русского языка в нашей стране как средства межнационального общения, сплочения и сотрудничества народов СССР привело к тому, что их языки стали усиленно обогащаться за счет заимствований из этого языка. Благодаря этому начал складываться и крепнуть общий для всех национальных языков СССР фонд лексики, обозначающий понятия, связанные с новыми, социалистическими условиями жизни советских людей. Коми-пермяцкий народ, например, берет из русского языка готовую общественно-политическую и научную терминологию (*совет, депутат, партия, съезд, актив, агитатор, комсомол, колхоз, совхоз*), слова, обозначающие необходимые понятия из экономики (*производство, промышленность, продукция, товар, стоимость*), культуры и домашнего быта (*стул, кресло, комод, кровать, диван, кино, театр, музей, экскурсия*). Наличие этого общего словарного фонда имеет огромное значение для продвижения многонационального советского народа вперёд по пути строительства коммунизма, поскольку облегчает взаимопонимание и сотрудничество народов в нашей стране. «Русский язык является испытанным средством межнационального общения и сотрудничества, он стал вторым родным языком всех народов СССР. Русский язык — это могучий ускоритель процесса сближения наций. Русский язык — это знамя дружбы и братства народов»⁵.

На новые требования коми-пермяцкий язык отозвался также большими изменениями в отдельных участках грамматической структуры. Так, в синтаксисе громоздкие обороты, состоящие из сочетания отглагольных слов с зависимыми членами с твёрдым порядком слов, стали уступать место, особенно в книжной речи, сложным конструкциям с придаточными предложениями по образцу русского языка. Возник синтаксис сложноподчинённого предложения, аналогичный русскому синтаксису. При этом та или иная синтаксическая модель влекла за собой и формальные средства скрепления частей сложного предложения — союзы русского языка, ср. *И гордöй талун тэ и рад, что тэсь петис виль учитель* (С. Караваев) ‘И горда ты сегодня и радостна, что стала учительницей’. *Нем нийö оз видз гортын, көть би мороз, көть лэбтисяс падера да син не бан оз тыдав.* (М. Лихачёв) ‘Ничего их не удержит дома, хотя и трескучий мороз, хотя и такая вьюга, что на улице ничего не видно’.

Из русского языка были заимствованы также отдельные суффиксы и другие грамматические форманты, ср. *пожумасник* ‘сосняк’, *баддясник* ‘ивняк’, *сэтöрасник* ‘место, порослое смородиной’, *вонушко* ‘братец’, *союшко* ‘сестричка’, *нылочка* ‘девочка’, *зоночка* ‘мальчишечка’, *зюнок* ‘сыннок’, *рудзöжок* ‘рожь’, *Степаново, Артамоново, Федотово* (названия деревень). Артикуляционная база коми-пермяков обогатилась навыками, необходимыми для произношения звуков *х, ф, ц, рь, мь, вь*, отсутствовавших в бытовом языке.

Таким образом, коми-пермяцкий язык в процессе развития за годы Советской власти испытал и продолжает испытывать огромное благотворное влияние со стороны русского языка. Может возникнуть вопрос, не угрожает ли это самобытности, самостоятельности коми-пермяцкого языка? На него можно ответить только отрицательно.

⁵ Речь т. Ш. Р. Рашидова, Первого секретаря ЦК Компартии Узбекистана на XXIV съезде КПСС // Правда. 1971. 2 апреля.

Заемствованные слова — это один из важнейших источников обогащения словаря любого языка на всех этапах общественного развития. И чем теснее экономические, политические и культурные связи между народами, тем богаче и разностороннее языковые контакты. Имеется немало примеров, когда в лексике даже очень богатого языка (например, английского, корейского) иноязычных слов оказывалось больше, чем своих, исконных, и от этого самобытность языка нисколько не страдала. Заимствования из русского языка органически входят в систему коми-пермяцкого языка и употребляются согласно его нормам, приспособляясь к грамматическому строю и фонетической системе.

Русский язык не только помогал коми-пермяцкому языку достичь того уровня развития, который стал необходим в социалистических условиях для нужд общения внутри Коми-Пермяцкого округа. Он также взял на себя некоторые общественные функции этого языка. Так, коми-пермяцкий язык добровольно отдал ему функцию обслуживания делопроизводства. Велика тяга коми-пермяков к русскому языку как к языку межнационального общения. По данным переписи населения СССР 1970 года 68,5% коми-пермяков свободно владеет русским языком. В условиях многонационального государства необходимость знать, кроме родного языка, второй, который бы служил средством взаимопонимания, диктуется самой жизнью.

Интернационализация общественной жизни советских людей, сближение социалистических наций на современном этапе ни в коем случае не означает «денационализацию» их. Реальное подтверждение этого — экономический, политический и духовный расцвет каждой нации и народности СССР, в том числе и такого маленького народа, как коми-пермяцкий. Что же касается его языка, то в исключительно благоприятных условиях, созданных Советской властью, он из вымирающего превратился в один из достаточно богатых языков нашей страны. Этот язык не только не ассимилировался, но и развил новые важнейшие общественные функции, став языком общественно-политической жизни в селе, в колхозе, языком национальной художественной литературы, языком национального театра и художественной самодеятельности, местных периодических изданий и радиопередач, общественно-политической и научной литературы. На коми-пермяцком языке ведётся преподавание в начальной национальной школе, он как равноправный предмет изучается в средней школе. В Пермском педагогическом институте имеется отделение, готовящее преподавателей русского и родного языков для коми-пермяцкой школы. В дописменный период коми-пермяцкий язык не имел стилистической дифференциации, теперь вырабатываются книжно-письменный и другие стили, формируется терминология.

Ленинская национальная политика воспитала в советских людях как идеологию социалистического интернационализма и советского патриотизма, так и любовь к своей нации, к ее славным историческим традициям, к своей культуре, к своему языку. Об этом, в частности, говорит тот факт, что, как показывают данные двух последних переписей населения СССР, численность коми-пермяков не уменьшается: если в 1959 году их общее количество было 144 тысячи, то в 1970 стало уже 153 тысячи. Из них в 1970 году коми-пермяцкий язык назвали родным 85,8%. Все это полностью опровергает вымыслы буржуазных идеологов о якобы русификаторской политике Советской власти.

В развитии коми-пермяцкого языка в настоящее время наблюдаются две сопутствующие и взаимопроникающие тенденции: всестороннее развитие и расцвет и интенсивное сближение с русским языком. Расцвет обусловлен сближением, сближение же происходит на основе расцвета. Эти две тенденции пронизывают все языки народов СССР, и в этом находит отражение закон двух тенденций развития самих наций.

Успехи коми-пермяцкого народа в социалистическом строительстве, бурное развитие коми-пермяцкого языка в годы Советской власти не могли не вызвать к жизни науку об этом языке — коми-пермяцкое языковедение. До Великой Октябрьской социалистической революции специальной литературы о коми-пермяцком языке не было, если не считать работы отдельных энтузиастов, вроде уже упоминавшегося Н. А. Рогова,

который, кстати сказать, и не был языковедом. Строительство социализма в нашей стране выдвинуло на передний план ряд неотложных задач: создание алфавитов и литературных языков для в прошлом бесписьменных языков, каким был и коми-пермяцкий, а также учебников для национальной школы. А этой работе должно было предшествовать детальное изучение всех структурных частей языковой системы: грамматического и фонетического строя, словарного состава. Коми-пермяцкий народ выдвинул для этой работы из своей среды исследователей родного языка, успешно защитивших диссертации.

Начали появляться и фундаментальные труды. В 1940 году была выпущена первая нормативная «Грамматика коми-пермяцкого языка», составленная И. И. Майшевым. В 1962 году вышла в Кудымкаре первая научная грамматика «Коми-пермяцкий язык», подготовленная авторским коллективом под руководством и при соавторстве ныне виднейшего финно-угроведа проф. В. И. Лыткина. Она обобщила многолетние исследования советских ученых по коми-пермяцкому языку. На основе перечисленных и других работ были коренным образом улучшены школьные учебники. В настоящее время коми-пермяцкая школа полностью обеспечена всеми необходимыми учебниками.

Лексика коми-пермяцкого языка отражена в орфографических словарях, изданных в 1945 и в 1966 годах. В течение двадцати с лишним лет ведется большая работа по составлению полного коми-пермяцко-русского словаря. Все большее внимание привлекают коми-пермяцкие диалекты, история языка, топонимия, антропонимия, язык художественных произведений, фольклор народа.

О результатах научных изысканий специалисты по коми-пермяцкому языку докладывают на Всесоюзных конференциях, которые собираются каждые два года. Теперь комиведы готовятся к очередной, 15-й конференции по финно-угроведению, которая состоится в г. Петрозаводске в 1974 году. С исследованиями по коми-пермяцкому языку ученые-комиведы выступали и на III Международном конгрессе финно-угроведов, состоявшемся в Таллинне в августе 1970 года.

Таким образом, коми-пермяцкий язык, как и все языки народов СССР, в условиях Советской власти возродился к новой жизни и получил широкие возможности для дальнейшего развития и совершенствования. Расцвет языков социалистических наций и народностей — одно из величайших достижений социалистического строя жизни свободных народов, добровольно объединившихся в Союз Советских Социалистических Республик более полувека тому назад.

КОМИ-ПЕРМЯЦКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ ЗА 50 ЛЕТ *

До Великой Октябрьской социалистической революции науки о коми-пермяцком языке не было. Царизм, не заинтересованный в возрождении народов России, не создавал условий для развития таких малых народов, как коми-пермяки. Интерес к языкам небольших народов огромной Российской империи проявляли лишь любители, которые описывали все известные им факты, подводя их под привычную грамматическую схему русского языка. Единственной целью таких описаний было — оставить науке материал по вымирающим языкам. Например, лесничий Иньвенского округа вотчины Строгановых Н. А. Рогов так определил цели и задачи своих трудов: «...коренные пермяки заметно русеют и... природный язык их начинает заменяться русским... Чтобы сохранить памятник этого языка, я в 1849 году счел нужным составить полный пермяцкий Словарь»¹.

Немногочисленные издания по коми-пермяцкому языку, которые удавалось осуществлять при царизме, до народа – носителя языка не доходили. Сам язык в школе не изучался. Любительским же трудам, в том числе и работам Н. А. Рогова, кстати сказать, отнесшегося к составлению памятников коми-пермяцкого языка с исключительной добросовестностью, суждено было лежать на полках академических библиотек. В настоящее время они являются библиографической редкостью, хотя и своего значения как справочный материал при историческом изучении языка не утратили по сей день.

Подлинный научный интерес к коми-пермяцкому языку появился только после революции, провозгласившей равноправие всех народов СССР, создавшей широкие возможности для беспрепятственного развития их культуры, экономики. Коренные изменения в жизни коми-пермяков привели к расширению общественных функций их языка. Если раньше он обслуживал только быт крестьян, их фольклор, то теперь язык небольшого народа обрел литературную форму и развил новые функции, стал языком общественно-политической жизни в деревне, национальной художественной литературы, национального театра, национальной художественной самодеятельности и в какой-то степени языком периодической печати, местного радиовещания. Родной язык коми-пермяков занял соответствующее место и в школьном преподавании.

Успехи коми-пермяцкого народа в социалистическом строительстве и обусловленное этим бурное развитие коми-пермяцкого языка в годы Советской власти не могли не вызвать к жизни и науку об этом языке — коми-пермяцкое языкознание.

Коми-пермяцкое языкознание как в начале своего развития, так и в последующие времена откликалось в основном на требования жизни. Но решение практических задач невозможно было без теоретического осмысления важнейших вопросов языкового строительства. В 20–30-е годы некоторые учителя и творческие работники (М. П. Лихачев, А. Н. Зубов, С. Ф. Грибанов, Ф. А. Тупицын, А. Т. Мошегова) являлись не только авторами первых учебников, но и первыми теоретиками, старавшимися осмыслить сложные процессы развития коми-пермяцкого языка, выявить хотя бы наиболее общие закономерности фонетического и грамматического строя, чтобы отразить их в составляемых книгах для школы.

* Лингвистическое краеведение Прикамья. Пермь, 1977. С. 20–33. Статья была написана по материалам доклада, прочитанного на научно-практической конференции в честь 50-летия Коми-Пермяцкого округа в г. Кудымкаре в январе 1975 г.

¹ Рогов Н. А. Пермячко-русский и русско-пермяцкий словарь. СПб., 1869.

В истории коми-пермяцкого языкознания условно можно выделить два периода развития: первый охватывает время до 1945 г., второй — с 1945 г. до наших дней.

До 1945 г. коми-пермяцкое языкознание удовлетворяло в основном потребности начальной и средней национальной школы, оказывая помощь в создании учебников, и способствовало ликвидации неграмотности среди населения. Во второй период оно стало обслуживать филологическую науку.

Первыми и важнейшими теоретическими проблемами, которые была призвана решать молодая наука, явились строительство литературного коми-пермяцкого языка и создание алфавита. Вопрос о том, на какой основе создавать литературный язык, потребовал немало усилий. В то время, когда в г. Кудымкаре проходили дискуссии по этому вопросу, на территории Коми-Пермяцкого округа, как и теперь, звучали два наречия: северное (группа говоров косинско-камских пермяков) и южное (территориальные разновидности речи иньвенских пермяков). Главное отличие этих наречий — своеобразное употребление звуков *л* и *в*. Южные пермяки звук *в* употребляют не только вместо исконного *в*, но и вместо *л*. Северные же пермяки звук *л* сохраняют во всех позициях.

После длительного изучения решено было сблизить эти два наречия, приняв за основу употребление *л* и *в* коми-республиканского литературного языка, включающего основные особенности обоих коми-пермяцких наречий. Этим и объясняется тот факт, что нормы употребления *л* и *в*, которыми мы теперь пользуемся, не совпадают ни с одним из коми-пермяцких диалектов. Несмотря на это, время показало, что вопрос о нормах употребления *л* и *в* в те времена основоположниками коми-пермяцкого языкознания был решен правильно.

Установленные почти пятьдесят лет тому назад нормы употребления *л* и *в* в настоящее время можно считать полностью утвердившимися.

Теперь всем стало очевидно, что эти нормы не только сближают южное и северное наречия, но имеют еще и то важное для коми-пермяцких школ значение, что учат детей иньвенских пермяков на материале родного языка уже с первых классов овладевать навыками произношений *л* и тем самым подготавливают условия для успешного овладения ими русским языком.

Что же касается создания алфавита, то решение этого вопроса также требовало немало усилий от работников культурного фронта тех времен. Первые книги на коми-пермяцком языке писались «молодцовскими» буквами. Так назывался алфавит, созданный для коми-республиканского языка местным языковедом В. А. Молодцовым. Эта азбука представляла собой приспособленный к нуждам коми-зырянского языка русский алфавит с некоторыми изменениями в обозначении мягкости звуков и аффрикат и просуществовала недолго.

В начале 30-х годов коми-пермяки, как и многие другие народы СССР, переходят на латинизированный алфавит. Однако вскоре становится очевидным, что латиница создает ничем не оправданные трудности для развития народного образования, затрудняет обучение детей в школе и неграмотных в ликпунктах. С первых же дней школьной жизни ребенок должен был начать усвоение двух алфавитов: русского и латинского. Это обстоятельство заставляет народы СССР отказаться от латиницы и постепенно переходить на русский алфавит. Для коми-пермяков этот переход был осуществлен в 1938 году.

Стимулом для дальнейшего изучения коми-пермяцкого языка, интенсивного развития науки об этом языке явилось открытие в 1945 г. в г. Кудымкаре учительского института, в котором среди других факультетов был также факультет языка и литературы. Этот факультет работал целое десятилетие. Преемником Кудымкарского учительского института стал Пермский педагогический институт, в котором в 1955 г. открылось коми-пермяцкое отделение с пятигодичным сроком обучения. Назначение отделения — готовить учителей для средних общеобразовательных школ по двум профилям: коми-

пермьяцкий язык и родная литература и русский язык и русская литература для национальных школ.

В связи с появлением полного высшего образования необходимо было в кратчайший срок создать вузовские учебники и учебные пособия, а также программы по всем комиведческим дисциплинам: по современному коми-пермяцкому языку, по истории и диалектологии, по методике преподавания коми-пермяцкого языка, по практикуму и другим дисциплинам. Работа по составлению вузовских учебников потребовала всестороннего изучения коми-пермяцкого языка на всех его уровнях: на уровне фонетической системы, словарного состава, словообразования, морфологии, синтаксиса как в синхронном, так и диахроническом аспектах.

К этому времени выросли и лингвистические кадры. Естественно, что комиведы направили свое внимание на изучение самых актуальных вопросов коми-пермяцкого языкознания. В советской науке о коми-пермяцком языке наметились следующие линии.

1. Составление учебников по родному языку для коми-пермяцкой школы.

Язык учебников составляет основу литературного языка, оказывает нормализующее воздействие на разговорную и письменную речь коми-пермяков, на язык художественной литературы. Работа по составлению учебников началась с первых лет Советской власти.

Авторами первых книг для коми-пермяцких детей были А. Н. Зубов, Ф. Е. Зубов, Г. А. Нечаев². Учебники и учебные пособия перечисленных авторов представляли собой элементарное изложение основ грамматического строя коми-пермяцкого языка и призваны были удовлетворять требования массовых школ и учителей. Национальные школы пользовались этими учебниками вплоть до 1940 г., до появления «Грамматики коми-пермяцкого языка» И. И. Майшева, вызвавшей изменения в содержании школьных учебников и привлекувшей к их созданию свежие силы. После 1940 г. активное участие в составлении школьных учебников принимали С. Ф. Грибанов, А. М. Спорова, М. П. Караваева, Н. В. Попов и др.³ Их учебники служили делу дальнейшего закрепления норм литературного коми-пермяцкого языка и выдержали несколько изданий.

Последнее обновление содержания школьных учебников было вызвано перестройкой средней общеобразовательной школы. Новые учебники были составлены с учетом важнейших требований жизни: совершенствования методов обучения, повышения научного уровня преподавания, усиления практической направленности в изучении родного языка. В коллектив авторов вошли научные работники, методисты, учителя-практики: А. Н. Батина, Е. В. Ботева, А. С. Кривошекова-Гантман, А. Т. Мальцева и др.⁴

В настоящее время коми-пермяцкая национальная школа полностью обеспечена всеми необходимыми учебниками.

2. Лексикография коми-пермяцкого языка.

Первые шаги по собиранию лексического материала языка камских коми были сделаны еще в XVIII в. Эту работу в то время проводили ученые-путешественники, привозившие из своих поездок между прочим кое-какие сведения и по языкам. Среди них были Г. Ф. Миллер, оставивший небольшой словарь по зырянскому и пермяцкому языкам; И. И. Лепёхин, записавший около 50 коми-пермяцких слов с переводами на русский язык; Паллас, включивший в «Сравнительный словарь всех языков и наречий» несколько сот коми-пермяцких слов.

² Зубов А. Н. Коми грамматика. Ч. I. М., 1928; Лыткин В. И. Материалы по коми грамматике (обонх наречий). М., 1929; Зубов А. Н. Основы грамматики пермяцкого наречия коми языка. М., 1931; Зубов Ф. Е. Учебник коми языка. Грамматика для начальной школы 1 и 2 года обучения; 3 и 4 года обучения. М., 1933; Нечаев Г. А., Зубов А. Н. Грамматика. Учебник для средней школы. Ч. I, морфология. М., 1933; и др.

³ Грибанов С. Ф. Грамматика коми языка. Ч. I. Кудымкар, 1940; Караваева М. П. и др. Коми-пермяцкой кив грамматика. Ч. 2. Кудымкар, 1950.

⁴ Батина А. Н. и др. Коми пермяцкой кив : учебник для 5–6 классов / под ред. А. С. Кривошековой-Гантман. Кудымкар, 1974; Ботева Е. В., Батина А. Н. Коми-пермяцкой кив. Учебник для 4-го класса. Кудымкар, 1973.

Но началом лексикографической работы по коми-пермяцкому языку следует считать составление рукописных словарей XVIII и XIX вв., хранящихся ныне в Ленинградском отделении фундаментальной библиотеки АН СССР и в Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Это:

1) Краткий пермский словарь с российским переводом собранный и по разным материям расположенный города Перми Петропавловского собора протоиереем Антонием Поповым 1735 г. Словарь содержит около 2500 слов.

2) Лексикон пермского языка, кратко выбранный и по алфавиту расположенный села Кудымкарского бывшим священником иереем Георгием Чечулиным. В словаре около 4500 слов.

3) Словарь русско-пермяцкий 1848 г., в котором около 3500 слов.

Кроме того, два рукописных словаря обнаружены Т. И. Тепляшиной в Центральном государственном архиве Татарской АССР в г. Казани⁵.

Рукописные словари донесли до нас немало таких слов, которые давно стали архаизмами, например: *ермӧг* 'шелк', *небаг* 'закон', *сюмос* 'ремень', *чизым* 'уксус', *сераку* 'книга', *мубыр* 'туман' и др. В этих словарях отражаются лексические и фонетические особенности разных исчезнувших диалектов, что делает их важным источником истории коми-пермяцкого языка.

Рукописные памятники подготовили выход «Пермяцко-русского и русско-пермяцкого словаря» Н. Рогова — наиболее значительного памятника коми-пермяцкого языка дореволюционного периода. Словарь Рогова содержит свыше 10 тысяч слов иньвенского диалекта, фактически являвшихся общеупотребительными словами для всех коми-пермяков. Из него мы узнаем десятки слов, вышедших из употребления. Например, во времена Рогова иньвенцы знали исконные слова для выражения таких понятий, как *невидз* 'рябина', *син* 'фунт', *сугон* 'лук', *синдор* 'моховик', *четчась* 'лягушка', *чипас* 'поленница', *чирк* 'сверчок', *шать* 'рубль', *шыран* 'ножницы', *ыргӧн* 'медь', *вурд* 'выдра', *гашкӧ* 'может быть', *гыч* 'карась', *корӧс* 'лист' и др.

Н. А. Рогов старательно сохранил для нас действительные имена своих современников-иньвенцев, которые теперь уже вышли из употребления, но еще встречаются в прозвищах людей, в родовых прозваниях, фамилиях и названиях населенных пунктов, например: *Паля* 'Фалафей' (полное), *Паня* 'Пантелеймон', *Панко* 'Панфил', *Педӧс* 'Феодосий', *Педув* 'Федул', *Петьыв* 'Феофил', *Перша* 'Порфирий', *Пиват* 'Феофилакт', *Онок* 'Онуфрий', *Лепесь* 'Епистимья', *Керонь* 'Керкира'.

В годы Советской власти была сделана попытка создания Русско-коми-пермяцкого словаря крупным специалистом в области русской диалектологии П. С. Кузнецовым и местным учителем А. М. Споровой. Однако авторы словаря оказались в затруднительном положении, не располагая картотеккой. Поэтому, хотя словарь и увидел свет, но он слабо отражает лексику коми-пермяцкого языка периода 40-х годов нашего века.

Для удовлетворения потребностей развивающегося народа нужны были словари и других типов. С первых лет Советской власти чувствовалась большая потребность в орфографическом словаре. В 30-е годы немалая работа по разработке орфографии младописьменного языка проводилась орфографической комиссией при окрисполкоме. Позже орфографические правила были обобщены А. Т. Мошеговой. Небольшой словарик, нормализующий правописание самых употребительных слов, составил С. Ф. Грибанов (1945 г.).

Дальнейший подъем экономического и культурного уровня народа, развитие коми-пермяцкой литературы расширили словарное богатство языка. Это заставило приступить к составлению нового, более полного орфографического словаря, который вышел в Кудымкаре в 1966 г. Этот словарь нормализует уже правописание 17 тысяч слов.

⁵ Баталова Р. М. Коми-пермяцкая диалектология. М.: Наука, 1975. С. 7–9; Тепляшина Т. И. О рукописных памятниках коми-пермяцкого языка // СФУ. 1965. № 1. С. 60–61.

Расширение издательской деятельности, создание на родном языке учебников невозможно было без разработки терминологии. В начале 30-х годов наметилась попытка создавать оригинальные термины почти во всех отраслях знаний. Именно в это время появились в школьных учебниках заимствованные из близкородственного коми-республиканского языка *сёрникузя* 'предложение', *сёрни тор* 'часть речи', *эманим* 'имя существительное', *тёдчан ним* 'прилагательное', *лыданим* 'числительное', *нимвежтас* 'местоимение', *кадакыв* 'глагол', *урчитан* 'наречие', *кывбёр* 'послелог', *йитёткыв* 'союз', *кывтор* 'частица', *сёрникосткыв* 'междометие' и другие термины.

Однако оригинальная терминология в условиях все возрастающей роли русского языка не могла привиться. Вскоре после перехода на русский алфавит был осуществлен также и переход на русскую лингвистическую терминологию. Новая терминология получила отражение в словаре «Терминнэз», вышедшем в 1940 г. Через некоторое время (1948 г.) терминологическая комиссия при окрисполкоме выпустила словарь терминов в новой редакции. В него вошли наиболее употребительные лингвистические, литературоведческие, математические, биологические и политические термины — всего около 1500 слов.

Кроме перечисленных словарей, вышедших специальными изданиями, имеются небольшие словники по коми-пермяцкому языку, включенные в разные труды. Например, небольшой словарь по северным говорам приложен к статье Г. А. Нечаева «Отношение окружного коми литературного языка к северным диалектам Коми округа» (см.: Сборник комиссии по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка. Вып. II. М., 1931).

Перед коми-пермяцкой лексикографией стоят еще большие задачи, важнейшая из них — составление полного коми-пермяцко-русского словаря, который бы совмещал в себе функции всех недостающих словарей: толкового, полного орфографического, нормативно-стилистического, в значительной степени фразеологического, синонимического, диалектологического, исторического и способствовал бы выработке общих для всех носителей коми-пермяцкого языка норм словоупотребления, фонетики, грамматики.

3. Исследования по фонетике и грамматике. Первой описательной грамматикой является «Опыт грамматики пермяцкого языка» Н. А. Рогова (СПб., 1860). Составленная по руководящим указаниям видного языковеда XIX в. академика Ф. И. Видемана, грамматика Рогова довольно полно охватывает все элементы строя коми-пермяцкого языка и сохраняет свое полное значение до наших дней. Описание наиболее заметных явлений языка имеется и в школьных грамматиках первых лет Советской власти, уже упоминавшихся.

В 1940 г. выходит в свет «Грамматика коми-пермяцкого языка» И. И. Майшева, в которой кратко излагаются основные вопросы фонетического состава и морфологической системы коми-пермяцкого языка.

В 1962 году под руководством известного лингвиста финно-угроведа В. И. Лыткина был издан коллективный труд «Коми-пермяцкий язык». В нем представлены: фундаментальное исследование фонетической системы, сделанное В. И. Лыткиным, история литературного языка, графика и орфография, словообразование и морфология. В этом, по словам крупного венгерского специалиста по пермским языкам Д. Фокоша-Фукса, значительном труде многие явления коми-пермяцкого языка получили освещение впервые, например виды и залого глагола, лексика и фразеология.

Кроме этих обобщающих трудов, имеется немало статей, посвященных некоторым частным вопросам фонетики, лексикологии, фразеологии, словообразования, морфологии и синтаксиса⁶.

⁶ Полная библиография по коми-пермяцкому языкознанию помещена в сборнике: Вопросы лингвистического краеведения Прикамья. Вып. I. Пермь, 1974.

4. **Историческое изучение коми-пермяцкого языка.** Отдельные факты из коми-пермяцкого языка привлекались при сравнительно-историческом изучении пермских, и шире — финно-угорских, языков основоположниками финно-угорского языкознания А. М. Кастреном, Ф. И. Видеманом и др. Широко использовали коми-пермяцкий язык в своих исследованиях Д. В. Бубрих, В. И. Лыткин, Б. А. Серебренников и др.⁷

Большой вклад в изучение истории коми языка внес В. И. Лыткин. Им исследован язык древней коми письменности, являвшейся общей для коми-зырян и коми-пермяков, и выпущена книга «Древнепермский язык», в которой раскрывается система склонения, спряжения и словообразования древнекоми языка XIV в. Проф. Лыткин составил также пособие по исторической грамматике коми языка, написал книгу «Исторический вокализм пермских языков» и опубликовал ряд статей по исторической фонетике и исторической лексикологии⁸.

Выявлением и описанием рукописных словарей XVIII–XIX вв. занимается Р. М. Баталова⁹. Вопросам исторической морфологии посвящены отдельные работы А. С. Кривошековой-Гантман¹⁰.

5. **Изучение диалектов коми-пермяцкого языка.** Общие контуры территориальных разновидностей коми-пермяцкой речи были определены еще в дореволюционное время. В годы Советской власти наметилось их детальное изучение. В 1928 г. при Обществе изучения Коми края была создана комиссия по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка, а также выпущена программа для диалектологических исследований. Специальные экспедиции по сбору диалектного материала в это время проводил Г. А. Нечаев¹¹.

Оживление в изучении коми-пермяцких диалектов происходит после лингвистической дискуссии 1950 г. Начинают привлекать внимание не только диалекты, распространенные в Коми-Пермяцком округе, но и за его пределами: коми-язьвинский, зюздинский.

П. С. Кузнецов пытается обнаружить в живых коми-пермяцких говорах рефлексы древнего губно-губного *в*¹². В. И. Лыткин составляет «Диалектологическую хрестоматию по пермским языкам», в которой наряду с изученными диалектами других пермских языков краткое описание получают и говоры северного (косинско-камского) и южного (иньвенского) наречий. Детальному изучению подвергается язык язьвинских коми, в результате чего появляется монография В. И. Лыткина «Коми-язьвинский диалект» (М.: Изд-во АН СССР, 1961).

Большую работу по изучению диалектов ведут и сами коми-пермяки. Защищаются две кандидатские диссертации: А. С. Кривошекова-Гантман «Словарный состав и словоизменение в иньвенском диалекте коми-пермяцкого языка» (Л., 1952) и Р. М. Баталова «Оньковский диалект коми-пермяцкого языка» (М., 1962). За 20 лет существования коми-пермяцкого отделения в Пермском педагогическом институте под руководством доцента А. С. Кривошековой-Гантман проведено 14 экспедиций,

⁷ Бубрих Д. В. Грамматика литературного коми языка. Л., 1949; Лыткин В. И. Древнепермский язык. М., 1952; Серебренников Б. А. Историческая морфология пермских языков. М., 1963; и др.

⁸ Полный список научных трудов В. И. Лыткина опубликован в кн.: Вопросы финно-угорского языкознания. Вып. 3. М., 1966.

⁹ Баталова Р. М. Материалы по коми-пермяцкой лексике (извлечения из словарей XVIII–XIX вв.) // Вопросы финно-угроведения. Вып. IV. Ижевск, 1967.

¹⁰ Кривошекова-Гантман А. С. О грамматикализации самостоятельных слов // Вопросы финно-угорского языкознания. Вып. IV. Ижевск, 1967. С. 114–122 и др.

¹¹ Нечаев Г. А. Отношение окружного коми литературного языка к северным диалектам Коми округа // Сборник комиссии по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка. Вып. 2. М., 1931.

¹² Кузнецов П. С. Судьба твердого *л* в иньвенском диалекте коми-пермяцкого языка // Памяти Л. В. Щербы. Л., 1951.

посвященных сбору топонимического, антропонимического, диалектологического и фольклорного материала, который, к сожалению, до сих пор еще не обобщён.

Коми-пермяцкие диалекты продолжают оставаться основным объектом исследования Р. М. Баталовой, выпустившей монографию «Коми-пермяцкая диалектология» (М.: Наука, 1975).

6. Изучение собственных имен коми-пермяцкого языка. Названия различных географических объектов, а также антропонимы коми-пермяцкого происхождения стали привлекать внимание еще в дореволюционное время. Так, И. Н. Смирнов, работавший в области этнографии волжских и камских финно-угров, использовал большой материал по коми-пермяцкой гидронимии, чтобы очертить границы былого расселения предков коми-пермяков¹³. Как «свидетельства истории местного края» рассматривал собственные имена коми-пермяков А. Ф. Теплоухов. Он сопоставлял географические названия и фамилии, типичные для «Пермяцкого края», и сходные топонимы и антропонимы соседних территорий, чтобы найти ответ на вопрос, «из пришельцев каких местностей составилось в результате исторического процесса современное население Пермского края»¹⁴.

После работ А. Ф. Теплоухова изучение собственных имен коми-пермяцкого языка прерывается. Новые работы появляются в 60-х годах в связи с широко развернувшимися в нашей стране ономастическими исследованиями. Центром исследований географических названий и фамилий коми-пермяцкого происхождения в Верхнем Прикамье становится Пермский педагогический институт. Стимулом явилось наше стремление преподавать студентам коми-пермякам их родной язык на широком фоне истории местного края и лингвистического краеведения.

В настоящее время в топонимических и других сборниках опубликовано немало работ по пермской, в том числе и коми-пермяцкой, топонимике и антропонимике¹⁵. В них определена специфика географических названий коми-пермяцкого происхождения в Пермской области, установлены топонимические типы, показаны приемы приспособления коми-пермяцких топонимов к языку позднейшего населения — русскому, а также выявлена стратиграфия коми-пермяцкой антропонимии, ее исторические пласты.

Значение ономастических исследований для младописьменного коми-пермяцкого языка огромно. Местные названия, древние антропонимы — часть словарного состава языка. В них застывают древние явления языка: вышедшие из употребления слова, устаревшие факты из фонетики, морфологии. Из этого следует, что топонимические и антропонимические сведения могут быть важным источником при историческом изучении коми-пермяцкого языка.

Расшифровка географических названий помогает решать некоторые исторические загадки. Топонимы могут рассказать об изменении рельефа местности, о древнем состоянии животного мира, растительности. Все это побуждает нас продолжать сбор ономастического материала с тем, чтобы впоследствии обобщить его в различных словарях (топонимическом, антропонимическом) и монографиях.

7. Исследование процессов взаимодействия коми-пермяцкого и русского языков. В нашей стране, как известно, сложилась новая историческая общность — советский народ. У советского народа общая Родина — Советский Союз, общее мировоззрение — марксизм-ленинизм, общий психический склад и единое средство

¹³ Смирнов И. Н. Пермяки. Казань, 1891.

¹⁴ Теплоухов А. Ф. Следы былого пребывания угорского народа в смежных частях Пермской и Вятской губерний // Записки УОЛЕ. 1924; *Он же*. Фамилии и географические названия Пермского края в этнографическом и историко-географическом отношениях // Коми му. Сыктывкар, 1925. № 10–11 (20–21), 12 (22) и др.

¹⁵ Полная библиография по коми-пермяцкому языкознанию помещена в сборнике: Вопросы лингвистического краеведения Прикамья. Вып. I. Пермь, 1974.

межнационального общения — русский язык. Однако возрастание роли русского языка, превращение его в интернациональное орудие общения не отрицает значения отдельных национальных языков СССР. Наоборот, политика равноправия и свободного развития языков ведет к их всестороннему обогащению, к расцвету. Таким образом, огромное количество людей в нашей стране двуязычно. А что касается коми-пермяков, то по переписи 1970 года 68,5% их свободно владеет двумя языками: родным и вторым — русским.

В условиях двуязычия неизбежны процессы взаимодействия и взаимовлияния языков. Например, влияние русского языка на коми-пермяцкий обнаруживается на всех уровнях языковой системы. На уровне фонетического состава происходит заимствование звуков *х, ф, ц, рь, бь, вь, мь* и др. Коми-пермяк, владеющий двумя языками, в зависимости от ситуации общения употребляет в своей речи от 10 до 60% слов русского происхождения: социально-политические термины, слова и выражения, характеризующие новые формы и методы организации труда, названия новых орудий и средств производства, названия транспорта и средств связи, названия учебных культурно-просветительных учреждений, слова, обозначающие профессии, глаголы, отражающие социалистическую систему хозяйства, технический и культурный прогресс в нашей стране и т. д.

В условиях тесных контактов проницаемым оказался и грамматический строй коми-пермяцкого языка. В него вошли, например, такие суффиксы русского языка, как: *-ник* (*бадник* 'ивняк', *сэторник* 'смородинник') и его переработанный вариант *-асьник* (*пожумасьник* 'сосняк', *пиуасьник* 'осинник'), *-ушк(о)*, ср. *союшко* 'сестричка', *вонушко* 'братец', *-очк(а)*, ср. *нылочка* 'девочка', *зоночка* 'мальчишечка' и др. Коми-пермяцкий язык воспринял и многие синтаксические средства русского языка — сочинительные и подчинительные союзы, например: *а, но, да, что, чтобы, зато, не... не* и т. д.

В свою очередь русские говоры Верхнего Прикамья усвоили немало слов и выражений, а также элементов грамматического строя коми-пермяцкого языка. Приведем некоторые примеры из говоров Соликамского района: *У нас теперь деньги абу*. (Заимствованная из коми-пермяцких говоров отрицательная частица *абу* сочетается, как и в языке-источнике, с формой именительного падежа существительного). *Лейку-то поставь перед россадник*. (В этом случае по аналогии с послеложно-именными сочетаниями в коми-пермяцком языке употребляется именительный падеж с предлогом). В русских говорах Северного Прикамья встречаются десятки коми-пермяцких слов: *балька* 'овца', *баса* 'краса', украшение, *ворга* 'тропинка в лесу', *туес* 'берестяная посуда, бурак', *быгать* 'сохнуть на ветру' и т. д.

Изучение процессов взаимодействия языков очень важно. Познав законы сосуществования и контактного развития языков, можно активно воздействовать на эти законы в целях распространения массового двуязычия как средства, облегчающего взаимопонимание между народами СССР, а следовательно, и сближающего народы нашей страны, создающего благоприятные условия для успешного сотрудничества во всех сферах жизни. Все это ускоряет дело строительства коммунизма.

Вопросы влияния русского языка на коми-пермяцкий и, наоборот, воздействия коми-пермяцких говоров на русские говоры Верхнего Прикамья давно стали предметом внимания ученых. Некоторое оживление в этой области наблюдается в последние годы. Появился ряд публикаций, в которых прослеживаются процессы взаимовлияния в области фонетики, фразеологии, морфологии и синтаксиса¹⁶.

¹⁶ См. об этом библиографию по коми-пермяцкому языку, помещенную в книге: Вопросы лингвистического краеведения Прикамья. Вып. I. Пермь, 1974. С. 142–150.

* * *

Мы охарактеризовали основные направления в исследовании коми-пермяцкого языка, сложившиеся в истекшие 50 лет. Как видим, в изучении коми-пермяцкого языка имеется немало достижений. На фоне достигнутого обращает на себя внимание то, что еще не сделано, что ждет своих исследователей. Важнейшими задачами в области коми-пермяцкого языкознания на ближайшее время, по нашему мнению, являются: подготовка к изданию второй части научной грамматики — синтаксиса коми-пермяцкого языка, составление полного коми-пермяцко-русского словаря и других словарей, дальнейшее исследование отдельных структурных элементов коми-пермяцкого языка, совершенствование орфографии, установление орфоэпических норм, изучение стилистического расслоения коми-пермяцкого языка, языка художественной литературы. Нам необходимо работать также в направлении дальнейшего совершенствования норм литературного языка: в строгой нормализации нуждаются не только фонетические, но и некоторые лексические, морфологические и синтаксические явления.

Неоценимое значение для науки имел бы топонимический словарь коми-пермяцкого языка, включающий не только географические названия местностей Коми-Пермяцкого округа, но и территорий бывшего расселения коми-пермяков.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО ЯЗЫКА *

Около 4–5 тыс. лет тому назад, в период, который в науке именуют поздним неолитом и началом эпохи бронзы, в Прикамье обитали охотничье-рыболовецкие племена. По материальной культуре и, по-видимому, языку они были родственны племенам, жившим в бассейне Вычегды, Печоры и в Среднем Поволжье. Среди этих племен были и далекие предки современных пермских народов: удмуртов, коми (зырян), коми-пермяков. В I тыс. до н. э. и в I тыс. н. э. прапермяне общались на диалектах общепермского языка. В эпоху пермской общности сложились основы грамматического строя и словарного состава пермских языков.

На рубеже новой эры пермское единство распадается на удмуртскую и коми общности. А с середины I тыс. н. э. начинается обособление пермских племен, занимавших Верхнее Прикамье. Здесь формируются ломоватовская (с VI в. н. э.), а затем (с IX в.) родановская археологические культуры, принадлежавшие непосредственным предкам коми-пермяков. Коми единство разрушается¹.

Древнейший словарный фонд коми-пермяцкого языка позволяет воссоздать в общих чертах картину жизни носителей ломоватовской и родановской культур.

Кроме охоты и рыбной ловли, они занимались подсечно-огневым земледелием, знали скотоводство (разводили коней, коров, свиней, овец и др.). Одежду изготовляли из льна и конопли, умели прясть и ткать. Обувь делали из кожи, валяной шерсти и лыка.

Медленно, но неуклонно повышалась материальная и духовная культура аборигенов Верхнего Прикамья. Важным событием в жизни предков коми-пермяков была их встреча с русским народом. Особенно тесные контакты с русскими установились после присоединения Перми Великой к Московскому государству. Они способствовали обогащению материальной культуры коми-пермяков и расширению словарного состава их языка. В коми-пермяцкий язык вошли многие слова, связанные с устройством жилища (*гöбеч, матича, западня, приступка, линивка, пöлать, порог, косяк, оконча, стена*), изготовлением одежды (*штані, сапог, шапка, ворот, косинка, станина, вороба, струбича*), сельским хозяйством (*межа, полоса, гона, öвин, öзим, гуна, повесть, стопа, остожья, зород*), семейными отношениями (*жöник, невеста, гöсь, гöстя, сват, сватья, деда, баба, нучок, нучатка, дöва*), бытовыми обрядами (*свадьба, писня, прогвас, венчайтны, завечайтны, розосво, масленча*) и др.

Вместе с тем проводившаяся царизмом политика насильственной ассимиляции национальных меньшинств сдерживала экономическое и культурное развитие коми-пермяков. Неприкрашенную правду об их жизни при царизме поведал писатель-демократ XIX в. Ф. М. Решетников в повести «Подлиповцы». Ее герои — пермяки бывшего Чердынского уезда. Жизнь их безысходна. Народу Пилы и Сысойко угрожает вымирание.

Язык коми-пермяков также оставался бесправным, не знал письменности, обслуживал только быт, был языком устного творчества народа. К XIX в. полностью обрусели пермяки, проживавшие в северо-восточной и южной частях территории распространения родановской культуры (современные Чердынский, Соликамский, Усольский, Красновишерский, Карагайский, Сивинский, Пермский, Верещагинский и др. районы). Теперь о былых обитателях этих мест напоминают лишь необычные для русского языка названия рек и населенных пунктов (*Обва, Кизьва, Колва, Лысьва, Сюзьва,*

* Лингвистическое краеведение Прикамья. Пермь, 1979. С. 91–101

¹ Оборин В. А. Некоторые вопросы этногенеза коми-пермяков // Вопросы марксистско-ленинской теории наций и национальных отношений. Пермь: Изд-во ПГУ, 1972. С. 130–131.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО ЯЗЫКА

Сылва, Яйва, Лысьва, Вильва, Вижай, Чердынь, Кизел, Вильгорт, Важгорт), а также фамилии (Кумов, Сизимов, Юсев, Дозморов, Сюзёв, Сизев, Волегов, Седегов, Ужегов, Колегов, Лунегов, Пыстогот, Ратегов, Кочев, Ошев, Ябуров, Кынкурогов, Кушпелев, Чалин, Мичков и др.).

Коми-пермяцкая речь продолжала звучать в северной излучине Камы, в бассейнах ее притоков Иньвы и Косы. В XIX в. быт и язык иньвенских пермяков был изучен лесничим Иньвенской дачи имения Строгановых Н. А. Роговым, оставившим науке Граматику пермяцкого языка и Словарь. Это наиболее полные памятники о коми-пермяцком языке дореволюционного периода. В предисловии к Словарю автор, по-видимому, не без основания заметил, что иньвенские пермяки заметно русеют, их «природный» язык начинает заменяться русским. «Такое положение пермяков и пермяцкого языка подали мне повод думать, — отмечал Н. Рогов, — что пермяцкий язык со временем вовсе выйдет из употребления и потеряется. Чтобы сохранить памятник этого языка, я в 1849 г. счел нужным составить полный пермяцкий словарь»². Прошло немногим более полстолетия. Победа Великой Октябрьской социалистической революции открыла новую эпоху в жизни всех народов России. В. И. Ленин писал: «Мы хотим добровольного союза наций, — такого союза, который не допускал бы никакого насилия одной нации над другой, — такого союза, который был бы основан на полнейшем доверии, на ясном сознании братского единства, на вполне добровольном согласии»³.

Такой союз равноправных народов был создан 30 декабря 1922 г. Образование Союза Советских Социалистических республик открыло широкие возможности для всестороннего развития и взаимообогащения всех языков советских народов. Претворяя в жизнь ленинский план построения социализма, осуществляя культурную революцию, народы СССР нуждались в эффективных средствах ликвидации своей вековой отсталости. Одним из таких средств явились национальные языки. С их помощью можно было в кратчайший срок повысить идейно-политический, общеобразовательный и культурный уровень народов молодой Советской страны.

Чтобы национальные языки стали могучим средством преодоления вековой отсталости народов СССР, нужно было облечь их в литературную форму. А это требовало создания научно обоснованных алфавитов. Задача составления алфавитов выпала на долю советских языковедов. В кратчайшие сроки появились алфавиты для десятков бесписьменных языков, в том числе и для коми-пермяцкого.

Одновременно с созданием и совершенствованием алфавитов и орфографий шел процесс формирования литературных языков. Нормы коми-пермяцкого литературного языка в основном были разработаны к концу 20-х гг. Они сближали два наречия, северное и южное, по употреблению звуков *в* и *л*. Эти нормы впоследствии получили закрепление в ряде школьных грамматик. В настоящее время можно считать их полностью утвердившимися.

В Постановлении ЦК КПСС о подготовке к 50-летию образования СССР отмечается, что «важным результатом успешного решения национального вопроса в нашей стране является всестороннее развитие языков всех социалистических наций и народностей Советского Союза». Коренные изменения и преобразования во всех сферах жизни коми-пермяков, происшедшие за годы Советской власти, также вызвали значительные изменения в их языке.

В прошлом обреченный на вымирание, теперь коми-пермяцкий язык стал развиваться ускоренными темпами. Особенно чутко реагирует на все перемены в жизни коми-пермяков словарный состав. Его интенсивное обогащение идет тремя путями. Один из них создание новых слов из ресурсов самого коми-пермяцкого языка на базе древних корней. Продуктивными способами словообразования являются: 1) присоединение

² Рогов Н. А. Опыт грамматики пермяцкого языка. СПб., 1860; *Его же*. Пермяцко-русский и русско-пермяцкий словарь. СПб., 1869.

³ Ленин В. И. ПСС. Т. 40. С. 43.

к древним корням словообразовательных суффиксов: *уджались* ‘рабочий’ от *уджавны* ‘работать’, *гижёт* ‘письмо’ от *гижны* ‘писать’; 2) сложение слов, входящих в подчинительные или сочинительные словосочетания: *вөркерались* ‘лесоруб’ от *керавны вөр* ‘рубить лес’; *няньпёжались* ‘пекарь’ от *пёжавны нянь* ‘печь хлеб’; 3) переход слов из одной части речи в другую без словообразовательных средств: *велотись* — первоначально ‘обучающий’, позднее ‘учитель’; *бөрйись* ‘избирающий’, затем — ‘избиратель’; *планируйтись* ‘планирующий’, затем — ‘плановик’.

На базе исконных слов возникают термины сельского хозяйства, животноводства, лесной промышленности, например: *веськётлись* ‘руководитель’, *мёсвысьтись* ‘дояр, доярка’, *вөрпёротись* ‘лесоруб’. В 30-е годы была даже попытка создания лингвистических терминов, например, части речи предлагалось именовать: *эманим* ‘существительное’, *тёдчанним* ‘прилагательное’, *лыданим* ‘числительное’, *нимвежтас* ‘местоимение’, *кадакыв* ‘глагол’, *урчитан* ‘наречие’ и т. д. Падежи пробовали называть: *нимтан*, *асалан*, *босьтан*, *сетан* и т. д. Такое терминотворчество происходило под влиянием близкородственного коми-зырянского языка. Но оно не увенчалось успехом. Переход к новой терминологии после того, как коми-пермяки успели уже привыкнуть к терминам русской грамматики, представлялся весьма трудным делом. Искусственно созданные или заимствованные из коми-зырянского языка названия частей речи, падежей и другие грамматические термины были менее понятными, чем термины русского языка. До наших дней сохранилась только часть терминов коми-пермяцкого языкознания того времени, например, *сёрни тор* и менее употребительные *кывпон*, *кыввууж*, *кывйив*, *кывбёр*, *кывёктёт*.

Нежизненными оказались и некоторые неологизмы, созданные для выражения заимствованных понятий и реалий. Например, слово *дёрапас* было вытеснено вскоре после рождения заимствованным *знамя*. То же самое можно сказать о *гёрд пёв* ‘красная доска’, *сёод пёв* ‘черная доска’.

Обогащение словарного состава коми-пермяцкого языка происходило также путем развития новых переносных значений старых слов. Так, *бөрйыны* раньше означало только ‘выбирать что-либо материальное’, скажем, картошку. Теперь оно стало употребляться также в значении ‘выбирать должностное лицо, участвовать в выборах’. Получили новые переносные значения слова *жугдыны* — ‘разрушать общественный строй’, *пырны* — ‘вступить в общественную организацию’, *пыртны* — ‘претворить (в жизнь)’, *тыртны* — ‘выполнить (план)’, *уджавны* — ‘нести службу (в учреждении)’, *велотчыны* — ‘учиться (по определенной программе)’.

Весьма продуктивным был и остается такой путь обогащения словарного состава языка, как заимствование. Особое положение русского языка, ставшего средством межнационального общения, привело к употреблению готовых слов из этого языка для обозначения многих новых понятий и реалий. Особенно большая необходимость ощущается в заимствовании из русского языка или через него терминологической и интернациональной лексики, например общественно-политической (*ленинизм*, *Совет*, *депутат*, *коммунизм*, *социализм*, *партия*, *съезд*, *комсомол*, *колхоз*, *совхоз*, *пятилетка*, *ударник*), слов, обозначающих необходимые понятия из экономики (*производство*, *промышленность*, *товар*, *продукция*), культуры и быта (*стул*, *комод*, *кресло*, *кровать*, *диван*, *кино*, *театр*, *экскурсия* и т. д.).

Вместе с новыми понятиями из русского языка заимствовались не только отдельные слова, но и сочетания, описательно передающие то или иное понятие: *пионерской комната*, *коммунистической партия*, *Верховной Совет*, *исполнительной комитет*, *художественной самодеятельность*, *социалистической соревнованне*, *коммунистической удж бригада*, *Советской Союзлөн Герой* и др.

Иногда под влиянием русского языка возникали полные или частичные переводы (например, *вурсян машина*, *викеран завод*, смысловые или описательные переводы

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО ЯЗЫКА

(например, *оча ки шовкӧтӧм* 'аплодисменты', *ӧтамӧд коласын ӧтсӧт* 'взаимопомощь' и др.).

В коми-пермяцкий язык нередко входили заимствования и тогда, когда для обозначения того или иного понятия уже имелось исконное слово. Так, например, в различных говорах получили эквиваленты из русского языка термины фауны (*мӧй* и *бобр*, *низь* и *соболь*, *лана* и *росомаха*, *вӧрканы* и *рысь*) и флоры (*пелӧдзу* и *рябина*, *льӧмпу* и *черёмка*, *сюрину* и *бузина*, *тӧпу* и *осина*, *ньывпу* и *пихта*, *ловпу* и *ольха*, *ӧмидз* и *малина*). В таких случаях иноязычные слова или закрепляются в языке на правах синонимов, или полностью вытесняют соответствующую исконную лексику.

В некоторых участках словарного состава коми-пермяцкого языка происходило заимствование массового лексического материала. Это особенно относится к сфере имен числительных. Исконные имена числительные еще до революции начали уступать место числительным русского языка. Стимулом к такой замене явилось вовлечение коми-пермяков в торгово-денежные отношения. Общаясь с русскими торговцами, коми-пермяки вынуждены были приспособляться к русской речи, заимствуя кусочки русских фраз с числительными. Постепенно это перешло в привычку, и коми-пермяцкие числительные начали отодвигаться на задний план. Смешанный состав числительных стал утверждаться и в литературном языке: *ӧтік*, *кык*, *куим*, *нӧль*, *вит*, *кватъ*, *сизим*, *кыкъямыс* *ӧкмыс*, *дас*, но: *одинадцать*, *дванадцать*, *тринадцать* и т. д.

Однако неверно было бы думать, что древний счет коми-пермяков свыше десяти забылся. Как показали наши экспедиции в различные районы Коми-Пермяцкого округа, представители старшего поколения, а нередко и среднего возраста, могут считать до ста и более, используя числительные из «Грамматики» Н. А. Рогова: *ӧтік*, *кык...*, *дас*, *дасӧтік*, *даскык...* *кыкдас*, *куимдас...* *дассэсдас* или *дасдас* 'сто'... *дассэсдас кыкдас кык* 'двести двадцать два' и т. д.

Интересно отметить и то, что в последнее время, особенно в связи с приходом в коми-пермяцкую литературу писателей из северных районов, где коми-пермяцкие числительные сохранились полнее, намечается тенденция активизировать исконные числительные и в литературном языке. Они все чаще начинают встречаться от двадцати и выше в художественных произведениях. Оживление исконных числительных вызывается, видимо, и воздействием литературного языка, который, будучи нормализован в одних участках, отбирает и закрепляет в других охотнее то, что лучше соответствует системе языка в целом. Одновременно с этим не отбрасываются, а подводятся под систему коми-пермяцкого языка и заимствованные числительные. Они усваивают грамматические средства исконных числительных, ср. *кыка* — *двадцатя*, *кыкӧн* — *двадцатьӧн*, *кыкнанным* — *двадцатьнанным* и т. д.

Заимствование слов из русского языка приводит к расширению общего словарного фонда, облегчает взаимопонимание народов, помогает в налаживании их сотрудничества в различных сферах деятельности. При этом важно подчеркнуть, что все заимствованные слова подводятся под грамматическую систему коми-пермяцкого языка, приобретают словообразовательные и словоизменительные особенности заимствующего языка. Аффиксальные слова в соответствие с этим воспринимаются как неразложимые.

В коми-пермяцкий язык вошли и продолжают входить некоторые заимствования из близкородственного коми (зырянского) языка, например: *кывбур* 'стих', *оланног* 'распорядок, образ жизни', *олан-вылан* 'здравствуй', *ӧсь* 'резкий, острый', *подув* 'основа', *мичлун* 'красота', *позялун* 'возможность' и т. д. Эти и другие зырянизмы в обилии представлены в критических статьях коми-пермяцких литературоведов.

Обогащение лексики литературного языка происходит также путем привлечения диалектных слов. Сотни диалектных слов и образных выражений внесли из северных говоров коми-пермяцкого языка в литературный язык писатели И. Минин, С. Федосеев, Т. Фадеев. При использовании диалектной лексики для обогащения литературного языка, как нам представляется, необходимо различать следующие группы диалектизмов.

1. Одно и то же слово в некоторых говорах представлено в виде фонетических или морфологических вариантов, например: *аргыш* н.-иньв. и *ар* к.-иньв.; *виж* н.-иньв. и *веж*; *йим* н.-иньв. и *ем*; *коли* сев. и *голи*; *кольк* сев. и *кольть*; *лякалы* сев. и *лякны*; *тупкан* сев. и *тупка*; *шотём* сев. и *шутём*; *шомкор* сев. и *тиёттикёр*.

Приведенные и другие подобные диалектизмы нуждаются в подчинении литературной норме. Обычно закрепляются более распространенные варианты. Диалектизмы же могут быть использованы для создания местного колорита.

2. Одно и то же понятие в диалектах передается различными словами: *баляняль* н.-иньв. и *ыжман*; *коба* и *печкан*; *нарман* и *курап*; *комоль* сев. и *көвдас*; *няп* и *жельнөг*; *туруипотти* и *тырвёс*, *шерба* и *черива*; *ваймыны* гайн. и *веськавыны* (о ране); *чипны* коч. и *гусявыны*; *ыксыны* сев. и *горётны*; *чёлётны* и *бурётны*; *юкасыны* и *янсётчыны*. Такие диалектизмы пополняют синонимические ряды, поэтому нет оснований ограничивать их приток в литературный язык.

3. Одно и то же слово в различных говорах передает различные понятия, например: в северных говорах *косясьны* — 'драться', в южных — 'рваться (о материи)'; в северных говорах *кызётны* — 'кашлять', в южных — 'сделать кого, что-л. толще'; в северных говорах *мёдётны* — 'отправить', в южных — 'принарядить, разодеть'. Эти диалектизмы, как и слова первой группы, придают повествованию местный колорит, разговорные интонации, помогают в обрисовке характеров персонажей художественного произведения, в показе бытовых особенностей.

На новые требования жизни коми-пермяцкий язык отзывается также изменениями в отдельных участках своей грамматической структуры. Так, например, морфологическая система его обогатилась многими суффиксами, в том числе заимствованными из русского языка. Среди них суффиксы имён существительных: **-ник**, обозначающий место по характерному признаку: *пожумасник*, *баддясник*, *сэтёрник*; **-ушко**, **-юшко** с субъективно-оценочным значением: *волушко*, *союшко*; **-очк**, имеющий ласкательное значение: *нылочка*, *кагочка*; **-ок**, **-ёк** с уменьшительным значением: *зонок*, *нылок*, *рудзёжок*; суффикс прилагательных **-ов**, переработанный в коми-пермяцком в **-овёй**: *кёртовёй*, *пуовёй*; **-ов**, **-ев**, оформляющие названия населённых пунктов: *Степанова*, *Артамоново*, *Федотово*. Заимствованные суффиксы встречаются и в сфере других частей речи. Их вхождение в коми-пермяцкий язык нельзя приурочить к какому-либо времени, хотя особую активность они приобрели в годы Советской власти.

Из русского языка были восприняты некоторые словоизменительные элементы, например глагольное окончание **-те**, ср. разговорные *мунайте*, *керёте*, *пуксьёте*. Под влиянием русского языка расширилась сфера употребления формы 2 лица мн. ч. Она теперь нередко используется для выражения вежливости. Из русского языка были заимствованы модальные малознаменательные слова, типа *должен*, *обязан* и др. Средства, взятые из русского языка, оформляют целые лексико-грамматические группы слов, например, отрицательные местоимения: *некин*, *немый*, *некёда*, *некытён*. Влияние русского языка сказывается и на развитии модальных слов, категории предикативности.

В области синтаксиса в связи с приобретением коми-пермяцким языком письменной формы особенно интенсивно стали развиваться сложные конструкции. В этом процессе опять-таки обнаруживается большое влияние русского языка. Так, по образцу некоторых синтаксических моделей русского языка строятся в коми-пермяцком: некоторые сложноподчинённые предложения с различными придаточными (образа действия, сравнения, места, времени, причины, цели, уступки); часть сложносочинённых предложений с сочинительными, противительными и разделительными союзами. При этом та или иная синтаксическая модель нередко влечёт за собой и формальные средства скрепления частей сложного предложения — союзы русского языка.

Под влиянием русского языка получили активное развитие конструкции с обособленными членами и оборотами.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО ЯЗЫКА

Влияние русского языка в области синтаксиса также не является механическим. Из русского языка берутся необходимые синтаксические модели конструкций. Они занимают в коми-пермяцком языке место в соответствии с его структурными особенностями и поэтому не угрожают основам грамматического строя, а, напротив, расширяют и развивают его синтаксические возможности. Само развитие и совершенствование грамматического строя обусловлено потребностями общения, развития мышления, обогащением познавательной деятельности коми-пермяцкого народа.

В связи с распространением грамотности, приобщением коми-пермяков к русскому языку их артикуляционная база обогатилась навыками, необходимыми для произношения в заимствованных словах звуков *х, ф, ц, рь, вь, мь* и др., отсутствовавших в бытовом родном языке.

Таким образом, коми-пермяцкий язык в процессе развития, особенно за годы Советской власти, испытал и продолжает испытывать огромное благотворное влияние со стороны русского языка. При этом проникаемыми для заимствований из этого языка оказываются все структурные элементы коми-пермяцкого языка, и прежде всего словарный состав, а затем фонетическая система и грамматический строй. Заимствование отдельных элементов из различных участков русского языка не идет в ущерб развитию коми-пермяцкого языка за счёт внутренних ресурсов, а сочетается с ним.

После Великой Октябрьской социалистической революции коми-пермяцкий язык расширил свои общественные функции. Он начал обслуживать общественно-политическую жизнь людей, национальную школу, литературу, театр, радио, местную печать и т. д.

В 20-х годах на нем стали издаваться учебники для взрослых и детей. В настоящее время коми-пермяцкая школа обеспечена всеми необходимыми учебниками на родном языке. Со второй половины 20-х годов на коми-пермяцком языке появляются периодические издания (газета «*Гӧрись*», затем «*Ленин туй вылӧт*», журналы «*Том ударник*», «*Бичирок*», литературно-художественный альманах «*Иньва*»), а также сборники художественных произведений М. П. Лихачёва, А. Н. Зубова, которые не только впервые описали коми-пермяцкий язык в школьных грамматиках, но и показали, как надо создавать на этом языке стихи, поэмы, повести, рассказы. Язык их богат, точен, выразителен. Этим самым они заложили основы коми-пермяцкого литературного языка.

В первые же послеоктябрьские годы появляются новые формы национальной художественной самодеятельности — коми вечера (*коми рыттэз*). На таких вечерах агитаторы и пропагандисты читали лекции о новой жизни на селе, писатели декламировали свои художественные произведения, самодеятельные артисты пели песни. Здесь ставились подчас небольшие пьесы. Всё это встречалось с большим интересом, способствовало культурному и духовному развитию трудового народа, поднимало его общественную активность.

В связи с развитием среднего и высшего образования на коми-пермяцком языке стали появляться критические статьи на литературные произведения, писались работы по коми-пермяцкому языкознанию. В Пермском педагогическом институте, где теперь готовятся кадры учителей для коми-пермяцкой национальной школы, на коми-пермяцком языке читаются лекции по ряду комиведческих дисциплин, по методике преподавания коми-пермяцкого языка.

Расширение общественных функций коми-пермяцкого языка приводит к тому, что различные языковые средства (лексические, синтаксические, морфологические, фонетические) получают особые функции, начинают специфически проявляться в речи. Это способствует формированию функциональных стилей. Наиболее развитым стилем является разговорный, менее публицистический, научный и научно-популярный, а также стили художественной литературы.

Следует, однако, сказать, что функции языка национального театра, художественной самодеятельности, местных периодических изданий, радиопередач

развиты пока слабо. Коми-пермяцкий язык не развил также функцию делопроизводства. Учёт труда в различных учреждениях и предприятиях, где бок о бок трудятся представители различных национальностей, ведение переписки — это наиболее интернациональная сфера деятельности людей. Поэтому, естественно, функцию средства межнационального общения здесь осуществляет русский язык. Дальнейшая судьба функциональных стилей коми-пермяцкого языка так же, как и ранее, будет зависеть от перспектив различных общественных функций этого языка.

Таким образом, коми-пермяцкий язык, как и все языки народов СССР, в условиях Советской власти возродился к новой жизни и получил широкие возможности для дальнейшего развития и совершенствования. Расцвет языков социалистических наций и народностей — одно из величайших достижений социалистического строя жизни свободных народов, добровольно объединившихся в Союз Советских Социалистических Республик.

Вместе с тем по мере сближения народов СССР все более усиливается тяга коми-пермяков к русскому языку как языку межнационального общения. По данным переписи населения СССР 1970 г., 68,8% коми-пермяков свободно владеет русским языком. Это имеет огромное значение для приобщения коми-пермяков к русской и интернациональной культуре, для привлечения их в общий процесс строительства коммунизма в нашей стране. Задача органов народного образования — всемерно помогать коми-пермяцким детям в овладении русским языком.

Но тяга к русскому языку на данном этапе развития не снимает необходимости сознательного укрепления и развития коми-пермяцкого литературного языка, поскольку в пределах Коми-Пермяцкого национального округа родной язык коренного населения продолжает оставаться важнейшим средством общения. Это означает, что родной язык нуждается в неослабном внимании со стороны местной власти, органов культуры и народного образования. «Любить свою родину, свой народ — это, в первую очередь, любить и уважать свой язык, на котором ты мыслишь и говоришь», — наказывал Н. В. Гоголь своим соотечественникам. Это полностью относится и к нам. Только правильное использование родного и русского языков в жизни народа создаёт лучшие условия для формирования марксистско-ленинского мировоззрения.

Коммунистическая партия в Программе КПСС, принятой на XXIII съезде выдвигает задачу в области национальных отношений: «обеспечивать и в дальнейшем свободное развитие языков народов СССР, полную свободу для каждого гражданина СССР говорить, воспитывать и обучать своих детей на любом языке, не допуская никаких привилегий, ограничений или принуждений в употреблении тех или иных языков. В условиях братской дружбы и взаимного доверия народов национальные языки развиваются на основе равноправия и взаимообогащения»⁴.

⁴ Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1961. С. 314.

Научное издание

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ЯЗЫКА, ИСТОРИИ
И ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО НАРОДА
Выпуск 3

Антонина Семёновна Кривощёкова-Гантман

**СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В 2 ТОМАХ**

Том 1

**Грамматика, диалектология, лексика и фразеология, проблемы
развития языка**

Редакционная коллегия серии:

Марина Петровна Абашева

Андрей Михайлович Белавин (отв. за выпуск)

Алевтина Степановна Лобанова (отв. редактор)

Лариса Геннадьевна Пономарева

Ольга Анатольевна Попова

Издание осуществляется в обновленной редакции

Корректоры — *Л. П. Сидорова, Е. Е. Покровская*

Технический редактор *О. А. Зуева*

Компьютерный набор, правку текста, верстку и оригинал-макет выполнил *Оньё Лав*

Перевод титульного листа на коми-пермяцкий язык сделан
кандидатом филологических наук, доцентом *А. С. Лобановой*

ИБ №203

Свидетельство о государственной аккредитации вуза
№ 1426 от 23.04.2004 г.

Изд. лиц. ИД № 03857 от 30.01.2001

Подписано в печать 15.03.2006. Формат 60х90%.

Бумага ВХИ. Печать на ризографе. Гарнитура «Таймс».

Усл. печ. л. 30,25. Уч.-изд. л. 25,8. Тираж 100 экз. Заказ № /2006

Редакционно-издательский отдел

Пермского государственного педагогического университета

614990, г. Пермь, ГСП, ул. Сибирская, 24, корп. 2, оф. 71, тел./факс (342) 238-63-12

Отпечатано в отделе электронных издательских систем ОЦНИТ

Пермского государственного технического университета

614990, г. Пермь, Комсомольский проспект, 29а, оф. 113, тел. 219-80-33

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ ЭЛЕКТРОННОЙ ВЕРСИИ

К сожалению, на момент публикации печатного Собрания сочинений Антонины Семёновны Кривощёковой-Гантман ряд трудов исследовательницы оказался вне досягаемости для составителя. В частности не были обнаружены следующие работы:

Словарный состав и основной словарный фонд коми-пермяцкого языка // В помощь учителю. — Кудымкар: Коми-пермяцкое кн. изд-во, 1952. — С. 4–14.

Программа по истории коми-пермяцкого языка. Утверждена Главным управлением подготовки учителей Министерства просвещения РСФСР 30 ноября 1954 г. — М., 1954.

Программа по современному коми-пермяцкому языку. Утверждена Главным управлением подготовки учителей Министерства просвещения РСФСР. — М., 1954.

О формах морфологического освоения заимствованной лексики. (На материале коми-пермяцкого языка) // Всесоюзная конференция по финно-угроведению : тезисы докладов и сообщений. — Йошкар-Ола, 1969. — С. 179–181.

К проблеме языковых контактов // Вопросы финно-угроведения. — Вып. V. — Йошкар-Ола, 1970. — С. 78–85.

Топонимическое взаимодействие на уровне субординативного двуязычия (на материале зюдинского диалекта коми-пермяцкого языка) // Актуальные проблемы современной и исторической лексикологии : тезисы докладов и сообщений XX зональной конференции кафедр русского языка вузов Урала. — Свердловск: УрГУ, 1984.

Коми-пермяцкие заимствования в русских говорах Верхнего Прикамья. — Свердловск: Изд-во УрГУ, 1985.

Поскольку в настоящее время готовится Полное собрание сочинений А. С. Кривощёковой-Гантман в электронной форме, обращаемся за помощью ко всем, кто может оказать содействие в поиске указанных текстов.

Контакты по e-mail:

enye_lav@mail.ru

kperminst@list.ru

На эти же адреса просьба направлять все замечания и предложения по данному изданию.